

Библиотека
семейного
чтения

Библиотека
семейного
чтения

СКАЗКИ
ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

Издательство «АсПУр»
Екатеринбург
2011

ББК 84 Р6-4(2Р36)+84Р6-5(2Р36)
Б 594

Редакционная коллегия: Бадаев А.Ф. (председатель), Кердан А.Б., Титов А.Б.,
Литовских В.К., Шангина С.В.
Автор проекта – Кердан А.Б.

Б 594 **Библиотека семейного чтения** : в 3 томах – Екатеринбург: АСПУР, 2011.
ISBN 978-5-904900-08-3
Т.1 : **Сказки, повести, рассказы** – 344 с., с цветными иллюстр. вкладками.
ISBN 978-5-904900-06-8

Библиотека семейного чтения издается по инициативе Свердловской
областной общественной организации “Ассоциация писателей Урала”.

Первый том включает в себя сказки, повести и рассказы современных
авторов Среднего Урала.

ББК 84 Р6-4(2Р36)+84Р6-5(2Р36)

ISBN 978-5-904900-06-8 (Т. 1)
ISBN 978-5-904900-08-3

© Кердан А.Б., Титов А.Б., составление, 2011
© Авторы произведений, 2011
© Авторы иллюстраций, 2011
© Титов А.Б., знак серии, 2011
© Шангина С.В., дизайн серии, 2011
© Издательство «АСПУР», 2011

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Искренне рад приветствовать всех читателей «Библиотеки семейного чтения»!

Свердловская область заслуженно и гордо носит звание «Опорного края державы». Урал – это край созидателей: талантливых, образованных и творческих людей. Какой бы сферы жизни мы ни коснулись: культуры, науки, политики, экономики, – везде оставили свой след наши выдающиеся земляки.

В трёхтомнике, который вы держите в руках, собраны произведения современных уральских писателей, последователей творчества П.П. Бажова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Ф.М. Решетникова и других выдающихся уроженцев нашего края.

Сегодня в обществе сформировалось понимание особой роли культуры в сохранении традиций, духовном и нравственном развитии. Поддержку талантов, продвижение наиболее перспективных образцов отечественного искусства считаю одним из приоритетов в деятельности органов власти.

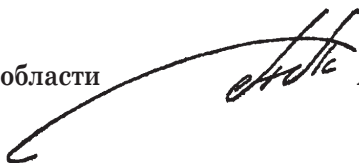
Литература всегда занимала особое место в жизни каждого россиянина: это целый пласт мудрости, духовный и нравственный учитель. От того, какие книги человек читал в детстве и юности, во многом зависит будущая жизнь, его судьба.

«Библиотека семейного чтения» нацелена на то, чтобы с «младых ногтей», с детства прививать вкус к хорошей литературе, воспитывать у маленьких уральцев и их родителей любовь к родному краю, рассказывать о вечных ценностях и простых непреложных истинах, будить у детей фантазию, развивать творческие способности.

Уверен, что «Библиотека семейного чтения» достигнет своих целей, станет достойным помощником в воспитании нового поколения добрых, умных, талантливых людей, послужит пропаганде современной уральской литературы.

Желаю авторам и издателям серии творческого поиска, вдохновения, новых интересных книг, а читателям – приятного чтения в кругу семьи, ярких впечатлений и позитивных эмоций. Счастья, здоровья, благополучия и успехов всем вам!

Губернатор
Свердловской области

А.С. Мишарин

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Сергей ДРУГАЛЬ

У каждого дерева своя птица

Катер опустился на планете, и, пока остывали корпус с обожжённой почвой в окрестностях дюз, Лейтер нетерпеливо наблюдал за действиями пилота Верга.

– Ну и как? – спросил он.

Вerg пропустил между пальцами ленту с результатами анализов, пожал плечами:

– Ничего нового. Условия почти земные.

– Вы ведь уже бывали здесь?

– С группой картографов, – ответил Verg. – Но на планету не опускались. – Он щёлкнул тумблером и, подождав, пока откроются створки иллюминаторов, повторил: – Почти земные. И всё же... Мы мало знаем о микрофлоре, и потому прощу вас...

– Да, – поморщился Лейтер, и ткнул шприцем в кисть возле большого пальца. – Можно выходить.

Вerg открыл люк, опустил трап. По нему, приседая на гусеницах, выкатилась тележка со снаряжением и остановилась в ожидании. Лейтер огляделся, держа ружьё наготове. Действительно, почти земной пейзаж.

Лужайка, на которую они опустились, была окаймлена лесом, рядом плескалось небольшое озеро, заросшее растениями с белыми цветами. Чашечки их были раскрыты и, казалось, глядели в сторону пришельцев. Влажный воздух доносил от озера пряные ароматы, перебивающие запах горелой травы и пыли, поднятой при посадке. За озером в колыхающейся дали можно было различить пологие холмы.

На поверхности озера недалеко от берега образовалась небольшая воронка. Из неё вдруг выпрыгнул, повис над берегом, трепеща стреловидными крыльями, небольшой, похожий на дракона, монстр. Он висел, моргая оранжевым веком единственного глаза. Лейтер выстрелил, не целясь.

– Похоже, мы не зря сюда прилетели. Будет неплохая охота.

– Дело ваше, – сказал Верг.

Цветы на воде исчезли. Лейтер несколько раз щёлкнул убитого монстра фотоаппаратом.

– Вот именно, моё, – бормотал он. – Мои деньги, моё дело.

Он вынул нож, умело снял шкуру вместе с головой, уложил в пакет с консервирующим порошком и бросил на платформу тележки. Из воды вынырнул бутон, раскрылся в цветок. Потом небольшая волна вздулась высоким бугром, выкатилась на берег, смыла монстра, и озеро застыло неподвижной гладью.

Они двинулись сначала берегом озера, а затем через мелколесье к холмам по зелёной мягкой траве. Следом бежала тележка. Какие-то мелкие, не стоящие внимания зверушки шарахались в стороны, и звенели в белёсом небе невидимые птицы. Снова щёлкнул выстрел, и Лейтер вытащил из норы длинного полосатого змея. Он сноровисто свернул безголовое туловище и уложил на тележке.

– Не люблю рептилий. Но, минутку! Вот что-то подходящее...

У подножья холма стоял шестиног, спокойно рассматривая пришельцев. Белый, без единого пятнышка мех, маленькая голова на длинной шее, непривычные формы и ощущение странной гармонии. Верг замер, боясь спугнуть удивительного зверя. Передней лапой-рукой шестиног сорвал стебель, поднёс к глазам, посмотрел и зевнул. В ту же секунду Лейтер выстрелил. Пуля попала в раскрытую пасть и разорвалась внутри. Шестиног умер мгновенно.

– Каков выстрел, пилот! – вскричал Лейтер. – Беру вас в свидетели, иначе никто не поверит.

Он подбежал к поверженному зверю, присел на корточки. Шерсть мягко пружинила под рукой.

– Ничего подобного я не видел. И ни на земле, и ни в космосе!

Он долго и осторожно снимал с шестиного шкуру и возился с ней, пока синее солнце не коснулось чётким диском верхушек леса.

– Может быть, вы всё же поможете мне? – добродушно спросил он.

Верг не ответил. Он поднялся с округлого валуна, только когда Лейтер, а за ним тележка двинулись по склону. С вершины холма просматривалась долина с мерцающими лентами рек и острыми пиками гор на горизонте. Прохладный воздух был чист и прозрачен. По ту сторону холма среди кустарника, огибая маленькую рощицу, петлял ручей.

Лейтер выбрал место для ночлега в излучине ручья. Где-то в листве выводила радостную, не повторяющуюся мелодию неведомая птица. В сумерках Лейтер осматривал крону через оптический прицел, потом брызнули комочки птичьей плоти.

– Проклятье! Слишком крупный заряд. – Лейтер опустил ружьё, потом, уже почти в темноте, свалил резаком дерево и разложил костёр.

Верг достал продукты. Поужинали при свете костра и, включив защитное поле, улеглись на тележке, сняв с неё дневную добычу. Лесные звуки исчезли, только журчание ручья нарушало тишину.

– О чём вы всё молчите, Верг? Я от вас и десяти слов за день не слышал. Неужели вас не увлекает благородная страсть охоты?

– Не увлекает.

– Но... вы не богаты, а одна шкура шестиного обеспечила бы вам год беззаботной жизни.

– Я пилот, – сказал Верг.

Эта планета была не первой, куда он доставлял искателей приключений. Приключения и риск стоили дорого, безумно дорого, но лейтеры платили. А корпорация платила ему, Вергу. Платила за рейс и – особо – за риск. Его дело – доставить пассажира на планету

и обратно. Конечно, каждая планета всегда была предварительно разведана.

Три низкие луны взошли над лесом, и кружевные тени накрыли тележку. Ни пилот, ни охотник не видели, как от кустов отделилось нечто тёмное и бесформенное и покатилося по траве, не приминая её. А потом пролетел пыльный вихрь, и трава стеклянно зазвенела.

Утром пилота разбудил Лейтер:

– Чёрт побери, откуда это?

Верг слез с тележки. Трава вокруг угасшего костра была усеяна мёртвыми птицами. Верг тупо разглядывал их: разноцветные, маленькие и большие, они, раскинув крылья, валялись в беспорядке на сверкающей ледяным блеском траве. Блеск этот резал глаза. Только в зоне защитного поля трава оставалась зелёной. Лейтер снял защиту и вышел из круга, чтобы собрать птиц. Стебли со звоном ломались под его ногами, и острые осколки разлетались в стороны.

– Настоящее стекло, – пробормотал он. – Вы что-нибудь понимаете? Откуда эти птицы? Почему мёртвые? Да не стойте вы, помогите мне загрузить тележку.

Лейтер сыпал проклятиями и вопросами, на которые не было ответа.

– Надо возвращаться, – перебил его Верг. – Посмотрите.

Пологий холм, который они так незаметно преодолели вчера, за ночь изменился. Почвенный покров исчез, и обнажилось скальное основание – каменный хаос, наверняка непроходимый для тележки.

Лейтер огляделся. Деревья оставались зелёными, и лишь одно на краю рощицы потеряло листву и топырило к небу обнажённые ветви. Лейтер ухмыльнулся, вертикальные складки обозначились от глаз к подбородку.

– С этим-то я справлюсь, пилот. А охоту мы только начинаем, по контракту время возвращения определяю я. Вам это известно, не так ли?

Верг промолчал, укладывая шкуры на тележку. Лейтер долго пытался разжечь костёр, но сучья плавились в плазме резака, не давая огня. Тогда он набрал из ручья воды, уменьшил факел и на-

правил его на поверхность воды в сосуде. Вода закипела мгновенно, и в ноздри ударил невыносимый трупный запах.

Преодолевая тошноту, Лейтер кинулся к тележке, и они на полном ходу двинулись в сторону от ручья, поднимая клубы стекляннно-радужной пыли.

Какое-то время тележка бежала самостоятельно, потом Лейтер взял управление на себя и повёл её в обход скального образования. Стекланный покров исчез, Лейтер перевёл дыхание, засмеялся:

– Пугает нас планетка, а?

– Предупреждает...

– Глупости. Что мы знаем о тектонике и экологии планеты? Как часто здесь происходит изменение рельефа, я имею в виду вчерашний холм? Это может быть столь же обычным, как дождь на земле. Вы сами, пилот, говорили о микрофлоре. Её деятельность и есть причина загнивания ручья.

– Стекланная трава...

Лейтер внимательно оглядел пилота. Тот сидел боком, скорчившись в кресле пассажира, втянув голову в воротник куртки.

– Что вы хотите этим сказать?

– Чтобы вы не стреляли больше. – Верг смотрел перед собой не моргая.

– Эта экспедиция мне обошлась дороже, чем вы сможете заработать за всю жизнь.

– И вы надеетесь возместить расходы?

– Возместить? – Лейтер прищурился, положил на колени ружьё. – Я охочусь для собственного удовольствия. Вам этого не понять. Когда я вижу зверя, я не могу не стрелять. Это надо ощутить – держать чужую жизнь на второй фаланге пальца. На Земле, вы должны знать, охота запрещена. Там я бессилен, но здесь...

Верг первым увидел это странное толстое кольцо. Диаметр больше двух метров, оно катилось по руслу высохшей речки, оставляя рубчатый след.

Середина кольца напоминала двояковыпуклую линзу и отсвечивала прозрачной синевой. Кольцо обежало небольшую лужу и

остановилось. Тень обода эллипсом окружила лужицу, и было видно, как изменилась выпуклость линзы, а потом всё исчезло в серых клубях пара и дыма. Лейтер подвёл тележку ближе.

Кольцо лежало на дне углубления, оставшегося от лужи. Обод его двигался вокруг линзы, втягивая в себя горячую кашу из водорослей и останков мелкой живности.

– Неслыханно, – тихо сказал Лейтер. – Хищник, использующий в качестве оружия энергию солнечных лучей.

Обод участил круговые движения, в них неожиданно включилась и линза, и в то же мгновение животное приняло вертикальное положение, став ребром к тележке. Лейтер, помедлив, поднял ручьё. Обод качнулся, и тень его легла на тележку.

– Не надо, – сказал Верг.

– Не ваше дело, пилот. Я просто не знаю, куда стрелять. Обод заслоняет линзу – полагаю, это и есть уязвимое место.

Он отвёл тележку назад, и обод синхронно тронулся в сторону так, что тень его снова оказалась направленной на тележку.

– Это становится забавным! – Лейтер возился с магазином, меняя характеристику заряда. – Наверняка теперь хватит...

Взрыв разнёс вершину обода. Обруч закрутился волчком и замер. Только разорванные части обода пульсировали, стремясь сомкнуться, прозрачная жидкость выливалась из раны, и линза на глазах теряла округлость. Потом испепеляющий жар на секунду коснулся тележки.

Верг пришёл в себя, услышав собственный стон. Он с трудом разлепил веки, увидел низкое синее небо и ощутил боль сначала в шее, а потом всей обожжённой кожей лица. Он сидел в кресле пассажира, откинувшись на спинку, и дышал влажным туманом со знакомым запахом мюрадола. Мелькнула мысль: видимо, сработала автоматика, тележка включила защиту, и оживляющий аэрозоль поступает в легкие. Тележка неподвижна, а следовательно, Лейтера нет. Будь Лейтер здесь, тележка уже везла бы их к катеру.

Верг повернул голову, ощущая, как лопается на ней воспалённая кожа, и сунул руку в медицинский отсек на пульте. Дальше

робот-медик всё проделал сам: взял данные для анализов, определил программу лечения и ввёл в вену коктейль из лекарств и обезболивающих веществ.

Через пару минут полной неподвижности Верг нажал кнопку снятия защиты и слез с тележки. Лейтер лежал возле гусеницы вниз лицом. Передняя панель пульта управления отекала каплями застывшего металла. Смертельно раненое животное ещё корчило серой бесформенной кучей в облачке пара. Верг перевернул охотника, смахнул с груди и живота хлопья оплавленного костюма и уложил на тележку. Потом он вытянул из отсека медика, бросил его на живот Лейтеру и сел рядом.

Медик маленьким спрутом ползал по Лейтеру, то хлюпая присосками анализаторов, то извергая из себя зеленоватую пенистую жидкость. Он ловко оттянул книзу челюсть охотника и погрузил щупальце в рот. Затем медик ввёл иглы в вены на руках, угнездился на груди и покраснел. Пластиковое тельце робота ритмично сокращалось. Иногда он сплёвывал в сторону шлаки, вымытые из тела.

Верг вздохнул, протянул руку, погладил медика. Свободное щупальце обвилось вокруг руки и выдохнуло густое облачко аэрозоля. Лейтер лежал почти голый. Вместе с обожжённой кожей медик смыл и остатки костюма. Верг, как и каждый пилот, знал о чудесных возможностях медика, но вот так вплотную наблюдал его работу впервые. Он с изумлением смотрел, как затягиваются раны на животе охотника и образуется свежая ткань, сначала розовая, затем быстро бледнеющая. Медик старался вовсю. Наконец он вытащил щупальце изо рта, убрал иглы и застыл в неподвижности. Лейтер сделал вдох, открыл глаза. Лицо его было почти не тронут о ожогом. Не меняя позы, он улыбнулся:

– А вы загорели, пилот. – Взгляд его был ясен и чист. Он уловил ситуацию, и объяснений не требовалось. – Что это за дрянь на мне сидит, такой вонючий и скользкий?

Верг осторожно снял медика, положил в отсек, посмотрел на шкалу – почти на нуле, – уселся в кресло за пультом и вдавил в гнездо красную кнопку.

Тележка тронулась, получив команду на движение к катеру по кратчайшему пути.

– Остановите экипаж, пилот. Надо забрать добычу.

Верг даже не повернул головы. Его охватило омерзение к этому человеку. Омерзение и усталость.

– Вы пожалеете об этом. Корпорация будет знать о вашем поведении. Вы забыли условия контракта – пока мы на планете, команду я. И я давно отвык повторять приказания.

Пока на планете... Если бы так. Лейтеры командуют везде.

– Ну хорошо, – после паузы заговорил Лейтер. – Я ошибся, признаю... Надо было удвоить силу заряда. В конце концов, я вам даже благодарен, хотя понимаю, что вы не меня, вы себя спасали. Но сейчас ваше поведение алогично. Ведь всё кончилось благополучно.

– На вашу реанимацию медик израсходовал все лечебные ресурсы. Сейчас он пригоден разве что для синтеза микстуры от кори. Вы это понимаете? Случись что – и нам конец.

– Ерунда, что может случиться?

– Всё! Всё что угодно! – Верг услышал просящие нотки в своём голосе и отвернулся. С самого начала он избегал смотреть в глаза Лейтеру, что-то мешало ему ещё там, на базовом корабле. Он знал за собой это свойство – избегать взгляда человека, вызывающего антипатию, но приписывал это застенчивости. Сейчас это прошло, и Лейтер увидел глаза пилота. Без ресниц и бровей, с красными прожилками от частых перегрузок, невыразительные и почти светлые на потемневшей воспалённой коже лица. Толстые губы едва шевелились, и вздрагивал подбородок с детской ямочкой посередине. Лейтер усмехнулся про себя: толковать об охоте типу с такой вегетарианской внешностью. Не зря у него репутация пилота, который всегда возвращается. Риск ему определённо противопоказан.

– Что угодно, – повторил Верг. – Думаю, вы это знаете лучше меня. Здесь у каждого дерева есть своя птица. Вы убили птицу, и засохло дерево, срезали дерево, и погибли птицы. Эту связь нельзя не уловить. Для меня она очевидна. Планета нас впустила, не зная, что мы убийцы. Потом она подумала, вот именно – подумала, что эти убийства случайны, но предупредила нас. Перестроить структуру травяного покрова – это сильное предупреждение, Лейтер. Теперь она защищается, и вы это почувствовали на своей шкуре. Но ещё одно убийство – и она прикончит нас.

– Разверзнутся небеса, и молния поразит нечестивца. Что может пробить нашу защиту, пилот? Только наведённое поле той же природы, но с обратным знаком. Вы полагаете, что планета может синтезировать поле?

Вспыхнувшая было надежда убедить Лейтера угасла. Верг отвернулся.

Тележка бежала по холмистой с редкими кущами деревьев равнине, и в свете полуденного солнца уже виднелся вдали купол катера. Если им никто и ничто не встретится, то они сумеют попасть на катер и больше не будет охотничьих экспедиций. Эта в его биографии последняя.

– Ох уж эти мне экологические суеверия. Она подумала, что предупредила... Это пустая планета. Для кого её беречь, если здесь нет человека? Мне на Земле осточертело платоническое любование природой. Я заплатил за то, чтобы держать её плоть в руках и зубах, и мне плевать на ваши эмоции, Верг. Кстати, дайте мне вашу куртку. – Лейтер коротко хохотнул. – Полагаю, неприлично, когда Лейтер гол, а Верг одет. Я не благодарю, вы об этом могли догадаться сами. И нажмите кнопку «стоп». Вот так. Я должен оглядеться.

Верг молча подчинился. Его не затронул оскорбительный тон приказаний. Пилот привычно выделял в своём сознании главное в обстановке на данный момент и так же произвольно оставлял в стороне второстепенное. Оскорбление – сейчас это не существенно. Важен сам Лейтер – в нём источник опасности, а нейтрализовать его он, связанный дисциплиной, не в силах.

Верг почувствовал, как расслабляются мышцы, почти инстинктивная реакция на близкую опасность.

Обод выкатился из-за кустов, маленький, диаметром не более метра. Со стороны, противоположной солнцу, он был беззащитен, и Лейтер, целясь в середину, выстрелил, не слезая с тележки. Белое пламя взрыва разметало линзу. Обод, уже пустой внутри, ещё катился по инерции, когда Верг, перегнувшись на сиденье, сбросил с пульта локоть охотника и нажал кнопку обратного хода.

Тележка качнулась, словно споткнувшись, и попятилась. Верг

ещё не убрал с пульта руку, как впереди вздыбилась почва. Верг не почувствовал этого мгновения – когда изменился рельеф, – он уловил его подсознанием и действовал, подчиняясь неведомой логике: мысль остановить тележку сверкнула в момент взрыва линзы и была неотделима от поступка.

Зверь серым ужасом возникал из глубины, с его тела сваливались пласты дёрна. Низкий сокрушающий рёв осязаемо заполнил пространство и оборвался стоном. Потом зверь прыгнул.

Лейтер в немом оцепенении видел, как в полёте изменялась форма тела: мышечная масса перегруппировалась в переднюю часть, и вытягивался, утолщался чёрный бивень на груди. Зверь обрушился на тележку сверху. На долю секунды он завис, удерживаемый защитой, – совсем рядом шевельнулся болотной мутью огромный глаз над бивнем, – и зверь отлетел в сторону, отброшенный силовым полем.

– Вот он, гнев планеты! – прошептал Верг.

Лейтер оскалил зубы, сощурившись, он проводил взглядом зверя и передвинул на максимум регулятор заряда.

– Поменяемся местами, пилот. – Он даже не пригнулся, когда зверь вторично с рокотом рухнул на тележку и снова был отброшен.

– Сейчас, когда опять сработает защита, снимите на секунду поле, чтобы я успел выстрелить.

Зверь упал на хвост и снова в высоком прыжке бросился на тележку. Верг физически ощутил напряжение поля и выключил его, пока зверь ещё был в воздухе. Лейтер стрелял с непостижимой скоростью, почти очередью. Взрывы, любой из которых способен был разнести гранитную скалу, слились в сплошной грохот. Чудовище исчезло в бушующем пламени, и только широкая воронка да вывороченные из грунта глыбы камней остались на месте его падения.

Наступившую звенящую тишину нарушил Лейтер.

– Вы неплохо вели себя, пилот. – Он слегка хрипел. – У вас завидная реакция. И мы убедились, что защита воистину непробиваема. Что вы опять молчите?

– Взгляните, – Верг кивнул на шкалу силового поля. – Судя по расходу энергии, масса зверя более десяти тысяч килограммов. При его сравнительно небольших размерах это означает...

– Нет! – Лейтер почти кричал. – Двух форм жизни на одной планете быть не может. Это общий закон для Вселенной...

– Дело в том, – тихо произнёс Верг, – что с органикой вы справляетесь успешно.

– И что отсюда следует?

– То, что планета выставила против нас свою защиту. Она синтезировала неорганический организм – зверя розового пользования, чтобы разделаться с нами.

Лейтер уставился на пилота, тряхнул головой.

– Этого мне только не хватало. Вы что, впали в мистику? Или просто с ума сошли от страха?

– Нет, Лейтер, просто я не потерял способность рассуждать.

Рвущий барабанные перепонки рёв заставил замолчать пилота. Зверь, невредимый, ворочался на краю воронки, как в бредовом кошмаре. Разрывая почву, он поджал под себя широкий плоский хвост, заменяющий задние конечности, и, неуловимо быстро оттолкнувшись, кинулся на тележку...

Верг почти равнодушно рассматривал зверя: наросты на боках и животе вспухали в прыжке и опадали, когда зверь, вновь и вновь отбрасываемый полем, падал, сотрясая окрестности. Он брал защиту лобовой атакой.

Лейтер не сводил остекленевшего взгляда с указателя напряжённости поля, который неуклонно приближался к нулю.

– Вы были правы, – проговорил Верг в минутное затишье. – Планета не может синтезировать поле. Она нашла другой выход, она обессиливает наше поле. Это тоже решение.

– Сделайте что-нибудь! – взвизгнул Лейтер. – Вы же пилот, который всегда возвращается!

– Поздно. Была возможность – связать вас. Я упустил её.

...Казалось, нет конца этому пути. Верг, спотыкаясь, брёл по каменистой долине. Иногда красный туман застилал сознание, и тогда он останавливался, качаясь. Лейтер лежал на руках, голова его вздрагивала в такт шагам. Верг однажды перекинул его через плечо – так было легче идти, – но Лейтер задёргался в судорогах рвоты, и пилот опять понёс его перед собой. Он смутно помнил, как смятое, разорванное поле смело их с тележки, как он, сжавшись в

комок, катился по горячей траве, как вскочил на ноги, как упал и потом снова встал. Зверь, недвижимый, лежал на тележке, и дым с отвратительным запахом горелых шкур окутывал его. Лейтера он нашёл в широкой борозде и, заслоня одной рукой лицо – от зверя шёл нестерпимый жар, – другой оттащил охотника за воротник куртки в сторону, подальше от дыма и огня...

Верг почувствовал холод в ногах и остановился посередине открытого мелкой галькой русла неширокой речки. Он стал на колени, положил охотника и прилег рядом. От холодной воды стало легче, сознание прояснилось. Лейтер застонал. Пилот приподнялся: в километре, не дальше, чётко виднелся катер.

Верг осмотрел охотника – переломов нет, только ссадины и ушибы, пульс замедлен, но прощупывается. Похоже, Лейтер в шоковом состоянии от удара.

Верг вытащил охотника на берег, набрал в горсть воды, вылил ему в рот и долго наблюдал, как тот корчится в кашле. Лейтер наконец перестал кашлять и сел. Он дышал с хрипом и всё растирал себе грудь, размазывая кровь: она сочилась и капала из широкой царапины на скуле.

– Вы можете встать? – Что-то похожее на сочувствие прозвучало в голосе пилота. Лейтер всхлипнул и поднялся. – Идёмте, уже недалеко.

Охотник двинулся следом за пилотом, преодолевая слабость. Он часто садился, и тогда Верг возвращался и молча ждал, пока он поднимется.

– Вы же несли меня, – сказал Лейтер. Дурнота подкатывала к горлу и рывками стучало сердце. – Несли.

– Да, пока вы были без сознания.

– Я могу потерять его в любую минуту, – с паузами сказал Лейтер. – А без меня вы даже на катер не попадёте.

Верг плюнул ему под ноги и ушёл, не оборачиваясь. Коричневые от запёкшейся крови лохмотья комбинезона прилипли к его спине. Лейтер смотрел вслед, ощущая, как проходит боль в мышцах и яснее голова. Злоба всегда ободряла его, придавала азарта. Он тихо пожалел, что у него нет резака, чтобы ударить огнём в эту спину и

услышать крик. Презрение пилота, которое чувствовалось в каждом его слове, породило эту бессильную ненависть. Бессильную пока.

Когда он добрался до катера, Верг уже сидел на покато́й плоскости трапа и глядел на озеро. Раскачивались белые чашечки цветов, выпрыгивали из воды и с шумом плюхались обратно трепещущие монстры, возникали и исчезали маленькие водяные вихри – у озера была своя жизнь. Обожжённая при посадке трава уже поднялась неровными хлопьями. А сейчас подойдёт этот мерзавец, который убивает, вложит грязную руку в гнездо замка, и откроется люк, и тогда он поднимет катер, и трава опять будет сожжена при старте.

Лейтер, не глядя на пилота, влез на трап, подошёл к люку. Из глубины полированной поверхности выглянуло изуродованное, незнакомое лицо, опухшее, с глянцево́й кожей и щёлочками глаз. Он повернулся. Вдали догорал пожар, там, где погибла вся его добыча и откуда его, спасая свою шкуру, вынес Верг.

Лейтер засмеялся. Взгляд его сочился ненавистью и безумием.

– Я ещё вернусь сюда, Верг. Вернусь не один. И мы разделаем-ся с этой планетой! Она будет голенья́я лежать у меня под ногами. Как в первый день творения. Я постараюсь, чтобы вы увидели это.

– Будет лежать под ногами... – тускло повторил пилот.

Он встал, морщась от боли в спине, схватил Лейтера и поднял над головой. Он услышал, как хрустят, ломаются под ладонями рёбра охотника, и отбросил его от себя...

Нистфа и лейтенант

Если пить из ручья, опустив в прозрачную воду лицо и не закрывая глаз, то видны на дне призрачные тени и сердоликовая разноцветная галька. Лейтенант лег набок, перевёл дыхание. Начало ручью давал родничок, с трех сторон обложенный низким срубом, его тёмная древесина, бархатистая на ощупь, матово светилась. Можно стать на колени, и тогда в начале родника будет видна сплошная чернота, словно нет в нём дна и появляется он из непо-

стижимой глубины, сперва неслышно истекая в своё каменистое русло и тихо журча потом, чуть подальше от истока. А над срубом, над самым бочажком, возросла ракета с изогнутым раздвоенным стволом, её зелёные ветви спускались к воде. Здесь было прохладно, в этом пологом овражке, единственно уцелевшем среди голой пустыни полигона. Здесь было хорошо лежать и ни о чём не думать.

– Ты завтра снова придёшь?

В развилке ракеты проявилась нимфа в платье из солнечных бликов, тёмных и светлых зелёных теней. Лейтенант рассмеялся:

– Наконец-то я увидел тебя. Приду конечно, куда я от тебя денусь. У нас в лагере многие говорят, что на ручье живёт нимфа, но никто не видел. Почему ты мне явилась?

– Ты пьёшь, опустив лицо в ручей.

– Так слаще.

– Тебе это понятно, другим нет. Они берут воду и уходят равнодушные, не понимая, что это уже не та вода.

– Не та?

– Ну, отделённая от себя, как... как ветка, отломленная от дерева. Тебе понятно?

– Кажется, да.

...С этих пор лейтенант всегда после свидания с нимфой возвращался в странном настроении, в состоянии приглушённой радости. Незамечаемые ранее мелочи приобретали значимость и украсили жизнь: цветная галька, которую надо рассматривать мокрой, какая-то синяя птичка, которая с лёту ныряла в ручей и вылетала из него, блестя, словно бисером, каплями на манишке. Или вот эта собачка, беспородная и бесхозная, такие по недосмотру командования обитают возле армейских кухонь.

– Ишь, какая... – сказал лейтенант, пропуская собачку. – Красавица!

Он уже забыл о встрече, когда сзади послышалось тьяканье. Собачка догоняла его. Лейтенант наклонился:

– В чём дело, маленькая?

Собачка подпрыгнула, лизнула его в нос и снова побежала по своим делам. Лейтенант потрогал нос, засмеялся.

...Потом нимфа перестала являться. Целую нескончаемую неделю лейтенант приходил к роднику, пил воду, умывал лицо и просто лежал на крошечном пляжике, прислушиваясь к журчанию. Одиночество нарушали солдаты со своими гулкими канистрами.

Тогда синяя птица пряталась и становился неслышным голос ручья. Нимфа возникла неожиданно, когда лейтенант уже перестал ждать и всё, что было, стало казаться сном, легким и мимолётным.

– Где ты была?

– Тс-с, – она приложила пальчик к губам. – Не разбуди её.

На её коленях, свесив лапу с маленькими перепонками, спала выдра. Нимфа разгладила ей завернувшиеся усинки. Выдра пробормотала что-то, на миг взглянула на лейтенанта сонным взглядом и повернулась на другой бок.

– Ей спокойно. Она верит, что в случае опасности я успею предупредить её.

– Такое случается? – прошептал лейтенант.

– Сюда многие ходят... из вашего лагеря. Кто упустит случай обидеть зверя?

– Ты не ответила: где ты была? Может ли нимфа отлучаться от своего ручья?

– Там, внизу. – Нимфа поболтала ножкой в бочажке. – Если хочешь, чтобы в ручье всегда была живая вода; – надо следить за порядком в подземных струях.

– У каждого ручья своя нимфа?

– Нет, конечно, нет.

– И тогда...

– Да, но, чтобы вода была живая, должна быть нимфа...

...День прошёл, и настал день. Лейтенант лежал, заложив руки под голову. В голубой вышине медленно перемещались кучевые облака. Слышалось недалёкое рычание танков. Полигон жил своей жизнью, в которой ручью, и нимфе, и выдре места не было.

– Моё место – в сердце твоём... – угадала нимфа.

– Нимфа. Богиня.

Ветви качнулись:

– Маленькая богиня. Как этот родник.

- Целительница...
- Для тех, кто пьёт из ручья. Но это надо самому понять.
- Живая вода...
- Вы, люди, знаете о ней.
- Да, из сказок...
- Сказка – тоже источник.

Беседа их прерывалась паузами, легкими и значительными, слова только связывали минуты взаимного молчания, и не было необходимости кончать фразу.

– Древние говорили... «Все имена их назвать никому из людей не под силу. Знает название потока лишь тот, кто вблизи обитает». Солдаты называют твой ручей Чистым, Прозрачным. У тебя много имён?

– Одно. Вита.

– Живая. Нимфа Вита. Твой ручей один на всю округу. Ученья. Манёвры...

– Да. Мои сестры умерли. И люди отсюда ушли, некому сруб подправить. А я не умею. Боги способны на то лишь, что им люди припишут. Ты веришь, что я смогу? – Она коротко рассмеялась.

– Где уж тебе. За срубом я присмотрю.

– Да, пока...

Солнце придвинуло тень ракиты к самому лицу. Лейтенант встал:

– Я должен идти, Вита. Меня ждут дела.

– Дела? От тебя тоже кто-то зависит? Может быть, животное? Или дерево? Ведь от каждого кто-то зависит...

Лейтенант вспомнил собачку, вздохнул:

– Ну не так, как ручей от тебя или ты от ракиты... или...

– Договаривай, Деметр. Не молчи... Ты хотел сказать, как ты от меня...

А дела были чисто человеческие, и нимфа понять их не могла. И лейтенант, зная своё дело, не мог понять смысл его и не думал над ним, но был занят с утра до ночи: в полк прибыли новые танки. Стойные смертоносные чудища – собственный реактор, слоистая броня, все виды защиты от всех видов оружия. Лейтенант примерял

на себя эти доспехи Люцифера, и мысли о ручье Чистом казались пришедшими из детства, мимолётными, исчезающими. В суматохе летели дни, и не было минуты для Виты. На экранах кругового обзора полигон казался пустыней с пологими холмами, склоны которых были перепаханы снарядами и сглажены гусеницами. Овражек с одинокой ракушкой и жилкой ручья не различался: крошечная морщинка на лице несчастной Земли. Тихая музыка больше не звучала в душе: к ночи лейтенант едва добирался до своей постели и проваливался в сон без снов.

Но когда пришло время и был объявлен на завтра приказ, лейтенант не раздумывал. Для него всё было решено ещё раньше, ещё тогда, когда однажды, опутив лицо в ручей, он ощутил, как что-то, видимо галька, на мгновение коснулось его губ и ему не хватило воздуха...

Ранним-рано, ещё звезда не погасла в светлеющем небе, он пришёл к ручью, сложил амуницию, сбросил с плеча вязанку вешек и сразу стал устанавливать их, двигаясь снизу навстречу течению ручья. Он обставлял вешками со светящимся знаком «объезд» их ручей. Он ставил множество вешек, явно больше, чем следует, их нельзя было не заметить. Закончив работу, он увидел Виту на её привычном месте. Она молча разглядывала его боевую экипировку от башмаков до шлема с усиками антенн и выступами наушников. Потом она сказала:

- Ты не спал эту ночь, Деметр. Ты устал, и лицо твоё влажно.
- Здравствуй, Вита. У меня хватит сил...
- Может быть, не нужно... неизбежное свершится. Что можешь ты один?
- Я могу то, что могу. Не более. Но и не менее.
- Сними эти страшные башмаки, убери лишнее с головы и войди в ручей. Умойся. Я удвою твою решимость...

Когда погасла последняя звезда и от лагеря донеслись звуки прогреваемых моторов, лейтенант поднялся с влажной травы: он сегодня берег нетронутость пляжика, стараясь не ступать на песок. Сила играла в мышцах, ясен и холоден был разум.

- С тобою хорошо молчать, нимфа моя.

Он зашнуровал высокие башмаки, поднял и пристегнул к поясу шлем – внутри него уже попискивали наушники. Потом он долго возился с полубраслетами гранатомёта у локтя и кисти правой руки, разжал ладонь, кончиками вытянутых пальцев коснулся косяго дульного среза – всё в порядке.

Нимфа подошла вплотную, она была едва по плечо лейтенанту, переменчивые блики мерцали на её плечах и груди, а он впервые увидел её сиреневые глаза, широко расставленные и светящиеся изнутри. Невозможная, непредставимая красота. Тоска по несбывшемуся, что прячется в глубине души, мягкой лапой сжала сердце.

– Ты однажды сказал, что придумал меня...

– Я ошибся. – Лейтенант отвёл взгляд. – Такое придумать человек не в силах... Ты несчастна, богиня, ибо совершенна...

– Не надо, Деметр. Сегодня легки будут наши последние мгновения. – Она взмахнула рукой, и с кончиков пальцев скользнули капли на глаза лейтенанту. – Боги ещё более смертны, чем люди. Люди могут без веры, а боги живут, пока в них верят.

– Мне пора, нимфа Вита. И... благодарю тебя, – сказал лейтенант и, не вытирая глаз, двинулся навстречу нарастающему рёву и грохоту.

– Прощай, – донеслось вслед, словно прошелестела ветвями ракита.

Он встал у крайней вешки, держа на уровне груди полосатый жезл. Головной в колонне танк подошёл вплотную, остановился на пару секунд, мигнул бликом стереоскопа, и... случилось чудо! Танк двинулся петлёй в объезд, оставляя справа нетронутые вешки!

Эта петля, лишняя сотня метров пути, спасала родник, ручей и нимфу. А танки уже шли и шли в объезд, и лейтенант улыбался дрожащими губами: его товарищи... Может быть... может быть, он вернётся и снова увидит нимфу и маленького сонного зверя у неё на коленях.

...Замыкающий танк подмял крайнюю вешку, лейтенант шагнул к нему, и танк замер, урча турбиной. Башенный люк неслышно

сдвинулся в пазах, полковник, худой, со знакомыми мужественными складками от глаз до подбородка, молча уставился на лейтенанта.

– Прошу в объезд, полковник, – без выражения сказал лейтенант. – Здесь родник и вот... ракета... Полковник упруго спрыгнул с брони, сдвинул шлем на затылок.

– На карте родник не обозначен, лейтенант. Следовательно, его здесь нет. Здесь, лейтенант, ровное место, как любое место, не являющееся препятствием для техники.

– Родник есть, полковник. Очень прошу – в объезд. Зачем ненужное убийство!

– Мне докладывали о ваших чудачествах, лейтенант. Вы хороший механик, хороший офицер... по крайней мере, были таковым. Вот уж не думал, что это так серьёзно. Что вы докатитесь до прямого нарушения дисциплины. И... при чём здесь убийство?

– Ракета...

– А... Ну что ж... – Полковник жестом приказал водителю двигаться в объезд и, когда танк загремел в движении, произнёс в микрофон шлема длинную неслышную команду.

Танк обошёл ложбинку и уже в конце петли, выходя на прямую, дал задний ход, сминая ужасной гусеницей своей ракету и бочажок.

Лейтенант вскинул правую руку. Короткая тонкая граната – эта стрела Армагеддона – выскользнула из своего титанового ложа и ударила в подбрюшие танка!

Взрыв гравитационного заряда был неслышен. Только небо содрогнулось и волна деформации прошла по танку. С невозможным, нестерпимым скрежетом медленно корёжилась и рвалась броня, обнажая в изломах свою многослойную структуру.

Лейтенант не услышал выстрела в спину и упал лицом в след маленькой босой ноги, сохранившийся на ещё влажном песке.

Вся правда о зайцах

ПОБАСЕНКИ

Не знаю, как у вас, а у нас, если кто вдруг надумает написать что хорошее о зайце, плохое о зайце у нас как-то писать не принято, то непременно начинает;

– Зима. Позёмка заплетает в косы седые пряди. Пусто. Голо. Неуютно...

Он, может, и не хочет так писать. Может, он чай с бубликами пьёт на кухне в уюте и размышляет о теплом, добром и нежном. Но едва только возьмёт в руки перо, так непременно;

– Зима. Струится позёмка над стылým полем. Пусто и голо человеку на необъятным пространстве под серым небом...

Поэтому эти записки о зайце я начну совершенно по-своему. Непривычно начну. Другьям на удивление, себе и читателю в удовольствие. Итак...

ЗИМА

Струится над стылým полем поземка. Голо и пусто и одиноко человеку под ровным серым небом. Два необъятных пространства, поле и небо, небо и поле, одинаково серые, одинаково ровные и одинаково пустынные, оставленные людьми, как-то перемешались. Возьми да поменяй небо и землю местами – мало что изменится. Разве что на торчащие из такого «неба» жухлые стебли конского щавеля свалится откуда-то заблудившаяся синица. Ошалевт слегка. И понесёт её ветер, беспорядочно кувыркая, понесёт с отвисшей челюстью и обескураженно хлопающими глазами, как клочок безумевшей жёлтой ваты. И будет кувыркатъся та синица с нелепо

распушённым хвостом до самой лесной опушки. А там зацепится за сучок под тяжёлой еловой лапой и призадумается – чего это ей померещилось в небе? Что причудилось? Или она, синица, просто нервная?

Да-а... Я сказал, у опушки? Так вот, именно у лесной опушки, стояла маленькая замёрзшая речка. Осенью, когда у леса расцветают листья, он уж как-то слишком красовался над тихой водою. Речка залюбовалась и бег приостановила, чтоб зеркало не морщилось. А ночью мороз! И посыпались цветные листья с деревьев. Будто серпантинном усеяло землю. Враз пропала вся красота. Опомнилась речка, хотела было дальше бежать, но поздно. Гладким льдом сковал её мороз. Берега долго хохотали над незадачливой беглянкой. Носы обидные строили. Сами-то, сами, низкие, неказистые, все в камышах да кочках, а туда же... Ну и достроились! Не заметили, как вначале снег, а затем позёмка и мороз вытянули их глупые носы дружными усилиями до границ неправдоподобной длины, и оставили в таком нелепом положении. Вот вам и хихоньки-хахоньки! Получился из носов превосходный мостик с малюсенькой дырочкой посередине – удобная дорога для спешащего нервного зайца.

НЕ БУДИТЕ ЗАЙЦА НА РАССВЕТЕ!

И немудрено, что у зайца разыгрались нервы. С ворованной-то морковью в зубах! Но дело не в моркови, а просто гамкают в ухо спящему зайцу разные собаки. Вам бы так гамкнуть, вы бы тоже разнервничались, а то и вообще разочаровались бы в людях...

Вот мчит озлобленный заяц с ворованной морковью в зубах, и физиономия при этом у него довольно-таки пиратская. Словно это не поскакайчик отечественной природы, а некто с острым кинжалом в хищных пиратских зубищах, небритый, усатый и ужасный, и ищет мести:

– Собаку мне! Собаку! Ту, что гамкнула в ухо на прошлой неделе!

Вот... Не достаёт зайцу, для полноты портрета, тяжёлой медной серьги в ухе и пистолета с широким дулом. Правда, с такими-то

ушами, серьга непременно цеплялась бы за кусты и разные ёлки. А разве догонишь пса, если тебя что-то там постоянно цепляет, тормозит и отвлекает? Охотника ещё, может, и догонишь, а преданного ему пса – никогда. Так чесанёт!

А вообще-то, один мой знакомый заяц, будучи в очередной раз раноразбуженный бесцеремонным псом, вспылал. Вспылал и разработал отчаянный план. Вечером, когда преданный пёс догрыз любимую косточку и спал, свернувшись калачиком, у конуры, мой знакомый заяц по-пластунски подкрался и гаркнул в ухо собаке всё, что думает о её повадках. А потом залез на забор, и оттуда до глубокой ночи наблюдал, как охотник ловит по огородам своего вернопреданного друга;

– Тю-тю-тю! Шаруля! Ко мне!

А потом, поймав, успокаивает до полуночи:

– Ну ты че, Шаруля? А? Кто обидел?

А мой заяц в этот самый момент ка-ак рывкнет в открытую форточку:

– То-то гамкать! Страшно?!

И дождавшись, когда у охотника начнётся икотка, а Шаруля полез за шкаф прятаться, мой знакомый, расхохотался в ночи, как какой-нибудь филин, или ещё ужаснее. Вот так:

– Ха-ха-ха!

И ещё для страху, противно так, клацнул зубами – клац!

ВЕЖЛИВОСТЬ – СТРАШНАЯ СИЛА

Совсем другой оборот дело приобретает, когда зайца будят ласково. Сам видел. Идёт, бывало, собачка и песенку поёт. В такт, значит, под свою собачью лапу напевает:

Шли собачки краем поля,
Ать! Два! Три!
И нанюхали собачки
Пташечку во ржи!
Соловья, соловья, пташечку,
Ка-анареечку, нанюхали во ржи!

Шли собачки краем поля,
Ать! Два! Три!
И нанюхали собачки
Гнездышко во ржи!
Соловья, соловья, пташечки,
Канареечки! Гнездышко во ржи!

И на этом месте песни – глядь! Что такое?! Не иначе, зайчик спит. Тогда пёс, бывало, тихонько так приблизится и легонько этак лапой до зайчика дотронется;

– Позвольте вас тронуть...

– Что? – заяц ему; – Который час? Да-да, я очень вами тронут...

– Нет уж, позвольте с вами не согласиться. Вы тут под кустом лежали, а я... А вы... Простите, но я не могу с вами согласиться, всё-таки, с моей точки зрения, вы ещё не очень тронуты. Потому как, я в «стойке», простите, на вас, стою тут, с самого спозаранку...

– Да что вы, – тут разбуженный заяц замечает наконец поднятую переднюю лапу собаки, – И действительно! А я ни сном, ни духом. А вы действительно. У вас прелестная «стойка». И этот... Дивный профиль. Ага. И блеск какой-то немеркнувший в очах. Ага. Да. А то, знаете, у нас здесь одна легавая на прошлой неделе в болото провалилась. Не слышали? Ну, так никакого же сравнения против вас. Нет-нет, не переубеждайте из скромности – даже отдалённо. Я остаюсь в своём мнении!

– Вы м е н я определённо льстите, – собака начинает предательски краснеть, начиная с носа, – То был Маркиз, с такой шикарной родословной, что... У него мама – сама Эльза из Тюрингии, а папа – так тот вообще, если собаки не брешут, Мак.

– Как?

– Мак. Ирландец.

– Ирландец, говорите? – Заяц прищурившись и восхищённо цокая языком, обходит вокруг застывшего пса:

– Определённо, с вами никакого сравнения. Нет. А этот мужественный поворот хвоста?! А?! Разве это хвост?

– А что это? – косит собака себе за спину.

– Беркут! Струна! – восклицает потрясённый заяц, – Н-нет, я должен, просто обязан позвать ещё зайцев. Пусть придут и посмотрят настоящую «стойку». Пусть. Придут, увидят и, не побоюсь даже этого слова – восхитятся и получают это... как его... неземное впечатление.

И пока пёс цепенеет от восторга, заяц поспешно удаляется, на ходу утирая слезы, не то восхищения, не то просто давясь хохотом...

Скоро, или к вечеру, в лесу раздаётся поступь. Шаги. Трещат сучья, что-то беспрестанно лязгает и ругается. Через какое-то время, споткнувшись, это что-то, очень грязное и совсем замёрзшее, выпадает из кустов на поляну. Потом это что-то долго барахтается в снегу, и всё равно это ему не помогает согреться, хотя, быть может, оно это делает не для того чтоб согреться, а так, из интереса...

Потом охотник встаёт и перестает лязгать своими зубами. Как же! Вот он, его родной Бобик, стоит с поднятой в «стойке» ногой и такой пунцовый от заячьих комплиментов, что аж снег кругом с шипением плавится, будто это тут не собачка, а месяц Апрель из известной народной сказки.

– Что он тебе сказал, Бобик?! – восклицает охотник.

Да, великая сила вежливость. Вы скажете, таких зайцев не бывает? Ещё и не такие встречаются особи. Такие нахальные попадают, что прямо, прямо... ну, вот, послушайте!

ОТДЕЛЬНАЯ, ОСОБОНАХАЛЬНАЯ ОСОБЬ

Вот, представьте, бредёт себе охотник по лесу, и никого не трогает. Одной рукой, он, как и положено, ружьё крепко сжимает, другой, конечно, патронташ. И едва наш охотник увидит зайца, начинает по неопытности ружьё рвать из-за плеча. Суетится, ясное дело. Колбасу и огурец, из рук на землю роняет. И невдомёк охотнику, что перед ним не простая, а особонахальная особь. Так вот, в этот тревожный миг особь и говорит:

– Не спешите так, за ради Бога. Что вы торопитесь, не понимаю? А то и до беды недалеко. Ещё стрелите куда не попадя. Вы не спешите. Я вот здесь стану. Вам удобно? Солнце, простите, в глаз не лупит? Не слепит? Да, действительно, здесь тень немножечко... Сливаюсь, хе-хе, так сказать, с фоном. Да и то, ещё бы я не сли-

вался, если линиял я в этом году как-то поздно. И неравномерно, почему-то. Я, с вашего позволения, сейчас веточку отогну. Вот. Теперь вам должно быть очень удобно целиться в меня. Теперь вы в меня не промажете. Так, на чём я остановился? А-а, да! Линял я неравномерно. Уж и не знаю, почему, но весь какими-то пятнами пошёл. И из-за этих пятен один мазила в меня с двух метров не попал. Вы не поверите – со старой осины жёлуди, как ветром, а во мне ни дробинки, простите за такое слово, не застряло. Ой, что это с вами? Нет, ну так вы промахнётесь в меня. У вас же руки, опять простите за это слово, дрожат, и мушка прыгает, как мышка... Как вас только с такими нервами на охоту одного отпускают? Вот же, я вижу, стволы определённо уходят в сторону. И не надо на меня, простите за выражение, глаза закатывать. Пришли на охоту, так стреляйте! Прекратите немедленно бледнеть! А хотите я к дереву прислонюсь? Хотите?

– Нет... – тут охотник обычно швыряет ружьё на землю, – Это выше всех моих человеческих сил! – восклицает охотник и падает рядом со своим ружьём в глубокий обморок.

– Не хотите стрелять, как хотите... – бормочет заяц, – Что я вам, Колумб какой, заставлять? Только ружьё жалко. Не дай Бог, ещё сломается – обязательно скажут, что заяц сломал. Да. Так и скажут... – печально вздохнув, особонахальная особь удаляется. И удаляясь, мурлычет себе под нос;

– Ваше благородие, госпожа удача,
Для кого вы добрая... мы-мы-мы... иначе,
Девять граммов в сердце, постой... не мы-мы...

Вот такая она, эта особонахальная особь...

ПЕЧАЛЬНАЯ КАРТИНА

А между тем, наш старый знакомый, нервный и разочарованный заяц, благополучно забрался со своей морковкой в самую чащобу-глухомань. Огляделся – что за душевное зрелище, эти ёлки в заснеженных сарафанах! Очень!

– Эх вы, шишки перезревшие... – ласково промолвил заяц и принялся завтракать.

Ёлки пошевелились. Снег беззвучно заскользил вниз по широким их лапам, пока не шлёпнулся зайцу на затылок. Заяц поперхнулся морковкой и долго откашливался, стеснительно прикрывая рот лапкой.

– Пошутить уже нельзя, – наконец проворчал заяц, – Жизнь, сами понимаете – собаки, люди, волки... С утра набегаетесь за морковью – лапы отваливаются. А тут ещё машин развелось, бензином воняют. Вот умру нечаянно, будете тогда шуршать колочками в трауре... в траурном карауле, – Заяц тяжело вздохнул, – Молчите? Тоже мне, часовые зябнущего леса...

«Часовые» молчали. Сверху было видно, как заяц поочередно трёт лапами свои длинные уши и, загнув кончики, хакает на них, греет.

– Вот уеду в Аргентину, в морозоустойчивом варианте. Кроликом устроюсь. Буду палками бананы с пальм сшибать. Туристов пугать. Улыбкою. Ситро буду пить... Кока-кола называется. Перелиняю в мутновато-зелёного, под цвет джунглей и знойных кипарисов, и стану капризным, как ребёнок... – Заяц поёжился; – Молчите? Испугались, ёлки-шишки...

Ветер стих. Ёлки замерли в оцепенении...

– Жалко вас, а то давно бы уехал. Слиял бы... и уехал. Стояли б тогда в одиночестве, словом перекинуться не с кем. Что за печальная картина...

Ёлки облегчённо качнули верхушками – как же, заяц опять передумал уезжать и, значит, лес продолжается. Не знаю, как там у вас джунгли без анаконды, а у нас лес без зайца – не лес. Зайца нет – лес кончился. Так-то.

КЕША И ОЧКИ

Как-то на одной солнечной полянке валялись в непринуждённых позах зайцы, когда вдруг в густых кустах, окружавших поляну, раздался подозрительный шум. Тут, соревнуясь друг с другом в храбрости, зайцы вскочили, чтоб, значит, лицом к лицу встретить опасность...

Раздвигая спиною ветки, пятась и ругаясь, на поляну выбрался заяц по имени Кеша. Сопя и спотыкаясь, этот новоприбывший заяц тащил по земле большие, в тяжёлой роговой оправе, очки. Опустив дужки очков на землю, Кеша вытер пот со лба, отряхнулся и огляделся.

Там-сям из травы торчали длинные заячьи уши и мелко трепетали, наверное, на ветру...

– Гм-гм, – прокашлялся новоприбывший и сложил руки за спину – Я это, Кеша. Не видите разве?

Тут зайцы встали и спросили:

– Чё это ты, Кеша, приволок такое?

– Чё-чё – очки!

– Очки! – удивились зайцы, – А где же это такие хорошие дают? Кому? Почём продают такие важные?

– Где-где... Где дают, там уже нету. Это мне предложили как... как... Ну, не знаете разве, что очки носят самые умные? И если бы я не был таким скромным – да! – скромным, я бы сказал – самые мудрые и дальновидные. Конечно, я вначале отказывался, зачем, мол, может, я не совсем самый, а они – носи! Нам виднее!

Зайцы почтительно притихли. Ушами перестали шевелить. Заяцам стало немножко завидно.

– Теперь... – продолжил Кеша, –... я любую морковь за километр разгляжу. Или хоть даже за два. Километра. Я в очках морковь и под землёй разгляжу.

– Здорово! – восхитились зайцы.

– Да что морковь, – окрылённый поддержкой зайцев, разошёлся Кеша, – Я теперь любого охотника, знаете, как вижу? Он ещё дома морковку... тьфу! ...пельмени трескает, а я его уже вижу! Он ещё только в окно глянул, на погоду посмотреть перед охотой, а я уже удираю. Да что там – удираю! Ха! Я сквозь свои очочки гляну, и дерево – бах! Повалил. Или хоть Потапыча зашибить? Запросто! Потапыча запросто, а уж какую захудалую собаку или там лису... Только сквозь очочки посмотрю, напряжусь... нет, напряжусь весь, как пружина, и пожалуйста, готово – лежит лиса кверху лапами, прощения просит. А я ещё подумую, прощать или пусть так лежит. До весны.

Кеша замолчал. Ошалевшие зайцы отвесили челюсти, и в этой полной тишине один шепелявый заяц, вдруг вспомнив, что он неверящий, а стоит вместе со всеми, развесив уши, как верящий, сказал, иронически кривя губы:

– Хмы! Моркофь, я ещё, может, как-нибудь и поверю, а чтоб самого Потапыча зашибить, это ты, Иннокентий, привираешь. Потапыча – ни за фто не поверю.

– Как это? – даже обиделся Кеша от такой наглости.

– Хмы! А вот так! – неверящий заяц встал в позу, то есть гордо сложил на груди руки; – Ни-за-фто! – и попятился.

– Я вижу, мне здесь не верят, – протянул печально Кеша, и с облегчением добавил, – В таком случае умываю руки. Мне остаётся сожалеть. Как это грустно. Я пошёл. Удаляюсь. Всё. Привет всем!

– Как это привет?! – дружно возмутились зайцы, – Ты что, нашего Людвиг не знаешь? Мы-то тебе верим! Утри Людвигу нос! Зашиби Потапыча, зашиби. Только не очень... Легонечко!

– Хмы! Ни за фто! Шарлатанство, – принялся скучно смотреть в небо Людвиг, – Не верю! Хоть вы тут кричите, хоть лопните вы тут все! Вот!

– Не стоит, пожалуй, зашибать Потапыча... – загалдели зайцы, – А то ещё обидится. Вон ёлка и шишка на нижней ветке. Так ты её срежь через очки. Докажи Людвигу.

– Ну, если шишку, – погрустнел Кеша.

– Хмы! – выдавил из себя, как бы через силу, но в то же время с таким значением, неверящий Людвиг, что Кеша зябко поёжился.

– Шишку!!! Шишку!!! Шишку!!! – заорали со всех сторон истосковавшиеся по зрелищам зайцы.

– Ну ладно. Шут с вами, – Кеша, пошатываясь, установил свои очки на трухлявом пне, раздвинул пошире дужки и, моля о чуде, которое спасёт его от позора, принялся сквозь пыльные стёкла глядеть на одиноко стоящую ёлку. И долго смотрел. Зайцы притихли. Они тоже во все глаза пялились на шишку, которая должна была вот-вот упасть... И шишка упала! Ещё как упала! Вначале раздался страшный грохот. Ель пошатнулась. Злосчастная шишка полетела на землю, а вместе с ней на головы опешивших зайцев обрушился водопад шишек. И тут же из-за ели, держась за ушибленный лоб,

на поляну вывалился медведь Потапыч. Вывалился, запнулся за пень, на котором лежали очки, и растянулся во весь свой могучий рост. Едва-едва хвастливый Кеша успел отпрыгнуть...

В следующее мгновение зайцы дружно рванули с поляны... Потапыч приподнялся, поелозил лапами в траве и поднял из травы очки.

– Вот же мои очки! – обрадовался он, – Ведь помню, положил на пень, а на какой пень... Ну и растяпа я...

Любовно протерев стёкла, водрузив очки на нос и оглядевшись, Потапыч сказал;

– Удивительно – никого. А ведь своими ушами слышал, как меня звали. Мишку, Мишку... – и почесав вздувшуюся на лбу шишку, добавил, – Всю жизнь в лесу, а стоит потерять очки, и на тебе – башкой в ёлку. Ну куда это годится? Никуда это не годится...

А тем временем зайцы бежали. Лидировал Кеша. Ему в затылок взволновано дышал шепелявый Людвиг.

– Ты фто наделал?! – кричал Кеше Людвиг; – Тебя кто просил Потапыча зашибать?! Тебя просили ма-а-аленькую фифечку срезать! Фто теперь будет?!

– Фифечку-фифечку! – едва не плача, кричал ему шепеляво в ответ Кеша, – Фто тебя просил не верить?!

КЛЮКВОНЬКА

Следует признать – если бы Потапыч так удачно не нашёл свои очки, то случилось бы непоправимое. Без очков, ясно каждому, Потапыч не смог бы играть в шахматы. А Клюквонька ждать бы его не стал. Такого обидчивого зайца ещё поискать! Впрочем, давайте по порядку. Прилепив на лоб пластырь и захватив шахматы, Потапыч бодрой трусцой устремился туда, где лесная речушка капризно выгибается петлёй и где ждал его Клюквонька.

– Опаздываете, сударь, опаздываете... Мы с вами договорились, что тень от берёзового сучка не коснётся ольховой ветки, встретиться. И что же я вижу?

– Что? – Потапыч торопливо расставляет на доске фигуры, – Что вы видите? – Потапыч волнуется. Лапы дрожат. Фигуры падают.

– А то, что тень уже на ветке, я вижу! Муравья уже можно поперёк положить на неё – вот сколько тени на ветке. Как раз, если муравей вытянется, ему от кончиков усов до пяток будет.

– Так уж и до пяток, – примирительно замечает Потапыч.

– До пяток, до пяток. И это я беру не чёрного, обратите внимание, муравья.

– Да?

– А рыжего. А рыжие, как известно, длиннее.

– И кусачее. Прошлой зимой, каналья рыжая, в берлоге оттаяла, так едва выгнал.

– Опять, вы, Потапыч, мне зубы заговариваете. А то ведь, если честно, надоело мне с вами возиться. Вечно вы опаздываете, фигуры путаете и постоянно проигрываете... Вот и вчера девять раз проиграли. Думаете, мне интересно, если вы постоянно проигрываете?

В конце концов, после долгих уговоров, Клюквонька делает первый ход...

Потапыч лежит, облокотив свою большую голову на лапу и передвигает фигуры нежно. Клюквонька напротив – бродит по поляне лишь изредка останавливаясь около доски. И фигуры заяц двигает стремительно, словно боится не успеть. Клюквонька закладывает руки за спину, хватается за голову, переплетает пальцы и так громко трещит ими, что один задремавший дятел выронил шишку...

– Ну что вы мне тычете сюда пешку, – бормочет Клюквонька, – Совсем даже напрасно вы её сюда ставите. Разве вам, Потапыч, не ясно, что я её сейчас ладьёй, а потом так, а потом сюда, и... вам мат в три хода. Матюльничек классический.

– Как бы не так...

– Вы рискуете, сударь. Ой, рискуете, – шепчет Клюквонька, двигает фигуру и убегает на край поляны и кричит оттуда, – А вам шах, разлюбезный вы мой!

– А я сюда... – не торопясь переставляет фигуру Потапыч.

– Ха-ха, сказала жадная блоха! – произносит загадочную фразу заяц, хватается за голову, мычит, тербит уши и наконец двигает фигуру и уносится на край поляны.

– Бац! И нету вашей турочки! – и Потапыч снимает с доски фигуру.

– Стой! Как?! Почему?! – подлетает к доске Клюквонька, – Где стояла? А эта где стояла? – Клюквонька, не веря своим глазам, переводит растерянный взгляд с Потапыча на доску и обратно.

– Нечего зевать, – улыбается медведь, – Помнится, вчера вы мне лекцию прочли о вреде невнимательности.

– Как же это? – трагически шепчет раздосадованный Клюквонька, и с удесятёрённой сосредоточенностью впиивается взглядом в доску, – Я же помню, ещё так и подумал – срочно, Клюквище, убирай отсюда туру, а то этот... этот медведь её обя-за-тель-но слямзит. Ну, ничего-ничего-ничего... К счастью, Абу, знал секреты индийских йогов, – вновь произносит загадочную фразу Клюквонька, передвигает фигуру и неуверенно, спиной вперёд и не отводя глаз от доски, бредёт к краю поляны.

– Ой! Вам... мат, – Потапыч испуганно смотрит на доску.

– Что?! – Клюквонька бросается к месту трагедии.

– Может... может, я неправильно сходил? – шепчет испуганно Потапыч.

– Правильно, – страдальчески морщится Клюквонька, – Всё правильно. Бей щелбан.

– Может как-то... – тянет медведь.

– Что, выиграл, ещё и издеваешься? Да?

Потапыч, осторожно коснулся пальцем заячьей головы – Клюквонька кубарем полетел в траву.

– Ага! – вскакивая закричал Клюквонька, – Так вот ты как! Вот как с тобой играть! Я ему щелбанючик, а он! А он мне щелбанище! – И Клюквонька бросился прочь с поляны...

– Эх, надо же так опростоволоситься... – бормочет Потапыч, собирая фигуры, – С кем теперь играть в шахматы? Никто же не умеет. Надо ж было так нечаянно выиграть! Эх!

Собрав шахматы, медведь уходит, и становится тихо. Лишь кукушка кукует. Придётся теперь считать её куки. Примета такая, сколько куков насчитаешь, столько и жить...

– Раз, два, три, четыре... пятнадцать, шестнадцать... сорок восемь... семьдесят девять... триста четырнадцать...

Тьфу! Не знаю как у вас, а у нас кукушки очень человеколюбивые. Поэтому я этот свой рассказ о Клюквоньке и Потапыче заканчиваю, а вы, если желаете свой век в точности знать, считайте себе на здоровье дальше кукушкины куки...

ПАНАЦЕЯ

Тем же распахучим чудесным вечером заяц Говорулька наткнулся на краю курчавой просеки на волчище Фадея.

– Вы?! – встрепелось волчище и, схватившись за нижнюю челюсть, простонало; – Мне видеть вас нехорошо.

– Я тоже не в восторге, – парировал Говорулька, на всякий, непредвиденный случай отодвигаясь подальше, – Что, зубы болят? Нужно было диету блюсти.

– Я блюл! – вскричал Фадей и взмолился: – Доктор, только на вас моя надежда!

– Да я не доктор! У меня нет диплома. Ну, сколько повторять? Я вам не панацея, – разволновался Говорулька.

– Цепенею! Доктор, уже цепенею! – всхлипнуло волчище, – О! Как я цепенею, кто бы знал! Ночами напролёт, доктор, лежу в полном оцепенении. Шевельнуться боюсь из-за зуба. Верите?

– Тьфу! Ну, ладно-ладно... Зубы, говорите? – сжалился Говорулька и, как положено доктору, многозначительно потёр руки. Это, в сущности, безвредное движение насторожило Фадея. Наслышанный о методах доктора Говорульки, он, просто на глазах стал терять веру в благополучный исход лечения.

– Но вы же гуманный? – вопрошало поскучневшее волчище.

– Напугать бы тебя... – вместо ответа, проворчал Говорулька, – Только как это сделать? Каким образом? А? Или уж оставить как есть? А?

– Напугать! – схватился за челюсть Фадей, – Вы меня не знаете, я та-ак пугаюсь!

Говорулька извлёк верёвку и привязал к большому зубу волка. Другой её конец доктор привязал к осине.

– А это не больно? – насторожённо наблюдая за приготовлениями, поинтересовался Фадей.

– Не больно, но очень страшно. И чем страшнее, тем безболезненнее, – объяснил Говорулька, оглядываясь по сторонам. Не найдя подходящего инструмента, заяц вдруг плюхнулся на землю и пополз к пациенту, ужасно извиваясь всем телом, шипя и ошупывая листья высунутым языком, словно какая-нибудь змея.

– Что это... было? – вместо того чтоб пугаться, спросило Волчище.

– Змея... – поднимаясь с земли, объяснил доктор, – Да. Действительно как-то неубедительно получилось. Ползаешь тут на брюхе перед всякими волками, изображаешь непонятно что... – пробормотал Говорулька и, преображаясь, вцепился в попятившегося Фадея; – А вы ведь дикая собака! А?! Не слышу!

– Дикая, – неуверенно промямлил Фадей.

– Ага! – подпрыгнул Говорулька, – А её так просто не испугаешь, собаку дикую! – доктор бросился в кусты и через мгновение вылетел оттуда с огромной дубиной в руках, – А вот и лекарство! Ну?! Лечиться будем? – поднял над головой дубину доктор.

– Ма! – Фадей отпрянул. Верёвка выдернула зуб, но волчище этого даже не заметило. Оно мчалось по лесу, забрасывая за уши задние ноги. За ним с дубиной бежал Говорулька. К счастью для волка, в это время по лесу бродил печальный хвастливый заяц Кеша. После происшествия с очками Потапыча, Кеша начал шепелявить. Заметив так кстати подвернувшегося Говорульку, Кеша не раздумывая бросился ему наперерез.

– Доктоф! Мне только вас не хватало!

– Что? – всё ещё держа над головой дубину, остановился запыхавшийся Говорулька, – Вам тоже лечиться?

– Тоже, – глупо улыбнулся Кеша, – От фепелявофти.

Жизнь Кеше спасла врождённая изумительная прыгучесть. Дубина доктора опустилась, но Кеша рядом с Говорулькой уже не было. Сминая невысокие кусты, Кеша летел через лес с вытаращенными от ужаса глазами и развевающимися по ветру ушами. Зато шепелявость покинула хвастливого зайца...

Оставшийся в одиночестве доктор опустил дубину и задумчиво почесал затылок;

– И кто сказал, что в мире не существует панацеи? – И расхотелся.

Вот такое тонкое чувство юмора у наших зайцев...

БАЛЛАДА О ТРУДОЛЮБИВОМ СЫНЕ И ЕГО БЕССЕРДЕЧНОМ ПАПАШЕ

Но и чувство юмора отступает перед заячьей страстью к стихосложению. Это ж какие нервы нужно иметь, чтоб не расплакаться, слушая «Балладу о трудолюбивом сыне»?! А чтоб сочинить такое, одними нервами не обойдёшься. Тут нужен личный опыт. Наверное, папашин...

– Вот, послушайте поскорее, пока не забылось, – воскликнет, бывало, заяц по имени Бармалеище и, закатывая свои раскосые очи, начинает нараспев...

Я из лесу вышел, был сильный мороз,
У бедного зайнышки носик замёрз,
Он трёт его лапкой, он трёт его ухом...
Но где же папаша? Ни сном и ни духом...
Ах, что за беда, незадача какая,
Какая нелегкая папу таскает?
Вздыхнул тут зайчонка, слезинку роняя,
– Дровосек, слышишь, рубит? А отец помогает.
В лесу раздавался топор дровосека...
И в это мгновенье иссяк мой вопрос!
Гляжу – поднимается медленно в гору
Папаша, толкающий хвороста воз.
Шествует важно в спокойствии чинном
В больших рукавицах папашка зайчиный.
– В полушубке ВОЛчинном не страшен мороз,
Позаботься о сыне, не видишь, замёрз?
– Сейчас обогреем любимого сына! –
Ухмыльнулся папашка, топорща усища.
И нету на свете печальней картины,
Чем зайчик, толкающий брёвен возище...

– А? Как вам балладка, Николай Алексеевич? – выждав паузу, вопрошает Бармалеище.

– Бесподобно! – восклицает писатель Николай Алексеевич Некрасов, макая походное перо в походную же чернильницу, непроливайку-валяйкину: – Позвольте, с вашего разрешения, увековечить?

– Будьте так любезны! – Бармалеище, великодушно классичу и, потупясь: – Стеснительный я, чтоб самому, значит... И имя у меня, честно говоря, фантастическое какое-то... – и вдруг прислушавшись к себе: – Потом запишете... – и, опуская лапку на плечо классика, – Рождается! – и отстраняясь, и закатывая очи, и отставляя ногу: – Ода! В смысле, ода «Отечества раскосые сыны!»

И тут Николай Алексеевич как схватится за голову и как воскликнет:

– О нет! В смысле, не надо...

И моментально удаляется в лес, дописывать «Записки охотника»... Ой-ой-ой! Не знаю как там у вас, а у нас, если возьмёшься писать правду про зайца, то непременно до того изоврёшься, до того... Слушать совестно! Но дальше одна только правда!

ПОЛЁТ ЕЖА

Бывало, все спят в лесу: сосны, дятлы, облака... И вдруг, нарушая тишину, ка-ак выпрыгнет из-под коряги заяц и давай кричать, про то, как его не любят;

– И это сон?! – разоряется заяц, – А я говорю, не сон! Не сон, а замаскированные кошмары!

Тут заяц валится на пригорок и начинает изливать душу замшелому пню. Прервётся, поймает в траве земляничинку, стрескает и опять изливает;

– Никто не спрашивает, что зайцу снится... Ты, пнище, не пове-ришь, но ни одна душа. Всем плевать! Всем. А между прочим, одни только собаки перед глазами прыгают. И шевелят мордами.

От такого кошмара сосны поёжились – посыпались с них шишечки... И если вы, не приведи Господи, в этот час дрыхнете под сосною, так вам обязательно по голове ударит шишка. И вы всю оставшуюся жизнь, не разобравшись с перепугу в причинах шишкопада, будете рассказывать легковёрным о ежах, проносящихся в поднебесье:

– Значит, так – лежу, – будете рассказывать вы, – Гляжу – ежи. В поднебесье. Молодечески расправив колючки. Что за зрелище! Но остерегайтесь раззявленного рта, граждане. Ведь только у вас от восхищения увиденным отвиснет челюсть, ёж непременно заметит сверкающие ваши зубы и, не мешкая, сложив колючки, камнем обрушится на вашу голову. Ужасно опасные эти ежи. Выкатят свои хищные очи и зыркают из поднебесья, разыскивая в камышах перепуганную добычу, – захлёбывается от впечатлений, нечаянно уснувший под сосною...

А между тем, врёт он всё. Не верьте ему никогда! У ежей, знаете, какое острое зрение? Не каждый заяц таким может похвастаться. И не падают никогда ежи, сложив живописно колючки, из поднебесья на поблескивающие в темноте июньской ночи одинокие лысины заблудившихся путников. Враки это и гнусный поклёп! А летают ежи, если хотите, тихохонько-тихохонько... Бывало, плывут в облаках и курлычут жалостно, аж за сердце, стервецы, хватают всех, кто попадётся...

– Э-э! – вскинут головы те, кто попался, – Ежи на юг потянулись. Пора и нам готовиться к зиме...

ДОРОГИ

Не шаркайте, зайцы, пятками! Не протирайте в траве дырки! А то ведь стоит только зайцу шаркнуть ногой, как целые толпы любопытных сбегаются посмотреть – чего там такого заяц в траве нашёл? И вот от этого шарканья берутся наши дороги. Заяц шаркнет пяткой, а любопытствующие личности вытопчут окрестности.

Иногда в сердцах спросишь, бывало, зайца:

– Ну, что же ты, зараза такая, заяц, шаркаешь? Зачем?

– А вот, – отвечает тебе заяц, – шаркается как-то. Звук, что ли, мелодический...

БЕРЁЗЫ

Берёзы... От их снежной коры и в июле веет апрелем. Собрёшься уходить, уже уходишь, но вдруг остановит тебя что-то. Ты оглянешься – берёзы. Словно сосульки остались с января. Словно

их нечаянно весеннее солнышко забыло растопить. И вот они сочатся, тают на июльской жаре и стекают капля за каплей в небо. И там, в небе, всё синее-рассинее от этих капель...

Тогда я возвращаюсь в березняк. Беру первого попавшегося зазевавшегося зайца. Прислоняю его к прохладному берёзовому стволу. Прошу так постоять. Отхожу в сторону. Оглядываюсь. Теперь всё – я захочу сюда вернуться.

ПОСЛЕДНЕЕ...

Описывая отечественную природу, я как-то упустил из виду важнейший метеорологический феномен, о котором часто спрашивают туристы. Дескать, что это за треск раздаётся у нас в лесу в сорокаградусный мороз? И действительно, откуда приедем человеку знать, что это трещат челюсти зевающих червячков. А всё как происходит... Очень просто. Обычно червячки и всякие разные гусенички спят в заблаговременно выкусыканных дырочках под корой деревьев, и ни за какие коврижки вам его не вытолкать в январе месяце на мороз. Вытолкать нельзя, но гусеничка сама выползает, посмотреть на погоду. Посмотрит, и от этого бесконечного снега такая тоска в её душе образуется, что гусеничка тут же начинает зевать. И вот на этот треск слетаются птицы, потому что зимой пищи мало. Но червячки так заразительно зевают, что синица, на что уж птица сдёр, бывало, только приноровится слопать зевающую гусеничку, и тоже глаза вдруг выкатит, лапы растопырит, вытаращится вся, как всё равно филин какой, и судорожно, без всякого удовольствия зевнёт. А гусеничка, пользуясь моментом, нырнёт обратно в свой домик и, уже засыпая, ворчит и ругается... Ворчит о том, что зима. Что позёмка заплетает в косы седые пряди. О том, что пусто, что голо... Ворчит о том, что зима не кончается, хотя доподлинно известно, что у всего есть конец. И у моего рассказа тоже есть конец. И он здесь. Всё! Точка.

Юрий ЛЕВИН

Степан и Власта

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

В Екатеринбурге – стольном граде Урала Среднего – живёт-может солдат пехотный преклонного возраста, годов ему, поди, восемьдесят с хвостичком будет, роста богатырского, по имени-фамилии Степан Голощёкин. У берега Шарташ-озера родился.

Отсель и на войну Великую Отечественную пешим маршем по-топал.

А на той войне братки-однополчане звали его, Голощёкина, Степан Щека или просто Щека. Был он тогда худ и высок. В траншее с ним одна маета была: голова Щеки завсегда торчком, наружу выползала и, конечно, неприятелю глазастому ориентиром для выстрела удобна была.

– Гнись, Щека! – вопил крикливый отделенный командир. – Иль на пузо ложись!

Щека, услышав приказ, гнулся, как мог, превращая свою худую спину в колесо. Но ежели повеления Гвоздочка не было, шёл столбом, не склоняя головы, потому пули-дуры да осколки-недоумки мимо него просвистывали. Отчего так происходило, знал только сам Щека, то была его тайна, о ней он никому не сказывал.

– Ты, Щека, удалец! – хвалил всё тот же отделенный командир по кличке Гвоздочек. – Вона сколь фрицева металлургия секёт нашего брата, а ты не царашнутый, цел-целёхонек! Однако ж, ты всё одно молодчага. Вожешь справно и беспрекословно.

На похвалу Степан реагировал молчаливой улыбкой и тайно, чтоб никто не приметил, крестился и чтось шептал. Почему тайно, на то была причина: глазастых безбожников-доносчиков опасался. Но не только в этом дело...

Случилось так, как обычно водится на войне: ты себе не хозяин, что старший прикажет, то и робишь.

– Боец Голощёкин, ко мне! – услышал голос Гвоздочка Степан и моментально предстал перед отделенным. – Следуй за мной! Подошли они к самому берегу Волги.

– На колени опустишься! – снова последовал приказ.

– Ну, опустился. А ты мной не командуй, – вспылил Степан.

– Замри и слушай, идрит тебя в корень, – разозлился отделенный командир.

Голощёкин замер и, устремив взор в коротконового Гвоздочка, был с ним, став на колени, одного роста.

– Глянь на реку!

– Ну, гляжу...

– Слушай и зри... Вон стоит чёлн. В него сядешь и айда на тот берег...

В этот самый момент на Волге поднялась волна с человеческий рост и пеной захлестнула берег. А из пены сверкнуло белозубое девичье лицо и так дунуло, что командира отделения вмиг не стало. Сгинул Гвоздочек. А Голощёкина даже не кольхнуло.

– Встань, – услышал он нежный голос из пены. Щека приподнялся. Выпрямился в свой метр девяносто восемь.

– Так, так, – одобрила белозубая девица. – И никогда боле не гнись.

– Русалочка, милая, я узнал тебя, – обрадовался Степан.

– Не видел ты меня ране...

– Видал... На Шарташе... В то утро... Ну, когда супостат Гитлер на нашу державу войной пошёл. Помнишь, ты велела мне скорейше в поход на врага идти.

– То была моя старшая сестра. Она на Шарташе, что у твоего дома, владычествует, а я тут – на Волге-реке. Она, как старшая, повелела мне за тобой приглядывать, от напастей оберегать...

– Ага! – понимающе произнёс Степан и вспомнил то утро, когда услышал про войну. Шарташ-озеро вздыбилось волнами. Голощёкин-молодец еле сеть свою выручил. А в ней, в сети-то, одна лишь рыбина, да и та какая-то странная. Окунь не окунь, налим не на-

лим, головка маленькая, а хвост массивный такой, вроде булавы, от головки до хвоста – две серебристые полосы с голубыми крапинками и колючками. Степан отродясь такой рыбы не видал. Как поступить? Может, отпустить с Богом это чудо-юдо? И всё же рука потянулась к рыбине. В эту секунду у самой лодки взбаламутилась и столбом поднялась вода. А из той воды выглянула девичья голова и молвила: «Молодец, не тронь рыбу. Отпусти... Буду твоим ангелом-хранителем... Скорей в поход собирайся... Я тебя оберегать буду...»

Степан поначалу оторопел. Однако когда оторопь прошла, осмелел и спросил:

- Ты, раскрасавица, кто?
- Русалка Власта. Запомни: Власта!
- А к чему мне имя твоё?
- Отпусти рыбу, тогда и скажу.

Степан, не притрагиваясь к чудной рыбине, выпустил её из сети. Она болтыхнула хвостом-булавой и, пискляво проголосив по-человечьи: «Премило благодарствую!», подалась в глубь Шарташ-озера.

– Теперь слушай, молодец! – Власта подплыла к Степановой лодке. – Коли в опасности пребывать будешь, крестное знамение сотвори и три раза молви: «Власта, плыви и здравствуй!..» Запомнил?

– Чай не бестолочь, запомнил, – и Степан громко повторил: «Власта, плыви и здравствуй!»

- В голос не говори, шёпотом молви.
- Понял и даже на носу зарубил.

Власта улыбнулась и скрылась в озёрной пучине. С того утра прошло более года. За это время Голощёкин-пехота три обувки сменил: всё топал и топал по дорогам войны. Если б по дорогам, а то больше по непролазным болотам да лесным чащобам. А землицы сколь перелопатил – кто считал.

Не миновал и большую беду. У Торжка-града это случилось. В лесу дубовом. Шёл один-одинёшенек. Нёс важный пакет самому генералу – комдиву, когда ливень-дождь полил и тьма-тьмущая лес окутала, невзначай в яму глубокую угодил. Оказался по грудь в ледяной воде. Хорошо, что ростом высок, ежели б, не дай Бог, Гвоздочек в эту яму попал – какюк ему: накрыло бы с головой. Степана же

голова водой не тронута, на неё он положил пакет-депешу и крепко прикрыл пилоткой, натянув её до ушей. Но и никак не выбраться. Тогда он про Власту вспомнил, бросил взор на небо, перекрестился и шёпотом молвил, что полагалось. Минуты не прошло, как кряжистый дуб закричал и, наклонившись над ямой, протянул Степану длинную ветвь. Голощёкин ухватился за неё, а дуб выпрямился и выволок бойца из западни.

Ливня не стало. Солнечные зайчики облепили Степана, обогрели и обсушили его. Птицы защebetали. С ними и Голощёкин-боец любимую песню затянул.

Над полями да над чистыми
Месяц птицею летит,
И серебряными искрами
Поле ровное блестит.
Ну дружной, звончей, бубенчики –
Заливные голоса!
Эх ты, удаль молодецкая.
Эх ты, девица-краса!

И всё ладом завершилось: важный пакет лично генералу в руки подал, за что тот молодцом бойца назвал.

И вот он стоит у берега матушки-Волги целый и невредимый перед русалочкой-младшей, и готов исполнить приказ командира отделения, который велел сесть в чёлн и на тот берег плыть. А зачем – Гвоздочек не сказал.

– Ты, боец-молодец, чего ждёшь? – услышал он вопрос. – Залезай в лодку-чёлн, как велено, и плыви на тот берег.

– А цель-то какая?.. Где мой командир?..

– Я, Власта-младшая, владычица волжская, возвращаю твоего командира, – сказала и, сверкнув глазами, нырнула в речную глущину. Гвоздочек тут как тут, будто и не пропадал.

– Ты, Щека, чего так удивлённо глаза на меня пялишь?.. На том берегу ротный командир, спасённый медициною после ранения, ждёт тебя. Его надо доставить сюда же!

Сел Степан в лодку и, пока на Волге ещё царила тишина, поплыл спокойно, без тревог и забот, мечтая скорее добраться до левого берега.

Однако на середине реки плюхнулась мина и перед лодкой вырос водяной султан. Чёлн качнуло. Степан стал грести проворнее. Вторая болванка со свистом врезалась в воду совсем рядом. Водой окатило Степана. А уж третья мина под самой лодкой рванула, и подняло её на гребень водяного столба ввысь. Затем лодку перевернуло, и Степан рухнул вниз. До самого дна Волги кинуло. Там его кто-то ухватил за ногу, сильно подтолкнул, и выплыл Степан на речную гладь.

За себя Степан не беспокоился. Бывало, Шарташ-озеро запросто переплывал. А вот лодку жалко стало: она нужна была, чтоб ротного доставить в Сталинград. И куда её кинуло?

Попросил он помощи у Власты-младшей. Та отозвалась. В одно мгновение лодчонка к Степану подплыла. Он зацепился за борт и забрался в неё. Впереди возникла серебристо-лунная дорожка, по которой и поплыл Голощёкин-пехота к берегу.

Ладом завершился лодочный рейс бойца Голощёкина. У самого правого берега, высадив командира и повернувшись лицом к воде, перекрестился и тихо-тихо произнёс: «Благодарствую, добрая спасительница Власта!..» Услышала русалка-краса на середине Волги. Луна высветила её юное лицо, и докатился до Степана её голос: «Хвалю!»

Много времени с того сталинградского ада прошло; в терем-дом, что на берегу Шарташ-озера возведён для Степана по воле озерной владычицы Власты, изредка прилетают вести из волжского града. То с праздником поздравляют бывшего пехотинца Голощёкина, то в гости на торжество по случаю Победы приглашают.

Однажды поехал он на свой памятный рубеж и перво-наперво на Мамаев курган взошёл и – вот чудеса! – с самим собою повстречался. Подходит к площади Героев и видит скульптуры. Пересчитал – их шесть. Изображают они героев волжской битвы. Потянуло Степана к первой скульптуре. Видит, как два бойца защищают свою позицию. Один тяжело ранен. Стоять не может, ухватился за

товарища, который ещё полон сил и продолжает схватку с врагами. Пригляделся Степан к сражающемуся и удивлённо прошептал: «Кажись, моё обличье?!» И слышит он далёкий, но знакомый голос Власты: «Не сомневайся... Ты это...»

И вспомнил бывалый пехотинец поединок с вражиной-танком. Победил тогда он броню: гранатой порвал гусеницу, а дружок его – боец Парамонов, царство ему небесное, расстрелял из автомата выползавших из машины фашистов. Однако ж Парамоша был ранен и, как утверждал отделенный Гвоздочек, скончался в санбате.

Поклонился Степан своему каменному обличью и Парамоше, постоял молча, после чего вошёл в зал Воинской Славы, где вечный огонь горит, а на стенах – имена павших в Сталинграде бойцов и командиров. Медленно шёл, сердце щемило – сколь их, бедолаг, много. Читал фамилии. Со счёта сбился. А у буквы «т», будто кто-то придержал его, – остановился. И увидел: «Сержант Гвоздев М. И.» Боже, неужели Гвоздочек? Точно он: Михаил Илларионович.

Опечаленным возвратился Голощёкин на Урал. Не заходя в дом, к Шарташ-озеру подошёл и, перекрестившись, молвил:

- Власта, пльиви и здравствуй!
- Чего надо, старче?
- Пошто ты моих дружков-приятелей не сберегла?
- Кого именно? Назови.

Назвал Парамонова и Гвоздева.

Расхохоталась Власта-русалка, да так звонко, что вся рыбная живность Шарташа вынырнула из воды и закружилась в вихре пляски.

- Не теряй времени, молодец...
- Кто молодец-то? – удивлённо спросил Степан.

Рыбная братия, прекратив пляс, подняла перед Голощёкиным огромное зеркало и – о чудо! – Степан увидел себя молодым, высоким, в новенькой гимнастёрке.

– Что стоишь, боец Голощёкин? Шагай в свой терем. Гостей привечай...

Повернувшись кругом через левое плечо, пошёл Степан в терем. А там, в красном углу за столом, покрытым скатертью-само-

бранкой, вели весёлый разговор его дружки-приятели, такие же, как и он, молодые, ладно обмундированные: Парамонов, тот самый, который на Мамаевом кургане в металле отлит; ротный командир, переправленный лодочником Степаном с левого берега Волги на правый; Гвоздев, командир отделения.

– Где тебя, Щека, носит?

Обнялись братья-однополчане, налили в металлические кружки и за встречу, за здравие осушили их.

Я там тоже был и медовуху пил...

После того застолья, поди, этак годов двадцать прошло. Составился ветеран пехоты Степан Голощёкин, но по-прежнему бодр и работящ. Рыбу ловит. С Властой-русалкой не растаётся. Нашёл в лесу срубленный дуб, отпилил от него солидный кругляш и, обзаведшись подходящим инструментом, потихонечку вырезал на дереве лицо красавицы Власты. Поднял своё творение над теремом и на крыше примостил.

С того дня люд окрестный и дальний приходит к терему любоваться красотой девы ненаглядной и воздаёт хвалу даровитым рукам Степана.

По ночам же из-под глубоких вод Шараташ-озера луч света пробивается и так освещает лицо Власты, что видать его из самых дальних мест Урала седого.

Мальчик — золотые ножки

БАБУШКИНА СКАЗКА

Правда ли, неправда это — не мне судить. Передаю то, что сам от бабушки, Ефросиньи Павловны, слышал, а она эту историю от своей бабушки узнала, а та — и не помнит, от кого...

В давние времена правил в одной стране царь-государь. Был он молод, красив, богат. Только ни родных, ни друзей у него не было. Жил молодой царь во дворце с мачехой. Родной матери он не помнил. Умерла она, когда ему и трёх лет не исполнилось. Царь — отец нынешнего государя, долго горевал, не женился. А потом надумал. Привёл в царские палаты невесту, а та годами сыну его ровня. Стройна, ликом прекрасна. А душа — чёрная... Но это потом обнаружилось. Поначалу же отгуляли свадьбу весёлую и стали жить под одной крышею: царь-отец, мачеха да царевич. Только недолго так продолжалось. Как-то поехал царь на охоту, упал с лошади и разбился. Ходили пересуды, что неспроста это.

А тем временем возвели сына царского на престол. Начал он государством управлять. И знатно царствовал. Не стало в стране сирых, бездомных, прекратились войны и грабежи.

А мачеха — вдовствующая царица — захотела пасынка на себе женить, чтобы полновластной правительницей сделаться.

Стала мачеха молодого царя умасливать, подарками одаривать. А тот влюбился в другую. В девушку рода незнатного, но добрую и приветливую. Как ни отговаривала мачеха, как ни злилась, не послушался он — женился на любой.

Зажили молодые душа в душу. Год прошёл, ещё большим счастьем их жизнь осветилась: родила царица двух сыновей-наследников. Младенцев необычных: у одного ножки посеребрённые, а у другого — золотые.

Царь на радости устроил пир на весь мир. А спустя какое-то время стал в путь-дорогу собираться. Оставил жену да сыновей на попечении мачехи. А той только того и надо.

Не успела пыль за государевой свитой осесть, как мачеха прокралась в царицыну опочивальню, выждала, пока та заснёт, и пуховую подушку на одного из младенцев набросила. Сама же неподалёку затаилась.

Проснулась царица, почуяла неладное. Кинулась к люльке, где царевичи лежали, подняла подушку, да поздно. Лежит её сынок, у которого ножки посеребрённые, и не дышит. Свет для царицы померк, упала она без чувств подле люльки, как была, с подушкой в руке...

Выбралась мачеха из своего укрытия, начала стражу скликать, причитая: «Посмотрите, что царица наделала! Наследника престола задушила!» Сбежались стражники, схватили они царицу и по мачехиному указу в темницу бросили. А та собрала на совет бояр да вельмож, требует суда над невесткой.

А по закону того царства-государства положено было за такое преступление две руки отсечь.

Стали вельможи да бояре споры жаркие вести. Одни, которым жаль царицу, всегда добрую, приветливую, говорят: «Надо царя-батюшку дожидаться, как он повелит, так и сделаем!», другие – мачехины сторонники, призывают немедля закон соблюсти. Долго спорили. Наконец решили на следующее утро суд над царицей устроить и на нём во всём разобраться. С тем и разошлись по домам, а мачеха во дворце осталась.

И взял её страх: вдруг на суде всё откроется? Заварила она колдовское зелье, дар речи у человека отнимающее, и передала в темницу.

Бедная пленница, ничего не подозревая, выпила мачехин отвар и речи лишилась. Так, безмолвная, и предстала перед судом.

Судьи её выспрашивают, а она ни словечка в своё оправдание произнести не может. Только слезинки по щекам катятся. Зато мачеха разоряется: ногами стучит, руками размахивает, требует наказать виновную.

Видя такое дело, и те бояре, что царицу жалели, головами поникли: коли молчит, значит, виновата.

Свершился суд скорый да несправедный. Сверкнул топор палача. Отсекли царице ручки белые по локоть и снова в темницу бросили – царёва прибытия дожидаться.

Мачеха же второго младенца сжить со свету торопится.

Под вечер прокралась она в опочивальню, где наследника нянька старая баюкала. Дождалась, когда та очи смежила, и прямым ходом к колыбели. Пуховой подушкой мальчика с золотыми ножками накрыла. Только на этот раз дожидаться старухино пробуждения не стала, чтобы на себя подозрение не навлечь. Тихонько из опочивальни выскользнула, уверенная, что дело чёрное свершилось.

Да одного не рассчитала мачеха: сон у старух чуток. И как ни старалась злодейка бесшумно пройти, проснулась старушка и приметилла, кто здесь побывал.

Только дверь за мачехой затворилась, сдёрнула нянька подушку с младенца. А тот аж посинел лежит, но, слава Богу, дышит. Тут раскрылся верной нянюшке злой умысел мачехи, а что она могла сделать? Вельможам пожаловаться – не поверят. И решила тогда нянька царицу из темницы вызволить до рассвета.

Спустилась старушка в царские погреба, набрала там всяких вин и яств. Отнесла караульщикам, темницу стерегущим. Те на угощение накинулись, как волки голодные. Наелись, напились, захмелели, секиры да ключи из рук выронили и тут же у дверей темницы заснули.

Нянюшка отворила тюрьму, затворницу выпустила. Повела ей всё про злую мачеху и про чёрные дела её. Одеда на царицу одежду поношенную. На грудь торбу холщовую повесила, куда сына царицы – мальчика с золотыми ножками положила. Перекрестила горемычных да за дворцовые ворота тайной тропкой вывела. А сама царицыно платье натянула, на её место в темнице улеглась и рогожей накрылась, чтоб стража побег не заметила.

Так оно и вышло. Поутру караульщики проснулись, подивились замкам открытым, в темницу заглянули – спит пленница как ни в чём не бывало. Шум поднимать не стали, боясь, что сон на по-

сту боком выйдет. Тем временем пропажу младенца и старой няньки во дворце обнаружили, мачехе доложили.

Та поначалу встревожилась, а потом успокоилась. Подумала, что наследник мёртв, а старуха из страха быть наказанной скрылась. Когда же выяснилось, что нянька в темнице сидит, а царица сбежала, искать беглянку не стали: куда она без рук денется?

А царица с сыном в торбе в эту пору по безлюдной равнине брела, из сил выбиваясь без питья и еды.

Когда совсем уже отчаялась, впереди река показалась. Наклонилась царица напиться, а младенец из торбы прямо в реку выпал и камнем на дно пошёл.

Бедная мать заметалась по берегу, не зная, как помочь. Нет у неё рук, чтобы выхватить сына из стремнины, нет голоса, чтобы у Господа помощи попросить.

В отчаянье упала она на колени, подняла культы к небу и беззвучно молит Всевышнего о спасении ребёнка.

И услышал её Бог, и свершилось чудо. Обрела она снова голос, а вместо двух культей выросли у неё рученьки белые. Достала мать своего сыночка из реки, вернула к жизни. Возблагодарила Господа молитвой сердечной, отдохнула на берегу и дальше в путь отправилась, куда глаза глядят.

Долго ли шла царица, коротко ли. Однажды под вечер попалась ей корчма. Попросилась странница на ночлег. А так как денег у неё ни гроша не было, хозяин ей в старой баньке место для ночлега отвёл.

Банька эта стояла давно не топленная, забытая. По углам пауки, окна света белого не пропускают. В такую и заходить-то боязно, не то что ночевать. Но делать нечего... Засучила бывшая царица рукава, всё вымыла, выскоблила. Постелила на полатах тряпьё, какое нашла, малютку спать уложила и сама рядом устроилась.

Утром зашёл хозяин – баньку не признал. По сердцу ему пришлись трудолюбие и добрый нрав постоялицы. Предложил ей у себя в услужении остаться за харч сытный и крышу над головой. Та подумала-подумала и согласилась.

Во дворец к тому времени царь из отлучки воротился. Узнал о случившемся, чуть с ума не сошёл. Поверить не мог, что жена его собственного сына жизни лишила. Допросил всех с пристрастием:

мачеху, вельмож, слуг. Дошла очередь до няньки, в темнице заключённой. Та и открыла ему всё про царицу, про ручки её отсечённые, про то, как невинную из неволи выручила и с наследником из дворца проводила... А вот про мачеху и про зло её сказать побоялась.

Царь сначала осерчал, а потом смягчился: повелел няньке обид не чинить, отпустить с миром на все четыре стороны. Сам же гонцов послал в надежде супругу и царевича отыскать. Долго кружили царёвы слуги по свету. Все уголки и закоулки государства объехали. Нигде безрукой женщины с младенцем не обнаружили. Так и воротились ни с чем, решив – сгинула, пропала царица, не смогла пережить позора и несчастья.

Опечалился царь-государь, заплакал.

Мачеха же тоже траур надела, кружит вокруг царя, утешает: «Ты, государь, найдёшь себе жену другую, краше прежней...» А сама думает: «Время всё залечит. Главное: всё, как ей хотелось, сбылось. Промеж них с царём теперь никакой помехи нет...»

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Много воды утекло.

Допекла всё же мачеха царя. Уговорила под венец пойти.

Назначен был день свадьбы. Мачеха гостей во дворец созвала.

А царь-батюшка в самый канун венчания надумал на охоту съездить. И надо же было ему оказаться в той стороне, где корчма стоит.

Поохотился царь, а на обед решил в корчму заехать. Увидала работница-царица в окно царя, обомлела, как поступить, не знает. Решила, чтоб не признал её муж, лицо сажей печной измазать, платок пониже на глаза повязала.

А сыну их – царевичу уже тринадцатый годок пошёл. Он тут же матери по хозяйству помогает: ладный паренёк, смышлённый.

Царь между тем в дом вошёл. Хозяин с хозяйкой ему в пояс кланяются. Царь велел подать егерям и ловчим вина да еды. А сам сидит, ни к пище, ни к питью не притронется.

Хозяин бухнулся на колени, спрашивает: «Чем мы тебя, царь-государь, прогневили, что не ешь ты наш хлеб-соль, вином нашим гнушаешься?»

Отвечает царь: «И хлеб-соль твой хорош, и вино – отменное, и гнева на вас с хозяйкой не держу. А ни ем, ни пью от того, что не

дают мне покою думы о супруге погибшей да о царевиче-наследнике... И ничто не может меня порадовать: ни охота удачная, ни застолье весёлое, ни свадьба завтрашняя. Прикажи-ка, хозяин, баньку натопить пожарче, авось грусть-тоску разгоню».

Подозвал хозяин работницу, наказал ей баньку истопить.

Топит царица-работница баньку, а у самой слезы по щекам текут. Увидел царевич и спрашивает: «О чём ты, матушка, кручишься?»

«Как же мне не кручиниться, если здесь батюшка твой, а ни тебя, ни меня признать не может».

«Кто же он, матушка?»

Тут царица и открылась ему.

Подскочил царевич: «Пойду сейчас же к государю-батюшке и объявлюсь, кто я есть».

«Нет, – говорит царица, – ты дождись, пока царь в баню пойдёт, да попросись его попарить. А коли заметит он, что ножки у тебя золотые, да начнёт расспрашивать, ты отвечай, что сам ничего не знаешь. Надо, мол, у матушки, спросить. А там, как Бог даст...»

Сказано-сделано. Стал царевич отца парить, глянул государь на его ноги, а они блестят позолотою. Когда вышли они после бани на крыльцо, начал у паренька выпытывать, кто он, какого роду-племени да как здесь очутился.

Поклонился сын царю, однако, как ему мать велела, ни в чём не признаётся, на матушку ссылается.

Приказал царь привести к нему работницу. Предстала она перед ним. Смотрит государь – не признаёт под сажею. «Кто ты такая?» – спрашивает.

А та свой вопрос задаёт: «Неужто государь супругу верную да сына-наследника признать не сподобишься?»

Рассердился царь: «Какая же ты супруга мне, если у той руки по локоть отсечены, а у тебя целы-целешёнки!»

Тут не выдержала царица, разрыдалась: «Это Боженька пожалел меня горемычную да сыночка нашего, наследника... Чтобы спасла его от смерти неминуемой, вернул мне ручки белые да от немоты избавил».

Плачет царица, и слезы сажу с лица её смывают. Узнал, наконец, царь жену ненаглядную, бросился обнимать, целовать её и сына-царевича.

Обо всём рассказала ему царица, а о мачехе злой в первую очередь.

Посуровел государь, гневом налился: «Ну, отольются ей ваши слезы...»

Тут же приказал коней седлать и вместе с царицей да царевичем во дворец поскакали.

А мачеха уже в наряде подвенечном по балкону дворцовому прохаживается, царя с охоты поджидает.

Увидела его, да невестку свою живую, невероятную вместе с царевичем, бросилась с балкона вниз, оземь ударилась и превратилась в птицу чёрную. Каркнула, крылья расправила, взмыла в небо. Исчезла.

А царь с любимой женой да с царевичем стали жить дружно да счастливо. И няньку старую, и корчмаря за их благодеяния не забыли.

Так и должно быть, чтоб за добро добром отдавалось. А зло само себя наказывает. Но, видно, затем, чтобы люди про него не забывали, нет-нет да и закружит то тут, то там чёрная птица. Покаркает и улетит. Нигде ей нет ни пристанища, ни привета. Не любят её в народе. Может, с тех давних пор, о которых в бабушкиной сказке рассказано.

Про грибы

Жили-были в лесу грибы. Было их великое множество. Разных. С белыми и коричневыми шляпками. На толстых и тонких ножках. Волнушки, рыжики, маслята...

Дружно жили грибы. По-соседски. Никто никому не мешал. Грузди селились в ложбинках, канавках, к влаге поближе. Подосиновики и подберёзовики, напротив, на лесных солнечных опушках. Синявки да сыроежки, те вообще не задумывались, где жить: росли повсюду. Одним словом, никому в лесу тесно не было.

И только один-единственный гриб никого не любил. Был он злой. Жил наособицу. И без конца всем завидовал. Груздям – что семья у них такая большая и неразлучная. Увидишь один груздь, значит, где-то поблизости его братец растёт или сестрица... Другим съедобным грибам завидовал, что люди их в корзинки собирают, с собой уносят. Его же – не берут. И то сказать, за долгие годы от злости и зависти столько в этом грибе недоброго накопилось, что стал он ядовитым! Даже мухи, только садились на его шляпку, тут же за смертью падали. Наверное, потому и прозвали тот гриб Мухомором.

Вот такой был этот Мухомор. То краснел он от злости, то бледнел. И красная шляпка его покрывалась белыми точками.

Как-то раз после дождя увидел Мухомор своё отражение в луже. Увидел и загордился – какой, дескать, он высокий да красивый. Не годится такому без внимания жить. И решил Мухомор стать над другими грибами главным.

Когда вечером все остальные грибы на большой поляне собрались, вышел Мухомор на середину, руки в боки – и закричал:

– Эй, грибы! Я теперь вашим президентом буду!

– Почему ты? – удивились грибы.

– У меня шляпка самая красивая и ножка самая высокая, – отвечал Мухомор. – И вообще, я – самый, самый...

– Ядовитый! – заметила одна молодая Синявочка.

– Да, да! – не ступевался Мухомор. Я самый ядовитый. И если вы меня слушаться не будете, то я всех мигом отравлю!

Что тут началось... Испугались грибы. Попрятались. Кто под лесную корягу забился, кто в густой траве затаился, кто под прошлогоднюю листву юркнул...

Остался Мухомор один стоять на поляне. Полновластным президентом.

И теперь, когда люди в лес по грибы отправляются, им на глаза одни только мухоморы и попадаются. А добрые грибы всегда поискать надо. В тех самых укромных местах, куда они от злого Мухомора спрятались.

Хранитель Земли

Этого парнишку привезли днём. Игорь Анатольевич Федотов прочитал направление от участкового педиатра и кивнул дежурной сестре – оформляйте!

«Скоротечный случай...», – подумал врач.

Действительно, ещё неделю назад, судя по записям в карточке, никаких симптомов лейкемии и в помине не наблюдалось – удивление быстрым развитием заболевания словно сквозило в скупых строчках участкового врача. Странно, ведь случай не мог быть запущенным: мальчик из благополучной и вполне обеспеченной семьи.

«Всего восемь лет!», – вздохнул про себя Игорь Анатольевич.

Бледненький мальчик скромно сидел на краю кушетки в палате приёмного покоя и даже ногами не болтал. Видно было, что самочувствие его вполне соответствует диагнозу, поставленному в поликлинике.

– Ну, что герой? – Игорь Анатольевич потрепал мальчика по плечу. – Приболел? Ничего, будем твоё самочувствие улучшать!

Мальчик только вздохнул, и Игорь Анатольевич почувствовал очередной укол в душу.

Его всегда коробила манера, в которой многие врачи любят разговаривать, особенно с маленькими пациентами – нарочитая бодрость, вроде бы способствующая снятию страха, если не сказать ужаса, что ворочается в детских головёнках при попадании в больничные палаты. Это глупости, будто дети не понимают, что серьёзно больны, они всё понимают не хуже взрослых. Просто они свои страхи ощущают и выражают иначе – разница лишь в этом.

Когда-то Игорь думал, что ни за что не станет играть в этокое разудалое взаимодействие пациента и врача, а вот, поди ж ты, и сам не заметил, как втянулся в этот «психотерапевтический» спектакль: «Ну что, герой – будем лечиться?»

Особенно, когда понимаешь, что шансов у «героя» нет, именно

тогда это выглядит глупо и пошло. Во всяком случае, у этого мальчика, судя по всему, шансов немного: если, действительно, подобная динамика за неделю!..

– Тебя как зовут? – спросил он, погладив мальчика по опущенной головёнке, хотя уже видел имя и фамилию маленького пациента.

– Егор... – Ребёнок, наконец, поднял светло-карие глаза и посмотрел на врача.

Игорь Анатольевич протянул руку:

– А меня Игорь, Игорь Анатольевич, будем знакомы! Ты сейчас пока тут с тётей немного ещё посиди, она кое-что запишет, а я с твоими папой и мамой поговорю, хорошо? Мы с тобой потом ещё общаемся – нам много придётся разговаривать. Дай-ка я взгляну...

Врач наклонился и пощупал подмышки мальчика – так и есть, узлы просто огромные, вот же, чёрт!..

Ещё раз погладив мягкие волосы на головке маленького пациента, Игорь Анатольевич вышел в коридор. С ближайшей банкетки, обитой бордовым дерматином, вскочили мужчина и женщина, подавшись навстречу врачу с немymi вопросами в глазах.

Что можно сказать родителям тяжело больного ребёнка? Когда-то, опять же ещё студентом, Игорь пытался представить, как он будет беседовать в таких ситуациях: участливо, но сдержанно и, самое главное, без внушения несбыточных надежд, что просто-таки негуманно.

Спустя годы он постоянно вспоминал студенческие мечты именно в подобных ситуациях. Это воспоминание всплывало как раз в момент начала такой беседы, но буквально через секунду исчезало, уступая место куда более практическим вопросам и, увы, стандартным попыткам внушить надежду.

Он познакомился с родителями и поинтересовался для уточнения поликлинического диагноза, как давно Егор начал на что-то жаловаться. С их слов подтверждалось, что ещё неделю тому назад никаких симптомов болезни никто не наблюдал.

– Он вообще у нас всегда был здоровым мальчиком, – с трудом сдерживая слёзы, сказала мама, – даже всяких простуд и других

детских хворей мы как-то избежали. Никогда спортом особо не увлекался, но вот на доске недавно начал кататься...

Она всхлипнула. Муж обнял её за плечи – женщина уткнулась лицом ему в грудь.

Андрей Борисович, так звали отца, посмотрел в глаза врачу, и Игорь Анатольевич понял этот немой вопрос.

– Вы не волнуйтесь раньше времени, – сказал он, с трудом не отводя взгляда. – У нас специализированная детская клиника, мы сделаем всё возможное. Конечно, скажу откровенно, с таким скоротечным развитием болезни, ей-богу, сталкиваюсь впервые. Необычный случай, не скрою. Мы проведём все анализы повторно, чтобы исключить ошибки. Повторяю: не отчаивайтесь! Сейчас не девяностые годы, сейчас у нас и препаратов действенных много, и методики современные.

– Доктор, – Андрей Борисович чуть подался вперёд, – если нужны деньги на лекарства, и так далее – только скажите. Я не олигарх, конечно, но всё, что нужно...

Игорь Анатольевич покачал головой:

– У нас не районная больница, слава богу. Её от губернатора курируют – есть медикаменты, есть оборудование. Так что, не волнуйтесь ни о чём, спасибо. Скажите мне лучше вот что...

Он ещё поспрашивал родителей о возможных проявлениях болезни.

Оба в один голос утверждали, что буквально десять дней тому назад Егор вообще ни на что не жаловался: ни на утомляемость, ни на ломоту в костях – ни на что. Мальчик не был бледен, никаких спонтанных синяков или точек на коже – нормальный, подвижный, здоровый ребёнок. И вдруг всё изменилось в мгновение ока!

«Чёрт возьми, – подумал врач, – либо как-то проворонили пацана, либо... Даже не знаю, что это такое!» Дело в том, что, согласно всем справкам, ребёнок проходил обследование два месяца тому назад в школе, а школа, где учился Егор, была достаточно престижной, чтобы думать, будто там нет нормального врача. Так вот, и там не отмечено никаких жалоб.

– Травм он никаких не получал? Вы говорили, что Егор на

скейте катается. Травматичная забава, всё-таки. Мама повернулась к врачу, вытирая глаза платком.

– Не было ничего такого. Мелкие ушибы, конечно, случались, но сильно – ни разу, слава богу!

Игорь Анатольевич покивал:

– Ну, это, конечно, если бы была серьёзная травма, вы бы знали... А так, ничего необычного не происходило?

– Да, вроде, нет. Правда, была одна история... – Папа замялся. Его супруга удивлённо вскинула глаза:

– Андрюша, я не понимаю, ты чего-то скрывал?....

Папа покачал головой:

– Даже я понимаю, что это бред, но сейчас уже всё думаешь...

Врач с интересом посмотрел на Андрея Борисовича, ожидая продолжения.

– Видите ли, недели две тому назад, Егор действительно ударился головой. Упал со скейта...

– И ты молчал?! – Округлила глаза жена. – Как ты мог? Ну, знаешь...

Папа виновато развёл руками, обращаясь, скорее, к Игорю Анатольевичу, чем к жене:

– Егор просил не говорить матери – боялся, что она запретит кататься. А ударился он не так уж сильно. Правда, придя домой, он мне рассказал, что в голове у него как искры брызнули...

– Боже мой, боже мой! – Мама приложила ладони к щекам и отошла от мужа. Она села на банкетку, продолжая повторять «Боже мой!».

Мужчина растерянно посмотрел на врача.

– Вы курите? – спросил Игорь Анатольевич.

Мужчина кивнул.

– Покурим, вон там? – предложил врач, указав на открытую террасу за дверью в ближнем конце коридора.

– Маша, мы сейчас, – поспешно сказал Андрей Борисович.

Мужчины вышли на террасу. Несмотря на вторую половину октября, стояла прекрасная сухая погода, и на открытом воздухе даже в одном халате и футболке было вполне сносно.

Андрей Борисович рассказал про случай с падением. Действи-

тельно, ничего особенного, если не считать, что после этого через пару дней мальчик заговорил про то, что он видит астероид.

– Он у нас, к счастью, читает много, а не только у компьютера сидит, – говорил Андрей Борисович. – Терминологией владеет. Просто я не сказал матери про падение – ну чего её лишний раз волновать! Она и так с этим скейтом все уши прожужжала. А как мальчишке без таких штучек – мы же сами синяков получали, будь здоров, верно?..

Игорь Анатольевич согласно кивнул, затягиваясь сигаретой.

– Тем более, что у него и шишка-то была маленькая совсем.

– Уверю вас, – успокоил врач, – если всё действительно так, как вы говорите, то это не может быть причиной лейкемии. Я имел в виду серьёзные травмы костного мозга... А что за астероид, о котором вы упомянули? Ну, что-то Егор начал рассказывать?

– Я же говорю: он сказал, что увидел астероид. Что тот летит к Земле и упадёт на неё. А он пыгается этот астероид отвернуть в сторону...

– Простите, что значит – «увидел астероид»? Как увидел? В телескоп?

Андрей Борисович помотал головой:

– Нет, он стал говорить, что видит его как бы внутри себя... И вскоре у него начались жалобы на недомогание.

Игорь Анатольевич кивнул и затушил окурок в пепельнице на высокой ножке, стоявшей на террасе. Всё ясно: общее болезненное состояние спровоцировало навязчивые идеи.

– Дело, конечно, в том, что ребёнок уже заболел, – сказал он. – То, что он получил эту мелкую травму, не могло ухудшить положение. Хотя, думаю, стоит сделать томограмму черепа – вдруг есть гематома. Но с острым заболеванием крови это, разумеется, не связано, не терзайтесь. Я вас уверяю!

Они вернулись в коридор.

– Скажу откровенно, – Игорь Анатольевич внимательно посмотрел в глаза обоим родителям, – ситуация непростая. Но ещё раз повторяю: не паникуйте! В нашей клинике успешно лечат и более запущенные состояния. Лично заверяю, что сделаю всё возможное, и Егор ещё покатается на скейте.

Мама снова всхлипнула, но сдержалась, потому что из приёмной палаты вышла сестра Катя, ведя за руку Егора.

– Ну, как, – снова становясь добрым дядей-доктором, спросил Игорь Анатольевич, – вы уже познакомились с Катей?

Егор кивнул и слабо улыбнулся.

– Уверен, вам не безразлично взглянуть, в какой палате будет лежать мальчик? – спросил врач.

Родители дружно закивали.

– Пойдёмте, я вас провожу!

Палата родителям понравилась – насколько может в такой ситуации понравиться подобное место. Но, в любом случае, в этой клинике условия, действительно, были хорошими: палаты на четвёртых, в каждой туалет, холодильник и даже телевизор подвешен на кронштейне так, чтобы удобно смотреть с любой койки. Областная программа доступного здравоохранения не так быстро, как хотелось бы, но свои плоды приносила.

Егор занял одну из двух пустовавших кроватей, ту, что ближе к окну. Его мама начала было протестовать, но, убедившись, что стеклопакеты в раме не пропускают сквозняка, успокоилась. Угнетающе действовал вид двоих соседей по палате – два мальчика, одному на вид лет двенадцать, другой – постарше, с голенькими обритыми головами.

Родители долго прощались с врачом.

– Доктор, – спросила мама, – может быть, мне всё-таки стоило бы лечь сюда вместе с ним?

– Уверяю вас, это лишнее, Егор вполне взрослый мальчик. А у нас отличный сестринский персонал, не волнуйтесь.

Мама только вздохнула и посмотрела на мужа. Тот успокаивающе кивнул, хотя видно было, что он и сам себе места не находил.

– Завтра лучше не приходите, – посоветовал Игорь Анатольевич. – Разве что совсем уже к вечеру. Егор проведёт много времени на анализах. Его требуется обследовать по полной программе, чтобы прописать оптимальный курс лечения.

Мама уже спускалась в вестибюль, а Андрей Борисович задержался, и, улучив момент, когда рядом никого не было, потянул из кармана конверт.

– Доктор, не считите за бестактность, но я хотел бы попросить отнестись к нашему сыну с повышенным вниманием. Вот здесь некоторая сумма, а впоследствии я готов ещё...

Игорь Анатольевич укоризненно покачал головой, заведя руки за спину:

– Спрячьте! У нас нет разницы в отношении к больным по материальному статусу. Вот тот мальчик, что постарше в палате – у него очень состоятельный отец, а второй парнишка – его вообще воспитывает одна мама, диспетчер с железной дороги. Эти дети лежат в одной палате, и относятся к ним одинаково хорошо.

– Доктор! Я же понимаю, какие зарплаты у медиков...

Врач чуть усмехнулся:

– Ну, надо отдать должное, у нас здесь, зарплаты выше, чем в других больницах. Разумеется, на «мерседес», скопить сложно, но ко всем детям у нас относятся одинаково, во всяком случае, деньги папы не заставят относиться лучше. Как и отсутствие таковых – относиться хуже. Захотите отблагодарить после окончания лечения – можете сделать официальный перевод в премиальный фонд всего коллектива. Не скрою, такое практикуется. А пока – не переживайте о подобных вещах...

* * *

Сегодня Игорь дежурил, и ближе к вечеру заглянул в палату к новенькому. Егор лежал и читал книгу. Соседи по палате смотрели телевизор.

Увидев знакомого врача, мальчик обрадовался и попытался подняться, хотя явно чувствовал себя неважно.

– Лежи, лежи! – Игорь присел на стул рядом с кроватью. – Что читаешь? Ох ты, «Хроники Амбера»! Ну и как, нравится?

Егор кивнул:

– Особенно первые три. Так всё здорово. А потом пошло уже несколько надуманно...

Игорь приподнял бровь, невольно улыбаясь взрослым рассуждениям ребёнка:

– Вот как, надуманно?! Ну, брат... согласен с тобой. Я и сам примерно так же подумал, когда читал. Ладно, значит, ты фантастику любишь?

Егор кивнул. Выяснилось, что он читал действительно много – от Стругацких до Хайнлайна. «Гарри Поттера» начинал, но бросил –

ерунда полная, и вообще, фэнтези он не любит, а любит всё такое – про космос, звездолёты и разные технические штуки.

– А Шекли читал? – спросил Игорь, и когда выяснилось, что нет, пообещал принести завтра пару книжек.

Глаза Егора загорелись так, что если бы не бледная кожа, мальчик мог бы показаться вполне здоровым.

Они ещё немного поговорили про книги, и Игорь стал объяснять пациенту, какие анализы будут делать завтра.

– Ты, главное, не бойся ничего, всё это не будет больно. Анализы нужно сделать. Мы должны знать, как точно тебя лечить. Мы тебя обязательно поставим на ноги, как говорится. Ты ещё на доске своей покатаешься, будь уверен!

Егор вздохнул.

– А у меня тоже так... волосы вылезут? – тихо спросил он, доверительно наклоняясь к Игорю Анатольевичу и кивая на своих соседей.

– Это мы посмотрим. Но это как раз совсем не главное, дружище. Главное выздороветь, а волосы снова вырастут. А если кто-то посмеётся, так скажи, что дураки они! – Врач заговорщически подмигнул.

Вошла сестра и электронным термометром быстро измерила пациентам температуру.

– Ладно, братцы, всем – спокойной ночи! – Игорь Анатольевич поднялся.

Егор с явным усилием тоже встал с кровати.

– Лежи, лежи! – остановил его врач.

– Можно я немного пройдусь? – попросил мальчик. – А то целый день лежу...

Они вместе вышли из палаты.

В коридоре было пусто и темновато – освещение уже перевели на ночной режим, и только вдалеке в ярком пятне света настольной лампы за своим столиком что-то писала дежурная медсестра.

– Игорь Анатольевич, – позвал Егор, – можно вам кое-что сказать?...

– Конечно, говори, – с готовностью кивнул врач, серьёзно глядя на маленького пациента.

– Папа считает, что я немного того, – Мальчик покрутил пальцами у виска и усмехнулся совсем по-взрослому .

– Это почему же? – Игорь Анатольевич изобразил недоумение. Егор объяснил.

– Понимаете, мы давно с Витькой так играли: смотрели в небо и представляли, что мы направляем к нам падающие звёздочки, чтобы загадать желание.

– Витька – это твой приятель, как я понимаю?

– Ага, друг! А потом мы стали придумывать, как силой мысли астероиды поворачивать. Это когда «Армагеддон» посмотрели. Мы даже себе звания придумали – «хранители Земли»... А потом я как бы начал их чувствовать!

– Кого?

– Ну, какое-то движение, что ли, в космосе. Астероиды всякие...

– И у Витьки тоже получается – астероид чувствовать?

Егор вздохнул:

– Нет, он не чувствует, хотя и пытается сейчас мне помочь. Я думаю, что у меня это чётко начало получаться, после того, как я со скейта свалился и головой треснулся.

Игорь Анатольевич потрепал его по плечу, стараясь не показывать снисходительную усмешку, невольно начинавшую кривить губы:

– И ты считаешь, что астероид забирает твои силы?

– Не он забирает, – с лёгким удивлением возразил мальчик, – я сам их трачу. Ведь всем же будет плохо, если он упадёт!

– Ну, это-то – без вопросов! – согласился Игорь Анатольевич и спросил: – А откуда летит этот булыжник?

Егор пожал плечами:

– Я не знаю. Я чувствую, что он есть, он движется сюда.

Врач подвёл мальчика к небольшому дивану, стоявшему у окна, усадил и сам сел рядом.

– Послушай, Егор, – серьёзно сказал он, – ты ведь много читаешь. Если бы к Земле летел огромный астероид, его бы засекали астрономы. И люди предприняли бы меры, чтобы спасти Землю. Ну, буквально как в том же кино: запустили бы ракету с ядерным зарядом или что-то вроде этого.

– Да они же не видят ничего! – возразил мальчик. – Я вот тоже

читал, что постоянное наблюдение ведётся только за тремя процентами неба! Что астрономы могут увидеть?!

– Ну... – Игорь Анатольевич развёл руками: ему нечего было возразить. – Ладно, ты пока ложись спать, утро вечера мудренее.

Он проводил мальчика назад в палату и уложил в кровать.

Выйдя в ординаторской на лоджию, Игорь долго курил и рассматривал яркие, как алмазы, звёзды – небо по-прежнему оставалось ясным, хотя, по сравнению с дневным временем, ночью сильно холодало.

Судя по всем показателям, у парня острая лимфобластная лейкемия. Развитие её, разумеется, от не слишком сильного удара головой исключено, просто бред какой-то. Скорее всего, болезнь просмотрели – и школьные врачи, даром, что богатая школа, и родители. А парнишка бегал до последнего – дети есть дети, ведь пока не станет совсем плохо, их не заставишь и присесть.

Конечно, возможно ещё, что мальчик схватил где-то дозу радиации – вот только где? Надо было бы расспросить родителей, но, будь хоть какое-то подозрение на это, они бы сами сказали – люди образованные, перебрали бы все варианты. И, собственно, это какую ж дозу надо разово схватить или систематически где-то облучаться, чтобы вот так вот?.. Нет, такое очень маловероятно.

Игорь, поёживаясь, вернулся в ординаторскую, включил чайник, а сам сел к компьютеру и залез в сеть. Пошарив по разным новостным сайтам и в поисковых системах, он нигде не обнаружил сведений, что к Земле в настоящее время летит какой-то астероид. Слов про контроль трёх процентов небесной сферы он тоже не встретил, однако натолкнулся на фразу, которая привлекла его внимание: «...Отсутствие общемировой системы астрономического мониторинга не позволяет отслеживать все астероиды, приближающиеся к Земле. Об этом сообщила заведующая отделом космической астрометрии Института астрономии РАН Лидия Рыхлова».

– М-да, – пробормотал Игорь и, с хрустом потянувшись, сел к столу заполнять историю болезни.

Чайник давно вскипел и выключился, Игорь повторно подогрел его и заварил чаю. Он съёл кусок батона с вареньем и немного подремал на диване, потом прошёлся по постам дежурных сестёр и, вернувшись в ординаторскую, снова прилёг.

К счастью, на данный момент в отделении был всего один пациент в тяжёлом состоянии – мальчик, привезённый из области. И вот ещё теперь Егор – похоже, что лечение и в этом случае обещает быть непростым.

* * *

Утром обход совершал заведующий кафедрой профессор Чижев. Почитав историю болезни пациента Егора Селиванова, он долго глубокомысленно качал головой.

– Всё ясно, – заявил, наконец, профессор. – Анализы по максимуму, сегодня же! Это раз. Готовьте к переливанию крови – два! Но, думаю, что радикальной методы не избежать. Ищите доноров – на сто процентов потребуются пересадка.

Игорь Анатольевич вздохнул: он и сам прекрасно понимал, что мальчик не избежит облучения или убийственной химиотерапии. Сама по себе пересадка костного мозга – процедура простая, но вот пичкать мальчика цитостатиками...

По первому звонку в клинику примчались родители Егора и сдали анализы на совместимость. Можно сказать, мальчику повезло – по антигенам костный мозг Андрея Борисовича совпадал с сыном.

– Будьте готовы, – напутствовал врач отца Егора. – Думаю, всё решится на следующей неделе. Сейчас мы ему попереливаем кровь, мальчик будет получать специальные препараты. После этого снова сделаем гематограмму – будет видна динамика. Если улучшения не произойдёт вообще – придётся провести усиленный курс химиотерапии, а потом пересадку костного мозга.

– Игорь Анатольевич, – подалась вперёд мама, – это тяжёлая операция?

Игорь вздохнул:

– Да нет, не серьёзнее переливания крови. А вот химиотерапия, конечно, штука... м-м... нехорошая, чего уж скрывать. Но, как вы понимаете, это крайняя мера. Профессор Чижев специалист мирового уровня. Если он сразу сделал подобное предположение, думаю, придётся действовать именно по этой схеме.

Егору делали переливания крови, он часами лежал под ка-

пельницами. Видно было, что мальчик чувствует себя всё хуже и хуже. Игорь Анатольевич заглядывал в палату номер двенадцать по несколько раз в день.

Мальчик, если не было очередной процедуры, лежал с закрытыми глазами. Он не то что уже мало общался с соседями, но даже книги, которые принёс врач, почти не открывал. Два раза к нему приходил друг Витька, темноволосый коренастый мальчонка. Он сидел у кровати Егора и молча сопел – только иногда они о чём-то шептались.

Если откровенно, Игорю Анатольевичу показалось, что и у Витьки не цветущий вид, но он отнёс это на счёт переживаний о здоровье друга.

Присев за стол в ординаторской, Игорь ещё раз посмотрел все анализы – из поликлиники и уже новые, сделанные у них в отделении. Гемоглобин, эритроциты, лейкоциты, тромбоциты, и так далее – плохо по всем показателям!

В пятницу утром на очередном консилиуме профессора Чижова было принято решение начать радикальное лечение со следующей недели. Во вторник Егору собирались начать усиленный курс химиотерапии, а после него – провести пересадку костного мозга.

В субботу Игорь дежурил в отделении и, как всегда, заглянул к маленькому пациенту. Соседи по палате, Кирилл и Артём, резались в «Монополию» и параллельно смотрели телевизор – у них дела шли на поправку, их через пару дней выписывали. Егор, казалось, спал. Когда Игорь подошёл к кровати, мальчик открыл глаза и вымученно улыбнулся. Его уже постригли наголо – от получаемых препаратов, как обычно, волосы начали выпадать.

Врач присел на край постели.

– Ну что, герой? – поинтересовался он. – Как настроение?

– Мне очень трудно, – ответил Егор и добавил совсем тихо, чтобы никто не слышал: – Он очень большой, его трудно увести в сторону, я боюсь...

Игорь Анатольевич понял, о чём идёт речь. Он наклонился поближе и спросил:

– Знаешь, этот астероид здорово мешает тебя лечить! Когда уж он улетит к лешему?

Егор вздохнул и повторил:

– Он здоровый, потому и трудно. Но как только он пролетит мимо, я выздоровею. Я ведь и пытаюсь сделать так, чтобы он на Землю не упал.

Игорь Анатольевич покачал головой.

– Смотри, ты не слишком усердствуй. А то нам совсем сложно лечить тебя станет. Ты уверен, что он может упасть?

– Я чувствую! – ответил мальчик, закрывая глаза. – Всё станет ясно уже скоро, совсем скоро...

Дыхание его сделалось ровным и размеренным – Егор уснул.

Врач осторожно поднялся, поправил одеяло на кровати и, попросив ребят уменьшить громкость телевизора, вышел.

* * *

В понедельник Егора перевели в чистую стерильную палату: при подавлении собственного костного мозга мальчика иммунитет снизится почти до нуля – потребуется полная изоляция от возможных инфекций.

Перед тем, как дверь палаты закрыли, Егор позвал врача:

– Дядя Игорь, я ваши книжки потом прочитаю.

– Конечно, потом, – заверил Игорь Анатольевич. – Тебе понравится, я уверен.

– Да я не это хотел сказать. – Мальчик дышал тяжело. – Вот-вот всё закончится, понимаете? Ещё совсем чуть-чуть...

Врач кивнул:

– Ну, конечно, ты только не слишком волнуйся. Завтра у тебя начнётся курс лечения специальными лекарствами. Они, конечно, противные, но это надо сделать, ты должен терпеть. А потом приедет папа – тебе пересадят его костный мозг, и ты начнёшь поправляться, я обещаю.

– А для папы это не опасно – забирать у него костный мозг?

– Ну что ты! Взрослым такие штуки не опасны, если они здоровы, а твой папа здоров. Даже немного на пользу пойдёт.

В коридоре Игоря Анатольевича встретила Мария Сергеевна, и врач немного напрягся – ему всегда было проще иметь дело с отцами, чем с матерями. Игорь не мог объяснить, почему так – воз-

можно, дело в том, что отцы, как мужчины, более рационалистичны и толстокожи. Матери всё чувствовали острее и сильнее поддавались эмоциям. Но сейчас Мария Сергеевна казалась на удивление спокойной.

Поздоровавшись, она сказала, глядя прямо перед собой:

– Игорь Анатольевич, я хотела вас попросить окончательно сказать всю правду...

Врач понял, что относительно спокойствия он ошибся: нервы мамы Егора были на последней стадии напряжения.

– Скажите мне, насколько эти процедуры опасны для мальчика? Умоляю!

– Мария Сергеевна! – Врач развёл руками. – Вы же сами понимаете. Современные методы позволяют сводить все риски к минимуму. Конечно, я бы обманывал вас, если бы стал уверять, что мощная доза токсичных препаратов, убивающая собственный костный мозг ребёнка, полезна ему, как, скажем, купание в тёплом море. Но только так мальчик получает реальный шанс на выздоровление, а в противном случае...

– Нельзя ли продолжить лечение более щадящими методами? Вы же ещё недолго лечите Егора!

– Не совсем так. Мы сделали уже пять переливаний. Не хочу пугать, я понимаю, каково вам, но в гематограмме по-прежнему резко отрицательная динамика, нет никакого торможения развития болезни. Поверьте: в подобной ситуации химиотерапия и потом пересадка – единственные стоящие методы! И, возможно, одним циклом не ограничится, возможно, придётся возить и на облучение. Профессор Чижев – специалист очень высокого класса, он знает, что делать.

Мария Сергеевна вздохнула и, пробормотав «Я понимаю, понимаю...», вдруг быстро вышла из отделения. Игорь развёл руками и, догнав женщину, проводил её до поджидавшей машины.

– Крепитесь, – сказал он, понимая, что любые слова просто излишни. – Мы сделаем всё возможное, поверьте!

Мария Сергеевна кивнула:

– Я вам верю... – И снова заплакала.

Утром во вторник Игорь, как всегда, завтракал на кухне один – жена и дочка покидали дом, как правило, на час позже его.

Дикторы «Доброго утра» вещали о разных новостях и событиях. Размешивая кусочек сахара в чашке, Игорь думал о своём маленьком пациенте и рассеянно слушал новости.

– ...А сейчас последние вести из небесной канцелярии, – заявил бодрый загорелый ведущий. – Вчера вечером в девятнадцать часов двадцать две минуты по московскому времени Земля разминулась с астероидом, который, как оказалось, даже не входит в каталоги астрономов. Гость из бездны диаметром почти три километра благополучно миновал нашу планету на дистанции в четыре раза ближе, чем расстояние от Земли до Луны...»

Ложка выскользнула из руки Игоря, резко звякнув по керамической плитке пола.

– ...Самое удивительное, – продолжал диктор, – что заметили небесного скитальца лишь тогда, когда он уже фактически пересекал орбиту Земли. Можно считать, что нам всем неслыханно повезло. Это лишний раз свидетельствует о необходимости создать всемирную службу слежения за небесной сферой, чтобы предупреждать...

Игорь, будя домашних раньше времени, опрометью кинулся прочь с кухни и вообще из квартиры. Охранники удивлённо проводили глазами обычно спокойную голубую «десятку», сейчас вылетевшую со стоянки, визжа резиной.

Отдышавшись в ординаторской, где его встретила Валентина, дежурившая в ночь, Игорь быстро переделся и заглянул в стерильную палату.

Егор уже не спал. Он читал книгу и грыз яблоко.

– Дядя Игорь! – обрадовался мальчик. – Какая книжка прикольная – «Обмен разумов»! Спасибо, что принесли её.

Игорь Анатольевич смотрел на порозовевшие щёчки пациента и медленно кивал. Потом подошёл и потрогал лоб Егора – даже на ощупь температура нормальная.

– Ну, и как ты себя чувствуешь? – ощущая сухость в горле, поинтересовался врач.

– Хорошо, сегодня очень хорошо! Это, наверное, потому, что мне не давали вчера этих противных лекарств. И ещё... – Мальчик понизил голос, словно их мог кто-то подслушивать, – он мимо пролетел, я чувствую. Мне не надо больше напрягаться!

Игорь Анатольевич кивнул, не моргая глядя на мальчика:

– Да, я слышал: он действительно пролетел мимо.

– Вы только никому не говорите, ладно? А то папа и так считает меня того, – Егор хихикнул и покрутил пальцем у виска. – Он даже маме это не говорил, она бы меня сначала к психопату потащила, а не к тётке терапевту в поликлинике.

– Психиатру, – машинально поправил Игорь Анатольевич и пообещал, отступая к двери: – Ты читай, читай, мы ещё поговорим после.

– А у вас ещё книжки есть интересные?

– Есть, у меня их много. Я тебе обязательно дам...

Он вышел из палаты, словно не зная, куда идти, и вдруг присел у стола дежурной сестры.

– Что с вами, Игорь Анатольевич? – обеспокоенно спросила разбитная Галочка. – Вы себя неважно чувствуете?

Игорь Анатольевич покачал головой:

– Нет, Галя, наоборот – кажется, мне хорошо.... Так! Отмените парнишке химиотерапию – посмотрим ещё немного, как у него дела пойдут.

– Как же так?! – удивилась Галина. – Ведь профессор назначал...

Врач накрыл ладонь девушки своей:

– Всё нормально, с профессором я сам переговорю. Уверен, мальчик пошёл на поправку. Зачем его зря долбить адрибластином или вообще лучевой пушкой?

– А ему сегодня, действительно, лучше, – заметила сестра. – Я утром смотрела: бодренький, читает даже. Может, ремиссия у мальчика? Повезло, если выкарабкается.

– Он выкарабкается, – уверенно кивнул Игорь Анатольевич. – А нам, похоже, всем повезло...

– И, кстати, – словно самому себе, добавил он, уже встав со стула, – надо будет ещё одного мальчика у нас обследовать. Так, на всякий случай: вдруг он всё-таки тоже – хранитель Земли?

Дом для человечков

В городе была стройка, а вокруг стройки – высокий забор. Бежал мимо забора Стёпка-сорванец. Хотел заглянуть в щёлку – нет щёлки; хотел взобраться на забор – не допрыгнул. Ну и ладно! Вытащил Стёпка из кармана цветные мелки и нарисовал на заборе четырёх весёлых человечков.

Тут Стёпка увидел, что по улице идёт дядя Гена, сосед. Увидел – и убежал. Остались человечки одни на заборе. Час стоят, два... Надоело! Скучно!

– Что это за жизнь – на заборе сидеть?! – возмутился Белый.

– Несправедливо! – выкрикнул Зелёный.

– Может, пойдём путешествовать? – предложил Синий. – Найдём себе настоящий дом!

– Давайте! – обрадовался Красный.

Человечки спрыгнули с забора и разошлись в разные стороны. Белый вприпрыжку бежал по широкой улице и увидел школу.

Шла перемена, и всюду – во дворе, в коридорах и классах – звучал смех.

– Как у них здесь весело! – обрадовался Белый. – Буду жить с ними!

Он забежал в класс и тут же взобрался на школьную доску.

Всю перемену простоял Белый на доске, а вокруг веселились и смеялись ребята. Но вот прозвенел звонок, все сели за парты, а в класс вошла учительница.

– Как же мы будем решать примеры? – сказала она. – Ведь на доске нарисован человечек! Нужно стереть его – он нам мешает!

Услышал это Белый – и шмыг за дверь! Еле ноги унёс...

Синий тем временем шёл по улице и увидел огромное белое здание с большими окнами. Зашёл внутрь и увидел конструкторов. Конструкторы придумывали новые автомобили, самолёты, корабли

и рисовали их на больших белых листах. Эти рисунки назывались проектами.

Долго бродил Синий по конструкторскому бюро, рассматривал проекты и вдруг на одном из листов увидел красивый пароход.

– Вот это да! – закричал Синий и тут же вскарабкался на лист. Он сел на нос парохода и стал командовать, как настоящий капитан: «Полный вперед! Полный назад!»

Но тут к листу подошёл один из конструкторов и увидел Синего.

– Ой-ой-ой! – запричитал он. – Ай-я-яй! Целый год я придумывал этот пароход, а кто-то нарисовал на нём человечка! Всё испорчено, всё!..

Стало Синему стыдно. Юркнул он с листа – и был таков...

А Зелёный шёл-шёл и вышел за город, к реке. На берегу сидел художник и рисовал картину. Были на картине и река, и берег в цветах, и белоснежные облака в голубом небе! Картина получалась – как живая! Зелёный незаметно подкрался к художнику, посмотрел и решил: трава на картине зелёная – и я зелёный, заберусь – художник и не увидит. Сказано – сделано. Забрался он на картину. Лег на нарисованном бережку. Нарисованное солнышко греет... Хорошо! Но тут художник пригляделся и всё-таки увидел Зелёного!

– Что это такое? – возмутился он. – Ты почему здесь оказался? Ты на этой картине совсем не нужен! Уходи поскорей, а не то я тебя закрасю!

Испугался Зелёный, прыг с картины – и наутёк!

Красный человечек, как и его друзья, шёл по городу и увидел: сидит у открытого окна девочка Яна и собирает рисовать. Разложила на столе альбом, карандаши и краски... А воду для кисточек забыла. Побежала Яна за водой, а Красный тем временем – раз! – и в альбом юркнул.

Раскрыла Яна альбом и руками всплеснула:

– Ой, какой весёлый человечек! Как здорово, что ты здесь появился! Только тебе, наверное, скучно будет на пустом листе? – И Яна тут же нарисовала для Красного дорогу. Дорога вела к красивому домику, а вокруг росли яблони.

Чтобы было светло, Яна нарисовала солнышко, а чтобы Красно-му не было одиноко – большую добрую собаку.

Тут Яну позвали спать, и она закрыла альбом.

Когда все заснули, Красный выбрался из альбома и сел на подоконник. Большая добрая собака села с ним рядом. Они ели мороженое и рассказывали друг другу разные истории. Вдруг видят: бредут по ночной улице Белый, Синий и Зелёный.

Не нашли они себе дома и решили возвратиться на забор.

– Братцы! – закричал Красный. – Как здорово, что вы нашлись! Забирайтесь все сюда!

Утром Яна раскрыла альбом и ахнула: вместо одного весёлого человечка на листе было нарисовано целых четыре!

– Вот так чудо! – засмеялась Яна и захлопала в ладошки. А человечки на листке стояли смирно и улыбались. «Разве это не чудо? – думали они. – Самое большое, самое счастливое чудо – это то, что у нас теперь есть свой дом». Да, теперь они знали, где должны жить нарисованные человечки – в альбомах у мальчишек и девчонок.

Неправильный Коська

Зайцу Коське на нос упала снежинка, он чихнул и проснулся.

Кругом было белым-бело.

– Ур-ра! – заорал Коська. – Зима пришла!

Коська захлопал в ладоши и вдруг увидел, что лапки-то у него... серые.

– Ой, – сказал заяц и посмотрел на брюшко. Брюшко тоже было серым.

– Ой-ой! – закручинился Коська. Он оглянулся на хвост – может, хотя бы хвост будет белым... Но тот тоже оказался сереньким.

– Что же делать, как быть? – захныкал Коська.

Собрались вокруг Коськи зайцы. Все в новых белых шубках. Стали советы давать.

– Нужно найти Деда Мороза и попросить у него зимнюю шубку! – говорит один.

– Нет! – кричит другой. – Надо отыскать волшебную морковку и съесть! Шубка сразу побелеет!

– Не слушай их! – встречает третий. – Нужно дождаться полнолуния и станцевать на главной лесной поляне! Тогда под Луной твоя шубка побелеет!..

Расшумелись зайцы, раскричались. Услышал их волк – и тут как тут!

Все врассыпную. Кто под куст, кто под дерево, кто просто в сугроб с головой. Зайцы беленькие, их на снегу не видно. Один серый Коська – как на ладони, вместе с ушками, лапками и хвостиком.

Бросился Коська со всех ног, да только у волка лапы длиннее. Загнал Коську под берег, схватил. Пасть распахнул – зубищи как гвозди!

Всё, думает Коська, конец жизни заячьей пришёл!

А волк поглядел на Коську, поглядел, да пасть опять захлопнул.

– Странный какой-то заяц, – говорит. – Не белый. Ненастоящий, что ли?

– Ага, – соврал Коська, глаз от страха не открывая. – Ненастоящий.

– Фу! – сморщился волк и отпустил Коську. Отправился белых зайцев ловить.

Ну, думает Коська, пронесло. Только так подумал, откуда ни возьмись – лиса.

– Ой, – говорит. – Зайчишка! Хорошо-то как! Не нужно далеко за ужином бегать!

– А я... Это... Ненастоящий...

Только лиса хитрее волка оказалась.

– Снаружи ненастоящий, а внутри?

Коська не разрешил смотреть, какой он внутри. Так помчался, что только пятки засверкали. Никогда так в жизни не бегал! Остановился, только когда лес кончился. Под ногами чёрная лента, а вдоль нее столбики стоят, белые, как правильные зайцы. Не успел Коська всё это разглядеть, вылетел откуда-то зверь невиданный.

Глазищи – как шары, горят, лапы круглые, крутятся, и рычит как двадцать волков.

«Теперь – точно всё, – подумал Коська, – от такого не убежишь. Сейчас тоже начнёт смотреть, какой я внутри».

Маленький Коська был, глупый, машин никогда не видел.

Вышли из машины папа и дочка, увидели зайчишку, который от страха дрожит, и забрали с собой.

Теперь Коська живёт в городе, в большой тёплой квартире. Каждый день ест морковку, правда, не волшебную, а обыкновенную. Зато никто не удивляется, почему он зимой серый оказался.

Только Коська всё равно Новый год ждёт. Вот придёт Дед Мороз, и Коська у него попросит в подарок белую шубку.

Сказки-побаски бабўшкы Марии

СКАЗКА ПРО ОКУТУ С ТОГО СВЕТА

Жили-были старик со старухой. Один у них был сынок – Доронюшка, и тот помер. Вот встала старуха утричком поране, сварила шти крапивны, кашу перлову, и испекла пирог гороховой...

– Садись, старик, завтрикать...

– Да я чо-то пока не проголодался...Пойду в поле, пороблю сперва. Потом приду, поем...

Вот ушёл старик в поле, а в двери – шасьт – пройдоха один. Бродяжка с большой дороги! До того грязен и оборван – страсть!

Старуха и спрашиват:

– Ой, батюшко, штой-то ты грязной такой? И лопотина-то у тебя вся изорвана... Уж ты – не Окута ли с того света?

– И как только ты дозналась, баушка! До чо жо востра! Верно ведь, Окута я с того света!

Старуха так и вскинулась: – Ой, батюшко, дак не видал ли ты там сыночка мово Доронюшку?

– Как не видать! Видал, конешно!

– А чо жо он там подельват?

– Ой, баушка! Ведь он свиней по оврагам да по буеракам пасёт. Весь поизносился, поизорвался!

– Дак не передашь ли ты ему гостинчик от родителей, да справу каку?

– Как не передать дружку дорогому! Мы ведь с им вместе свиней-то пасём!

Заревела старуха, кинулась дорогому гостю на стол собирать. И шти крапивны выставила, и кашу – весь горшок, и пирог, горячий ипшо, – из печи вынула: ешь, гостенёк!

Наелся Окута, напился. Всё приел, что на столе было. Только на гороховой пирог силы уж не хватило. Дак он пирог-от в тряпицу

завернул. С собой, дескать, для Доронюшки. А старуха тем времём сундук распахнула, бросила на радостях на пол праздничную вышитую скатёрку, которая нечаянно под руку попала, – и давай из сундука на скатёрку всяко добро складывать:

– Вот Доронюшке – онученьки, вот – рубашечку, вот – порточки, а вот – и лапоточки...

Цельной узол добра в скатёрочку навязала. Окута узол на плечи закинул – и был таков! Тут и старик с поля явился:

– Ну, давай, старуха, собирай на стол! Я, знать-то, проголодался!

– Дак ничо уж нетути, батюшко!

– Как, нетути? А куды всё подевалося? Неуж одна съела?

– Ну-к, ты и скажешь, родной! Нешто я без тебя эстоль съела бы! Это у нас гостенёк дорогой был – Окута с того света. Он вместе с нашим Доронюшкой на том свете по оврагам да по буеракам свиной пасёт. Голодной был шибко, дак я всё ему и скормила.

У старика от такой новости в животе уркнуло-буркнуло, ну, стерпел, не стал ругать старуху. Только глядит, а сундук, в котором всё добро домашно складено, пошто-то настежь разинутый стоит.

– А чо это у тебя, старуха, сундук-от – полый?

– Ну-к, сказывал Окута, что Доронюшка-то наш весь поизносился, да поизорвался, дак я ему выслала онученьки, да рубашечку, да порточки, да лапоточки...

Старик только головой покачал. Вышел из избы вон, пал на лошадь, да гнать. Долго ли, скоро ли – догонил Окуту с узлом:

– Стой, парень, ломай вицу!

– Не могу. Я кокушки боюсь...

Слез старик с коня, пошёл сам в лес берёзову вицу ломать, штоб было чем Окуту драть. А Окута – не будь дураком, пал на лошадь – да гнать!

Старик кричит:

– Стой, парень! Стой! А кокушка-то! Кокушка!

– А, теперь – хоть с избушку кокушка – и то не боюсь!

Только старик его и видел. Пришёл домой пеши. Старуха спрашивает:

– Старик, а лошадь-те где?

– Дак Окуте отдал. Што ли, тебе Доронюшка-то – сынок, а мне – пасынок?!

ПОБАСКА ПРО СУСЕДУШКА-БУКАНУШКА

Сегодня наши старшие пораньше с домашними делами управились. Мама уже сходила на ночь попроведать Маечку. Новая Майкина дочка – Звездочка угомонилась за своей загородкой. Свет ещё не успели отключить, и мама «безделицей» занялась: из белых, как снег за окном, ниток очередное покрывало вяжет. Мечта у ней: всем нам – трём девкам – по такой нарядной, кружевной, легкой пелене сделать в приданое. Старый от дверной ручки чуть не до окошка натянул прядь серых, «домодельных» ниток и дратву воцит – очередные валенки подшивать. А Стара взялась из надранных загодя тряпочек круглый коврик плести под ноги на холодный пол. Руки заняты, а язык-то свободен. И начинается...

– Сказывала моя баушка, што однажды её сам Хозяин давил.

– Какой – Хозяин?

– Да Суседушко-Буканушко...

– А какой он? Где живёт?

– А такой. Ежели к ему – с добром, дак и он с добром. Убирашь со стола – дак оставь и Ему крошечку, а на праздник – и чуток кашки в чашке нечаянно забудь. В нову избу перебираешься, с собой позови, а то осердится. И будешь потом маяться без своего домового: всё добро скрозь пальцы уйдёт. Которой домововой помоложе – за печкой живёт, а который постаре – под печкой. Буканушко – он над всем домом, над всёй скотиной – Хозяин. Видеть Его нельзя, а вот услышать – можно. Он, вить, как человек. Ему тоже и весело бывает, и скушно. Как заскучат, зачнёт шутки шутить. У меня вот всё спички норовит спрятать, и посмеиватся, пока я их ишу. Скажешь Ему: «Ну, ладно уж! Поиграй да отдай!» Он и подсунет их куда-нето на видно место. А то возьмётся вздыхать, да постанывать. Это он меня пугат. Только я Ему и скажу: «Што, Суседушко, вздыхашь? Али мышши одолели? Я их счас, окаянных! Кыш! Кыш!» Он и развеселится.

– А как он баушку-то давил?

– А она тогда ещё молода была. И вот спит это она. А домововой, не к ноче будь помянут, на неё навалился и давит ей на грудь, и давит! У ей уж дыханья не хватат, а Он всё давит. Она Его и спрашиват: «К добру пришёл али к худу? А Он как дунет ей в лицо, ажно

волосья зашевелились. «К худу, – говорит, – к худу!». Ну, у ей на другой день робёночек и помер.

...Я так и замираю от ужаса, представляя, как кто-то невидимый давит бедной женщине на грудь, как глухо говорит ей это зловещее «к худу!», и как она плачет потом над мёртвеньким ребёночком.

ПОБАСЁНКА ПРО КОСИ-НОГУ

А это, говорят, – Припасиха, а зима – Прибериха. Припасы-то кой-какие у нас, конечно, ещё есть. Только, когда каждый день – бураны да бураны, а морозы такие стоят, что мама не решается яму открывать, чтобы не застудить её, то мы уже и голой картошке радехоньки. А тут – на тебе! Оттеплено, наконец! И то сказать, март на дворе, а с крыши ещё ни единая сосулька носом вниз не нацелилась. И всё ж таки – отступили большие морозы, и наш Ваня слазил в яму не только за картошкой, а и капустки достал квашеной, и огурчиков солёненьких из бочки.

И вот мы жадно выхватываем из-под Старинных рук эти самые огурчики, сложенные горкой в миске. Они – маленькие, пузатенькие, крепенькие. С одного боку к огурчишке вишневый листочек прилип, с другого – тоненькая беленькая пластиночка чесночинки. А из миски мокрые растопыренные зонтики укропа торчат и па-а-ахнут – на всю избу. Куснёшь – и мастерски посоленный крепкий огурчик так и хрустнет под зубами, так и брызнет тебе на язык холодной, солоновато-кисловатой, зеленовато-прозрачной, аппетитной мякотью, сквозь которую просвечивают белые семечки. И потом долго держится во рту этот незабываемый вкус.

Как же они назывались – те огурчики?! Ах, да – Муромские и Неросимые. Других сортов и не знали в наших деревнях. И не помню, чтобы огуречные плети их когда-нибудь чем-нибудь болели. То ли вовсе тогда болезней огородных не водилось, то ли спасала от них крапива по краям гряд. Разве что под самую осень пожелтеют плети, и ты переворачиваешь их, заглядываешь, не прячется ли где ещё какой-нибудь крутобокий малец, не прихваченный первым морозцем...

Ну, земляным-то огурцам не грех и до морозов жить. Они-то своих

первых детёнышей не торопились выдавать! А в начале лета нас дразнил соблазном ранний урожай с навозной гряды. Остренькие, похожие на крохотные лодочки огуречные семечки, подогретые теплом уже перепревшего сверху, а внизу ещё перегорающего навоза скорёхонько пускались в рост в своих глубоких земляных ямках. При похолоданиях мама бережно прикрывала эти ямки ветками, набрасывала сверху старые половики, и зелёные выскочки сидели там в тепле, как в гнездышках.

Но вот миновали ночные заморозки – и, глядишь, уже поползли ко краям высоченной, широкой гряды зелёные плети, и завились на них первые цепкие усики, и зажелтели ярко-жёлтые, нарядные, как солнышко, цветочки. (Мы наперегонки искали мужские, без зародышей, цветы, обрывали их и ели – самое первое, летнее, сладкое огородное лакомство!). А там уже и первые крохотные огурчёночки повисли. Напиваются досыта летними дождичками, тёпленькой водичкой, которую мы таскаем на грядку из бочки, наливаются соками под летним солнышком.

И тут уж у Стары – одна забота, как бы уберечь от внучкиных и соседских ручонков два самых-самых первых?! Потому что у ней на эти два огурчика – свои виды. Первый положено было торжественно разрезать по вдоль на шесть равных долек: маме, Аннушке, Ване, Вале, Нине и самой Старе. И съесть свою дольку надо было столь же торжественно, с благодарностью огурцу за то, что поспел, солнышку – за то, что грело, дождичку – за то, что поливал, Господу – за то, что дал до такой радости дожить. Второй огурчик шёл на первую летнюю окрошку. Для неё и квасок заранее готовился, и картоха загодя варилась, и сметанка в яме, в крыночке холодилась.

А укараулить Старе эти огурчики помогал Коси-Нога.

– Стара, а кто он такой – этот Коси-Нога?

– Да сродственник он нашим Буканушке и Баннушку.

– А где он живёт?

– Ну, летом-то – в огуречнике, у плетня, в крапиве, а зимой на постой просится – то к Баннушку, то к Буканушке. Ежели с Баннушком сговорится, дак у его в бане под полком зазимует, а ежели с Буканушкой – дак в избе, под печкой. Ну, живут, живут, а зима-то у нас – эвон кака длинна. Ну, и надоедят друг другу до смерти. Ругаться да драться примутся. Слыхали, поди, как нонче ночью на крыше орали?

– Стара, дак это коты оралы! Наш Барсик да Васька парамоновский. Они всё эту чёрну бродячу кошку, котора к нашему огороду прибилась, поделить не могут.

– Разве? Ну, может, и коты. Только ежели Буканушка с Коси-Ногой счинятся драться, дак орут точно также. Они ведь ещё и потому ссорятся, что Буканушко-то над всем домом, и над двором, и над скотиной Хозяином поставлен... И над огородом норовит покомандовать. А Коси-Нога-то не соглашаты к ему в подчиненье идти. Мол, ты там хозяйнуй, а огород – моё дело. И никоторой никоторому уступить не хочут.

– А зачем этот Коси-Нога в огуречнике живёт? Да ещё в крапиве? Его, што ли, крапива-то не жалит?

– Дак он ведь мохнатой, чо ему крапива-то!

– А пошто его так зовут – Коси-Нога?

– А у ево, вишь ли, коса есть, штобы огород блюсти от воров. Вот, ежели заберётся воришко за огурчиком, морковкой либо подсолнушком, он косу-то в ход и пустит. Как взжикнет – так ты и без ноги! Видала, поди, возле сельсовета мужика одноногова. Вот ево в детстве Коси-Нога и чиркнул по ноге-то.

– Ну, Стара, ну, чо ты врёшь! Тот мужик-от с войны без ноги пришёл.

– А-а, дак я про другова вовсе, а не про этова, про которова ты думаешь.

– А пошто этот Коси-Нога тебя не трогат?

– Дак ведь не дурак он – на хозяйку-то махаться. Он свой порядок знат...

– А я, например, тоже хозяйка?

– Э-э, милая, ты с сперва с моё поживи, да поробь. Может, тогда хозяйкой станешь. А пока он тебя за свою не признает. Ну, разве што, со мной живёшь, дак он, может, по первости не косою, а крапивою понужнёт, ежели зайдёшь в огуречник без спросу. А шибко осердится, дак и за косу может взятыся. Так што, гляди...

...Гляжу, Стара! Гляжу...

Степная легенда

Бесконечна и просторна степь, как само небо. Изумрудными волнами колышутся травы под тёплым весенним ветром, разливаясь до самого горизонта. И как в небе гром, случается здесь, что загудит земля, как огромный барабан – то мчит табун лошадей! Солнечные блики играют на мускулистых боках, бьются, развиваются на ветру гривы и хвосты. Не ведаёт степь ничего, что могло бы сравниться с этими животными в их красоте, выносливости и полезности для людей, давно населивших эти края.

Никто уже не вспомнит точно, откуда появились здесь гузаки – суровый и мужественный, некогда кочевой народ, с задумчивыми и протязными песнями, с простыми и искренними молитвами.

Давно считают гузаки эту землю своей и, не щадя живота, защищают её от непрошенных иноземцев, не страшась выходить в одиночку даже против дюжины – такой уж непокорный богатырский дух обитает в их отважных сердцах.

Непросто найти равных им в воинском искусстве: стрельбе, сабельной схватке, верховой езде, потому что больше всего на свете дорожат гузаки своей вольной судьбой, своей свободой.

На смену старым боевым лошадям в табуне подрастает молодежь, а в семьях растут мальчишки-гузачата – они выбирают жеребят по душе, чтобы с ранних лет готовить себе помощника для грядущих ратных дел.

Так было когда-то и с жеребцом по прозвищу Гривна. Уже двенадцать лет топчет он степной простор, тысячи вёрст отпечатал своими копытами и много чего отведал на своём лошадином веку: знавал голод и холод, был мечен копьями и саблями вражьими, неприятельской пулей и стрелой. Не умел он жалеть себя и всегда из любого пекла выходил живым, вынося на себе воина – своего первейшего и бессменного товарища-гузака. Так было всегда. И для человека не существовало более надёжного и верного товарища, чем конь.

Пришёл день, когда с далёких чёрных гор, точно волчья стая, налетела бешеная басурманская ватага: чинить разбой, жечь жилища, уводить в полон женщин и детей, безжалостно опустошая степь. И настал час решающей битвы. Ураганной лавой врезалась в неприятельскую орду конница гузаков. Как вода в котле, залокотала, закипела беспощадная сеча, страшнее которой давно не видывал свет.

Гремели выстрелы, сотнями молний блистали сабли, пронзительным звоном раскалывая сухой воздух; конское ржание и человеческие крики – всё смешалось в одну страшную музыку. Степь стонала от рассвета до заката.

Уставшее солнце уже валилось за горизонт, таяли силы и тех, и других. И хотя врагов было больше, гузаки всё же теснили неприятеля.

Близок был победный час, когда вдруг почувствовал Гривна, что легко ему стало – нет на нём седока! Вражья пуля угодила прямоком в отчаянное сердце хозяина. Выпустил он поводья, рухнув из стремян наземь бездыханным. Но не успел опомниться конь, как кто-то решительно и грузно вскочил в его седло. Гривна сразу почувял, что это чужак! Он попытался сбросить его, закружил, вскидывался на дыбы, но опытный и сильный наездник удержался в седле – обжигая бока, пустил коня в галоп, уходя от места схватки. Двое гузаков пустились преследовать неприятеля. Их пули пронеслись совсем рядом, в чутких ушах Гривны тяжёлое дыхание врага разорвалось их пчелиным пением, но выстрелы не достигли цели. Конь силился замедлить бег, подставить свой бок под пулю, но это было выше лошадиных сил – удача была на стороне чужака. Он гнал коня всё дальше и дальше.

Прошло немало времени. Далеко ушёл конь от родных ковылей, от того места, где в кровавом диком поле остался лежать его сражённый друг. Стихли звуки погони. Гривна дрожал всем своим взмыленным телом, понимая, что впервые подвёл своего хозяина, что благодаря ему недруг спасся! А тот перевёл коня на рысцу, пускаясь по едва заметной тропке вверх, вдоль обрывистого края горного ущелья.

Сердце Гривны билось так, что скалы, затаившись, тревож-

но прислушивались к нему. Сплёвывая пену, конь шарил своими большими мокрыми глазами вокруг. Он узнавал эти места, много лет назад гузаки сражались здесь, и его тогда ещё молодой хозяин тоже был среди них. Это был их первый бой. Вспомнил Гривна и то опасное место, где он чудом не сорвался в жуткую пропасть с каменистого склона.

Скрипучий голос чужака что-то забормотал над самым ухом. И когда его рука одобрительно похлопала Гривну по хребту, конь бешено заржал, с невероятным усилием рванув в сторону, будто намереваясь взлететь, неистово толкнулся от земли, вместе с врагом устремляясь в каменную бездну.

Горное эхо подхватило, перемешало и рассыпало по скалам конский и человеческий крик.

Много пролилось дождей с той поры, много погасло в небе звёзд. Рассеяла жизнь по всему свету потомков славного племени гузаков. Но по-прежнему хранит степь своё величье и приволье.

Иногда перед взором путника встают здесь таинственные холмы-курганы. В их глубине вечным сном покоятся доблестные витязи-гузаки, сражённые в битвах и захороненные по древнему воинскому обычаю.

Тишина. Лишь ветер шепчет в ковылях. А сверху льётся птичья трель. Поднимешь голову и увидишь – там, в небе над курганами маленькие жизнерадостные пташки пробуют свои голоса. Это души погибших боевых коней, превратившись в жаворонков, так и не покинули своих хозяев, вознесясь над степью, чтобы песнями напоминать о прошлых богатырских подвигах древнего и отважного народа.

Прислушайся к самому звонкому жаворонку... Узнаёшь? Это гордый конь Гривна. Его бессмертная душа навечно стала частью этого степного раздолья.

Девочка-мышонок

Жил-был Мышонок. Он был маленький, серенький и толстенький. Маленький он был, потому что недавно родился и не успел ещё вырасти. Серенький он был, потому что его мама, папа, бабушка и дедушка были серенькими. А толстенький он был потому что одна Рыжая Девочка кормила его крошками хлеба и котлетами. Мама рыжей Девочке положит в тарелку котлету, а Рыжая Девочка съест всего один кусочек, остальное от мамы спрячет и потом отдаст Мышонку.

Поэтому Рыжая Девочка была маленькой и худенькой, а Мышонок был толстенький. Да. Я сама много раз видела худеньких девочек и толстеньких мышат.

Однажды Девочка взяла поиграть мамины бусы, а нитка порвалась, бусинки раскатились по полу. Девочка села и заплакала. Услышал Мышонок, что она плачет, вылез из норки, и пропищал:

– Не плачь, Девочка, я тебе помогу.

И стали они вместе собирать бусинки. Мышонок их в кучку складывает, а Девочка на нитку нанизывает. Так они быстро собрали мамины бусы.

Рыжей Девочке очень понравилась такая работа.

– Вот бы мне уметь превращаться в мышку! – сказала Рыжая девочка. – Мы бы тогда с тобой вместе играли, ну, там, например, шуршали за шкафом, или я бы ходила к тебе в гости в твою норку. И у меня была бы такая же красивая шубка, как у тебя, и был бы такой же длинный хвостик!

Мышонок услышал и вдруг взял да и превратил девочку в мышку. Рыжая Девочка стала мышкой. Только мышка оказалась рыженькая.

– Ну, вот теперь ты можешь пролезть в мою норку! – радостно сказал Мышонок. Рыжая Девочка-мышка пригласила свою ры-

жую шубку, и пошла в гости к мышонку. Мама Мышонка немножко удивилась такой рыжей мышке, а потом угостила Рыжую Девочку-мышку тортом из хлебных крошек и мышиным горошком.

Потом все они играли в прятки, в ляпки, кувыркались и шуршали за шкафом обёрткой от конфеты. Им было весело. А когда они услышали, что домой возвращаются папа и мама Рыжей Девочки, Мышонок быстренько превратил её в девочку, а сам спрятался в норке.

Так у них и повелось. Как папа и мама Рыжей Девочки куда-нибудь уйдут, Девочка становится рыженькой мышкой и играет с Мышонком. И ей дома не скучно.

Сказка о Мальчике, Божьей Коровке и Сказочной Стране

Жил-был на свете маленький Мальчик. Он очень любил есть конфеты, смотреть мультфильмы и мечтать. Но от конфет болели зубы, а мультфильмы можно было смотреть только вечером. Зато мечтать Мальчик мог весь день.

И однажды, когда Мальчик сидел на крылечке и думал, что хорошо бы сразу вырасти и побывать во всех странах, а потом на Луне или на Солнце, он вдруг увидел ползущую по крыльцу Божью Коровку.

– Интересно, любит ли она сказки? – подумал Мальчик, и решил рассказать Божьей Коровке сказку:

– Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба...

Божья Коровка замерла, прислушалась. Мальчик продолжал:

– Снесла она яичко, да не простое, а золотое...

Пока Мальчик рассказывал, Божья Коровка сидела, не шелохнувшись. Вот он досказал сказку про курочку Рябу, а она всё сидела, будто ждала новой сказки. Мальчик осторожно тронул Коровку пальцем, она немного проползла и взлетела, исчезнув в голубом солнечном небе, «Значит, она тоже любит сказки!» – ра-

достно подумал Мальчик и побежал к маме – рассказать про своё открытие.

А на следующий день Божья Коровка опять прилетела слушать сказку. Мальчик сначала удивился, но она прилетала каждый день, и он привык, что Божья Коровка слушает его сказки. И, когда лето уже кончилось, а Мальчик рассказал все сказки, которые знал и которые придумал сам, Божья Коровка вдруг заговорила:

– Спасибо тебе, Мальчик, за интересные и добрые сказки. Я все их пересказывала своим деткам. А теперь я хочу исполнить три твоих желания. Загадывай!

– А они правда исполнятся? – спросил удивлённый Мальчик.

– Конечно, правда.

– Тогда... Я хочу, чтобы всегда светило солнышко.

Солнышко на небе мигнуло и засияло ещё ярче.

– Ещё я хочу, чтобы мама была всегда счастлива и никогда не грустила. А третье желание... Я хочу посмотреть, как живут люди в самой лучшей, самой сказочной стране.

– Смотри на мои пятнышки, а потом вокруг себя – и ты увидишь Сказочную Страну.

Мальчик долго смотрел на пятнышки Божьей Коровки, пока у него не зарябило в глазах, потом оглянулся и увидел... свою маму, кормившую кур, свой двор, крылечко и Божью Коровку на крыльце. А на небе светило ласковое солнышко, в саду пели птицы, и ребята в соседнем дворе гоняли мяч.

– Видишь? – спросила Божья Коровка, – это и есть Сказочная Страна – дом, где ты живёшь, двор, где ты гуляешь, и конечно, твоя мама – самая добрая волшебница из самой чудесной сказки! А теперь беги пить волшебное молоко!

Серая птичка с красными пятнышками во лбу

В некотором царстве, в некотором государстве жили себе да поживали некие Иванушка и дед.

В целом-то царило в их доме полное взаимопонимание, и были они, что называется, не разлей вода, расставаясь ненадолго, сразу принимались люто тосковать друг по дружке, однако всё же случались промеж них изредка размолвки по разным поводам. Притом, во-все даже не принципиальным. И всегда из-за Ванькиных вредности да упрямства, которые сидели в нём вместо характера. Потому что характер-то у человека в процессе жизни выковывается, а вредность и упрямство сразу при рождении выдаются. Если не раньше. И вот однажды они так сильно поссорились, как никогда прежде не ссорились.

А всё началось с того, что Иванушка с некоторых пор вдруг полюбил развинчивать дедовым инструментом всякие механизмы. Это он таким образом готовился механиком стать, когда вырастет, и машину времени построить да вечный двигатель, хотя у самого силёнок пока даже на разборку не хватало, и, в сущности, развинчивал-то всё дед, а внук только указывал, какой винтик или гайка – следующие. Нет, на «Ёшкиного коня» Иванушка не покушался, может, потому, что деду так и так эту допотопную мотоциклетку едва ли не каждый день ремонтировать приходилось, однако три давно поломанных и валявшихся без всякого смысла будильника да портативную печатную машинку «Москва-2М», исправную, только морально устаревшую до неприличия, они добросовестно разукomплектовали. И хотя подобная работа уже давным-давно ни малейшего удовольствия не доставляла, проделал её дед под руководством внука совершенно безропотно, как и многое другое проделывал – только б своего бесценного ублажить.

«Москвы-2М» им хватило аж на три дня, и дед потом даже искренне изумлялся – до чего ж большая номенклатура была, а с виду ни за что не подумаешь! Однако больше пригодных для разборки механизмов в доме не осталось. Не считая, само собой, тех, что функции свои исполняли исправно и ни в какой профилактике, ни в каком, тем более, ремонте, не нуждались. Правда, дед в глубине души держал-таки один вариант: пожертвовать внуку пылесос «Урал». Но только в самом крайнем случае! Да заодно уж и самому посмотреть, что там внутри. Моторчик, если свинтить назад не удастся, можно приспособить для чего-нибудь...

А внук и покусился на святое. На дедов ноутбук. Тоже, конечно, морально устаревший – хотя так устареть, как «Москва-2М», само собой, у него возможности не было – и тоже вполне ещё годный. Для незатейливых стариковских забав – видео там, под настроение поглядеть тайком от внука, сграфоманить чего-нибудь на досуге в надежде, что Иванушка, когда вырастет, прочитает и оценит масштаб загубленного таланта.

В общем, встал дед грудью на защиту своего достоинства. И препирались они с внуком минут десять. И некоторый не уступает никому. Коса, как говорится, – на камень. И рассердился Ванька страшно. Да как треснет деду по лбу Годзиллой. Трансформером таким, дедом же подаренным. Он, по счастью, пластмассовый был, но, тем не менее, – Годзилла.

(Вот только сейчас подумалось вдруг: а ведь мог и отвёрткой – в глаз! Ребёнок есть ребёнок. А.Ч.)

И дед – от неожиданности больше-то – как грянул оземь! В смысле, пал. И мгновенно превратился в маленькую серенькую птичку с красным пятнышком во лбу. Чечётками такие птички называются, а по-местному – чеханками. «Чик-чирик!» – и выпорхнул дед в форточку. Иванушка, конечно, сразу за порог. Боялся, что старый уже пропал из пределов видимости, но тот, оказывается, на ближайший тополь уселся и внука ждал, чтобы сказать ему прощальное слово.

И говорит, стало быть, дед с дерева человеческим голосом:

– Прощай, мой любезный внучек. Любил я тебя так, как уж никто и никогда любить тебя не будет. Но сегодня ты меня обидел

смертельно. Поэтому я превратился в птичку, которую ты сейчас видишь и слышишь, и теперь от тебя улетаю.

– Куда улетаешь-то, если не секрет?

– Не секрет. Да у меня от тебя отродясь секретов не бывало. Будто не знаешь. Короче, надумаешь повиниться, ищи меня за морем-окияном на острове Непьяном. Найдёшь да прощения попросишь – может, обратно дедом стану. И вернусь домой. А может, и не стану, и не вернусь. По обстоятельствам, короче...

– А где он, остров-то этот?

Но ничего больше не сказала Иванушке маленькая серенькая птичка с красным пятнышком во лбу. Ни человеческим голосом, ни другим каким. Лишь печально так чирикнула опять и вспорхнула. Только её и видели. Растаяла в мутном небе...

День ли, два ли проходит, приезжают Иванушкины родители проведать обоих. И деда-то и нет!

– Куда девался? – спрашивают недоумённо. – Неужто тебя одного без пригляда оставил? Вроде, такой безответственности за ним прежде не водилось...

– Улетел, – отвечает Иванушка своим обычным невозмутимым голосом. Уж он такой – может, в душе всё кипит, а вида ни за что не подаст. Кремень. Или стесняется чувства проявлять.

– Как – «улетел»?! – Опешили родители.

– Нормально. По воздуху.

– Говори толком, Ванька! – не выдержала Ванькина мама, потому что, во-первых, дед её родным отцом был, а во-вторых, потому что была эмоциональней папы, в которого Иванушка, в смысле сдержанности эмоций да чувств, очевидно, и уродился. – Дед никогда раньше такой моды, чтоб улетать, не имел!

– Так я и говорю: грянул оземь, превратился в маленькую серенькую птичку с красным пятнышком во лбу и – в форточку.

– Как это «грянул»? И с чего – вдруг? И откуда красное пятнышко во лбу?

– Ну, это я его – по лбу... «Годзиллой»... Нечаянно.

– Ох, я тебе щас врежу, несносный мальчишка! Небось, слышал – «за нечаянно бьют отчаянно»?

– Ну, слышал... Ну, врежь... Пользуясь тем, что я не могу ответить тем же. Но должен напомнить – дед бы не одобрил. Он был убеждённый противник телесных наказаний и тебя саму ни разу в жизни – даже пальцем... И – никого...

– Ты, Ванька, ври да не завирайся, ёлки зелёные! – подал-таки голос отец и даже позволил себе то единственное в своём роде ругательство, которое, воспитанный в старых традициях, мог позволить себе в присутствии женщин, детей и родственников. – Такого в природе не бывает, чтобы человек – в птичку...

– Ну, это, Андрюша, – перебила отца мама, – ты зря. Плохо нашего деда знаешь. А он, сколько его помню, не то чтобы оригинальничал всю дорогу, однако повторяться ужасно не любил. От банальщины его просто выворачивало. Так что... Хотя – в птичку... Это уж, пожалуй, возрастное...

– А куда полетел-то? И когда вернуться обещал? – Это она опять – к Иванушке. – Не мог же дед улететь молчком, потому что вообще не может – молчком!

– Не может, ага. – Иванушка почесал затылок, соображая, видимо, как бы так сформулировать, чтобы – не слишком... Но ничего не придумал – словарный-то запас пока не ахти, да и хитрости ещё убедительной не нашёл. И выложил слово в слово.

– М-м-да...

Но задумываться надолго мама обыкновения не имела. Да и о чём тут задумываться – дело ясное. В общих чертах. Она б на месте деда, может, – тоже. Хотя, вряд ли. Она б скорей всего впрямь «врезала», потому что отцовский оппортунизм – ей не указ. Тем более что у неё – высшее педагогическое, а у отца, считай, – никакого. Врезала бы, наказала бы паршивца материально как-нибудь и заставила прощения просить. И попросил бы, как миленький.

– В общем, так, Ванька... – Мама в такие моменты совершенно искренне думала, что выражает обоюдное родительское мнение, сформированное в процессе взвешенного и всестороннего обсуждения, и такое с женщинами случается всегда, если оно им позволяется. – Крепко ты деда обидел. Крепко. Деда, который тебя... Сам

знаешь. Который тебе... Да и это ты знаешь не хуже. И я не вижу нужды в наших с папой подсказках. Ты уже почти взрослый... Что думаешь делать?

– Пойду.

– Куда?

– Куда глаза глядят.

– Зачем?

– Деда искать.

– А – устанешь?

– Отдохну и – дальше. Пока не найду.

– А найдёшь – что скажешь?

– Больше не буду так делать.

– «Прости, милый дедушка!» – не удержалась от подсказки мама.

– «Извини, дед», – скажу.

– Ладно, сойдёт и это, раз уж ты такой, – неожиданно легко отступила мать. – Но искать наобум – никогда не найдёшь.

– Сам знаю. Спрашивать у всех буду.

– Для начала, – это опять подал голос скупой на слова папа, – надо в атласах посмотреть. Боюсь, что Непьяных островов не один. Подозреваю, что все эти острова маленькие и не на всякие карты нанесены. Кроме того, совсем не представляю, как остров с таким названием может очутиться за морем-океаном. Уж больно оно... Сухопутное какое-то. Больше годится для островка на реке или на озере...

Вот как много слов разом истратил папа. Значит, тоже разволновался. По мере возможности. И тоже ему деда жаль. Но особенно, конечно, Ваньку.

– Атласы – вчерашний день. Замучаешься искать. Тем более что, как сам же сказал, можно и не найти. Зато в Интернете есть всё. Интернет я беру на себя. А касательно «моря-окияна», то будем считать, что это излюбленная дедовская фигура речи. Он без них – никак... – Но, может, не зря мама всегда и во всём брала инициативу в свои руки? Таким образом, скоро Иванушка обо всех Непьяных островах – а их оказалось шесть – имел исчерпывающую информацию. И все они находились в пределах родного царства-государства. Так что не пришлось родителям для малолетнего сына даже загранпаспорт оформлять, а то б – ещё морока. И абсолют-

но прав оказался отец – островки все мелкие, на реках да озёрах. Видать, человек-то он разбирающийся, хотя и немногословный. А ещё он же заказал знакомому кузнецу железные кроссовки да посох чугунный, да меч из старого рессорного листа. Чтобы – как положено. Ну и, наконец, дали родители Иванушке сколько-то денег, суму перемётную, проинструктировали насчёт сомнительных знакомств и тому подобного, наказали, чтобы каждый день звонил по сотовому, докладывал, что и как, а в экстренных случаях мгновенно посылал сигнал тревоги, до околицы проводили, мать его перекрестила – как раз недавно научилась этому делу – отец руку пожал, как большому, и пошёл себе мужичок. Куда глаза глядят, но, само собой, руководствуясь при этом имеющейся информацией.

Конечно, родителям очень хотелось – тоже. Но они характер выдержали. Не поступились принципами. И правильно. Должен же кто-нибудь...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Потому что обойти Иванушке пришлось всю огромную страну. Конечно, он не только пешком по ней перемещался, но и автостопом, и на поезде, и даже один раз по воздуху. Правда, не на самолёте, а просто в пути встретил случайно одного старого доброго, правда, заочного знакомого по имени Бэтмэн – героя популярных некогда комиксов, имевшего крылья летучей мыши и беспрестанно творившего разнообразные добрые дела – и этот Бэтмэн его переправил по воздуху на очередной остров.

Деда, к сожалению, на том острове, как и на всех предыдущих, опять не оказалось, но зато пока Иванушка скитался по белу свету, довелось ему познакомиться со многими добрыми людьми, животными, а также вымышленными персонажами, о которых, возможно, ещё будет идти речь, а, возможно, и нет – это уж, как говорится, куда кривая выведет – отчего тоже сделался добрей, мудрей, мягче и чутче.

Кроме того, на одном из этапов большого пути – и об этом нужно со всей откровенностью сказать – пристрастился Иванушка к пиву да куреву, отчего вполне мог с правильного пути сбиться. Но не сбился – вовремя вспомнил, как мерзко воняло от деда после

того, как он «Балканки» своей накурится, а также краткие, в воспитательных целях, ссылки деда на суровый, но поучительный опыт его тревожной алкоголической молодости, когда он имел хорошие шансы вообще не дожить до своего счастливого «детства».

То есть, приключений всяких было – не пересказать. Хотя и попытаемся, конечно, однако наверняка многое упустим. Увы, такое дело.

Само собой, пришлось Иванушке познакомиться и даже повоевать со всякой противной нечистью, мечом помахать, отчего меч, конечно, покрывлся многочисленными боевыми зазубринами, но зато его владелец сделался почти настоящим витязем.

Хотя, вообще-то, Иванушка, следуя наказу родителей, а также вспоминая и вспоминая во дни тяжкого похода деда своего, который, когда хотел, здорово умел улаживать разные конфликты, старался слишком уж кровавых побоищ избегать, а разрешать возникающие противоречия за столом переговоров, ища компромиссы и добиваясь консенсуса...

Между тем, стальные подошвы кроссовок до дыр прошоркались. И чугунный посох истёрся, стал коротким да неудобным. И пришлось его выбросить. Но как раз до последнего известного Интернету «Непьяного» было уж рукой подать. То есть, по всем приметам, грандиозное путешествие подходило к концу. Беглому деду просто-напросто некуда уже деваться.

В самом весёлом расположении духа переправился Иванушка на этот островок вброд, а там – ни души. Только знатные фермерские овсы колосятся и шумят на ветру. Раздолье им там, не потравит никто, островок-то маленький, и даже мелкой зверушки-пташки ни одной не видать.

И закричал что было мочи Иванушка:

– Овсы-ы!!!

А овсы ему:

– Чо-о-о?

– Не видали ль вы моего деда?

– Не-е-е...

Зато на крик приплыл на плоскодонке фермер. Обеспокоился, видать, что овсы его прекрасные потравят.

– Ты зачем тут, мальчик? Тут – нельзя. И почто блажишь, овсы мои удручаешь?

– Как же мне не блажить, – отвечает фермеру Иванушка трагическим голосом, – грусть-тоска меня съедает, потому что мой дед велел искать его за морем-окияном на острове Непьяном, и я уже все шесть этих островов посетил – ваш как раз последний – а деда ни на одном не нашёл! И в Интернете больше нет островов с таким именем.

– Ну, это ещё не последняя инстанция, – сказал рассудительный селянин и многозначительно на небо поглядел, – и дед твой тоже... Нешто можно ребёнка одного посылать незнамо куда? Хотя, конечно, ты парень самостоятельный и уже почти большой, но я бы лично не рискнул...

А был ли ты на нашей речке немного выше по течению? Там же ещё один остров так называется. С недавних пор. Точнее, Непьяный-бис. Который от веку Светкин прыщ был – в честь, значит, правившей нашим царством-государством лет пятьсот назад Светланы Прелестной, но пару лет назад прибрала островишко к рукам одна злющая-презлющая стерва. Или ведьма настоящая. Или змея подколодная. Тоже Светка. Говорят, большими делами в городе ворочает. И остров переименовала. Мол, ради исторической справедливости. У самой же фантазии не хватило, чтоб – пооригинальней как-то. А там овсы тоже прекрасно росли. Но теперь их нет. Только газоны английские да лужайки для гольфа. Да ещё, само собой, домина огромный, и вокруг него сад. Конечно, красиво так-то, слов нет, но овсы...

Законного мужика у Светки нет – больно уж страшна. А вот несколько прихлебателей служат. Садовник, охранники и этот... Мажордом. Вполне возможно, что один из них – твой дед.

Конечно, Иванушке обидно было слышать такое про своего деда. Дед, само собой, не без недостатков, но чтобы прихлебателем... Да у стервы... Но не стал объяснять, что его дед, вообще-то, в данный момент времени – маленькая серенькая птичка с красным пятнышком во лбу – больно долго, да ещё на смех поднимут, да и какой смысл объяснять.

– Спасибо, – только и сказал он фермеру.

И побрёл к берегу, думая, что вверх по течению он не пойдёт. Потому как находится в пути уже давно, а остров зовётся Непьяным-бис с недавних пор. Но куда направиться ещё в поисках этого зло-вредного деда, Иванушка понятия не имел. Да тут ещё вдруг подумалось, что, может, дед напутал, и его искать надо на Трезвых островах. А это ж – совсем отдельная эпопея...

Отчего, оказавшись на берегу, решил он всё же попытаться счастья в указанном направлении. Надежда же последней умирает.

И через какой-то час был на месте. Домина, стоявший посреди островка, ему тотчас напомнил замок одного знакомого олигарха, хотя внешнего сходства – ни малейшего. Совсем другой архитектурный стиль, да и вообще. А вот напомнил. Может, это – пресловутый дух наживы и чистогана вокруг витал да в чуткие детские ноздри бил?

Однако былой опыт сгодился. Как и тогда, с дедом, Иванушка не полез на рожон, а подкрался к «живой изгороди», залёг. Стал производить то, что называется на военном языке «рекогносцировкой».

И тут в кармане завибрировал сотовый. Хорошо, что звук наш лазутчик предусмотрительно отключил.

– Да... – Почти шёпотом.

– Сынок, от деда «сэмэска» пришла! Я ж говорила – не утерпит дед! Его даже, наверное, искать-то не стоило!

– Чо пишет?

– Чо обычно пишут – скучаю, жду.

– Адрес есть?

– Есть, есть адрес!

– Говори же скорей! И мама прочитала адрес. И оказалось, что Иванушка, прибыл таки на место... Но сразу же в сердце – тяжкое подозрение. Неужели? Неужели – продался дед ведьме, и служит ей верой-правдой, и забыл своего Иванушку, и всех-всех забыл? А что прикажете думать – птички «сэмэски» не шлют. Стало быть...

Пробрался Иванушка в сад, позвал тихонько:

– Дед, ты здесь? Ни звука в ответ. Подкрался к открытому окошку. «Точно – продался. Эх, дед, дед!... Но ты мне скажешь, как же этой ведьме удалось!»

А на окне – клетка. Золотая! И в клетке – маленькая серенькая птичка с красным пятнышком во лбу!

– Ты, что ли, дед?!

– Я, я, Иванушка! – В смысле, «Чик-чирик!», но внук моментально понял. Хоть и по-птичьи.

– Дед, прости меня, я больше никогда не буду так делать!

– Охотно прощаю, птенчик мой!

И открыл Иванушка клетку, и в тот же миг мягкий серенький комочек прямо перед Иванушкой на землю – шмяк! В смысле, грянул оземь! И дед словно бы из воздуха материализовался. Обнялись, конечно, сразу, дед, конечно, сразу прослезился, да и внук, сказать по правде, удержался едва.

– Дед, но ты тоже больше так не делай! До крайности не доводи. Потому что всегда можно отыскать компромисс и прийти к консенсусу.

– Не буду, никогда не буду, Иванушка! И этот дурацкий ноутбук... Давно уж новый – пора. Накопить – и купить!

– Само собой. Тем более что мама с папой денег сколько раз в долг насовсем предлагали. А у тебя, видите ли, – принципы...

– Верно, всё верно, Иванушка, теперь бы только выбраться отсюда...

Но – не тут-то было. Потому что охранники их уже успели в кольцо взять. И пистолеты – наготове.

Конечно, Иванушка тоже своё оружие обнажил. Но засомневался маленько. Потому что – холодное против горячего...

– Не бойсь, Иванушка! – вскричал дед срывающимся фальцетом: – давно по-человечески не говорил, вот и разучился. – Они не будут стрелять, у них «Закон о частной охранной деятельности» такой, что лучше убежать, чем оружие применить! Тем более – по ребёнку...

– А кто боится, кто боится?! Да я, чтоб ты знал, таких охранников... И начал Иванушка бешено вращать над головой свой сверкающий меч – как есть «грузовой вертолёт на холостом ходу».

(Это я, признаться, у Стругацких подтянул, но, думаю, Аркадий Натанович – Царствие ему небесное – простил бы мне эту шалость, тем более что честно ссылаюсь и закавычиваю. А.Ч.)

И впрямь отступили супостаты.

А Иванушка и дед – дёру с острова. На берегу, однако, успокоились. И дед прояснил ситуацию. Мол, ведьма сразу его вычислила. Типа – птичка не настоящая да, ктому же, залётная. Типа – ни паспорта, ни регистрации, ни вида на жительство. И заманила хитростью в клетку. А в клетке человеческий облик, чтобы пожаловаться куда следует, никак не примешь. И шантажировала. И цинично домогалась. И даже жениться на ней требовала. Чтобы, значит, Иванушкин дед её бастрюков-внучат лелеял да баловал. Но дед – ни в какую. Таковую твёрдость характера проявил, что Иванушке даже не снилась.

И так бы, наверное, пропал дед в клетке. Совсем пропал. Но появился в доме новый мажордом – добрый человек, дай ему Бог здоровья, – с которым деду удалось как-то договориться, чтобы «сэмэску» послал...

– Да нет, дед. Я тебя и без «сэмэски» уже почти нашёл. Хотя, конечно, мажордому всё равно – дай Бог здоровья. Бастрюков лелеять... Пошли домой, что ли?

– Пошли-пошли, конечно...

– Дед, а, может, ты меня на шее понесёшь? Как когда-то.

– Ну, что ты, Иванушка, – большой ведь!

– Понеси, дед, а? Я железные кроссовки сниму и даже меч выкину. Он уж теперь ни к чему.

– Вот какой... Ну, полезай уж... Но меч – с собой. Мы будем им траву для кроликов косить.

То есть, Иванушка за отчётный период исправился, конечно, однако не совсем. Хотя, с другой стороны, если ваш ребёнок вдруг однажды «исправится совсем», то обрадуетесь ли?

Под обезьяны

ДЕТЕКТИВ ИЗ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЁН. НАЧАЛО

Жила-была нарисованная обезьяна. Ей исполнилось уже почти три часа, потому что её нарисовали на первом уроке, а сейчас время приближалось к полудню. Конечно, тетрадь по математике – не лучшее место для приличной нарисованной обезьяны. Но что поделаешь, родину не выбирают.

Тетрадь была в клеточку, и обезьяна получилась тоже в клеточку. Но она не беспокоилась по этому поводу, потому что думала, что так и надо, и весь мир тоже в клеточку. Она же не могла выглянуть из листка.

Вообще-то Данилка собирался изобразить не обезьяну, а свою соседку по парте, Вику-вредину. Но не всегда в жизни получается то, что хочешь.

Потом уроки наконец закончились, и Данилка принёс обезьяну вместе с прочей математикой домой и раскрасил жёлтым карандашом, под цвет бананов. Вокруг он нарисовал пальмы, похожие на зелёные взрывы, синюю реку и жёлтый песок. В синюю реку Данилка посадил крокодила и закрасил тоже синим, потому что они в школе по природоведению проходили маскирующую окраску. И ушёл обедать.

Пришла Анечка и нарисовала на синем крокодиле красные цветочки. А то вдруг обезьяна его не заметит, когда он подкрадётся. Теперь-то, конечно, заметит. Кто же не заметит, когда к тебе зловеще ползут, облизываясь, красные цветочки. Ещё она нарисовала попугая, похожего на петуха. Или петуха, похожего на попугая.

Потом привели из садика Сашку. Он втиснул между пальмой и попугаем зелёный длинноносый танк. Потом сверху наискосок нарисовал летящие клином бомбы, а в нижнем углу – парочку разорвавшихся гранат и одну неразорвавшуюся.

Потом из кухни вышла бабушка. Она пририсовала бомбам крыльшки и получились летящие клином бабочки. А гранаты она перекрасила в хризантемы.

Потом пришёл папа и пририсовал танку хвост, потому что подумал, что это слон.

А потом пришла мама и сочинила сказку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗАЯВЛЕНИЕ О КРАЖЕ

Это было очень давно, в первобытные времена, когда динозавры уже вымерли, а компьютеры ещё не народились. Жила в лесу маленькая обезьянка. У неё были мама и папа и ещё куча всяких родственников, которые никак не назывались и жили все вместе на деревьях. И ещё у неё была подружка Ма Ша. Ма Ша была не обезьяна, а человек. Правда, не настоящий человек, а первобытный. Но да что же делать, других тогда на Земле и не водилось.

Вы спрашиваете, как же они дружили, если обезьянка говорила на обезьяньем языке, а Ма Ша на человеческом? А всё очень просто. В те далёкие времена человеческий и обезьяний языки ещё не очень отличались, и люди с обезьянами прекрасно понимали друг друга.

Обезьянку звали Ах-Ах. В переводе с обезьяньего это значит «ах-ах!», потому что обезьянья мама сказала именно такие слова, когда впервые увидела новорождённую дочку. А Ма Ша в переводе с первобытного означает «та, которая хорошо кушает МАмонтов». У Ма Ши были два друга – Са Ша и Я Ша. Са Ша означает «тот, кто хорошо кушает САблезубых тигров», а Я Ша – «тот, кто хорошо кушает Ягуаров». Первобытные дети вообще почему-то хорошо кушали и не капризничали. Наверное, потому что те, кто кушали плохо, очень быстро вымирали, как динозавры.

И вот однажды Ах-Ах пришла в гости к Ма Ше и видит: сидят Ма Ша и её друзья грустные-прегрустные на берегу первобытной речки под названием Ре Ка. Са Ша просто так грустно сидит, Я Ша грустно бормочет какое-то заклинание унылого мотива (он был учеником шамана), а Ма Ша грустно обрабатывает скребком шкуру Большой Зубастой Крысы Без Хвоста. Потому что первобытная

женщина не могла без дела грустить, это считалось аморально. А Ма Ша была моральная.

– У нас беда, – объяснила Ма Ша всеобщую тоску.

– Ах-ах! – встревожилась Ах-Ах. И Ма Ша рассказала обезьянке, что у Я Ши большие неприятности.

Я Ша считался самым хитрым мальчишкой племени. Когда он был младенцем, он мог одновременно сосать обе груди у своей мамы. Мама даже тревожилась, но шаман объяснил, что это оттого, что Я Ша родился, когда на небе взошла Большая Красная Звезда Му. И мама сразу успокоилась, как будто всё поняла. А Я Ша подрос и устроился учеником в шаману, потому что шаману давали мясо вне очереди. И вот сегодня утром шаман задал ученику контрольную, а сам куда-то ушёл.

– Шаман задал ему Маленький Большой Наговор на Завтрашнюю Охоту! – торжественно произнесла Ма Ша. – Заговор на Великой и Ужасной Кости!

– Ах! – сказала Ах-Ах.

– Ох! – сказал Са Ша.

– Ух! – сказала Ма Ша.

– Вот именно, – сказал Я Ша.

Великая и Ужасная Кость была самой большой святыней племени. Вообще-то она ничего такого из себя не представляла. Обычная лопатка пещерного медведя, хорошо обглоданная и высохшая. Но шаман сказал, что получил Кость лично от Великого Духа Уа-Уаха. Племя Настоящих Людей Уа-Уаха уважало и Кость послушно признало Великой и Ужасной. Шаман колдовал на ней самые важные заговоры – про охоту, чтоб звери не капризничали, когда в них кидают копыя. Остальным было запрещено трогать святыню.

– Он бы ни за что не доверил мне Кость, – сказал Я Ша. – Но ему надо было уйти. А завтра охота. Поэтому он задал мне урок и разрешил взять Кость. Я колдовал... и она исчезла!

– Ах! – сказала Ах-Ах.

– Ох! – сказал Са Ша.

– Ух! – сказала Ма Ша.

– Вот именно, – сказал Я Ша. – Шаман завтра вернётся к началу охоты, увидит, что кости нет, и убьёт меня. Или из племени изгонит.

Ма Ша доскребла свою крысу и начала натирать её золой, чтоб шкура стала мягче.

– Оставь в покое несчастное животное и думай, – приказал Я Ша. – Что делать?

– Морду набить, – предложил Са Ша. – Тому, кто Кость спёр.

– А если это Великий Дух Уа-Уах? – спросил Я Ша. – Передумал и забрал Кость обратно.

Са Ша подумал и повторил:

– Всё равно набить. Кость наша. Красть нехорошо.

– Правильно, – согласился Я Ша. – Сначала набить, а потом можно ему помолиться, чтоб не сердился.

– Ах-ах, – сказала Ах-Ах. – Жалко духа. Он один, а вас много. Если все ему будут морду бить...

Ребята замолчали, представив Великого Духа Уа-Уаха с фингалом под глазом, распухшей губой и забинтованным ухом.

– Надо по-хорошему спросить, – предложила обезьянка. – Может, он и не забирал Кость. Что, у него своих костей нету, что ли?

– Нету, – сказал Я Ша. – Он же дух. Вообще-то можно и по-хорошему. Я не знаю, где живёт Уа-Уах.

– А моя мама говорит, что люди знают всё, – удивилась обезьянка.

– Люди знают всё, кроме того, где живёт Уа-Уах, – сказал Я Ша.

– Я могу провести, – вызвалась Ах-Ах, чувствуя себя умнее людей.

– Пошли, – скомандовал Я Ша. – Ма Шка, зачем ты волочишь с собой эту шкуру? Духа в неё заворачивать?

– Ладно, шкура пока пусть полежит, а я буду бусы нанизывать, – согласилась Ма Ша и на ходу стала ловко надевать на сухожилие медведя разноцветные ракушки. Потому что неприлично первобытной женщине идти и ничего не делать. А Ма Ша была приличная.

ГЛАВА 2. ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА, НА ВЫЕЗД!

В джунглях обычно скучно не бывает. Сначала на Са Шу упал с дерева Большой Жирный Червяк. Са Ша от неожиданности заорал так, словно на него не червяк, а саблезубый тигр свалился. Червяк от ужаса тут же вымер напрочь. Теперь он на земле не встречается.

Потом на Са Шу свалился саблезубый тигр. Ну, не свалился, а просто вышел поглядеть, кто так шумит. Но Са Ша тигра почему-то не испугался, а строго спросил: «А почему у тебя такие большие зубы?». Тигр опешил и сел подумать – и действительно, почему? Компания тем временем тихо проследовала дальше. Они шли мимо Большого Дерева с Дыркой, мимо Маленького Дерева С Дыркой, мимо Дерева, Которое Съел Огонь, мимо Сухого Болота, мимо Мокрого Болота... Большая Скри-Ням-Скри, правившая Мокрым болотом, высунула голову и проводила ребят взглядом.

– Это кто? – спросила Скри-Ням-Скри, что в переводе с первобытного означало «съедобное животное между двумя скребками».

– Это маленькие люди, Ваше Превосходительство, – почтительно пояснила Главная Зелёная Ква.

– Какие-то они дикие, – поморщилась Скри-Ням-Скри. Она втянула морщинистую голову в панцирь и пробурчала:

– Пусть Золотой Ключик ещё полежит на дне...

Впрочем, это всё совершенно из другой истории.

– Пришли, – сказала Ах-Ах. Са Ша поскрёб в затылке (между прочим, первый раз за всю историю человечества).

Они стояли на берегу небольшого пруда. В центре возвышался островок, заросший Маленькими Колючими Деревьями.

– Ну и как туда добраться? – спросил Са Ша.

– А вы разве не умеете ходить по воде? – удивилась обезьянка.
– Мама говорит, что люди всё умеют.

– Люди умеют всё, кроме ходить по воде, – сказал Я Ша.

Ах-Ах села на землю и почесала хвост. Она не умела придумывать всякие идеи. Ма Ша тоже села, надела донизанные бусы и стала точить затупившуюся иголку о подходящий камень. Потому что непорядочно первобытной женщине сидеть и ничего не делать. А Ма Ша была порядочная.

– Сейчас я скажу заклинание, и вода станет твёрдой, – объявил Я Ша.

Ребята отошли в сторонку – по технике безопасности. Я Ша прыгал на месте, потом побегал кругами и покричал «У-у-у!», прямо как папа обезьянки Ах-Ах. Потом почесал нос, воздел руки к небу и рывкнул что-то типа «Бам-бам ням-ням».

– Интересная у тебя профессия, – уважительно сказал Са Ша.

– И что, вода уже твёрдая?

– Твёрдая, – кивнул Я Ша. – Хочешь, попробуй пройди по ней.

Са Ша решительно шагнул на твёрдую воду с обрывчика... и тут же ушёл с головкой. Я Ша вытащил фыркающего приятеля за волосы (благо волос у первобытных людей росло много и тащить было удобно).

– Наверное, правильное было сказать не «ням-ням», а «кус-кус», – задумчиво произнёс Я Ша. – Или не «бам-бам», а «бах-бах».

– Сейчас тебе такой «бах-бах» будет, – заорал Са Ша. – Или даже «ням-ням». Вон соседнее племя неумелых шаманов сразу «ням-ням»... нет, сначала «бах-бах» дубиной, а потом...

Я Ша на всякий случай отодвинулся:

– Просто вода ещё недостаточно затвердела. Сейчас уже, наверное, лучше. Попробуй ещё раз.

– Мальчики, не ссорьтесь, – сказала Ма Ша.

Мальчики послушались. С этого и начался матриархат – странное первобытное время, когда мужчины слушались женщин.

– Я могу сломать большое дерево, – сказал Са Ша. – Надо его перекинуть через воду и потыкать Уа-Уаха на острове. Если хорошенько потыкать, он вылезет.

– Жалко тыкать, – забеспокоилась Ах-Ах. – Вдруг насквозь проткнёшь.

Но Са Ша уже нажал плечиком на огромную сосну. Сосна обиженно затрещала и обломилась. Са Ша поднял её и попытался достать до островка. Но сосна не достала. Са Ша рассердился и кулаком стукнул по сосне. Она тут же развалилась на несколько брёвнышек. Са Ша сердито пнул одно из них. Бревно свалилось в воду и закачалось на ней.

– Ага! – закричал Я Ша. – Я же говорил, что вода затвердеет! Сейчас мы все сядем на бревно, и оно довезёт нас до острова.

Все сели на бревно. Так была изобретена первая лодка.

– И почему она не двигается? – обиженно спросил Са Ша.

– Сейчас, – пообещал Я Ша, плюнул бревну на хвост и сказал ему что-то сердитое. Задний конец бревна заурчал, зафыркал, и бревно рвануло вперёд, оставляя за кормой белопенный след.

– Как называется это заклинание? – спросил Са Ша.

– «Дыр-дыр-дыр-тых-тых», – пояснил Я Ша. – В переводе «реактивное бревно». Слезай, приехали.

ГЛАВА 3. ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО № 1

Великий Дух Уа-Уах выглянул из-за кустика. Странная компания высаживалась на берег: три маленьких человека и обезьянка. Раньше приезжал один большой человек и сразу начинал прыгать и кричать что-то неприятное. Уа-Уах его побаивался – ясно же, что тот – псих. Мало ли что психу в голову взбредёт. Поэтому Уа-Уах быстренько кидал человеку что-нибудь интересное – ананас, например, или обглоданную лопатку пещерного медведя. Человек хватал подарок и исчезал, а Уа-Уах вздыхал с облегчением. Заметим в скобках, что шаман пользовался у соплеменников большим уважением именно за то, что сам Великий Дух Уа-Уах дарил ему волшебные ананасы, приносящие удачу на охоте, и прочие необыкновенной силы талисманы.

Уа-Уах забился поглубже в кусты. «Может, они уйдут? – с надеждой подумал он. – Вот принесла нелегкая».

– И ничего я не носила, – проворчала рядом Нелегкая. – Вечно ты на меня напраслину возводишь. Я тебе не курица, чтоб нестись.

Нелегкая была очень обидчива.

Один из маленьких человечков стал прыгать и кричать прямо как тот, большой псих. Расстроенный Уа-Уах кинул в него ананасом. Но привычное средство не подействовало. Ананас взяли, сказали «спасибо» и начали кричать дальше.

«Придётся выйти и выяснить, что им надо, а то не отвяжутся», – в панике подумал Уа-Уах. Он не умел общаться с незнакомыми и

очень стеснялся. Он бы предпочёл убежать, но на маленьком острове бежать было некуда. Уа-Уах высунулся из-за куста и рывкнул:

– Ну, чего надо? – Страшно так рывкнул, чтоб никто не понял, что он боится.

Маленькие люди сразу замолчали и уставились на него. Я Ша открыл рот, чтобы закричать что-то заклинательное, но в голову почему-то лез только наговор против поноса. Ма Ша выступила вперёд и сказала дрожащим голосом:

– Уважаемый Великий Дух! Если ты украл нашу Великую и Ужасную Кость, то отдай, пожалуйста! Красть нехорошо.

– Я? – оскорбился Уа-Уах. – Я – порядочный дух из хорошей семьи! А вы... приехали тут, кричите... Нелегкая вас заберит!

Нелегкая тоже высунулась из куста и сказала:

– Не заберу. На что они мне нужны, такие противные и волосатые. – У неё был трудный характер.

Теперь оскорбилась Ма Ша:

– Мы не противные! Мы – люди! Это звучит гордо!

– Гордо, но противно, – возразила Нелегкая.

– Ну пожалуйста не ссорьтесь, – умоляюще сказал Уа-Уах. – Хотите ещё ананас?

– Мы хотим нашу Кость, – вздохнул Я Ша. – Если вы её не крали, то мы домой пойдём.

– Не крал, – обрадовался Уа-Уах. – Идите домой.

– Спасибо, – сказала Ма Ша. – Вы нам очень помогли. Возьмите на память. И протянула Уа-Уаху свеженанизанное ожерелье из ракушек.

– Это мне? – потрясённо спросил Уа-Уах.

– Ну да, – улыбнулась Ма Ша.

– Насовсем или только посмотреть? – уточнил недоверчивый Уа-Уах.

– Чего на него смотреть? – удивилась Ма Ша. – Его на шею надевают. У вас шея есть?

– Где-то была, – задумался Уа-Уах. – Ага, вот она.

И надел ожерелье.

– Вам идёт, – сказала Ма Ша. – Вы сразу такой элегантный сделались.

Уа-Уах покраснел. Ему никто никогда ничего не дарил, и он даже не подозревал, что это так приятно. Он захотел сказать девочке что-нибудь очень доброе и одновременно умное, чтоб она поняла, какой Уа-Уах замечательный. Но пока Уа-Уах придумывал, что сказать, маленькие люди уплыли. И он упустил шанс.

– Дашь поносить? – спросила Нелегкая и потрогала ожерелье. Уа-Уах не ответил. Он думал о чём-то хорошем и грустном.

ГЛАВА 4. РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ

– Давным-давно, – сказал Я Ша. – Когда мамонты были не больше мышей, а красная звезда Му была угольком в костре, жил на свете мудрый человек Дум-Дум. Он сказал: «Если ты что-то потерял, то спроси у того, кто был рядом. А вдруг он это спёр».

– О-о, мне мама говорила про Дум-Дума, – подтвердила Ах-Ах. – Только он был не человек, а обезьян. Мудрый обезьян Дум-Дум говорил: «Если ты что-то потерял, то спроси у того, кто висел на дереве рядом. А вдруг он это съел».

– А мамонты говорят... – начала Ма Ша, но её перебили мальчишки:

– Люди не разговаривают с мамонтами.

– Ну да, – смутилась Ма Ша. – Потому что если с ними разговаривать, тогда на них невозможно охотиться. Нельзя же убивать того, с кем можно побеседовать. Но мамонты всё равно говорят, что мудрый мамонт Дум-Дум сказал некогда: «Если ты что-то потерял, то спроси у того, кто топчется рядом. А вдруг он на это наступил.»

– Итак, вопрос, – сказал Я Ша. – Кто был рядом, когда исчезла Кость. Ответ: никого. Я был в пещере один. Правда, я ненадолго выходил...

– Зачем? – спросила Ма Ша, полируя кусок кремня. Потому что первобытная женщина не могла без дела спрашивать «зачем», это нехорошо. А Ма Ша была хорошая. Я Ша подробно объяснил, зачем он выходил, потому что первобытные люди ещё не очень разбирались, что прилично, а что неприлично.

– Ну вот, возвращаюсь – а Кости нет, – закончил Я Ша.

– А кто был недалеко от пещеры?

– У реки болталась эта вредная девчонка, На Та Ша. Около Ку-стов Без Ягод играл маленький Ми Ша, а подальше собирала смолу старуха Тё Шша, – сказал Я Ша. – И наверняка где-то неподалёку прятались шпионы коварных табурехов.

– Надо всем им морду набить, чтоб Кость отдали, – предложил свой любимый метод Са Ша.

– Нет, надо всех расспросить, – возразила Ма Ша, мордобоя не любившая. – Я поговорю с На Та Шей. Ты, Я Ша, – самый умный, поэтому расспроси Тё Шшу, она тоже очень умная. Ты, Са Ша, самый сильный, поэтому пойдёшь на разведку к коварным табурехам.

– А я? – спросила Ах-Ах.

– Ты... Ну, ты же обезьянка... Ладно, если хочешь, можешь поговорить с Ми Шей. Только он ещё не умеет разговаривать. Я думаю, он ни при чём.

Ах-Ах немного обиделась, что ей достался такой бесперспективный свидетель. «Люди почему-то всегда забирают всё лучшее себе,

– подумала она. – А животным мало что остаётся». И друзья разошлись допрашивать подозреваемых.

ГЛАВА 5. ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО №2

– Там-там, тара-тара-там,

– Там-там, тара-тара-там...

Так гудели барабаны Племени Настоящих Людей, когда оно отправляло разведчиков к стойбищу враждебного племени табурехов. Это была военная хитрость. Мол, ничего мы не замышляем, радуемся жизни, играем на барабанчике... Может, у нас свадьба или другой какой день Парижской Коммуны. Но табурехи были испорченными личностями и всегда почему-то догадывались, что это к ним под барабанный бой ползёт разведка. Разведчика радостно ловили, слегка били, привязывали к волосам цветок Ка для позору и отпускали домой.

Тем не менее Са Ша сделал всё как положено. Он немного побарабанил, потом нарисовал на левой щеке героический знак «бу», заткнул за ухо лист лопуха и пополз на запад. Именно там стояли вигвамы племени подлых табурехов.

Трава ещё не вошла в полный рост и не могла скрыть всего ползущего Са Шу. Хоть какая-нибудь его часть да высывалась. Поэтому он очень старательно вжимался в землю и не заметил, как уткнулся носом в чьи-то грязные щиколотки.

– Ага! – заорали щиколотки. – Попался, шпион!

Са Ша, конечно, не был самым мудрым членом племени, но он всё-таки сообразил, что щиколотки сами по себе не станут ходить по лесу и кричать «ага». Поэтому он поднял голову и посмотрел на то, что выше. Выше щиколоток был остальной человек – ноги, живот, плечи и другие подробности.

– Сам шпион, – сказал Са Ша, поднимаясь. – А я разведчик. Отдавай Кость, а то в морду дам.

– Бедненький, – пожалел его ехидный табурех. – Голодненький. Косточку захотел. Не кормят тебя твои глюки.

И засмеялся. То есть засмеялась, потому что это была девчонка. А глюками табурехи называли Племя Настоящих Людей.

– Молчи, презренная табуретка, – обиделся Са Ша. – Я тебя на кусочки могу разломать. Просто с девчонками драться противно.

– Вот и правильно, и не дерись, – согласилась девочка. – Слушай, я давно хотела спросить: почему ваши разведчики к нам всегда приползают с какой-то травкой за ухом? Для маскировки?

– Это священная трава Лопух, – объяснил Са Ша. – Был у нас такой герой Ло Пух. Что-то великое сделал. То ли мамонта в одиночку съел. То ли его мамонт съел. С тех пор все разведчики – эти... Ло Пухи.

– Здорово! – восхитилась девчонка. – Героический вы народ, глюки.

– Я вообще-то по делу, – сказал Са Ша. – У нас кто-то Кость украл. Наверное, вы. – И рассказал, что случилось.

– Нет, наши не брали, – оказалась девочка. – Нам не до того. Я бы, конечно, с удовольствием тебя побила и воткнула в волосы позорный цветок Ка, но у нас горе и нельзя отвлекаться на всякие радостные ритуалы. Погас наш Огонь.

– Кошмар, – посочувствовал Са Ша. В те времена люди ещё не умели разжигать костры. Они поддерживали огонь, зажжённый молнией, а если костёр потухал, это было ужасное несчастье.

– Возьмите у нас, – предложил Са Ша. – Мы не жадины.

– Это позор для племени, – вздохнула девочка. – Но, наверное, старейшины так и сделают. За разговором они оба как-то забыли, что Са Ша – представитель вражеского народа, и дошли до деревни табурехов. Плач и вопли раздавались повсюду. Рядом с погасшим костром на Священном Камне лежал убитый саблезубый тигр.

– Даже тигра не дожарили, – вздохнула девочка. – Не угощать же тебя сырым мясом. Мы всё-таки Настоящие Люди, а не какие-то дикие глюки... ой, извини.

– Это мы – Настоящие Люди, а вы – подлые табурехи, – сказал Са Ша, но развивать тему не стал – у табурехов и так горе. – Эх, тигр какой аппетитный... и прямо по моей специальности. Я ведь – Са Ша, то есть «тот, который хорошо кушает САблезубых тигров».

– А я – Гла Ша, – представилась девочка. – «та, которая хорошо куша...» Она не договорила.

– Это что ещё такое? – раздался грозный голос табурехского шамана. – Негодная девочка привела врага, мерзкого глюка, дабы он порадовался нашему горю? Вот я ему...

Шаман размахнулся дубиной. Са Ша отшатнулся... споткнулся и упал, стукнувшись лбом о Священный Камень. Из глаз мальчика посыпались искры. Они упали на хворост... Костёр обрадовался и весело запыхал. Саблезубый тигр улыбнулся и начал поджариваться.

Жаль, что в первобытные времена не было великого поэта вроде Гомера, который смог бы достойно описать все те благодарности, которыми табурехи осыпали смущённого Са Шу. Ему подарили половину жареного тигра, два каменных топора, три крысиных хвоста, камень, похожий на маленького медведя, восемнадцать оленьих шкур, целебное растение Ас Пирин и лучший двухкомнатный вигвам с видом на Ре Ку. Потом шаман решил, что неразумно отдавать всё это богатство на сторону, и выгоднее оставить Са Шу в племени табурехов на должности вождя. Са Ша уже почти согласился стать вождем, но тут шаман всё испортил. Чтобы навсегда привязать чужака, шаман предложил ему немедленно жениться на Гла Ше. Са Ша так перепугался, что сбежал, волоча за собой половину тигра, два каменных топора, три крысиных хвоста и прочие ценности.

А у табурехов с тех пор не стало проблем с разжиганием костра.

Каждый день дежурный по кухне с разбегу стучался о Священ-

ный Камень и разводил огонь. Дежурили все по очереди, поэтому соседи постепенно переименовали племя табурехов в племя шишковатых фингалов. Со временем некоторые вольнодумцы из молодых начали высказывать предположения, что, дескать, проще не биться лбом, а стучать камнем о камень. Но шаман пресекал бунт в зародыше и ругался, что традиции не уважают, Великого Героя Са Шу не чтут... и вообще, молодежь нонеча не та, и куда катится мир.

– Не брали они Кость, – сообщил Са Ша друзьям. – У нас теперь вечный мир и никаких цветков Ка. А вообще-то интересно, что означает имя Гла Ша. Что именно она хорошо кушает? ГЛАдкокожих носорогов? ГЛАвных пещерных львов? ГЛАженные носовые платочки? ГЛАуберову соль?

– Это ещё что такое? – удивился Я Ша.

– Это что-то из будущего, – махнул рукой Са Ша.

ГЛАВА 6. ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО №3

– Ты что делаешь? – в ужасе спросила Ма Ша.

– А что? – оторвалась от своего занятия На Та Ша. На Та Ша означает «та, которая хорошо кушает...» как бы вы думали, кого? Ни за что не догадаетесь.

Сколько-то лет назад Племя Настоящих Людей долго враждовало с племенем табурехов. Наконец воевать надоело, и мужчины Племени пошли и сильно-сильно побили противных соседей, чтобы уж больше не воевать, а жить в мире. Вернувшись после пятичасового похода домой, охотник Сте Па Ша («тот, кто хорошо кушает СТЕпных ПАНтер») обнаружил, что у него совершенно неожиданно родилась дочь. Счастливый отец назвал девочку злободневно: На Та Ша, что означает «та, которая хорошо кушает НАпадающих ТАбурехов». Хотя есть людей, конечно, неприлично, и На Та Ша ничего такого себе не позволяла.

– Зачем ты красишь нос в красный цвет? – воскликнула Ма Ша.

– Не в красный, а в оранжевый, – возразила На Та Ша, намазывая охрой кончик носа. – Красный слишком вульгарно. А оранжевый – благородный цвет.

И наклонилась над Ре Кой, чтобы проверить, достаточно ли бла-

городен её оранжевый нос. Ма Ша огляделась. Перед На Та Шей на бережку были разложены кусочки красной и жёлтой охры, белая глина, фиолетовые ягоды Агу, пучок свежесорванной травы и уголёк.

– Лучше нос зелёным сделать, – предложила Ма Ша. – А охру намазать на щёки. Как будто они румяные.

– Зелёный нос мне не идёт, – дёрнула плечиком На Та Ша. – А щёки я фиолетовые сделаю, ягодами намажу. Как ты думаешь, веки лучше жёлтые или зелёные?

– Зелёные нельзя, у этой травы едкий сок. В глаза попадёт – щипаться будет. Лучше вот как сделай: лоб жёлтым закрась, а на нём – чёрные полоски угольком, как будто ты тигр. Всех хищников распугаешь. А глаза красной охрой обведи для свирепости. – придумала Ма Ша. – Кстати, ты у нас Кость не краля?

– Попробовать, конечно, можно, – в сомнении сказала На Та Ша, вертя в пальцах кусочек охры. – Какую кость?

Ма Ша отобрала этот кусочек и начала растирать его между двумя камнями. Потому что первобытная женщина не могла просто так вести допрос по делу о краже, это было недобродетельно. А Ма Ша была добродетельная.

Растирая охру, Ма Ша начала рассказывать о похищении Кости, но На Та Шу это явно не интересовало.

– По-моему, чего-то не хватает, – сказала она, опять наклоняясь над Ре Кой за неимением зеркала. – Может, на переносице нарисовать фиолетовый цветочек?

И тут На Та Шу кто-то как дёрнет за оранжевый нос!

– Ой! – отскочила она. – Это что?

– Я же говорила, что оранжевый нос нехорошо, – заметила Ма Ша. – Вот кому-то тоже не понравилось, он и хотел оторвать. Ре Ка слабо булькнула и на берег выскочила Русалка.

– Спасите! – закричала она. – Помогите!

Русалка, конечно, тоже была первобытная, до пояса волосатая, как горилла, с низким лбом и почти без подбородка. А ниже пояса, где у современных русалок хвост, у неё, кроме хвоста, ещё были четыре маленькие ножки с плавниками, как у первобытной кистепёрой рыбы целлоканта.

– Ты зачем меня за нос цапнула? – спросила На Та Ша.

– Я же не знала, что это нос, – оправдывалась Русалка. – Вижу, что-то оранжевое над водой сияет, вот и поплыла на огонёк. А схватилась за него для равновесия. За мной чудовище гонится. Ой, вот оно!

Из воды высунулась голова на длинной шее. В волнах угадывались очертания огромного тёмного тела. Ре Ка явно была чудовищу узковата в бедрах. Чудовище посмотрело на девочек, но нападать вроде не собиралось.

– Старые водяные говорят, что эти ящеры почти вымерли, – зашептала Русалка. – Их мало-мало осталось.

– Бежим! – взвизгнула На Та Ша.

– Я не могу бежать, – печально возразила Русалка. – На хвосте бегать неудобно, а ножки у меня слишком маленькие. Не бросайте меня, девочки.

Чудовище лениво шевельнуло лапами и поплыло к берегу. Русалка закричала от страха. На Та Ша бросилась к пещерам, крича: «На помощь!» Ма Ша швырнула в чудовище первое, что попало под руку – красную охру, потом жёлтую охру, потом белую глину, зелёную траву и фиолетовые ягоды Агу. Чудовище только моргало, ошеломлённое неожиданным нападением. На мокрой шкуре расплывались разноцветные пятна. Последнее косметическое средство – уголёк – подбило чудовищу глаз. Чудовище жалобно хрюкнуло, нырнуло и уплыло.

Забегая вперед, скажем, что первобытная косметика получилась почему-то очень водостойкая. Красные, жёлтые, белые, фиолетовые пятна так и остались на шкуре водяного ящера. Все товарищи над ним смеялись, он впал в меланхолию и эмигрировал в далёкие края, поселившись в уединённом северном озере. Потом это озеро назвали Лох-Несс. Но вот что интересно. Все водяные ящеры вымерли, а этот, раскрашенный, остался и живёт до сих пор, прославленный на весь мир. Так что косметика из натуральных продуктов полезна для здоровья и способствует долголетию.

ГЛАВА 7. ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО № 4

Я Ша приблизился к пещере Тё Шши с опаской. Никто не знал, чего от неё можно ожидать.

Вообще-то когда Те Шша была молодая, её звали Ту Ша – «та,

которая хорошо кушает ТУров». Но сейчас она стала старая, зубы почти все выпали, и жесткую турятину жевать стало трудно. Поэтому Ту Ша сама себя переименовала в Тё Шшу – «ту, которая хорошо кушает ТЁлочек», имея в виду нежное мясо телят туров. Никто не возражал. Ей вообще никогда не возражали – себе дороже.

Я Ша заглянул в пещеру. Те Шша что-то делала над зажжённым костром. Я Ша осторожно вошёл и...

– Бамс!

Прямо над входом висели две дощечки, Я Ша об них стукнулся и получил «бамс».

– Это что? – спросил он, потирая лоб.

– Это звонок, – сказала Те Шша, оборачиваясь к гостю. – Как только я слышу «бамс», так сразу понимаю, что кто-то пришёл.

– Ты что, посмотреть не можешь? – завопил Я Ша (лоб заныл довольно сильно).

– Сейчас пока могу. А потом глаза совсем ослабнут – и не смогу, – объяснила Тё Шша. – Буду на звонок ориентироваться. Проходи, садись.

Я Ша собрался сесть...

– У тебя шкура какая-то на землю упала, – сказал он, поднимая угол хорошей медвежьей шкуры.

– Не трожь, темнота первобытная, – рывкнула Тё Шша. – Это не упала. Это ковер. Садись прямо на него.

– Зачем? – удивился Я Ша. – Сидеть и на земле можно.

– Это тебе можно на земле, а у меня радикулит, – возразила старуха. – На шкуре сидеть теплее.

Я Ша сел. Правда, на шкуре сидеть было лучше, чем на земле. Тё Шша отвернулась и помешала в горшке, стоявшем на огне. Это был единственный горшок на всё Племя, да пожалуй, и на всю остальную первобытную Землю, потому что керамику должны были изобрести ещё через десятки тысяч лет. Но Тё Шша не могла ждать тысячи лет. У неё уже сейчас выпали почти все зубы, и она изобрела горшок, в котором мясо можно было разваривать до совсем мягкого состояния. Племя горшок не одобряло. Шаман говорил, что в варёном мясе заводятся злые духи, которые размягчают зубы и насылают

безумные мысли. Но Тё Шша духов не боялась, говоря, что безумных мыслей у неё и так полно, а зубов почти нет и размягчать нечего.

– Ты что варишь? – спросил Я Ша.

– Зубы, – буркнула Тё Шша. – Для себя.

– Ты думаешь, если их сварить, они станут лучше жевать? – удивился Я Ша, заглядывая старухе в рот.

– Да нет, я варю клей из смолы. Приклею себе новые зубы взамен выпавших. И старуха вставила в рот два здоровенных волчьих клыка.

– Ну как? Мне идёт?

– Ужас какой, – поёжился Я Ша. – По-моему, размерчик не тот. Зубы в шею упрутся.

– Вот и я сомневаюсь, – вздохнула Тё Шша и бросила в кипящую смолу коготь летучей мыши – для навару. – А зачем ты пришёл? Может, тебе тоже зубы приклеить? Второй ряд? Или парочку клыков на язык?

– Нет-нет, – перепугался Я Ша. – Я пришёл спросить. Когда я колдовал в пещере, ты была рядом. Это не ты украла Кость?

– Великую и Ужасную Кость украли? – обрадовалась старуха. – Здорово. Я вообще-то её не брала, но давай я буду главная подозреваемая. Мне эта Кость очень нужна... м-м-м... ага, смолу размешивать.

– А если я тебя обвиню перед племенем, что ты украла Кость? – пригрозил Я Ша.

– Обвини! – заулыбалась старуха. – А я такое придумаю... придумаю... ага, уже придумала.

Я Ша задрожал. Когда Те Шша что-то придумывала, лучше было держаться подальше. Детям до сих пор в воспитательных целях показывали развалины пещеры, в которой Тё Шша что-то придумала, когда ей было лет десять.

– Я возьму свое привидение, – мечтательно сказала Тё шша. – Приклею ему клыки, и оно загрызёт обвинителя! Или хоть пожует немного, пока клыки не отклеятся.

Привидение у старухи действительно было. Она его нечаянно образовала из пара, когда варила первый в истории суп. В общем-то сама виновата – не надо было добавлять для пикантности разрыв-

траву, собранную в полнолуние. Сейчас привидение висело в углу пещеры и по ночам светилось синеватым светом. Те Шша называла его мерзким словом «бра». Я Ша предпочитал не выяснять, почему «бра», а не «мра» или «дра».

– Тогда я заколдую твои ноги, чтоб они не ходили, – пригрозил Я Ша испуганно. – Я всё-таки ученик шамана.

– Они и так почти не ходят, – вздохнула Те Шша и потёрла колено. Суставы болели у всех стариков племени – сказывалась жизнь в сырых пещерах. Но Тё Шша не желала с этим мириться и искала выход.

– Когда мои ноги совсем откажутся ходить, я придумаю такую штуку, которая будет меня возить, – сказала Тё Шша. – Сяду за руль, переключу скорости... это всё как следует продумать надо. Ничего, время пока есть. Я ещё только чуть-чуть хромаю. Ладно, малыш, иди, не мешай. А то я сосредоточиться не могу. В клее кто-то так булькает, будто выскочить оттуда не может... зря я туда мандрагору покрошила, да ещё и слезы единорога зачем-то капнула... и шерсть нетопыря...

Я Ша терпеть не мог, когда его называли «малыш». И вообще старуха его раздражала, потому что рядом с ней он чувствовал себя маленьким и глупым. Поэтому, чтобы хоть как-то выразить свои чувства, он дождался, пока Тё Шша отвернулась, и плюнул прямо в кипящее варево!

Вообще-то он ничего такого не хотел, просто от злости плюнул. Но смола в горшке вспыхнула, раздвинулась, и из горшка выскочил маленький мохнатый человечек с бородой. Шерсть у него была как у нетопыря, ручки-ножки – как корни мандрагоры, а глаза голубые, как слезы единорога.

– Уф! – сказал человечек. – Это я куда попал? Это дом?

– Это пещера, – невозмутимо сказал Тё Шша, заслоня собой оторопевшего Я Шу. – А ты кто?

– Я домовый, – сказал человечек. – Такая нечистая сила.

– Да уж вижу, что не чистая, а грязная, – проворчала Тё Шша.

– Весь в какой-то смоле извазюкался. Пойдём, я тебя искупаю.

Она схватила домового за шкуру и отправилась полоскать в Ре Ке, не обращая внимания на его вопли:

– Я порядочный домовый! А меня буль-буль! Ой, я утону, ой,

буль-буль-буль! Кто меня из смолы сварил? Кто меня буль-буль?
Вот я его буль-буль-буль!

Впоследствии домовый так и остался жить в пещере Тё Шши. Он помогал по хозяйству, шпынял привидение за лень и всё ворчал, что он – домовый, а не пещерный, поэтому ему надо выстроить дом. Так надоел, что Те Шше пришлось изобрести дом, хотя в первобытные времена это было не принято.

А зубы Тё Шша так и не приклеила.

ГЛАВА 8. ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО № 5

Ми Ша (тот, кто хорошо кушает МИшек, то есть маленьких медведей) сидел в песочке около Ре Ки и ревел. Он занимался этим уже давно, и все слёзы из него вытекли, только рёв остался. А те, что не вытекли, а застряли, Ми Ша сейчас старательно выдавливал, размазывая кулачками по щекам.

– Привет! – сказала Ах-Ах. – Ты почему плачешь?

Ми Ша обрадовался появлению зрителя и заорал ещё громче. Ах-Ах испугалась – если так рыдают, то это означает какую-то катастрофу.

– Не плачь, пожалуйста, – погладила она мальчика. – Тебе что-нибудь дать?

Ми Ша на минуту, замолчал, обдумывая ситуацию, и сказал:

– Дай. Дай-дай!

– Что тебе дать?

Ми Ша не знал, как называется та штука, которую ему так сильно хотелось, поэтому сформулировал обобщённо:

– Дай бух!

Обезьянка огляделась. Вокруг не было никакого «буха». Для пробы Ах-Ах протянула малышу камешек – может, он его имел в виду? Ми Ша рассердился и швырнул камешек в Ре Ку.

– Бух, – сказал он сердито.

– Скорее, плюх, – поправила его обезьянка. – Ну как, полегчало?

Ми Ша заревел снова. «И как вести допрос в таких условиях?» – огорчилась Ах-Ах.

И вдруг из прибрежных кустов вышел Зверь. Это был малень-

кий серый Зверь с хвостиком, ушками, глазками и лапками. Лапки вязли в песке и заплетались. Зверь очень хотел пройтись по песку гордой летящей походкой, он сосредоточил всё внимание на заплетающихся лапках... и забыл про голову. Тяжёлая головёнка переверсила, Зверь ткнулся носиком в песок и жалобно заскулил.

– Да! – радостно закричал Ми Ша. – Да! Дай!

И схватил Зверя за толстое пузочко, просвечивающее розовым. Зверь заболтал лапками, но, в общем, не возражал.

– Так ты этого хотел? – догадалась Ах-Ах. – Это волчонок. Наверное, его мать погибла, раз он разгуливает один.

– Аах вуу вай вай аппа у-у-а? – спросила она волчонка. Это в переводе со звериного языка означает: «Откуда ты взялся, сын Волчицы?»

– У, – ответил волчонок. Это на зверином языке ничего не означало. Волчонок тоже ещё не умел говорить, как Ми Ша.

– М-да, собеседнички у меня... – вздохнула Ах-Ах.

А малыши, обрадовавшись встрече, сразу начали играть. Сначала Ми Ша повалялся в песке, потом волчонок повалялся в песке. Потом они немного покидали песок друг в друга. Потом волчонок сделал вид, что он сейчас съест Ми Шу, а Ми Ша сделал вид, что он сейчас съест волчонка. Потом они укусили друг друга, но не сильно, а так, для общения. Потом волчонок убежал в кусты и с трудом приволок для приятеля замечательную игрушку, которую утащил сегодня в одной из пещер. Волчонок играл с ней уже несколько часов, основательно изгрыз, но она была ещё очень хорошая. Волчонок подпихнул её другу, гордясь своей щедростью. Ми Ша схватил игрушку и начал копать ею ямку в песке. «Да не так, – подумал волчонок. – Эти люди ничего не понимают». Он отобрал игрушку у мальчика и стал её грызть с одного конца. Ми Ша всё понял и пристроился грызть игрушку с другого конца.

– Ах! – воскликнула Ах-Ах. – Отдайте немедленно! Мы её с утра ищем!

Волчонок и Ми Ша оторвались от обглаживания Великой и Ужасной Кости и зарычали совершенно одинаково. Отдавать добычу они не собирались.

ГЛАВА 9. ДЕЛО ЗАКРЫТО ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

И тут (очень кстати, как всегда в детективах) на берег подошли Я Ша, Са Ша и Ма Ша.

– Они не отдадут, – волновалась Ах-Ах. – Они её всю изгрызли!

Я Ша протянул руку за Костью... и отдёргнул, украшенную свежим волчьим укусом. Са Ша одной рукой взял за шкурку волчонка, другой – мальчика, встряхнул их... Но они Кость из зубов не выпустили, а слишком сильно тянуть Са Ша боялся – а вдруг малыши порвутся или иначе как-нибудь повредятся. Са Ша опустил их обратно на песок и прогудел озадаченно:

– Может, они прилипли?

Ма Ша сняла с себя бусы и погремела ими перед носом у Ми Ши. Мальчик подумал-подумал... бросил Кость и вцепился в «погремушку». Волчонок тоже бросил Кость – что он, костей не видел что ли? А тут такая новая разноцветная штука. Он вцепился в бусы с другой стороны.

Я Ша двумя пальцами поднял обслюнявленную Кость. От неё мало что осталось, но останки ещё можно было опознать.

– Ах-Ах, – волновалась Ах-Ах. – Я не успела спасти Кость!

– Ты молодец, – сказал Я Ша. – Ты раскрыла преступление, нашла преступника, схватила грабителей с поличным...

– Ты замечательная умница, – похвалила обезьянку Ма Ша. Она обстругивала осколком кремня палочку неизвестного назначения. Потому что первобытная женщина не может хвалить обезьяну и ничего не делать. Это несолидно. А Ма Ша была солидная.

Са Ша ничего говорить не стал, он просто сорвал с дерева плод А-На-Ба-нан и протянул его Ах-Ах. Обезьянка очень смутилась – её ещё никогда так не хвалили.

– А что ты скажешь шаману? – спросила Ма Ша.

– Скажу, что так и было, – не задумываясь, ответил Я Ша. – Нельзя выдавать малышей. Ми Шу накажут, а волчонок вообще съедят.

– Да, пусть лучше волчонок живёт в племени, – сказала Ма Ша. – Мы будем с ним играть. Смотрите, какой хорошенький. А как мы его назовём?

– Ко Ша, – предложила Ах-Ах. – Тот, кто хорошо кушает Кости. Великие и Ужасные.

– Нет, – сказал Я Ша, устремив взор вперёд в приступе ясновидения. – Коша – это мы потом приручим маленького тигра, в меру саблезубого, и назовём его Коша. Он будет ласковым, его будут звать Кошечка... Кто у нас хорошо кушает саблезубых тигров?

– Я, – сказал Са Ша.

– Вот тебе и приручать. Итак, все поняли, что кражи не было. Остальное – моя забота.

ГЛАВА 10. ДОКЛАД НАЧАЛЬСТВУ

– И тогда Великий Дух Уа-Уах бросил в меня камень величиной с... с... с мамонта! Вот видите, даже шишка осталась, – и Я Ша предъявил шишку, которую набил, стукнувшись о звонок в пещере Тё Шши. – Но я всё равно не отдал Кость! Тогда Великий Дух закричал Страшное Слово «Бу-бу!». Земля разлезлась... размазлась... нет, разверзлась, и из неё вылезло десять злых духов...

Я Ша растопырил пальцы на руках, пересчитал их для верности и уточнил:

– Нет, десять раз по десять духов!

– И что? – спросил Шаман, с интересом слушая захватывающую повесть.

– Они вцепились в Кость и начали её грызть, – продолжил Я Ша. – Видите, меня тоже укусили. Я Ша показал на руке укус волчонка.

– Но я не сдался! Я гениально придумал новое заклинание «хрясь-хрясь» и сказал его! И духи все исчезли, а Уа-Уах убрался с жалобным хрюканьем. Вот. По-моему, я герой.

– По-моему, тоже, – кивнул Шаман, стараясь не засмеяться.

– Какие интересные следы остались на кости... вот эти – словно от укусов маленького волка. А эти – от укусов маленького человека.

– Не трогайте! – испуганно воскликнул Я Ша. – А вдруг их укусы отравленные!

Шаман непроизвольно отдернул руку, уронил Кость, потом всё-таки не выдержал и рассмеялся.

– Правильно смеётесь, – кивнул Я Ша. – Надо смеяться и радоваться. Во-первых, что у вас такой талантливый и храбрый ученик (это я скромно про себя). А во-вторых, что Кость удалось спасти.

– Ну, это уже не Кость, это уже так... жевачка какая-то, – всё ещё смеясь, сказал Шаман. – А радоваться действительно надо. Потому что я женюсь.

– Что? – изумился Я Ша. – При чём тут Кость?

– Не при чём, конечно. Я уходил в гости в соседнее племя и посватался к дочери рыбакова Мой Ши (того, кто хорошо кушает МОЙву). Старый хитрый Мой Ша сначала не хотел отдавать за меня красавицу Всё Шу...

– Она что – ВСЁ кушает? – с ужасом перебил Я Ша. – Учитель, может, не стоит на ней жениться? А вдруг она ВСЁ скушает, и нам ничего не достанется? И вообще вы старый.

– Она толстая и красивая, – мечтательно вздохнул шаман. – А я молодой, намного моложе твоего отца. И мы будем жить долго и счастливо... правда я пообещал отдать за невесту выкуп. Знаешь, какой? Великую и Ужасную Кость.

– Ой, – пискнул Я Ша. – Её же практически нет... теперь вы умрёте холостым?

– Нет, так не хочу, – отказался шаман. – Поэтому если ты к рассвету не достанешь мне новую Великую и Ужасную Кость...

– То что будет? – с ужасом спросил Я Ша.

– Я ещё не придумал, – честно сказал шаман. – Но, наверное, что-то кошмарное. – И опять принялся хохотать. Он не сомневался, что ученик придумает какой-нибудь забавный выход, и готовился развлекаться. Я Ша, понурившись, вышел из пещеры Шамана.

– Ну что? – спросила Ма Ша, отрезая узкий ремешок от шкуры. Потому что первобытной женщине неправильно просто так спрашивать «ну что?». А Ма Ша была правильная.

– Надо срочно доставать новую Кость, – мрачно сказал Я Ша. – Причём Великую и Ужасную. Друзья задумались. Найти кость не проблема, вон сколько обглоданных объедков валяется за пещерой, да где гарантия, что она окажется Великой и Ужасной.

– Хоть свою отдавай, честное слово, – вздохнул Я Ша. – Вот этих

длинных костей в груди у меня много, я бы одну отдал, да как её оттуда вытащить...

– Не скажу, что ты Великий, но иногда бываешь просто Ужасный, – подтвердила Ма Ша. – Так что твоё ребро, наверное, было бы Ужасное. И, может, даже чуть-чуть Великое.

Са Ша прищурился, глядя на Я Шу. Я Ша отодвинулся, опасаясь, что Са Ша уже собирается добывать для него кость.

– Подождите меня здесь, – сказала Ах-Ах и убежала. Вскоре она вернулась с длинным ребром.

– Его сегодня варила старуха Тё Шша. – Оно, правда, от каба-на, но, может, шаман не заметит. Я Ша пожал плечами и пошёл к шаману – попробовать.

– Вот, – сказал он. – Это лично моё ребро. Для вас ничего не жаль. Оно Великое, Ужасное и...

– И немного свиное, – сказал шаман, осматривая подарок.

– Ну... я иногда бываю такой свиньёй... – сказал Я Ша. И скобочился, чтобы казалось, что с одного боку ребра не хватает. – Я сказал заклинание «хрясь-хрясь» и ребро из меня выскочило...

– Ладно, малыш, – хмыкнул шаман. – давай его сюда. Сообразим, как сменить обглоданное свиное ребро на красавицу Всё Шу. Я Ша терпеть не мог, когда его называли «малыш». Но сейчас он этого даже не заметил.

Потом история с ребром стала широко известной. Но люди, передавая её из уст в уста, конечно, всё напутали. Дескать, первобытный человек Адам вынул из себя ребро и сделал из него жену...

А на самом деле хитрый шаман перехитрил ещё более хитрого старика Мой Шу и женился на его дочери в обмен на свиное ребро.

ГЛАВА 11. БЛАГОДАРНОСТЬ В ПРИКАЗЕ

– Спасибо, Ах-Ах, – сказал Я Ша. – Ты раскрыла преступление, ты нашла новую Великую и Ужасную кость... даром что обезьяна.

– Я думаю, тебе надо превратиться в человека, – предложила Ма Ша. – А что? Если постараться, у тебя всё получится. Ты очень умная.

– Я тебе помогу, – пообещал Я Ша. – Я скажу заклинание «хрясь-хрясь».

– Так оно же не настоящее, – удивилась Ах-Ах. – Ты же его придумал, когда врал шаману.

– А вдруг настоящее, – возразил Я Ша. – Я же его ещё не говорил. Ну что, будем превращаться? Ах Ах подумала немного... потом ещё немного...

– Нет, – сказала она. – Я уж лучше так останусь. С мамой. Я её люблю. Она же огорчится, если я уйду в человеки. Только вы в меня копы не кидайте, когда вырастете и пойдёте на охоту.

– Это сейчас люди и звери враждуют и едят друг друга, – сказала Ма Ша. – А потом пройдёт много-много лет, и все люди поумнеют и будут дружить с животными. Наверное, в двадцатом или в двадцать первом веке. Просто мы ещё дикие пока.

– Что взять с первобытных, – кивнул Я Ша.

ГЛАВА 11. КОНЕЦ

– Мам, ну ты всё перепутала, – сказал Данилка. – Мамонты и обезьяны не могли жить в одном лесу. Мамонты жили, где холодно, а обезьяны – где тепло. И откуда Я Ша мог знать, что будет двадцать первый век?

– И про реактивное бревно? – подсказала Анечка.

– Да, – вздохнула мама. – Что-то я увлеклась. Может, ну её, эту сказку? Плюнуть и забыть?

– Плюнуть нельзя, – серьёзно сказала Анечка. – Вон Я Ша плюнул в котел – и получился домовый. Наконец-то я знаю, откуда взялись домовые. Сашка, что ты делаешь?

Маленький Сашка держал в зубах косточку от куриной ножки, с другой стороны засунув её в рот плюшевому щенку Бимке с розовым ухом.

– Он приручает собаку, – догадался Данилка. – Ладно, мам, ничего, пусть будут мамонты и реактивные брёвна. Это же сказка. В другой раз сочинишь что-нибудь более научное.

– Я надеюсь, – печально сказала мама, глядя на нарисованную обезьяну. Обезьяна тоже посмотрела на маму и подмигнула ей нарисованным глазом.

Сказка о маленькой Курше

В селении жили мальчик и девочка, брат и сестра. Они приехали к дедушке и бабушке, и им здесь очень нравилось. Рано утром, когда облако ещё не успевало уйти из их двора, они просыпались, умывались родниковой водой и потом помогали бабушке, например, собирали упавшие за ночь сливы. А потом встречали дедушку, который привозил из леса толстое бревно и колол его клиньями на плахи. Потом все завтракали. Дедушка говорил:

– Не ходите далеко, дети. За горой с весны поселился Бак-бак-дэв.

– А как же ходишь в лес ты? – спрашивали дети.

– Я ухожу с пастухами, а у них есть собаки и ружья. К тому же я не ухожу за гору, – отвечал дедушка.

И дети всегда слушались.

Во дворе жила маленькая собачка Курша. Девочка ее любила.

И мальчик ее любил, но со вздохом говорил:

– Такая маленькая. Разве она на что-то способна?

Курша слушала и виновато пряталась под дом. Она бы тоже хотела быть большой собакой и уходить с пастухами в горы. Однако в жизни всегда так – если есть большие, то, значит, есть и маленькие. Иначе как узнать большого и как узнать маленького? Курша во всё старалась помочь. Но всё-таки иногда и девочка говорила:

– Эх, правда, была бы она большая!

Однажды, когда поспела в лесу ежевика, девочка сказала мальчику:

– Пойдём за гору. Там много ежевики. Насобираем и угостим бабушку с дедушкой.

– Но ведь дедушка не разрешает! – сказал мальчик.

– А он не узнает! – стала уговаривать девочка, и мальчик согласился. За горой ежевики было очень много. Мальчик и девочка бы-

стро набрали целую корзину, побегали по поляне и захотели домой. Посмотрели по сторонам, а куда идти? Слева – гора. Справа – гора. Впереди – гора. А сзади – тёмное ущелье.

– Надо залезть на дерево. И тогда будет видно наше селение! – сказала девочка.

Мальчик полез на самое высокое дерево, но селения всё равно не увидел. Он посмотрел налево – гора. Посмотрел направо – гора. Посмотрел вперёд – гора. Оглянулся назад – а там уже Бак-бак-дэв.

– Хорошая закуска будет! – сказал он, глядя на детей. А голос у него такой, что ветер пошёл по поляне. Мальчик, как увидел Бак-бак-дэва, слез с дерева, взял девочку за руку – и побежали они в гору. Разумеется, Бак-бак-дэв вдогонку помчался.

– Неужели, – говорит, – я вкусную закуску отпускаю?

Быстро бегут мальчик и девочка, а Бак-бак-дэв ещё быстрее. Уставать начала девочка и просит мальчика:

– Не оставляй меня! Сестра я тебе!

А мальчик и без этих слов не оставил бы ее. Ну почему бы он ее оставил? Взял он девочку за руку покрепче и ещё быстрее побежал в гору. А Бак-бак-дэв – вот он уже, за спиной хрипит, слюной брызжет, на бегу камни зубами в песок перетирает. Понял мальчик, что не убежать им вдвоём.

– Беги! – сказал он девочке. – Там, за горой, пастухи стадо пасут! Беги и зови на помощь!

Побежала девочка, а мальчик остановился. Налетел на него Бак-бак-дэв, проглотить приготовился. Спрятал свой страх мальчик, приложил палец к губам и говорит:

– Тихо!

Удивился Бак-бак-дэв, оглянулся, но ничего опасного не увидел. Не увидел и закричал, а от крика его сломалось несколько больших деревьев.

– Тихо! – опять сказал мальчик. – Амиран тут ходит. Бак-бак-дэва поймать хочу, говорит!

После этих слов раздался страшный грохот, такой грохот, что услышал дедушка в селении. Услышал и подумал, что льды в горах подтаяли и вниз сошли. А на самом деле это Бак-бак-дэв от стра-

ха на колени упал. Так он Амирана боится. Известно ведь, когда впервые между собой встретились, крепко Бак-бак-дэву досталось. Амиран – это такой богатырь, который никогда слабого в обиду не даст, а Бак-бак-дэв всегда на всех нападает и ещё хвастается, что он самый сильный.

Увидел мальчик, что испугался Бак-бак-дэв, и припустил со всех ног от него. Не было ведь рядом Амирана. Мальчик просто-напросто схитрил. Понял Бак-бак-дэв, что обманутым оказался. Разозлился он настолько, что одним прыжком настиг мальчика. Да тут уж девочка за горой пастухов увидела, крикнула им о помощи. Пастухи собак спустили. Как стрелы понеслись собаки на выручку. И только приготовился Бак-бак-дэв мальчика на клочки разорвать да проглотить, как самая быстрая собака вцепилась ему в ногу. Взревел Бак-Бак-дэв, хотел самую быструю собаку смахнуть. Да тут другая собака, самая сильная, вцепилась ему в руку. Хотел Бак-бак-дэв смахнуть ее, но тут приспели остальные собаки.

Видит Бак-бак-дэв, что дело плохо, но всё равно решил сражаться. Он, конечно, Амирана боялся, однако не такой уж был слабый, коли одним ревом своим умел деревья ломать. Решил он сражаться, и неизвестно, на чьей стороне осталась бы победа. Но в самый ответственный момент подбежала сзади маленькая Курша и вцепилась Бак-бак-дэву в хвост. Она, оказывается, тоже услышала грохот, но правильно подумала, что это не льды, а Бак-бак-дэв зашумел. Позже всех примчалась она, маленькая и коротконогая, но, однако же, вцепилась Бак-бак-дэву в хвост. Скользкий он у Бак-бак-дэва, чёрный. Противно было Курше, да делать нечего, – когда в беде помогают, ни на что не смотрят.

Не стерпел Бак-бак-дэв. Так бы всё ладно – к битве приготовился. А как в хвост ему вцепились, – не устоял. Не устоял и помчался в свою тёмную сторону. И, говорят, сто два дня в речке сидел, ждал, чтобы боль в хвосте утихла. Радио с той, тёмной, стороны вещало, что он с дружественным визитом по соседним странам уехал. Но пастухи видели, что он сто два дня в речке сидел. Да и какое государство его с дружественным визитом примет? Хотя – всё может быть, какое-нибудь да примет. Но пастухи видели – сидел сто два

дня в речке, хвост отмачивал. Сто дней отмачивал, а два дня из-под камней выбирался. Речка ведь сверху с гор течёт, камни несёт. До самых плеч Бак-бак-дэва завалила.

А мальчик и девочка сказали пастухам спасибо, ежевикой их угостили, собак погладили, пришли домой и пообещали дедушке с бабушкой, что всегда будут их слушаться. И правильно. А то пастухов от работы оторвали, едва их собак не сгубили. А каково было бы бабушке с дедушкой, случись беда!

Всё хорошо завершилось. А Куршу в пылу сражения и в радости победы никто не заметил. Сделала она свое дело. И – убежала.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Николай НИКОНОВ

Про курочку-тетёрку и жёлтых тетеревят

Рыжая лесная курочка-тетёрка тихонько шла по траве, прислушивалась, приглядывалась, пугливо вытягивая шею. Она была занята очень важным делом: искала место для гнезда. Вот уже целое утро бродила тетёрка по холодной росе, и всё напрасно. То лес был слишком густ, то очень редок, то по соседству оказывалась лисья нора, то не было поблизости воды.

Но всему на свете бывает конец. Нашла и тетёрка удобное местечко для гнезда. Каждое утро прилетала сюда тетёрка. Снесёт пёстрое яичко, прикроет его пёрышками и улетит. Когда же прошло девять дней и стало яичек тоже девять, она пересчитала их клювом, распушила перья, села на гнездо и стала греть яички своим теплом. Целые три недели, нахохленная и важная, она неподвижно сидела на гнезде.

Вот и наступил самый долгожданный день. Уже с утра тетёрка приподнималась, прислушивалась, глухо квохтала. Она слышала

лёгкие шорохи, которые доносились из-под скорлупы. Яички ожили. Шорохи становились сильнее. Наконец тонкая скорлупа треснула, стала разламываться, из яйца выглянула Мокрая головка цыплёнка. Он тихо пищал, пытаясь освободиться из скорлупы. А потом трескались другие скорлупки, и к вечеру у лесной курочки стало девять птенцов. Девять жёлтеньких пуховых шариков с чёрными глазёнками и бурыми крапинками на спине.

Едва они обсохли, как тут же стали бегать, переваливаясь на коротеньких ножках, весело перекликаясь тоненькими голосами. А тетёрка, совсем как курица, говорила им: «Коо, коо...». Когда холодющий вечерний ветер зашептал в листьях кустов, цыплята зарылись в мягкие перья и сладко заснули в темноте и тепле.

Коротка июньская ночь. Побелело, зарумянилось небо. Певчий дрозд засвистал на макушке лохматой ёлки. Затрубили журавли на болотах. Радостно, звонко запели зорянки. И тетёрка разбудила птенцов, повела весь выводок искать корм.

Чу! Кто-то продирается сквозь кустарник. Шумит сырая осока.

Гладкая полосатая мордочка барсука появляется из кустов. Шевелится, нюхает мокрый нос, похожий на свиной пяточок. Хищно щурятся подслеповатые глазки. Пахнет вкусно. Но тетёрка бросается навстречу. И так страшен её взъерошенный отчаянный вид, такая дикая злоба слышна в хриплом квохтанье, так яростно горят тёмные глаза, что барсук тотчас скрывается.

Курочка привела выводок на поляну. Цыплята резвились в обсохшей траве, ловили кузнечиков, разгребали тёплую землю, искали зёрнышки, клевали травинки.

Так проходили дни.

Однажды в туманное утро весь выводок кормился на черничнике в старом сосновом бору. Тетеревята, занятые своим делом, не заметили опасности. Не видела её и курочка-тетёрка. А опасность притаилась там, на вершине высоченной, прямой, как свеча, сосны. Полосатый большой тетеревиатник сидел на суку, втянув голову в плечи. Он высматривал, на кого бросаться в первую очередь. Едва один тетеревиенок-петушок вышел на чистое место, как ястреб кинулся вниз. Свистнул, прошумели крылья. Запоздало крикнула те-

тёрка. Припали к земле птенцы. А ястреб уже низко летел прочь, унося в когтях петушка.

Долго-долго лежали тетеревята в папоротнике, боясь шевельнуться. Теперь их стало восемь.

А вечером случилось новое несчастье. На глухой вырубке один тетеревёнок повстречал гадуку. Она грелась в лучах закатного солнца, лёжа на трухлявом пеньке.

Глупый птенец подумал, что это большой вкусный червяк, и подошёл поближе. Потревоженная змея засипела, приподнялась и стремительно клюнула его в шею. Он запищал, нахохлился, зашатался, отбежал в сторону. А через минуту лёг на землю и уж больше не шевелился.

Птенцов стало семеро. Тетеревята росли и росли. В августе все уже походили на мать. Они стали такие же рыженькие, пёстренькие, только хвосты были покороче да сами птицы чуть поменьше. На груди у петушков пробивались чёрные перья, как у взрослых тетеревов. Они летали на моховое болото – отыскивали крупную клюкву.

Там, на моховом болоте, заметила тетеревов лисица. Тихо-тихо, медленно-медленно поползла вперёд. Она подбиралась всё ближе и ближе. Жадным блеском горели её злые глаза, вздрагивал вытянутый хвост, скалились острые зубы.

Старая тетёрка первой услышала мягкий шелест. «Ко-ок!» – крикнула она. И в ту же минуту рыжий зверь прыгнул из-за кустов. Он схватил самого слабого тетеревёнка, который замешкался и не успел взлететь.

Теперь в выводке осталось шесть тетеревят, и они уже знали, что от лисицы верное спасение дают крылья.

К осени тетеревята стали совсем взрослыми. Они превратились в рыженьких курочек и чёрных нарядных петушков с красными бровями и белыми перьями под хвостом. Их было пятеро: две курочки и три петушка. Шестого тетеревёнка подстрелили охотники. Зато остались самые крепкие.

Наш класс

Не вижу необходимости рассказывать о разношёрстной малышне: первоклашки всех эпох одинаковы – наивные, доверчивые.

Деревянное здание школы дожило до наших дней. Учится в ней такая же самая ребятня, разве что поменьше среди них художочных и почти ни одного в заплатах пиджаках с отцовских плеч. Окружили нашу школу стандартными девятиэтажками, двор залили асфальтом и только узкую полоску земли вдоль стен пощадили – чтобы деревья не задохнулись. Вязы и тополя одряхтели, некоторые совсем засохли. Школа, как и её ровесница баня за забором, доживает последние месяцы. Баню уже закрыли, на её территории рычат бульдозеры.

Побывал я и в своём родном классе. Круглая печь возле простенка осталась, только топку замуровали намертво. Печь потолок поддерживает, оказывается. Парт уже нет – столы.

Всё это сейчас. А тогда...

...Чёрная школьная доска, два ряда парт, перед ними стол учителя. На противоположной от окон стене длинная рейка с крючками для развешивания наглядных пособий.

Двадцать парт – сорок учеников. Мы с Володькой отвоевали самое удобное местечко: сбоку – окно, за спиной – печка. И тепло, и светло. Многие нам завидовали.

Александра Григорьевна – наша учительница поняла это, и когда я схлопотал «неуд» по арифметике, пригрозила:

– Рассажу вас с Провоторховым.

Поддействовало. В нашем классе оказался и мой двоюродный брат со стороны матери Гриша Зуев – тихий, застенчивый. Отец Гриши – столяр. В первое время дядя Федя частенько навещал нас, помогал обустроиться. Почти половину парт второго ряда занимают детдомовцы. Чистенькие, остриженные, дисциплинированные. И мальчики, и девочки – все в сером одеянии, все вместе.

Совершенно неосознанно между «домашними» и детдомовцами началась борьба за первенство как в классе, так и на школьном дворе. Многие с синяками красовались...

Особенная неприязнь, прямо-таки ненависть какая-то, зародилась между мною и детдомовцем Мишей Сычёвым. Наши стычки кончались тумаками почти ежедневно. По договорённости, никто не вмешивался, не разнимал нас.

– Дураки вы оба, – определил Вовка. «Междуусобица» закончилась совершенно неожиданно. Однажды Мишка не пришёл в школу. Дежурный доложил, что Сычёв болен, врач освободил его от уроков. Александра Григорьевна кивнула, прошла по классу и остановилась возле меня. Я встал.

– Сейчас урок литературы. С литературой у тебя всё нормально. Иди в детдом, навести Сычёва. Узнай, как он себя чувствует.

– Может... после уроков? – пробормотал я.

– Ты понял, что я сказала? Иди. Книги оставь в парте.

Детский дом находился позади бывшего монастыря. Железные решетчатые ворота распахнуты. Рослый парень с красной повязкой на рукаве спросил, кто я и что мне надобно. Выслушал, приобнял за плечи, указал на флигель в глубине сада.

– Там у нас лазарет. А у Мишки пустык – пятку вчера в реке порезал. Доктор велел полежать денёк.

Я шёл тропкой и удивлялся – осень, а здесь всё ещё краснеют яблоки. Мишка потом пояснил дружелюбно:

– Запрещено по деревьям лазать – штаны быстро рвутся.

– А как же с яблоки достать?

– А мы их рыболовными сачками снимаем!

Санитарка-старшеклассница принесла Мишке компот, и меня угостила. Посмеиваясь, Мишка признался:

– Знаешь, у меня от твоих кулаков бока болят...

– Да и ты вроде не слабак!

Мы посмеялись и... подружились. Все это поняли. «Домашние» с нескрываемой завистью, детдомовцы – как вполне естественное.

Однажды, когда несколько «домашних» напали на отставшего от своих детдомовца, я кинулся на его защиту.

Самое удивительное в этом незначительном эпизоде, что мой брат, глядевший на свалку со стороны, фыркнул пренебрежительно:

– Ты и сам, как детдомовец. Нос-то вытри...

Прозвище прямо-таки приросло ко мне – многие даже имя моё забывать стали:

– Эй, детдомовец, ты примеры по русскому сделал? Дай, сдую...

...Кланяюсь низко светлой памяти Александры Григорьевны, осуждённой в финскую войну, как шпионка. Именно она в пору моего нравственного становления показала мне тропку к настоящей дружбе. Чтобы появились друзья, надо самому не носить камень за пазухой!

Бритоголовый поп

Некотрые пионеры ходили со своими бабушками в церковь, но на это как-то не обращалось внимание. Но когда один из старшеклассников не только присутствовал при венчании его сестры, а даже держал над её головой какую-то корону, – об этом заговорила вся школа. Товарищи отступника донесли об этом позорном явлении куда следует...

В канун Нового года в школе проводился утренник на антирелигиозную тему. Мы с Вовкой проскочили в зал между дежурными и уселись напротив сцены. Пахло лесом: огромная ель стояла в углу, пока ещё связанная.

В девять, почти по звонку, на сцену вышел директор в военном френче. Следом за ним – двое незнакомцев. Один – крупный, бритоголовый, с распахнутой грудью. Директор позволил нам сесть, жестом пригласил гостей за стол президиума. Не успел он и слова сказать, как бритоголовый ладонью отодвинул его, заговорил окающим басом:

– Лучше меня никто не знает, а потому всё сам скажу. Зовут меня отцом Петром. Похож я на твоего отца? – неожиданно спросил он у меня и подмигнул дружелюбно.

Заскрипели скамейки. Бритоголовый отошёл от края сцены, лицо его стало серьёзным. Поговорив о недостойном поведении верующего комсомольца, он махнул рукой и улыбнулся.

– Сами разбёретесь... Имя – отец Петр – свидетельствует о моём сани. Отец, значит, поп, по-вашему. Выпускник духовной семинарии, а мирское имя моё – Петр Алексеевич. Тезка великого государя, как видите... К слову, в той же казённой семинарии, что и я, учился Максим Горький, хотя он и не любит вспоминать об этом... Ну, так поговорим о Боге или псалмы споём? Могу научить.

Зал весело загудел – вот это поп! Петр Алексеевич достал из кармана штанов платок, высморкался, сказал сердито:

– Повода для веселья не вижу: тема мусолится веками и всё без толку. Пишите записки, спрашивайте – не старушки на паперти. Вот, Влас Игнатьевич – мой оппонент, разберётся, что к чему... Но сначала спрашивать буду я. Сказку о Балде и попе читали? Ага, читали... А «Очерки бурсы» Помяловского? Гм-м...не густо. Помяловский, к слову сказать, тоже духовного звания. Какими изображаются попы в народной молве? Все знаете – жадные, скупые, неумные и плодовитые... Помните слова Горького: «Человек – это звучит гордо?» Ага, помните... А каковы религиозные догмы? – Петр Алексеевич начал загибать пальцы, – покорность, смирение, всепрощение, двинули в правую скулу, подставляй левую и так далее. И – всеобщая трусость, – вера в загробную жизнь. Но никто и никогда не вернулся на землю из рая или, там скажем, ада. Религия учит: не надо ни о чём спрашивать, ты должен только верить. Но есть Бог, есть и всевозможная нечисть – домовые, лешие, вурдалаки и прочая пакость, включая всем известных чертей. Тут они помалкивают: ты верь, да и только! И всё начинается заново: у попа была собака... Слепая вера – путь к фанатизму. Самые жестокие войны – религиозные. Гугеноты вырезают католиков, магометане – христиан и так далее. Фанатизм – самое большое зло. Здесь кроется ещё одна всеобщая беда – распад государства по религиозным, а значит, и национальным признакам.

Он помолчал, отпил воды из стакана, прочёл записку, поданную его спутником. Покачал головой, усмехнулся.

– Знал – спросите... Но сначала закончу свою мысль: величай-

шее завоевание советской власти – религиозное и национальное равенство. Все люди – братья! Такова наша советская религия. А теперь удовлетворю ваше любопытство. Я не скучно говорю? Переждав шум в зале, Петр Алексеевич потёр ладони и остановился на краю сцены.

– После семинарии служил в храме – пел, подпевал, помахивал кадиллом и так далее. Ходили по крестинам, свадьбам, где наедались и напивались досыта... – он посмотрел поверх наших голов, прищурился. Мне даже показалось, что облизнулся от приятных воспоминаний.

– В гражданскую определили меня в деникинскую армию. Священнослужителем, конечно. Ружьё в руки не брал – врать не стану. В основном приходилось исповедовать и благословлять идущих на тот свет... У человека смерть за плечами, а он в глаза смеётся: пошёл ты, батя! Завидовал я таким... Потом перевели в карательный отряд. Возликовал было – все верующие: ложку ко рту не поднесут, лба не перекрестя. А на поверку, туго мне пришлось – расстрелы, казни ежедневно. Однажды командир нашего отряда сам повёл на казнь красноармейцев. Трое их было. Идут, покуривают. Руки не связаны: не убегут – пуля догонит. Привели на кладбище за деревней, привязали к крестам, облили бензином и подожгли. Тут словно осенило меня: Христа на кресте распяли и этих тоже... И кто казнит? Верующие, православные...

Петр Алексеевич помолчал, потёр затылок:

– Много я в ту ночь передумал. Перед рассветом пошёл каяться в грехах. Не в церковь – к красным. Они за речкой стояли. Прихватил с собой командира того – зело лютый был его благородие, хотя и весьма хлипкий. Поверили комиссары в моё раскаянье. Простила меня советская власть.

Петр Алексеевич достал из кармана похожие на небольшой будильник часы:

– В заключение скажу, отроки мои простодушные. И ныне, как тогда в гражданскую, государство наше в кольце: Япония, Финляндия... Что вам придётся защищать его – истина непреложная. А много ли навоюешь, следуя завету: врезали в одну скулу, подставь другую? То-то и оно.

Когда хотелось есть

 лёнька Лосев и Алька Кузин лежали на берегу речки и смотрели в тёмное майское небо.

Вообще-то хорошие люди начинают здесь купаться где-то с середины-конца мая, по местная пацанва открыла купальный сезон почти сразу после ледохода.

А теперь речка успокоилась, вошла в свои берега, но, как бы извиняясь за своё недавнее буйство, пыталась лизнуть ребятам их босые пятки.

Лёнька с Алькой упорно смотрели в небо. Сегодня оно было чёрным и, как никогда, богато усыпано звездами. Вот одна из звезд дрогнула, чиркнула небо и исчезла.

– Сорок пятому фрицу капут, – сказал Алька.

– Сорок шестому, – тут же поправил Лёнька, проследив путь падающей звезды.

– А наших сегодня сколько погибло? – спросил Алька.

– Трое.

– Нет, двое. В тот раз не две звезды сразу упали, а одна. Так что фрицев сегодня мы сорок пять штук ухлопали; а наших только два человека погибло.

– Может, хватит на сегодня? – поднялся Лёнька. – Домой мне надо, мамка опять спать не будет. Алька тоже поднялся:

– Ладно, по дороге ещё штук несколько набьём. Они поднялись на берег. Узкой тропинкой мимо осокорей двинулись к повисшим вдали электрическим огням.

– А моя велела в сарае спать... Опять к ней явится... Сорок шесть, сорок семь... Во даём мы сегодня! Вот-вот война кончится, а... – Алька осекся.

– Всё-таки наших трое, – вздохнул Лёнька, проводил взглядом две враз упавших звезды. – Войны-то осталось – Гитлера в плен взять, а наши всё равно ещё гибнут.

Алька Кузин серьёзным сделался:

– С начала войны мы с тобой эти звезды считали, уж ни одного немца в живых быть не должно, а из наших только у Тамарки отец целый. У Остроумовых погиб, мой без вести пропал, твой тоже не в счёт – живой, а ушибленный.

– Контуженный он, – поправил приятеля Лёнька и вздохнул совсем уж тяжело: – У нас хоть матери... братья-сестры... А Доходяга совсем один. Алька, он помереть может. Ноги у него опухли и живот вздулся. Сегодня я ему только чешуи от картошки дал, дед следил, целую картошку не смог я...

– Такой ты, Лёнька, дуболоб здоровый. Командуешь чё-то, строишь из себя... а украсть боишься. Давай чего-нибудь такое сопрём, чтоб все досыта и от души наелись!

– Не могу я, Алька! Ей-богу, не могу! Вот хоть чего со мной делай, а воровать я не способный.

– Ну-ну, – съехидничал Алька, – ты, значит, не можешь, а я ночью ползи-крадись к столу и воруй у материна ухажёра горбушку? Лёнька Лосев только вздохнул тяжело. Алька пообещал:

– Ладно, раздобуду завтра что-нибудь твоему Доходяге. Из ночи высунулись сначала сарай, потом сделались видны бараки. Ребята разошлись: Лёнька Лосев жил в шестом, а Алька Кузин во втором бараке.

Мама уже спала. Лёнька бесшумно залез на полати и улегся на своё место, у стенки. Рядом лежал дед, а у самой печки младший братишка Сашка. Полати были широченные, а от печки шло тягучее, сонливое тепло. Дед шевелил бородой:

Туры, туры, турара,
На горе стоит гора.
А на той горе – лужок.
На лужке стоит дубок.

А на дубке-то – чёрный ворон.
Он в чёрненьких сапожках
На коротких ножках.
Он всю ночь в трубу трубит,
А утром сказки говорит...

Ухайдакавшийся за день Лёнька засыпал под дедушкину сказку, а Сашка слушал, широко раскрыв глаза.

К нему сбегаются звери.
К нему слетаются птицы.
Кому сказочек послушать,
Кому пряничков покушать,
Кому орешков пощелкать...

– Деда! А где ворон пряниками карточки отоваривал? – шёпотом спросил Сашка. Дед поскреб в бороде.

– Сказка такая. А в сказках без карточек живут. Давай-ка спи, вон Лявонтий уже спит. Дед повернулся на бок и скоро начал попыхивать, смешно оттопыривая верхнюю губу. Сашка тяжело, по-стариковски вздохнул и тоже закрыл глаза.

...Они проснулись от шума и криков. Барак ходил ходуном – за стеной топали, кричали, бухали в двери. Дед ещё только приподнялся, Сашка не успел проснуться, а Лёнька уже спрыгнул на пол.

– Господи, пожар, что ли? – вскочила с кровати мама. С треском отлетел крючок от косяка. Распахнулась дверь:

– Эй, Лосевы! Война кончилась!

Лёнька выскочил в предрассветное утро. Всё барачное население высypало на улицу. Вечно ссорившиеся бабы теперь обнимались и дружно плакали. От других барачков тоже неслись песни и плач. Прорывался истошный крик:

– А нам от Петруньки только вчера похоронка пришла!

Со стороны магазина бахали жиденькие берданочные выстрелы – сторож салатовал Победе. Лёнька побежал к старым сараям. Там его уже ждали друзья – крепыш Юрка Криков, худой, но верт-

кий Алька Кузин, высокая серьёзная Томка Вострикова, её подружка Нюська Остроумова со своим младшим братом Вовкой.

Лёнька подошёл к ребятам, сказал:

– Пошли! Алька Кузин привычно отвёл две доски в стене крайнего сарая. Нырнул внутрь.

По набитым на широкую доску ступенькам ребята поднялись на чердак. Здесь на полках лежали какие-то камни, рогатки из противогазной резины, электрический фонарик, самодельные боксёрские перчатки, молоток, ножовка...

С одной из полок Юрка Кривов снял наушник. Поводил медной проволокой по серому с блёстками камню, и наушник заговорил. Юрка положил его в алюминиевую миску, и всем стало слышно, как Левитан говорит про Победу.

– Что-то теперь будет? – вздохнула Нюська Остроумова.

– Мы домой поедem, в Рыбинск, – сказал Юрка.

– А за нами папка приедет, и мы к себе на Дон поедem, – задумчиво сказала Тамарка и посмотрела на Лёньку. Завистливо всхлипнул Вовка Остроумов:

– А наш папка не приедет.

– Ладно, не у вас одних, – одёрнул малыша Алька Кузин.

– Пораъедемся и забудем друг друга, – вдруг сказала Нюська.

Все примолкли.

– Не забудем! – поднялся Лёнька. – Столько лет вместе конца войны ждали.

На чердак со стороны магазина пробилась песня про огонек, а с другого конца поселка слышалось про Катюшу. И над всем этим висел плач-крик:

– Петрунька! Неужто денёк не мог потерпеть, не помирать? Всего-то денёк!..

Не так уж давно в этих местах стояло с десяток крепеньких изб, которые назывались деревней Дежнёвкой.

Вдруг в начале тридцатых годов по берегам вихлястой речки, как грибы, стали расти землянки и домишки. К этой скороспелой

застройке намертво и сразу приклеилось название Нахаловка. Говорили, что первые жители селились здесь самовольно, нахально, они довольно быстро стали обзаводиться хозяйством, коровами и лошадьми, распахивали заливные луга, ловили бревна в весеннее половодье, а летом вдосталь заготавливали сена.

Но вот в этих местах как-то сразу построили шесть бараков под жильё и два цеха для изготовления кирпича, один цех работал только летом, а другой круглый год.

На проходящей невдалеке железной дороге сделали полустаночек, который вскоре превратился в станцию Черновка.

Началось было строительство и неведомого КТЗ (котлотурбинного завода) и фанерной фабрики, но тут бабахнула война, и на Черновке всё перемешалось. Фанерную фабрику срочно доделали, а отстроенные корпуса КТЗ отдали эвакуированному из Рыбинска авиационному заводу. Завод этот с ходу включился в работу, начал выпускать продукцию. А продукция была – моторы для самолётов.

С завода редко кого отпускали на фронт, все приехавшие в Черновку эвакуированные имели очень высокую рабочую квалификацию. Почти все рыбаковские пацаны после седьмого класса шли в ремесленные училища, а то и сразу на производство.

Строились не только новые корпуса под цеха, на Черновке как-то сразу, будто всю жизнь здесь стоял, вырос каменный двухэтажный и трёхэтажный Соцгород. Соцгород этот решительно расширялся, увеличивался.

И хотя большой завод стоял в стороне от Нахаловки, но в полудеревенскую жизнь он вторгся решительно: оставшиеся мужики, парни и многие бабы теперь работали на заводе, полупустовавшие кирзаводские бараки заселили эвакуированными, и появилась новая проходная – южная.

Вот и Лёньке Лосеву выдали документ об окончании седьмого класса. Считай, полжизни позади. Много ли на кирзаводе, а особенно в Нахаловке, найдёшь людей, окончивших среднюю школу.

Лёнька за семь-то лет две школы окончил: четырёхлетку на кирзаводе и семилетку на КТЗ.

Семилетка занимала целый катезинский барак. В первой комнате направо жила Прокофьевна. Она была и уборщицей, и сторо-

жихой, и, по большому-то счёту, чуть ли не директором. По крайней мере, с пайками и подарками порядок навела Прокофьевна.

Раньше-то как было. С утра в классе совсем народу немного, а перед большой переменной класс битком набит – на парте по трое сидят. Это потому, что в большую перемену ученикам паёк выдавали – кусочек хлебушка.

И как бы ни надсажалась там над журналом Анастасия Павловна, вызывая учеников по спискам, всё равно всем хлеба её хватало.

А потом Вовка Субботин ещё хлеще штуку придумал: только Анастасия вошла в класс, он бедного Шерхана на неё толкнул. Поднос на пол упал. Такая тут куча мала получилась. Хлеба почти никому не досталось – все кусочки истоптали, исковеркали. Вовка же Субботин всё подобрал до крошечки – у них корова Зорька жила.

А Шерхана на месяц пайка лишили. Он из эвакуированных был, этот пацан. Тихий такой, забитый. А у доски начнёт что-нибудь говорить, так про это и учителя даже не знают. Задачки он вообще почти без мела решал, устно, его только слушать успевай, складно всё так, но непонятно. А по учебнику ответ всегда сходил. Фамилия у него была Шер, а имя Ян, а так-то он на Шерхана откликнулся.

В других младших классах с пайком всё нормально было, а в седьмом – прямо беда.

Вот Прокофьевна и установила порядок – выдавать хлеб из мешка, и только тому, кто последних три дня все уроки отсидивал.

Раньше в седьмом классе человек под шестьдесят к большой перемене собиралось, а тут сразу до сорока скатилось.

В это же время в школе военрук появился, он хромал очень, но умел громко и чётко командовать, к тому же у него было две пары боксёрских перчаток, вот его и взяли в помощь Прокофьевне, не дежурных, как делала Анастасия Павловна, а лучших боксёров и Лёньку Лосева.

И начался в седьмом классе (он один, седьмой-то, был на всю школу, многие до него не доучились, в РУ и ФЗО уходили) полный порядок с хлебными пайками.

Чего-то не особенно жалел Лёнька, что распростился со школой. До того эти науки надоели, а ещё больше самодельные газетные тетрадки и зануда эта, Анастасия Павловна.

Она сразу невзлюбила Лёньку за то, что он много стихов поэта Есенина знал.

А стихи эти Лёньке с раннего довоенного детства запали. Мама этими стихами его на ночь баюкала. Говорит, говорит мама, вроде бы заснуть должен маленький Лёнька, а он просит: «Ещё».

И сейчас есенинских стихов Лосев знал на пять часов чтения, хотя ни одной живой книжки поэта не видел.

Не любила Лёньку Анастасия Павловна, и в свидетельстве об окончании седьмого класса у него было «поср.» – «посредственно», тройка, значит.

Это потому, что он один раз классное сочинение стихами написал. Надо было просто про Родину написать, а Лёнька за урок целый стих накропал. Он его, стих этот, надолго запомнил, потому что «оч. плохо» за него получил. Стих так начинался:

Давным-давно,
Когда ещё
Россией правил Петр,
При славном городе Полтаве
Русский солдат пробился к славе.

Сквозь тучи дыма и огня
На приступ русский шёл,
И, умирая, всё рубил он шведов и колол.

И пала армия вояк,
Прославленных везде,
И победил её мужик,
Копавшийся в земле!

А почему он победил?
Да потому, что он
Свою Отчизну защищал
И русским был рождён!

Конечно, много и хорошего было за эти три года в семилетке. Одни поездки в школу чего стоили! Ведь от кирзавода до КТЗ,

считай, пять с лишним километров. И вот ты подкарауливаешь выходящую из ворот трёхтонку с кирпичом, цепляешься крюком за борт и несёшься на коротких лыжах-самоделках к школе, к знаниям.

Интересно было, когда пионервожатая в классе объявилась.

Вошла девка здоровая в большую перемену, все хлеба ждали, а она:

– Ребята, встаньте, кто из нас пионер. Ну кто ещё раньше, до войны, вступил или до эвакуации?

Вообще-то в кирзаводской начальной школе о пионерах чего-то не слыхать было. Тут тоже как-то всё больше думали, где бы чего пошамать, скорей бы в лес за луком диким или картофельное поле перекопать, может, оставил какой зевака клубень-другой.

И вдруг:

– Встаньте, кто из вас пионеры! Поднялся один Шерхан. Очень весело было. А потом, через каких-то два-три месяца, эта вожатая целую дружину соорудила. Ребята песни пели, пьесу разыграли про недоросля. А ведь в школе тогда одни мальчишки учились, так что госпожу Простакову Лёнька Лосев играл.

Нет, и хорошего было много в этой школе. Только что уж теперь вспоминать – позади всё. Улыбающийся Лёнька вспрыгнул на завалинку, заглянул в комнату, кинул туда портфель:

– Э-гей! Прощай, школа!

...И мама, и дед, и даже брат Сашка принялись разглядывать с какими отметками перевели Лёньку в восьмой класс.

– Молодец, Лёня. Вот ты и со средним, считай, образованием, – мама поцеловала старшего сына.

Сашка тоже сунулся к брату:

– Лёнь, а теперь тебе паёк не добавляют?

А довольный дед целую речь закатил.

– Ну, внучок, счас нам полегчает. Красотка сыта будет. Ты не Санька, ты накормишь козу. Объягнится вот она, даст бог, так со всем заживём. А я помаленьку за сенцо к зиме примусь.

Лёнька вышел на барачное крыльцо. На нижней ступеньке сидел парнишечка и мастерил тряпичную куклу. Увидев Лёньку, тяжело поднялся. Он был низенький, со старческим уставшим лицом.

– Сегодня тебе, Доход, Алька Кузин жратвы подкинет, – на

ходу сказал Лёнька. – Опять хлеба обещался добыть. Они прошли в один из сараев. Навстречу им вышла чёрно-пёстрая рогатая коза. Потянулась к Лёньке.

... Красотка появилась у Лосевых весной сорок второго. Каждый день утром и вечером мать приносила из сарая по литровой банке пахучего козьего молока. Всё лето Лёнька и Сашка пасли-холили козу. Дед умудрялся за лето где серпом, где ножом, а где и руками запасти сена и веников.

До прошлого года нахаловские и кирзаводские пасли скотину по очереди. Хотя и немного её осталось, скотины, – в Нахаловке коров десять да на кирзаводе две козы – у Лосевых да у Остроумовых. А нынче всё сломалось. Из-за субботинской Зорьки началось.

Однажды утром Субботиха раскричалась, что вчера у Зорьки пастухи выдоили два задних соска. А пасли вчера Остроумовы – Люська с Вовкой. Томка Вострикова им помогала. Лёнька-то точно знал – не способны эти ребята на такое. Если б Альку Кузина к коровам да козам допустили – другое дело, тот что-нибудь учудил бы.

А Субботихе понравилось – каждый день пастухов корить начала. Когда Лёнькин черёд наступил, он Субботихе прямо сказал:

– Тётя Наташа, если и сегодня ругаться будете – значит, вы нечестный человек.

...Лёнька целый день не спускал глаз с Зорьки. Заворачивать отбившихся коров посылал Сашку. И даже в жару, когда коровы приподнимали хвосты и были готовы вот-вот «забuzить», Лёнька самолично загнал Зорьку в воду.

Обычно жару коровы пережидали в старице, около полуразрушенного моста. И сейчас они забрались в воду чуть ли не по уши, прямо как бегемоты на картинке. А козы забились в тень у берега.

Когда жара спала, Лёнька залез в воду и стал выгонять коров на берег. Все вышли, а Зорька субботинская – ни в какую. Стоит, глаза блаженно щурит, жуётся и хвостом лениво качает. Понужнул её Лёнька хворостиной, она башкой трясёт, а сама – ни с места. И вдруг под коровьим выменем вода взорвалась. Прямо как бомбой жажнуло. Лёнька даже упал с испуга. С головкой ухнулся. Вынырнул, а Зорька не торопясь к берегу движется, хвостом машет. А задний левый сосок у неё пустой – нет в нём молока.

Лёнька около коров Сашку оставил, а сам к Хазару-перевозчику припустил. Выскочил на берег, хазаровской лодки не было.

– Бабай! – позвал Лёнька.

На этот крик уже много лет звучало неизменное:

– Хазар, хазар! – и появлялась лодка, а в ней неспешно шевелил веслами старый татарин. Теперь же берег молчал. Лёнька заглянул в землянку – хозяина не было. Мальчишка прошёл вверх по берегу и за огромной корягой увидел пустую лодку. А кругом что-то таинственно нашёптывал лес и тревожно переговаривались невидимые птицы. Страшно стало Лёньке. Он даже присел за размашистый куст жимолости. И вдруг совсем рядом услышал шёпот:

– Лёнька, ходи сюда!

Под соседним кустом лежал старый Хазар.

Лёнька переполз к нему.

Старик ткнул пальцем на поляну:

– Брагам гуляит.

Лёнька обалдел – по поляне бродили два немецких солдата. Два живых, всамделишных немца. Серо-зелёная форма, короткие сапоги, всё как в кино, только рукава не засучены и автоматов нет.

Лёнька силился вспомнить что-нибудь по-немецки. В голову упрямо лезли строчки из учебника: «Anna und Marta baden» и «Wir gehen in die Schule».

А на поляну вышел ещё один немец с мешком.

И тут Лёнька вспомнил:

– Хенде хох! – заорал он. – Руки вверх! – и выскочил из кустов. Рядом с палкой в руках встал старый Хазар. Испугавшиеся было немцы и впрямь дружно подняли руки, но, увидев старого и малого, что-то залопотали промеж себя. А солдат с мешком даже засмеялся. Его-то и хрястнул Хазар по спине палкой:

– Пошто твоя трём моя малаем кончал?

Немец охнул, испуганно глянул на старика, неуверенно буркнул: «Гитлер капут!» – и спрятался за спины товарищей. Старый Хазар махал палкой, наступал:

– Пошто твоя моя речкам гуляит?

– Эй, эй, дед! – на поляне появился наш солдат. – Нельзя пленных бить.

Лёнька совсем забыл и про субботинскую Зорьку, и вообще про всё на свете – тут такое творилось...

– Пленные это, – объяснил солдат, – к тому же не немцы, а ма-
дьяры, понимаешь?

– Какой такой мадьяр?

– Ну, венгры. Домой их скоро отпустят, нашими друзьями они
будут.

– Какой друг? Зачем такой нехороший одежда таскал?

– Ну чего ты, дед, пристал. Кончилась война, видишь, люди
красиву для столовой собирают, а ты их палкой лупишь. К тебе хоть
замполита приставляй.

До самой лодки не мог успокоиться старый Хазар. Ворчал что-
то по-татарски. А когда Лёнька рассказал про субботинскую Зорьку,
старик просветил:

– Рыба-сом молоко кушал. Большой рыба, жирный.

...Вечером Субботиха снова ругалась. Ни про каких сомов слу-
шать не хотела и велела своему Вовке завтра Зорьку пасти отдель-
но. Назавтра очередь была субботинская, а Вовка угнал только свою
Зорьку. Так и разладилась самодеятельная артель.

Вообще-то Лёнька был даже рад. Козе много ли надо – раз-раз
и нахваталась. Да одну-то её, милую, до отвала накормить можно.
Тем более, что Лёнька один секрет знал.

...Метрах в ста от речки росла «ведомственная» картошка. Лёнь-
ка не знал, что это было за ведомство. Весной, когда сходила вода, на
заливную землю приезжали два колёсных трактора и за одну ночь
пахали-боронили всё поле. Потом приезжали солдаты с ружьями,
выводили из фургонных трёхтонок худых людей в фуфайках, и те
садили картошку. Ребята видели, как люди в фуфайках хрумкали
порезанные картофельные половинки. Прямо сырыми хрумкали.

Картошка всходила неровными рядами, на поле образовыва-
лись широченные межи, и на этих межах рос высокий сочный пырей.

Поле охранял сердитый хромой мужичонка с ружьём. Будочка
у него стояла с краю, ближе к Нахаловке.

В душную полуденную жару Лёнька с Красоткой забирались в

пырей. Коза всё понимала – она быстро и жадно хватала траву, беспокойно трясла бородой и насторожённо блеяла.

Пока мужичок выбирался из сторожки, пока хромал через всё поле, Красотка успевала нахвататься травы, а потом закидывала рога назад и неслась, как бешеная, вдоль речки к лесу. Лёнька только держался за верёвку и перебирал ногами. Вмиг они исчезали среди деревьев.

А вечером мама выносила из сарая литровую банку молока. Полную банку.

* * *

Только отмаялся дед, как забрало маму, а Лёньку с Сашкой лихорадка не трогала.

Груда укрыток на кровати ходила ходуном. Одеяла, половики и дедову ягу то и дело приходилось поправлять, а мама всё равно по-страшному щелкала зубами:

– Хо-лод-но!

Сашка, закатив глаза, верещал в углу:

– Не помирай, мамка! Мамка, не помирай!

– Не каркай, ворона! – дед хлопнул Сашку по затылку, и тот притих.

Томка Вострикова налила в бутылку горячей воды, заткнула тряпицей и сунула маме в ноги. Сказала деду:

– Меняйте воду чаще. И чтоб чайник на плитке всё время был.

Потом Тамарка растормошила пригорюнившегося у печки Лёньку:

– Грелку надо и хины. Пошли.

Они выскочили на улицу и побежали к Томкиному бараку. Остановились у крыльца.

– Подожди меня! – Томка шмыгнула домой.

А Лёнька прислонился к перилам. Ну и денёк сегодня! Обед скоро, а Красотка всё ещё в сарае. Надо же, как маму прихватило. Вдруг Лёнька глаза вылушил: на стене, где с самого апреля он выжег лупой: «Л + Т = любовь», вместо «Л» было выпластано ножом «И. М.».

Лёнька пялился на стенку: что это ещё за «И. М.»? Томка выскочила на крыльцо. В одной руке грелка, в другой – газетный свёрток. Она протянула Лёньке свёрток:

– Это хлеб. Обменяй на хину.

Томка умчалась ставить грелку маме, а Лёнька побежал на базар. На хлеб там не только хину, там хоть что выменять можно. Красотку он погнал пасться только после обеда. Изголодавшаяся коза жадно хватала траву. От речки прибежал Вовка Остроумов:

– Витька Сурок и Аркашка Меченый в чикю всех наказывают. Мне мамка на подстричься пятёрку давала, а я проиграл.

Сурок и Меченый были уже взрослыми ребятами. Сурковы держали лошадь – возили муку на хлебопекарню. Мерин и сейчас белой вороной бродил среди коз и коров.

А Меченый был «шестёркой» у Сурка. До нынешней весны он верховодил всей нахаловской мелкотней. А этой весной оплошал... Нахаловские парни бегали крутить шуры-муры к девчонкам, работающим на лесосплаве. Вот и Меченый, тогда ещё просто Аркашка Волков, заметил там одну деваху. Ну, подсыпался к ней, любовь-дружбу предложил и сказанул, что, мол, чуть чего, так и еда у него есть, и деньги...

Девка подруг своих крикнула. Стянули они с орущего Аркашки штаны и всю задницу испечатали какими-то несмываемыми штампами, были там и «Первый сорт», и «Годен», и даже «Не кантовать». И не стало у нахаловских Аркашки Волкова, Меченый появился.

Лёнька подошёл к ребятам.

– Сыграем, Лось? – крикнул-спросил Сурок.

– Можно, Сурок, – ответил Лёнька.

Чика! Проводится главная черта, на неё ставятся деньги – кон. Биту кидают метров с десяти. Если не добросил до главной черты – «бык», «слепой», «сгорел», «сира». Если далеко закинул – «Москва – Воронеж – фиг догонишь». Надо, чтоб биток сразу за чертой упал, как можно ближе к кону, – тогда первый. Первый бить по кону будешь: перевернулась монета с решки на орла – твоя. А самый шик – сразу в кон угодить – чика! Все деньги в карман. Были ваши – стали наши.

Лёнька поднаторел в чике. Он всегда с битком ходил. Даже в школу. Заметит впереди камушек – шлёп по нему битком – чика! Блеснёт впереди стекляшка – снова к ней биток летит.

Вот и сейчас Лёнька выигрывал. Левый карман отяжелел от денег. А на кону целая гора монет, и Лёньке снова предстояло бить первым. Вторым был Витька Сурок. Вторым и последним – остальные ребята уже проигрались. Да и Витька выдохся – он «наваривал», добавлял в кон деньги и снова «метался», чтобы быть первым, но его биток никак не хотел ложиться ближе, чем у Лёньки, – он то летел в «Москву – Воронеж», то «горел». А кон всё рос и рос.

Лёнька с подчеркнuto равнодушным видом стоял в сторонке. Он-то знал, что только чика может спасти Сурка, по чикю Витьке не сделать: и не умеет, и руки дрожат, и, самое главное, деньги для «навара» явно кончились.

И когда в очередной раз Сурок подошёл к коряге, от которой они метались, Лёнька загородил кон:

– Плати, Сурок. Ты забыл наварить.

– Я платил.

– Он платил, – нахально заорали нахаловские Меченый и Вовка Субботин.

Лёнька оглянулся – среди ребят не было своих, один Вовка Остроумов, но он не в счёт – маленький очень, да и драться Вовка сроду не умел, это не Юрка Криков.

– Значит, я не заметил, метайся. Последний раз метайся, – выговорил Лёнька. К Сурку подбежал Меченый, что-то жарко зашептал тому в ухо. Петька согласно боднул головой.

А Меченый уже около Вовки Субботина, тоже что-то говорит в ухо. У Вовки глазки испуганными сделались, на Лёньку Вовка косится.

Наконец Сурок бросил биток, он упал явно дальше Лёнькиной отметины, но вдруг биток схватил Вовка Субботин и черкнул от метину у самой чики – выходило, что Сурку бить первым.

А Лёнька молчал. Выжидающе смотрел на подошедшего Сурка. А рядом уже заходил Меченый:

– Чё орёшь! Чё хлыздишь!

Лёнька молчал. Смотрел на Сурка. Елозил Вовка Субботин.

– Здорово ты метанулся, Сурок!

А тот уже склонился над коном, уже бить приготовился. Бормотал:

– Ваши не пляшут.

Лёнька бросил на землю «навар», отошёл к коряге. «Чика! Только чика! – думал он. – Я им покажу, как мальцов надувать. Фиг тебе, Сурок, а не деньги...»

Он метнул. Биток упал перед коном, скользнул вперед и сдвинул монеты, они накренились, нехотя скособочились и вдруг длинным змеем вытянулись вдоль главной черты – чика!

Хоть и пела душа у Лёньки, а к кону он подошёл не спеша, вразвалочку, не глядя на оцепеневших ребят. Спокойненько сгрузил монеты в карман. Подозвал Вовку Остроумова. Дал ему денег.

– Эй, малышня, кого ещё мамка за проигрыш ругать будет? Подходи!

И вдруг заорал Аркашка Меченый:

– Не было чики!

Вовка Субботин заверещал:

– Не было, не было! Подскочил к Лёньке: – Хлызда-блызда!

– Отдавай деньги, Лось! – криво ухмыльнулся Сурок.

Нахаловские стеной пёрли на Лёньку. Он пытался к речке. Пронырливый Вовка Субботин забежал сзади, толкнулся кулаком в Лёнькину спину:

– Чичер! Бачер!

– Приходи на вечер! – махнул кулаком Сурок, и у Лёньки дёрнулась голова, но на ногах он устоял.

– Кто на вечер не придёт, Тому пуще попадёт! – взвыл Аркашка Меченый.

Лёнька не любил, когда его били, он успел смазать по трём-четырёх носам, но силы были явно не равны. Лёнька шатался под ударами. С такой присказкой обычно били тех, кто, так сказать, «портил воздух».

– Шапка кругла, На четыре угла, Посредине – крест! По три раза хресть!

Это точно, «кто на вечер не придёт, тому пуще попадёт». Меченый подгонял пацанов бить Лёньку. Всех, даже мелюзгу, даже Вовку Остроумова...

– Отдам!

Замерли кулаки и кулачишки.

– Сейчас я вам всё отдам. – Лёнька смахнул с губы кровь, подобрал с земли кепку. Высыпал в неё мелочь. Не торопясь, широко он отвёл руку и, не выпуская кепку, махнул ею. Жёлто-белый веер сверкнул над рекой и, взбулькнув, исчез в воде.

Онемело стояли ошарашенные пацаны.

А Лёнька разбежался и бултыхнулся в воду вслед за деньгами. Почти не вынимая головы из воды, саженками поплыл к тому берегу. Не оглянулся ни разу, хотя вокруг булькали камни – в него бросали.

* * *

Лёнька переживал беду в землянке дедушки Хазара. Рассказал старику, что наши поймали Геринга, что Гитлер и Геббельс сдохли. Старик цокал языком, приговаривал:

– Ай, шайтан, ай лютым зверем. Кишка им мала-мала выинить нада. Трём мая малаем губил: Равиль, Араслан и Мишкам. Какой батыр помирал. Бабу голод пухлым делал – тоже помирал... Кишка из Гитлер таскать нада... Один я, Газизов, остался.

– У нас в бараке у одного мальчишки тоже все померли.

– Ай, ай! – покачал головой Хазар. – Сколько лет малаю? Как зовут?

– А я и не знаю, – признался Лёнька. – Все его Доходягой называют.

Старик возился с перемётом – цеплял самодельные, из булавок и отожжённых иголок сделанные крючки. Бурчал:

– Каждому людям имя нада. Я – Газизов. Ты – Лёнькам... Где живёт, говоришь, который без имени?

– Да в нашем шестом бараке. Первая дверь налево. Кухня там... Пойду я, дедушка Хазар. Коза у меня одна. Лёнька уже выбрался из землянки, а старик ещё спросил:

– А как Гитлер – зверем подыхал? Чего газетам калякает?

– Я не знаю подробности. Вроде, яду налопался и сдох. Мы вам сюда, дедушка Хазар, наушник проведём, – пообещал Лёнька. – Юрка Криков без электричества умеет.

– Вот спасибо. Вот рахмат. Грамотный люди слушать будем.

От Хазара Лёнька пошёл вверх по речке и снова переплыл её.

Выломал на всякий случай здоровенный сук с закорючкой и пошёл искать Красотку. Обычно коза прибегала на зов сразу, а тут как сквозь землю провалилась. Лёнька подумал было, что она не дождалась его, ушла домой, как вдруг услышал приглушённый, почти человеческий стон.

...Она лежала в малиннике и жадно, с хрипом хватала воздух, по-собачьи преданными глазами смотрела на Лёньку.

– Красоточка! Милая! Да что с тобой? – по-маминому запричитал Лёнька. Коза с трудом поднялась, сделала два-три шага навстречу Лёньке и снова вытянулась у его ног.

Он просил, уговаривал, плакал...

Коза не двигалась. Теперь, дождавшись его, она смотрела отчуждённо и равнодушно.

Лёнька подлез под Красотку. Опираясь на палку, с трудом приподнялся. Пошатываясь, побрел из лесу.

Несносная, удушливая тяжесть пригнала его к земле, выжимала слезы. После каждого шага Красоткина голова благодарно касалась плеча. Колени согнулись, и не было сил их выпрямить. В животе что-то рвалось и булькало. Лёнька настырно шёл.

Вдруг он понял, что сейчас упадёт. Если сделает ещё шаг – грохнется. Он стоял. Качался. Неожиданно стало легко. Лёнька опустился в пыль посреди дороги. Над ним склонился Вовка Остроумов. Лёнька с трудом повернул негнучую шею – Красотка лежала на широких плечах Юрки Крикова. Юрка бежал к баракам.

– Они её ногами пинали, – всхлипывал Вовка. – Сурок держал, а Меченый...

– Беги за Томкой, – выдохнул Лёнька.

...Когда он приплелся домой, Красотка лежала на половике посередине комнаты. Вокруг стояли дед, Юрка, мама, Вовка Остроумов, Сашка. Тамарка Вострикова распласталась над козой – щупала ей живот, заглядывала в глаза.

Тамарка была признанным поселковым лекарем. Частенько по малой хворости люди шли не в медпункт к фельдшерице, где вечная очередь, а к Тамарке. Перевязать, без одеколona банки поставить, а то и зуб выдернуть Востриковой ничего не стоило.

Тамарка поднялась с полу и оглушила:

– Сдыхает коза.

Запричитала-заплакала мама:

– Козлята же в ней. Как мы теперь жить-то будем? Сдо-ох-нем.

Волчонком взвыл Сашка.

Завозился дед у печки. Зачиркал ножиком о плиту. Сказал вежливоенько:

– Идите по домам, ребятки. А ты, девушка, останься, пособи мне. Юрка с Вовкой вышли, а Тамарка осталась.

– Лявонтий, – командовал дед, – давай, перетащим её в сарай, там способней будет. Молчавший до сих пор Лёнька выговорил медленно:

– Не дам Красотку резать. Пусть так помрет.

– Это как это? – изумился дед. – Ах ты, варнак безмозглый, мясо же пропадёт, мясо, понимаешь? Галина! Уйми своего архаровца, а то я мочала из него...

Но тут Сашка рядом с Лёнькой встал:

– Она нам молока давала, а вы её резать?

– Галина!

– Оставь их, папка. Они же любят её.

– Кака любовь? Ты что, тоже шурухнулась? Считаю, месяц жратвы пропадёт.

Дед решительно шагнул к козе, но Лёнька толкнул его в грудь, а Сашка по-волчьи клецнул зубами:

– Не дадим резать.

Чувствовалось, что братья не впервой «воюют» вместе.

– Эх вы, родные внуки, – завсхлипывал вдруг дед. – Да я из-за вас и живу только – хочу, чтоб вы наш лосевский род тянули. А вы, видать, в родителей непутёвых удались – всех вам жалко. Отец вон в дурдоме лечится, мать на работе всего четыреста грамм хлеба вам добывает, а добры-то люди в столовых обитают.

– Зато они честные, они добрые, – всхлипнула мама.

– Ду-ура, – гудел дед. – Кому эта честность нужна. Честны-то все передохнут скоро, а столовски-то жить будут.

– Нет, папка, – сказала мама. – Скоро... всё не так будет, скоро...

– «Скоро», – перебил дед. И вдруг взревел: – Не доживём мы до этого «скоро»!

– Коза умерла, – тихо сказала Томка.

...Лёнька прибрел к речке и упал на песок. Перевернулся на спину и увидел звездное небо. Вот с неба сорвались сразу две звезды – покатились в никуда Красоточкина душа. Лёнька смахнул слезинку, сморщился, задел покаянный в драке нос. А рядом оказалась Тamarка Вострикова. Легла на песок.

– У меня йод с собой, – она потянулась к Лёнькиному носу.

– И так заживёт, – повёл головой Лёнька.

– Ещё где болит? – интересовалась Тamarка. После чики ломило всё тело, а Лёнька спросил:

– И. М. – это кто?

– И. М.? Парень. Игорь Муратов. Нас с Нюсьюкой провожал. В ремесленном учится. На моём дне рождения его увидишь. Лёнь, чего с тобой?

А Лёнька не знал, что с ним... Щемило чего-то внутри и реветь хотелось. Или ударить бы кого. В ухо. До крови. А Томка вот она, рядом. Воркует:

– Дурашка ты. Ленчик. Жаль, что тебе тринадцать только.

– Четырнадцать...

– Всё равно мало. Мне вот пятнадцать завтра.

– Чего это ты о годах?

– Я бы замуж за тебя вышла. Ну и мягкий ты, как камышинка... Люблю камышинки.

Дед и мама подняли Красотку, чтобы вынести в сарай.

Сашка ревел на кровати.

Вдруг отворилась дверь, и на пороге вырос худой бородатый человек. Сашка не сразу признал в нём отца – короткий больничный пиджак без пуговиц, полуспавшие штаны... Между пиджаком и полосатыми штанами желтела дряблая кожа.

– Ваня! – бросилась к отцу мама. Отец обнял ее, зашептал:

– Сбежал я. Мне там хлеба дают, а вы здесь голодные, – дрожа-

щими руками отец вытащил из-за пазухи нечистую тряпицу, развернул её и положил на стол круглый хлебный катыш,

– Горюшко ты моё! – жалела мама отца. – Оголодал-то как, тут и нормальный свихнётся.

Она вытащила из-под подушек чугунок с крапивным супом. Собрала со дна всю гущу, вывалила в помятую алюминиевую миску.

– Не надо, Галя. Сами ешьте, – слабо сопротивлялся отец, а его большие глаза не отрывались от миски.

– Ты попробуй, – настаивала мать,

– Отведай, отведай, сынок, – подбадривал дед. Отец сглотнул ложку, ещё одну... Он съел остатки хлеба, проглотил и свой катышок, в чугунке тоже ничего не осталось.

Вдруг сделался сонливым и равнодушным. Тупо глянул на Красотку:

– Сдохла коза.

И заключил неожиданно:

– Вот и хорошо – мыло сварить можно. Соды каустической добавить, и пуд мыла будет. Мыло продать – корову купить. Корова будет с большими рогами, и меня от вас не уведут. А я есть совсем мало буду, как воробушек. Всё ребятам оставлять стану, только чтоб с вами жить...

А в дверях уже стояли две здоровенные молчаливые санитарки.

Отец сник, сгорбился. Пришибленным, жалким каким-то сделался. Послушно поднялся из-за стола, заискивающе закланялся угрюмым санитарихам и побрел на улицу к поджидавшей его крытой машине.

Дед теребил бороду, мама редела, Сашка исходил криком, Лёньке жить не хотелось.

* * *

Утром, чуть свет, Лёнька поехал в Большой Город понаведать отца.

Большой Город сверкал огнями, высился большими домами километрах в двадцати от Черновки.

Туда люди добирались по шоссе на попутных машинах. В един-

ственный автобус-малютку попасть было невозможно. Да и не всегда он появлялся в Черновке, этот автобус.

Говорили, правда, что от Большого Города к моторному заводу начали срочно прокладывать трамвайные пути...

Ну, а пока без особой нужды в Большой Город люди не ездили.

Дед раздобыл где-то кусок сахара, мама отварила три здоровенных картошины, а Лёнька достал из заначки пачку папирос «Ракета». Тоненькие такие папироски, Алька Кузин за так отдал.

Сумасшедший дом стерёг строгий высокий забор. Мама ходила сюда по разрешению через ворота, а Лёнька подлезал в дыру, через которую вытекала мутная, вонючая вода.

Лёнька вышмыгнул из кустов на аллею и пристроился на скамейке. Вот он, шестой корпус! Сейчас выйдет кто-нибудь из полосатиков и позовет отца.

Шестой-то корпус для спокойных, оттуда запросто на улицу выпускают. Это не то что четвёртый, вона там и сейчас кто-то кричит-надсажается:

– Дайте закурить Стеньке Разину!

...Почти год папка в этом дурдоме мается. Лёнька с Сашкой и не знали ладом, как он сюда попал. А дед какого-то начальника Криворучкова костерил, из-за него, мол, папка захворал. Придумал отец штуковину для пресса, где кирпич-сырец режут. И стало вместо трёх – пять кирпичей на транспортёр выскакивать. Отец над этим делом всю зиму бился вместе с Васильичем. Тот не работал уже – чахотка его душила. Они всё премию хотели большую получить, чтоб Васильича поправить, чтоб тот масла с медом досыта поел и выздоровел.

Васильич не дождался премии – помер. А Криворучков вместо него себя поставил. Отец возмутился, ругался, да вот в больницу угодил. Надо же, немцы, и те только сумели контузить да трёх рёбер лишить, а Криворучков этот душу вышиб.

Из шестого корпуса выхромал полосатик и направился к Лёнькиной скамейке.

– Дядя! Позовите Лосева из одиннадцатой палаты, – попросил Лёнька.

– Не выпускают Ваню, – вздохнул хромой. – Прощтрафился он вчера.

Дядька сел на скамейку и нахмурился. Потом встрепенулся вдруг, уши наострил:

– Слышишь! Слышишь, мальчик?

Лёнька прислушался. Тишина кругом, только птицы где-то заливаются да изредка охрипший «Стенька Разин» курить просит. А дядька аж подпрыгивает.

– Во дают! Это сорокамиллиметровые по «мессерам» шуруют. Хорошие пушки. «Бофорс» называются.

Лёнька чуть отодвинулся, а у дядьки голос замирает:

– Во! Во! Опять ударили. Залпом! Хромой умолк, блаженно закрыл глаза. Лёнька толкнул его:

– Дядя! Передайте вот это Лосеву. Хромой послушно взял свёрток и побрел к шестому корпусу. Лёнька подлез под забор. Услышал прощальное:

– Дайте закурить Стеньке Разину!

Сегодня у Тamarки день рождения, и Лёнька двинул к дальнему болоту. Подарочек он ей придумал – будь здоров.

Лёнька сроду и не знал, что это любовь. Просто хотелось что-нибудь хорошее для Томки сделать. А теперь... Вроде бы ничего особенного, а внутри ёкает.

Чем дальше за речку уходил Лёнька, тем больше цветов попадалось под ноги. Одна поляна была сплошь бело-жёлтая. А по краям поляны кружевной стеной белели берёзы. Ух, красотища!

К дальнему болоту Лёнька пришёл, когда солнце уже клонилось к закату. Он поглотил студёной воды в роднике, разделся и полез в смрадную топь.

Камыши качались у самой середины в чистой воде.

Лёнька проворно прыгал с кочки на кочку. Зеленые держалки всхлипывали под ногами и шевелились, как живые. Не успевала кочка утонуть, как Лёнька перепрыгивал на другую. Он прыгал и успевал коситься на приближающиеся камышинные булавы. Чуть в сторонке от подруг высилась тёмно-бархатная красавица.

– Томкина камышина! – решил Лёнька. Он притормозил на большой кочке. Это была даже не кочка, а маленький шевелящий-

ся островок. Лёнька смотрел на камышину, а островок медленно то-нул под ним. Чёрная вода обхватила ноги, дошла до пояса.

Лёнька лег на черноту и поплыл к камышине. Живот царапала невидимая цепкая трава.

Лёнька сломал под водой стебель и поплыл обратно. Камыши-на мешала плыть – Лёнька сунул её в рот. Стало трудно дышать, в нос что-то попало.

Он хотел передохнуть у всплывшего островка, даже взялся за него рукой, но за ноги ухватилось что-то липкое и противное.

Лёнька бросился к берегу. Он отчаянно колотил по воде руками и чувствовал, как силы отставляют его. Когда в рот попала вонючая жижа, Лёнька выпустил камышину. Обессиленный, лег животом на кочку. Та медленно тонула. Лёнька успел передохнуть. Поплыл, пополз...

Его голова лежала на траве, а тело в чёрной хляби. Лёнька с трудом повернулся на бок. Раскрыл липкие веки. Томкина камы-шина, обломанная почти под самую булаву, приткнулась к травя-нистой кочке. На бархатной головке мирно покачивалась парочка влюблённых голубых стрекозок.

Лёнька вытянул из болота ноги. Дополз до родника и жадно напился. Ополоснул лицо, встряхнулся.

А камышина оторвалась от кочки и медленно уплывала – ве-терок дул.

Лёнька тяжело поднялся и настырно шагнул в воду.

...В темноте с камышиной в руках он подошёл к Томкиному ба-раку.

В огороде услышал голоса, потом песню.

Лёнька открыл калитку, прошёл в огород.

Перед освещённым окном виднелся стол, за ним сидели ребята.

На подоконнике стоял патефон и шипела пластинка – пела Шульженко. Длинный парень в ремесленной форме сидел с Томкой и лихо подпевал Клавдии Ивановне.

Парень пел, а сам держался под столом за Тamarкины пальцы.

Потом подхватили все: Алька Кузин, и Нюська Остроумова, и Юрка Криков, и Вовка...

Только братишка Сашка был верен себе – уплетал за обе щеки розовый кисель, а вслед ему засовывал в рот пучки зелёного лука.

Лёнька подошёл к столу. Спросил Тamarку:

– Это кто? И. М.?

Длинный парень поднялся, показал на петлицы:

– Не видишь? А ты кто?

Лёнька смотрел на Тamarку, а Тamarка виновато смотрела на камышину.

– А я, выходит, никто, – сказал Лёнька парню и выдернул из-за стола братишку.

– Пошли домой.

– Там ещё киселя столько... – захныкал Сашка. Хрустела картофельная ботва под ногами братьев.

– Окучивать пора картошку, – сказал Лёнька и забросил камышину в темноту.

* * *

Житьё у Лосевых без Красоткиного молока стало совсем никуда дышным. Вроде бы, много ли – два литра молока на четверых, а держались, даже отцу в больницу относили. Доходягу подкармливали.

А теперь совсем худые времена наступили.

Крапива сделалась жесткой и невкусной, до свежей картошки было ещё далеко. А хлеба не хватало. Дед и Лёнька с Сашкой получали по триста граммов, мама – четыреста. Выходило – маленькая буханочка с довеском... Не пухли Лосевы, но голодали.

Всегда деятельный, дед сник, повял. Правда, он сварил-таки мыло из козы. Мыло получилось почему-то чёрным и жидким. Дед разлил его по пузырькам и бутылочкам. Пробовал носить на базар, но такое мыло никто не покупал.

Дед продал тележку... Раньше он возил на ней сено для Красотки, промышлял на базаре, на станции – подвозил, перетаскивал. Возвращался домой то с картошкой, то с рублями, а иногда и хлеба добывал.

А теперь дед всё чаще забирался на полаты, ворочался, охал. Иногда жаловался внукам:

– Не дождусь, видать, Витяньки. Один он теперь род вытянуть

сможет. Самого, слышь ты, Гитлера ухайдакал. А на отца вашего надежи нет. Раз железом голову повредило, раз контузило...

Витянькой дед называл своего младшего сына – единственного из четырёх братьев оставшегося живым и здоровым. Виктор Лосев продолжал служить в Германии, хоть и кончилась война месяц назад.

Лёнька отчаянно пытался помочь деду и матери: ходил в луга за диким луком и кислицей, пробовал ловить рыбу в речке... а есть было нечего.

– Пухнуть скоро зачнём, – пророчествовал дед. – Давай, Галька, собирай нас с Лявонтием. Пойдём в деревню, может, добудем чего, Всё давай, что осталось. И мыло это козье с собой возьмём.

– Так не осталось ничего, папка, – вздыхала мама. – Одна шаль оренбургская, так она завещанная, сам же ты говорил, чтоб её не трогать, для будущей Викторовой жены бабушка завещала.

– Чёрт с ней, с женой с этой. Она-то будет, а мы окочуримся... Ты присядь перед дорогой, Лявонтий, присядь на счастье.

В «пятьсот весёлый» сели ночью. Переполненный вагон исходил махоркой, портил воздух, храпел, кашлял.

Лёнька с дедом прибились в проходе. Дед примостился прямо на захарканый пол, а Лёнька пытался заглядывать в окно. Там жила короткая июньская ночь. Совсем рядом кружил лес, на смену ему приходила ровная, непроглядная темень, а то вдруг где-то далеко-далеко мелькнут неведомые жёлтые огоньки.

Дед крепко держал между колен мешок с самодельными лямками. Борода покоилась сверху.

Лёнька тоже опустился на пол, привалился к деду.

Снилась ему довоенная сытая жизнь. Бабушка была жива и здорова и стряпала творожные шаньги... А вот хохочущий, весёлый отец принёс с речки длиннющий кукан рыбы. А дед рассказывал свою сказку:

Туры, туры, турара,
На горе стоит гора...

– Я тебе рассказываю, а ты спишь, – вдруг разобиделся дед. – Не спи. Проснись, проснись...

Лёнька и впрямь проснулся.

Поезд стоял. По вагону плавал тусклый свет, за окнами слышались голоса, а рядом жарко шептал дед:

– Проснись, Лявонтий. Проснись. На-кось мешок, покарауль. Я, кажись, поесть сейчас раздобуду.

Дед проворно направился к тамбуру, ловко обходя спящих.

Лёнька выглянул в окно. Рядом стоял воинский эшелон. Под белёсым брезентом угадывались контуры танков. Прямо под окном у открытых дверей теплушки, свесив ноги, сидели двое солдат – молоденький, чем-то похожий на Альку Кузина, салажонок и пожилой усач с косым рядом медалей.

Дед напрямик подошёл к этим двум солдатам. И вместо того чтоб попросить еды, сказал вдруг:

– Служивые! А не довелось вам на войне с германцем кого из Лосевых встретить? Особенно Витяньку, он и посеёчас живой. Отчаянный такой, в войсках начальника под фамилией Рокоссовский воевал. Не встречали?

– Погоди, погоди, – поддельно завспоминал молоденький. – Лосев, говоришь? Безбородый, в погонах?

– Во, во! – обрадовался дед. – Витянькой звать. На танках он всю войну катался... Молодой еле сдерживал смех, но усатый вдруг шаркнул его по шее:

– Уйди отсюда, Шапошников. Нашёл над кем шутить.

Молоденький солдатик послушно унырнул в вагонную темноту. А усатый сказал деду:

– Не встречали, дедушка, твоих сынов... столько народу там перебивало...

– Так оно... разве всех упомянешь, – согласился дед.

Он помялся немного и снова заговорил не о еде:

– Скажи, добрый человек, на япошку-то всех подряд посылают али по выбору?

– Как «по выбору»? – не понял усатый.

– Ну, как ране было, при царе: старший брат в армию – младший дома. У меня, слышь ты, двоих сынов до смерти убили, третий умом тронулся, один Витянька остался. Вот бы и постановил дорогой товарищ Сталин на япошку тех посылавать, кто помене пострадал.

– Эх, дедушка, – покачал головой усатый, – не найдёшь сейчас не пострадавших. Такую войну осилили... А самураев, папаша, мы разом кончим.

Усатый вдруг склонился к деду и сказал шёпотом:

– Я думаю, они без войны сдадутся. Такая сила туда прет!

– Дай-то бог, – вздохнул дед.

В это время где-то, невидимый, мыкнул паровоз, и усатый солдат поплыл навстречу заре.

– Живым будь! – крикнул вдогонку дед.

Они вышли на какой-то пустынной, без названия станции. Дед уместил котомку за плечами:

– Ну, Лявонтий, пойдём, благословясь. Может, и повезет нам. Извилистая тележная колея петляла среди бледно-зеленых полей, шмыгала в овраг, терялась в лесной траве... Лёнька скинул тапочки и с наслаждением ставил ноги в светлую, подогретую солнцем пыль.

А дед всё чаще останавливался. То и дело присаживался на пеньки или корягу, жаловался:

– Что-то неможется мне, Лявонтий. Не идут ноги, то ли хвостость крадёт, то ли непогодь грядёт.

С пенька вставал неохотно. Рассуждал:

– Жизнь, она как гора: пока подынешься, пока вершины достигнешь, оглядишься, а тут уж и спускаться надо – кончилась жизнь... Ты сейчас, Лявонтий, на эту гору только подыматься начал, а я уж всё – не дождусь Витяньки.

Лёнька взвалил котомку себе за спину, выломал деду батога, а тот брел всё тише и тише.

...Дед отдыхался на придорожном валуне, а Лёнька стоял рядом, оглядывал каменистое дикое поле и ослепительно зеленевшую вдали пшеницу.

Вдруг задремавший было дед встрепенулся:

– Лявонтий, где он пишпыт?

– Кто? – Кроме далекого грома, ничего не было слышно.

– Суслик слушай, суслик гляди! – настаивал дед.

И Лёнька увидел суслика – зверёк сидел неподалеку на холмике земли и тоненько посвистывал. При виде людей суслик исчез. Дед начал яростно орудовать батогами:

– Зерно там, Лявонтий. Кладовая у него там! Лёнька тоже раздобыл палку, тоже раскапывал нору. Потом он работал один. Изнемогший дед сидел рядом, блестя глазами, хрипел:

– Давай, внучок, давай! Господи! Натакаться бы. Ить по пуду зерна у этих тварей остаётся. А шаль-то бы – Витянькиной бабе...

И тут началась гроза. Сначала зловеще прорычал гром. Потом из-за леса вылетела чёрная тучища и, попрыгивая молниями, заволочла небо.

Первые капли-разведчицы гулко ударили по земле. Молния сломалась над самой Лёнькиной головой. Он прижался к деду, а тот успокаивал:

– Не бойся, не бойся, Лявонтий. Молния мальцов обходит. Я сколь случаев знал – всегда она по старикам ударяет. А если из двоих кого выбрать захочет, так обязательно того, кто длинней. А за зерном этим мы ещё вернёмся.

Упал ливень. Спрятаться было негде – они шли по полю.

– Деда! Давай побежим! – взмолился Лёнька.

– Кажись, отбегался я, Лявонтий. Они шли сквозь ливень и гром. А когда гроза унялась, увидели три избы и огороды. В одном из огородов чернела баня. Лёнька откинул полено, подпирающее дверь. Пахнуло берёзовыми вениками, уютом.

Дед подложил под голову веник, прилег на полоч – его била крупная дрожь. Худые дедовы плечи вздрагивали, тряслась борода, и остатки зубов громко стукали друг о друга.

– Деда! Я людей крикну!

– Не надо, Лявонтий... Турнут ещё нас отсюда... Ох, зябко шибко. Найди какую ни на есть укрытку. Из предбанника Лёнька принёс рогожку.

– Деда! Деда! – тормошил старика Лёнька. А тот только стонал в ответ. Потом вдруг заговорил чётко и разборчиво:

– Витюшка, не дождалась тебя мамка-то. Померла. Ты уж не ходи на японца, останься живым...

Страшно делалось Лёньке. Но прежде чем выбежать из бани, он достал два пузырька мыла. Лёнька добежал до кривобокого ветхого дома. Без стука открыл дверь. С печи на него большими глазами смотрели три детские головенки.

– Мамка! А к нам мокрый парень пришёл с гранатами, – сказала самая большая голова.

Из-за печки вышла простоволосая баба, уставилась на Лёньку и на пузырьки.

– Вот! – Лёнька протянул обе посудыны.

– Чево это? – попятилась баба.

– Мыло!

– Како ишо тако мыло?

– Хорошее мыло, мыльное, – затараторил Лёнька. – Возьмите, тетенька. Мне взамен ничего не надо, только бы дедушку укрыть чем, его в вашей бане лихорадка трясёт. Из памяти вышибла, он с дядей Витей говорит, который в Германии...

Всё. Выдохся Лёнька. Только глаза просили, умоляли, требовали. Женщина молча накинула на себя телогрейку, шагнула за порог. Притихший дед лежал на полке. Изредка его передёргивало и корёжило. Тетка отбросила рогожку, коснулась головы старика, залезла рукой ему под мокрую рубаху, дотронулась легонько до дедовой бороды. Дед слабо постанывал. Нашёл глазами Лёньку:

– Помру я, однако, внучек... Ты мамке-то снеси, что добудешь... А схоронишь меня – место заметь: вдруг Витянька проведать придёт.

– Дедушка, идёте в избу, – позвала баба.

– Ой, не могу, девка... Мальчонку бы вот ты покормила хоть чем. Со вчерашнего дня не округенялся.

Проворная баба приподняла деда. Завела его руку к себе за шею, цыкнула на Лёньку:

– Помогай!

...Тётя Груша согнала с печи мелюзгу, разместила там деда. Вынула из сундука пахнущую нафталином одежду. Сказала только:

– От хозяина память осталась.

Одарила ребятню и Лёньку репными паренками. Долго уговаривала и деда поесть, но тот отказался. Лежал на печке, дышал громко и хрипло.

Тётя Груша подробно расспросила Лёньку, кто они и откуда. Посоветовала:

– В нашей деревне за такое смешное мыло ничего не добудете – самим жрать нечего. А вот верстах в трёх, в Казанке, может, и

обменяешь. А если есть чего доброго – неси к Карнауховым. У них и мука, и картошка, и что хошь. У самого-то Зотея нога вывернута, не воюет. И Гошка ихний в Германии-стране большим начальником сделался. Люська-почтальонша всё им посылки таскает.

– Иди, иди, Лявонтий, – хрипел с печи дед. – Иди, подожду я тебя.

...До Казанки взбодрённый репой Лёнька дошагал быстро. Сейчас обменяет он мыло, обменяет шаль, и возвратятся они с дедом домой. А по дороге, может, и сусячье зерно раздобудут. То-то мамка с Сашкой досыта поедят. Настряпает мама шанег с творогом, как до войны (творог Лёнька решил непременно выменять), наедятся они все до отвала и отвезут папке в больницу. До тех пор возить будут, пока он не выздоровеет.

Лёнька вошёл во двор крайнего дома. Древняя старуха сметала сор с крыльца.

– Бабушка, мыла надо?

– Ась? – испугалась старушка.

– Мыла, говорю, надо?

– Надо, как не надо, – забурчала старуха. – Своровал где или так украл?

Лёнька не ответил, хмуро глядел на старуху. Та попросила:

– Покажь.

Лёнька достал пузырек.

Старуха недоуменно вертела его в руках:

– Како это мыло? Молодой такой, а уже обманщик. Из цыганов, чать, сам-то. Иди, иди отсель с богом.

В следующий дом Лёнька вошёл не так смело. Остановился у порога. У окна худая баба искалась ножом в голове у молодайки. Обе увлеклись делом и не замечали оробевшего Лёньку.

Наконец Лёнька несмело кашлянул.

– Ой, – вскрикнула молодайка.

А худая баба спросила:

– Кто такой?

– Мыла вот принёс, – начал Лёнька. И вдруг вдохновенно заврал: – Специальное жидкое мыло от вшей. Оно их, проклятых, с

одного раза убивает. Инженера изобрели, теперь у нас в городе по талонам это мыло дают.

Мыло расхватали за полчаса. Особенно торопились молодые девки. Теперь у Лёньки было шесть вареных яиц, стограммовая кучка творога, две прошлогодние свеклы и одна редька.

Оставалось главное – шаль! Лёнька решительно направился к дому Карнауховых, самому большому в Казанке. Из хлева вышел мужик с вывернутой ногой. Спросил сердито:

– Чё надо?

– Муки.

– Чё, чё?

Лёнька достал шаль.

– Ну-кось, ну-кось... – Глаза мужика вцепились в пух. – Ии ты...
Пройдём-ко, паренек, в избу.

В просторной горнице на почётном месте стоял отливающий перламутром аккордеон. Большая деревянная кровать придавлена множеством подушек. Стол укрывала тяжелая шёлковая скатерть с длинными пушистыми кистями.

Из красного угла хмуро смотрел портрет сердитого военного человека. Портрет почему-то был вставлен в раму из-под иконы.

У печи стояла молодая женщина и крошила в ведро картошку. Готовила пойло корове.

Колченогий подал шаль.

Женщина вытерла руки о подол. Развернула шаль – осмотрела, потом снова скомкала – взвесила на ладони, сложила губы трубочкой – подула: шаль ей явно поправилась. Но она напустила на себя равнодушный вид:

– Так себе шалёшка. Что тебе за неё дать, паренек?

– Муку, – отчеканил Лёнька.

– Гм, «муку», – передразнил колченогий мужик.

– Сколько? – спросила хозяйка (она так и не выпустила шаль из рук).

– Много, – загадочно ответил Лёнька. – Чтоб долго есть можно было.

Мужик захохотал. Поглядел на Лёньку, как на игрушечного, и

полез в голбец. Он выбрался оттуда со стаканом в руках. В стакане желтело что-то пахучее и непонятное. Мужик ковырнул волосатым пальцем, мазнул Лёньку по губам.

Сладкое, пьянящее шибануло в нос, отдалось по всему телу – мед! Слюна переполнила рот. Лёнька сглотнул её, а она снова появилась. Мужик не спеша облизал палец:

– Хорош медок? То-то. На! – он протянул стакан. Лёнька мотнул головой, выронил слюну изо рта:

– Не! Мамка муку наказывала принести.

Мужик вопросительно глянул на хозяйку, вздохнул и ухромал в дальнюю комнату. Вернулся с небольшим белым мешочком:

– На! Вместе с тарой забирай!

– Мало! – выпалил Лёнька.

– Ишь ты какой! – вдруг рассердилась хозяйка. – Мало ему. Она кинула шалью в Лёньку:

– Забирай своё барахло... А мы тебя накормить хотели досыта.

Лёнька испугался. Как же домой без муки? Вот она, рядом, махонький, конечно, мешочек, даже не мешочек, а кулек. Но ведь мука там. Унесут сейчас её – и всё пропало. Вон колченогий уже зацапал мешок. И Лёнька сказал:

– Ну, корми.

Перед Лёнькой поставили миску пшённой каши, ломоть душистого домашнего хлеба и кружку молока.

Сначала Лёнька решил глотнуть молока. Он глотнул, да так и не смог оторваться от кружки – всё выпил. К тому же в ушах стояло весёлое, вкусное слово «досыта».

И точно – кружку ему снова долили.

Лёнька ел и размышлял про себя:

«Не продешевил ли я? У этих куркулей не убудет, а нам-то на сколько дней той муки хватит?»

Он доел кашу, но из-за стола не выходил. «Досыта так досыта. Так счас наемся, чтоб неделю на жратву не тянуло, и деду что-нибудь прихвачу».

Вскоре хозяйка начала бурчать:

– Чё это за городские пошли, сам с клопа, а жрет, как медведь.

...К тете Груше Лёнька пришёл, когда уже смеркалось. Она встретила его у ворот:

– Дедушка твой помер!

Гробов в деревне не было, и делать их было некому. На другой день деда завернули в чистый половик, погрузили на двухколёсную тележку и свезли на погост.

Часто меняясь, тётя Груня и Лёнька выкопали неглубокую могилку, застелили её еловыми ветками. Снаружи края могилки облепили густым пахучим дёрном.

Когда пошли к деревне, Лёнька оглянулся: кладбище пригорюнилось на взгорке. У подножия горы горбились и кривились старые деревянные кресты. А выше на поздних могилках поблёскивали жестяные звездочки. Дедова могила ютилась внизу, и на ней не было ни креста, ни звезды.

Муки хватило ненадолго. Снова по утрам канючил Сашка:

– Мам, пошли меня за хлебом. Мам, ну пошли!

– Пусть сходит, Лёня? – неуверенно спрашивала мама.

– Сам схожу, – отрубил Лёнька. – Этого живоглота только пусти – опять пайку ополовинит.

– А сам-то, сам-то, – зло очерился Сашка. И вдруг взревел:

– Мам! А Лёнька от пайки Доходяге отламывал. За так давал.

– Ой, ребята, надоели вы мне, – мама горестно подняла руки, – Ступайте оба, что ли.

Лёнька сунул в пистон хлебные карточки и вышел на улицу. Сашка плелся рядом, надоедал:

– Лёнь, ну дай я один схожу...

У магазина гудела толпа народа – сегодня десятое июня, начало декады, да ещё воскресенье! Обычно к концу десятидневки очередь в магазине убавлялась – большинство съедало паёк на два-три дня раньше. Теперь же густая толпа упруго раскачивалась, стараясь втиснуться в узкую дверь.

В магазин пускали «по десятку». Отсчитают десять человек, и, пока они не отоварятся, очередной десяток ждёт. Братья Лосевы подошли к магазину.

– Лёнь! Давай я тебя отоварю! – Это Алька Кузин откуда-то вышмыгнул. – Я новый метод придумал.

Взяв лосевские карточки, Алька исчез так же быстро, как и появился.

– Видишь, народу сколько, – сказал Лёнька брату.

– Я подожду, – нахохлился Сашка. А Алька уже в очереди крутится.

Сбоку от дверей сбивалась группа мужиков – воскресенье сегодня. Поднапёрли мужики, отодвинули крикливую очередь. Алька уже среди мужиков, просит:

– Дяденька, посадите-ка меня!

– Куда посадить?

– А вверх! Хохоту будет!

Кто же посмеяться не любит! И вот уже Алька, шустро перебирая руками-ногами, бежит-ползет по многоголосой очереди. Раз – и не стало Альки, исчез у заветной магазинной двери.

Шум в очереди, серчают бабы:

– Ну ладно, мужики нахальничают, их всего ничего. Но ведь и пацаны обнаглели – по головам шастают.

– Этот вертлявый второй раз уж эдак делает, – вздыхает старушка в чёрном платке.

Отovarившихся выпускали с заднего хода. Вскоре и Алька оттуда появился, в руках буханка без горбушки: меньше получают Лосевы, нет теперь дедушкиной пайки.

Алька из магазина вышел, как будто с чертями в карты играл. И на себя не похож – глазки бегают, руки трясутся, лицо мокрое. Сунул Сашке Лосеву хлеб и карточки:

– Шпарь домой.

Лёнька взбрыкнулся было: опять Сашка хлеб ополовинит, но Алька торопил.

– Пойдём, Лёнь, пойдём! Сказать кой-чего надо. Они убежали к сараям. Залезли к себе на чердак. Алька зачем-то заглянул в щелку, потом сиял носок с ноги:

– Смотри!

На Алькиной ладони лежали хлебные карточки.

– Откуда это?

– Украл! – ухнул Алька. – У кучкинской домработницы слямзил.

- Иди отдай! – задохнулся Лёнька. – С голоду же сдохнут!
– Не сдохнут! Ещё ни один начальник с голоду не сдох!

...Алька Кузин мечтал стать вором. Мечту эту он настырно осуществлял. Как-то этой зимой Алька и Лёнька ездили в Большой Город в кино. Смотрели, как Швейк взял в плен Гитлера.

Пока люди скучали-маялись в ожидании сеанса, Алька заприметил полнотелую тетку в тёплой пушистой шубе с лисьим воротником. Тетка ходила по фойе, заглядывала на фотки киноактеров, а вслед за ней таскалась сетка с газетным свёртком.

– Лёнь! Ты батоны ел? – вдруг спросил Алька.

– Ел, до войны.

– А вон та толстая жаба и сейчас их жрет.

Начали впускать на сеанс. Белым медведем прошествовала мимо тетка, в передние ряды уселась. А сеанс был дневной, детский. Пошикали, пошикали на неё ребятишки и отступились.

Алька, наоборот, сел прямо за теткой и Лёньку рядом посадил.

На экране начал чудить Швейк. Он запросто расправлялся с неловкими, глупыми немцами. Зал охал, вздыхал, смеялся.

Громче всех хохотала тетка с лисьим воротником. Лёнька знал наизусть всю картину. Он с нетерпением ждал, когда Швейк гулко постучит по вздутому пузу тонувшего фюрера.

Вдруг Алька толкнул Лёньку в бок. Нашупал его руку и вложил в неё что-то тёплое и пахучее, шепнул:

– Ешь.

Это был хлеб! Настоящий, белый! Лёнька сосал хлебный комочек, как леденец. Алька Кузин знал своё дело, Алька снова толкался, снова шептал:

– Ешь.

Швейк на экране творил своё святое дело. Алька и Лёнька всю работу челюстями. Толстая тетка громко смеялась.

Когда в очередной раз Лёнька протянул руку за хлебом, Алька вздохнул:

– Всё. Кончилась эта лафа. Давай-ка тронулись отсюда.

На улице Лёнька начал запоздало казниться: покорно хрустели под его чёрными ногтями.

Доход ютился в грязной кухонке. А раньше была ещё и комната. Раньше и мать была, и две сестренки. Они умерли зимой, когда мать потеряла карточки на весь месяц. Пухли, пухли и умерли. А мальчишка остался. Каждое утро выносил он свой вздутый живот на крыльцо и внимательно смотрел на людей.

Никто не знал, как зовут этого мальчика, он никогда ни с кем не говорил и откликался на барачное прозвище Доход.

– Вот тебе хлеб, – сказал Лёнька. – Насуши сухарей и жди. Скоро картошку подкапывать начнём – проживёшь.

А вечером Алька с Лёнькой пошли к первому барачу, где жил Кучкин. Алька взгляделся в просвет между занавесок. Приговаривал:

– Во, гады! Пирожки жрут, с мясом, наверно.

Лёнька тоже пытался заглянуть, но в отличие от Альки никаких пирожков не видел. Метались по занавеске человеческие тени, слышались громкие, приглушённые стеклом голоса.

Лёнька залез на завалинку, дотянулся до форточки...

– Воровка! – вырвался на улицу мужской голос. – Это ты для своих родственничков сделала, чтоб с голоду не сдохли.

– Андрей Игнатъич, как перед богом – не брала я карточки. Стащили...

– Под суд пойдёшь... Я не потерплю, чтоб в моём доме...

– Я руки на себя наложу – зачем меня так позорить? И ребенка, который от вас будет... не будет...

– Дай! – рыкнул Лёнька.

Алька послушно протянул карточки.

Лёнька привстал и бросил комок бумажек в комнату.

* * *

Лёнька и мама стояли у картофельной гряды. Ботва дружно кудрявилась по всему участку.

А у самого забора тянулись вверх заросли помидоров.

– Опять помидор не будет – в лист вымахают, – вздохнула мама.

– Говорил тебе, в другом месте их садить надо, а тут бы морковь... Ну, давай, мама, рискнём, попробуем! Вот этот куст, ладно?

Лёнька выбрал раскидистый картофельный куст, всадил под него лопатку.

Вместо клубней за корни цеплялись белые, почти прозрачные горошины.

– Рано, Ленечка, рано, – завсхлипывала мама. – Недельки две ещё подожить... Ты давай доокучь остатки, а мне на работу пора. Я Сашку за хлебом турну – позавтракаешь.

Лёнька доокучил картошку. Тяпка казалась тяжелой и ненужной. Не было сил волочь её домой. Лёнька бросил тяпку в ботву. Хотелось есть. Ой, как хотелось есть! Никогда ещё так не голодали Лосевы. Мама еле ноги таскала. Сашка беспрестанно ревел, а Лёнька маялся: Алька Кузин уговаривал ограбить какого-то богатого музыканта из эвакуированных. По Алькиным рассказам, этот музыкант живёт на соседней станции и каждую неделю покупает на базаре самые дорогие продукты.

– Ну чё ты, Лёнька! – махал руками Алька. – Так дерёшься законно, куришь взятяжку, не жрать по два дня можешь, а воровать боишься! Смехота!

– Не боюсь я, – слабо оправдывался Лёнька. – Просто совестно как-то. Я работать пойду, в ремесло, как Юрка Крюков.

– Чокнутый ты, Лось. Ей-бо, чокнутый... Ну чего ты молчишь? О чём думаешь?

– Сурка с Меченым отлупить хочу. Убили, гады, нашу Красотку.

– Ну, отметелишь, а что толку? Козы-то не вернёшь! А я вот научусь воровать, как следует, укачу в тёплые края, где верблюды водятся и апельсины растут. Ты видел апельсины, Лёнька? Знаешь, какие они вкусные!.. Мне мать рассказывала, как до войны я их ел, когда маленький был...

...Лёнька приплелся домой и бухнулся на мамкину кровать. Не умылся даже. Стал поджидать братишку с хлебом. Сашка пришёл весь в слезах и... без хлеба. Лёнька тряс братишку, как грушу:

– Хлеб где, хлеб?! Отобрали?

– Съе-елся! – взвыл Сашка. – Я корочку отломил, хотел попробовать, а он взял и сам съелся. Ей-богу. Не бей меня, Лёнь, ну не бей!

Лёнька выбежал на улицу.

Миновав железнодорожную станцию, он вышел к рынку. Пошёл туда, где продавали еду. А в ладони мок и разбухал один-единственный рубль.

Лёнька подышал запахом настоящих мучных лепёшек, ухватил из мешка щепотку мелких семечек, под ругань торговавшей бабы сунул их в рот – попробуй отними. Грызть семечки Лёнька не стал, а разжевал вместе с шелухой. Кашица получилась сладкая, и шелуха почти не чувствовалась.

Потом Лёнька глазел на учёную морскую свинку. Зверюшка безостановочно одаривала людей счастливыми билетами, стоило только дать слепому инвалиду рубль.

Но рубль было жалко, да и есть после этих семечек захотелось ещё сильнее.

Лёнька сходил на колонку, напился холодной воды – стало немножко лучше. И вдруг он увидел мандарины. Настоящие, крупные, жёлтые! Шесть фруктов охранял хмурый нерусский человек.

Слюна моментально заполнила Лёнькин рот. Он зло длинно сплюнул и купил жвачку. Это была настоящая жвачка, из канифоли, а не чёрный липкий гудрон, который постоянно жевали нахаловские и кирзаводские ребята.

Лёнька бродил по базару и жевал жвачку. Ноги сами почему-то несли его к мандаринам. Их осталось четыре. Хозяин золотых шаров подозрительно смотрел на пацана и вежливо ругался:

– Иди, пожалуйста, ко всем чертям!

Потом Лёнька увидел ещё одно чудо: высокий худой дядька в очках продавал костюм. На руке болтались чёрные узкие брюки, а с плеча свисал смешной длинный пиджак с разрезами. Лёнька сроду ни на ком не видел таких длинных пиджаков. Пуговицы пришиты только сверху, дальше полы пиджака разбежались в разные стороны.

Дядька задрал вверх свою седую голову, прикрыл глаза и ни на кого не обращал внимания. Он не расхваливал свой товар, не торговался, как назначил цену, так и стоял на своём. Изредка этот странный человек выговаривал непонятные для Лёньки слова:

– В мире есть царь, этот царь беспощаден... А вокруг дядьки говорили понятно:

– Заграничная, видать, оде́жа – чистая шерсть.

– Пиджак-то перешивать надо.

– В таком же пиджаке мужик палкой перед оркестром махал, я до войны видела.

В толпе суетился коренастый парень с лиловой бородавкой на носу:

– Я знаю этого музыканта. Рядом живём. День и ночь на рояле бренчит. Сам себе играет. Работать не хочет, а на рояле бренчит. Вишь, пальцы-то, как у шкелета, – картошку ни разу не сажил.

А старый музыкант не слышал этих слов, он с беспокойством поглядывал в сторону ларька с мандаринами.

Но вот купили этот странный костюм. Полный бумажник денег у старика. Ух, сколько денег!

Старый сразу же к ларьку припустил. Старый, а бегом бежит.

На ларьке три мандаринины осталось.

Музыкант всё купил, не торговался даже.

Лёнька видел, как старик складывал в сумку хлеб, картошку. Теперь-то он не сомневался, что это тот самый богач, которого за-приметил на базаре Алька Кузин. Точно – богач: накупил столько, а денег ещё целая куча.

Старик выбрался с базара и пошёл к станции.

Ошалевший от голода Лёнька брел за ним, как во сне. Жвачка во рту испортилась, тянуться перестала, ломкой сделалась. Обычно такой порции на целый день хватало, а эта сразу сжевалась. Челюсти трещат, а есть ещё сильнее хочется.

Подошёл рабочий поезд, и старый музыкант поднялся в последний вагон. Лёнька тоже влез – и поезд тронулся. Музыкант сел на скамейку. Справа от него примостился базарный парень с бородавкой на носу. Сидит, семечки щёлкает. Лёнька слева пристроился. Музыкант нахохлился над своей сумкой. Между ног её держит. В сумке хлеб и картошка. Мандарины в пиджаке – вон карманы-то оттопырились.

Лёнька подвинулся поближе к старику. Тот заглядывал в какой-то блокнот с поперечными линиями. На линиях повисли похожие на головастики закорючки.

Лёнькина рука потянулась к карману, нащупала мандарин...

А с другой стороны из кармана музыканта тянул бумажник парень с бородавкой.

Лёнька выдернул мандарин первым.

Музыкант встряхнулся, бородавочный руку отдернул.

Глаза старика казались большими и страшными. Они мёртво вцепились в Лёньку и не двигались.

Лёнька ойкнул и бросил мандарин. Пулей выскочил в тамбур, а сзади орали:

– Держите вора!

Лёнька по каким-то шлангам полез на крышу. Вагон сильно качало. Это, наверно, потому, что он последний. Лёнька переполз на середину и залег. Внизу грохотало, вверху выл ветер, вокруг кружился лес, а впереди после изгиба показалась Долгая гора, по которой, Лёнька это знал, поезда ходили пешком.

Вдруг над вагоном Лёнька увидел голову базарного парня.

Тот прицелился в Лёньку своей лиловой бородавкой, а его раскрытый рот походил на пушечное дуло.

Чего он орет? Ведь бросил же Лёнька мандарин. «Милиция»? Лёньку в милицию хочешь? Чтоб потом все говорили маме, что лосевская порода воровская? Ну уж фиг тебе, бородавочная пушка! Ты ещё Лёньки не знаешь. Пусть воровать он не умеет. Но ты на спор подставлял руку под папиросу? Ты ходил в двенадцать ночи по длиннющему тёмному сараю, где не только кирпичи сушат, но ещё и черти водятся? В болоте ты, гад, тонул?

Парень уже взобрался на крышу. Уже руки растопырил. Расхохотался Лёнька:

– Думаешь, поймал? На-ка, выкуси...

И прыгнул вниз. А Долгая гора только начиналась.

...Верблюд, настоящий верблюд вез Лёньку Лосева по огромному саду. Было приятно покачиваться между двумя горбами и любоваться сплошным мандариновым потоком, мелькавшим перед глазами.

Лёнька открыл глаза. Мандаринов не было. И верблюдов тоже. Был старый музыкант. Он нёс Лёньку на своих худых длинных ру-

ках и улыбался. Очков на нём не стало. И глаза теперь сделались другими – добрыми, жалеющими.

– Отпустите меня, не убегу, – попросил Лёнька. – Ногу саднит, и бок... руку ломит – просто спасу нет, и голова трещит.

– Ишь, сколько ты заимел, – насмешливо сказал Музыкант, а сам осторожно начал ощупывать Лёньку. Он ощупывал и приговаривал:

– До старости лет дожил Яков Матвеевич, сроду из трамвая не выпрыгивал, а тут с поезда на полном ходу сиганул.

– Если б не Долгая гора, вы бы меня не поймали, – сказал Лёнька и ойкнул – руки Музыканта коснулись плеча.

– «Долгая гора», «Долгая гора»... Вытяни руку, вытяни, я тебе сказал... Посмотрим, как ты на седьмом десятке прыгать будешь... Оп! – старик неожиданно дёрнул Лёньку за руку.

– У-у, – сквозь слезы прогудел Лёнька.

– Вывих у тебя был, летун-прыгун. Ходил бы вот кособоким всю жизнь, на весь белый свет обижался. На-ка мандаринку, попробуй. Лучше всякого лекарства.

Лёнькина душа сопротивлялась, но зубы сами впились в плачущую дольку. И всё-таки он сказал:

– А сами-то – ешьте!

– Давай, давай, – подбодрил старик. – У меня ещё две штуки есть. Для внучки. Тебя как зовут?

– Лёнька я, Лосев.

Лёнька давно понял, что старик-музыкант не собирается вести его в милицию, что он добрый, и выпалил:

– Дядь, а можно я кусочек фруктовины домой снесу. Братишка у меня младший есть и друзья. Пусть понюхают. И Доходу обязательно на зуб попробовать надо, а то он помрет до картошки.

– Ты можешь идти? – спросил старик.

Лёнька поднялся.

...Они долго брели вдоль железной дороги по узкой хрустящей под ногами тропинке. Наконец вышли к станции Черновка, откуда выехали сегодня днём. А сейчас уже наступал вечер. Но июньский день не хотел сдаваться, цеплялся за подкрашенный розовым цветом горизонт.

Отсюда, от станции, был виден базар, где всё ещё толкались люди. Их даже вроде бы прибавилось.

Между станцией и базаром около телеграфного столба стоял народ.

Музыкант прошёл было мимо, но Лёнька вдруг увидел среди шумливых баб Сурка и Меченого. Лёнька подошёл ближе и обмер: к столбу был привязан Алька Кузин. У его ног валялась картофельная ботва. Алькина голова безвольно повисла, из разбитого носа и губ текла кровь и румянила зеленую картофельную ботву.

Лёнька бросился к Альке. Больной рукой, зубами стал рвать веревку.

– Эй, эй! Лось! За вора заступаешься? Видишь, он сколько картошки загубил!

Лёнька почувствовал, что его отгаскивают от столба. Он оглянулся, увидел перед собой ненавистное лицо Меченого. С ходу боднул головой это лицо. Раскровявленный нос Меченого увяз в толпе зрителей. А сбоку уже наседали Сурок.

– Люди, люди! Разве можно так! – кричал где-то рядом Яков Матвеевич. Сурок и очухавшийся Меченый дубасили Лёньку. Орали:

– Это дружок евоный!

– Вместе воровали!

Яков Матвеевич выхватил Лёньку. Они побежали. Собственно, бежал старик, а Лёнька держался за его руку и деревянно переставлял ноги. Рядом шатался Алька.

* * *

Они вошли в дежурку.

– Дяденька, – обратился Лёнька к дежурному, – а что теперь с Алькой будет? Дежурный спросил:

– Вы кто такие?

– Лёнька я, Лосев.

– Моя фамилия Неверов, – сказал Музыкант.

Сразу же раскрылась дверь, и в дежурке появился однорукий милицкий офицер. Улыбаясь, он протянул единственную руку Музыканту:

– Здравствуйте. Старший лейтенант милиции Рафигов.

– Здравствуйте. Композитор Неверов. Неверов притянул к себе Лёньку. Сказал начальнику:

– У меня к вам просьба. Этот мальчик, Лёня, смелый и... голодный. Не дай бог, если такие мальчишки будут не с нами, если их сломает голод. Помогите. Я очень прошу.

– Гм, – закричал начальник. – Сколько тебе лет?

– Четырнадцать... А Альке, вон стоит, ему тринадцать...

– Ну, с ним потом. А ты... на завод пойдёшь?

– А примут?

– Сейчас мы это дело уладим, – и начальник потянулся к телефонной трубке.

– Пойдёшь в ШИХ, – сказал начальник цеха. Лёнька согласно кивнул головой. Молоденькая симпатичная табельщица повела его по галёрке мимо множества дверей с табличками. «Плановый отдел», «Бухгалтерия», «Конструкторское бюро», «ОТК», – не успевал читать Лёнька. Сам цех шумел внизу. Несколько пролётов занимали разнокалиберные штамповочные прессы. У каждого сидела штамповщица.

Маленькие прессы, часто и громко чавкая, жадно глотали узкие полоски жести и также быстро отплеывались готовыми деталями. А женщины всё подсовывали ненасытным машинам жестяную пищу. Большие прессы размеренно, с грохотом обрушивались на железные листы и, глухо крикнув, выбрасывали звонкие блестящие цилиндры.

Среди этого грохота стояли два ряда верстаков, отгороженных друг от друга металлической сеткой.

За верстаками на круглых табуретках сидели рабочие и что-то делали. Иногда они подходили то к сверлильному, то к шлифовальному станку. А у строгального, фрезеровального и двух токарных стояли постоянные рабочие.

Лосев разглядывал этот новый для него мир с галёрки. Табельщица его не торопила.

– Теть, а что такое ШИХ?

– А вон, – табельщица указала на верстаки. – Штамповочное

инструментальное хозяйство. Тут самые квалифицированные слесаря работают.

...Начальник группы подвёл Лёньку к одному из верстаков:

– Сергей Иванович, вот тебе ученик.

Круглолицый пожилой человек не сразу оторвался от работы – навёрнутой на напильник шкуркой он зачищал какую-то железку. Наконец, перестал работать, вместе с табуретом повернулся к Лёньке, снял очки, вытер о ветошь руки.

– Смирнов Сергей Иванович.

– Лосев Леонид.

Начальник группы ушёл, а мастер сказал:

– Так, Лявонтий, значит. Хорошее имя Лявонтий.

Он назвал Лёньку по-дедушкиному, а сам цепко оглядывал парнишку. Осмотром остался доволен:

– Ничего, ладным будешь. Я таким же начинал. Бери вон табурет, садись ближе, поговорим-потолкуем.

Лёнька подвинул смешной табурет с вертящимся сиденьем, крутанул, и сиденье моментально выросло.

– Сам-то откуда?

– Здешний. Кирзаводский.

– А, слышал я – плохой народ там живёт, сквалыжный.

– Всякие есть.

– Ну, ладно, Лявонтий, а вот скажи, ты книжки читать любишь?

– Не все.

– Ну, а какие?

– Про зверьё всякое, чтоб лиса или медведь охотников обманули. Про пчёл, муравьёв – как живут.

Смирнов поскреб за ухом:

– А из людей?

– Про Овода, про Дубровского... про Павку Корчагина, когда он маленьким был... Мне что работать-то? – вдруг спросил Лёнька.

– А ничего пока. Сиди, вникай. Инструмент вот общупай-обсмотри. – Сергей Иванович кивнул на аккуратно разложенный инструмент:

– Это что будет?

– Молоток.

– Забудь. По-нашему – ручник.

– Это?

– Напильник.

– Забудь. Пила. Вот с крупной насечкой – драчовая, это – личневая, а маленькие – бархатные. Дальше запоминай, Лявонтий. Лёрки, их три штуки бывает. Уразумел, для чего они? А это, наоборот, метчики. А вот мерительный инструмент: маузер, штангенциркуль, микрометр... это тоже надо: керно, чертилки, зубило... Теперь так, Лявонтий. Делаем мы штампы. Ну, представь, пришёл заказ на, предположим, тыщу вот таких штукенций. Попробуй выпили её вручную. Выпилить, конечно, можно десяток, ну два, а тут тыща, а то и больше... Выручает штамп. Сделаешь его, он тебе за смену сколь хочешь намолотит. Вот смотри – штамп я делаю. Это нижняя плита, на ней колонки, матрица крепится. Верхняя плита – на ней втулки, пуансон. Чтоб это дело толком усечь, в чертежах разбираться надо, стало быть, башкой шурупить. Ну, и чтоб руки были. Ведь всё сам делаешь.

Мастер приподнялся, подал Лёньке ручник, зубило, зажал в тисах проволоку:

– Руби! Лёнька поставил зубило, ударил – обрубок толкнулся в сетку.

– Молодец, – похвалил Смирнов. – Только ты не всей рукой бей. Тут столько силы не надо. В кисти чтоб она согнулась – и хватит. И чтоб ручник свободней ходил, дай-ка.

Мастер крутнул табурет, сел вместо Лёньки.

В это время от конторки позвали:

– Смирнов!

Мастер обернулся. Он вглядывался в пролёт, а молоток стучал по зубилу. Руки работали сами. Ровные, одинаковые проволочные обрубки пулемётно стреляли в сетку.

– Смирнов! – звали от конторки.

Мастер поднялся:

– Подожди меня, Лявонтий.

Лёнька мгновенно оказался на табурете. Наставил на проволоку зубило, отвернулся, махнул молотком, как мастер, не глядя... Потемнело в глазах... Ноготь на большом пальце быстро багровел.

Рабочая жизнь Лёньки Лосева началась.

Он с гордостью показал вахтеру новенький пропуск и вышел из проходной. В кармане похрустывали только что полученные пятидневные талоны.

Теперь Леониду Ивановичу Лосеву, рабочему человеку, полагалось на день восемьсот граммов хлеба. Ой-ей-ей! В два раза больше, чем маме. Это только хлеба! А там ещё такая вкуснятина, что ни в одной деревне ни за какую шаль не выменяешь.

По две буханки Лёнька пристроил под локти. Пальцами правой руки держал сетку, переполненную сахаром, солью, пшеном, двумя кусищами настоящего мыла. А сверху на консервных банках весело шебуршали спичечные коробки.

Когда ему выдали пятидневные талоны, Сергей Иванович Смирнов ссудил деньгами:

– Отоварься, Лявонтий, на всю катушку. Обрадуй мать с братишкой. Пусть узнают, что такое рабочий человек.

– И папке передачу снесу, и ребят угощу, – вставил Лёнька.

– Правильно, – согласился Смирнов. – А деньги потом отдашь, с получки.

...Идёт Лёнька по улице, улыбается, хоть и руки онемели, и пальцы свело. «С получки». Третьего и восемнадцатого числа каждого месяца будет теперь приносить домой деньги Леонид Иванович Лосев.

Встретилась Субботиха – гнала свою Зорьку домой. Блудливая Зорька уже раскучила рогами остроумовское прясло, уже ботву язычищем в рот загребает, а Субботиха всё на Лёньку Лосева пялится, вернее, на четыре буханки и волшебную сетку.

От первого барака прилетел Вовка Остроумов, огрел Зорьку вицей, потом на Субботиху ругнулся.

Как увидел Вовка Лёнькину ношу – рот раскрыл от полного удивления:

– Ну, ты даёшь, Ленчик!

Лёнька тихонько шёл к бараку. Рядом гнулся под тяжестью сетки Вовка Остроумов, докладывал:

– Альку Кузю в больнице лучами смотрели. Два ребра у него сломано и ещё что-то внутри... А дедушка Хазар Доходягу с самого

утра на речке мыл. Одежду в ведре кипятил, чтоб вши подошли. А потом Нюська с напёрсток мыла Хазару дала, потому что без мыла не выведешь.

Впереди завиднелся барак. Лёнька снова понёс сетку сам.

– Здорово вас, работяг, отоваривают, – не уставал восхищаться Вовка.

– Часа через два собери всех наших, – приказал Лосев. – Скажи: у Лёньки сегодня праздник – всех досыта накормит.

За Вовкой пыль столбом за клубилась, а Лёнька успел крикнуть вслед:

– Узнай, когда передачу у Кузи принимают!

– Ладна-а! – пробился сквозь пыль Вовкин голос.

На косом барачном крыльце сидел старый Хазар, а рядом с ним сиял праздничной чистотой бывший Доходяга.

– Здравствуйте, – поздоровался Лосев.

– Исямисис, богатый человек Лёнькам, – поднялся старый Хазар.

– У-у, сколько украл, – позавидовал Доходяга.

– Зачем такой кислый слово скажешь? – обиделся за Лёньку Хазар. – Когда человек украл – прячет. Лёнькам свой хлеб всем кажет.

– Рабочий я теперь, слесарь на заводе, – сообщил Лёнька.

– А это теперь будет Равиль Газизов, – старик похлопал Доходягу по плечу. – Старый Хазар долго думал: малай один – плохо, бабай один – тоже плохо, а вместе гуляем – шибко хорошо.

И старый Хазар вдруг скрипуче затынул:

Сынам есть – Москва гуляем,

Сынам нет – Чишма сидим.

Эх, Лёнькам, Лёнькам, Хазар сынам нашёл – большой праздник!

– У меня тоже праздник, – потрянул сеткой Лёнька. – Приходите в гости.

– В речке на кукане рыбкам сидит, – засуетился Хазар. – Сейчас мы с сыном эта рыбка сюда таскаем, маленький сабантуй делать будем.

Лёнька приоткрыл дверь, заглянул в комнату. Мама и Сашка были дома. Братишка сразу же вцепился глазами в хлеб, потом руки к нему протянул. Лёнька разрешил небрежно:

– Ешь! Досыта ешь.

– Лёня, что это? Откуда? – испуганно и строго спросила мама. А Лёнька у умывальника соском брякал:

– Мам! Сготовь, что там есть. Ребята придут, и Хазар, и Доходяга...

– Объясни сейчас же, в чём дело! Откуда этот хлеб, продукты?!

– Не бойся, мама. Это честный хлеб. На завод я поступил. Не говорил тебе, чтобы ты не ревела. Да и думал, что не примут. А теперь всё, вот! – и Лёнька выложил на стол пропуск.

Мать читала:

– «Лосев Леонид Иванович, цех восемь, слесарь».

Сашка жевал и жевал хлеб. Животишко у него становился круглым. Жадный огонек в глазах поугас. Не переставая жевать, братишка сказал:

– Теперь всё законно. Теперь не помрём, ни за что! Это уж точно! А мама всё смотрела и смотрела в пропуск, как будто там было что-то такое, чего она никак не могла разглядеть.

Улица родная

Гошка с Лелькой бегали по улице, играли в ляпы.
– Лелька, ты на следующий год в школу пойдёшь?
– Пойду, конечно. Чук-чурок, я не игрок. Гош, свистни Володьку на улицу.

Гошка первым среди сверстников научился громко свистеть и страшно гордился этим. Он сложил крендельком большой и указательный пальцы, сунул их в рот, поджал губы и звонко, на весь квартал свистнул. А Володька уже выбегал из ворот. Он бежал навстречу Лельке и Гошке, и они с удивлением прислушивались. Тротуар гремел под Володькиными ногами, как под копытами. Да он ещё и прутиком размахивал, как саблей.

– Эй вы, – крикнул Володька, – смотрите, какие мне мама ботинки купила! – На нём были новенькие брезентовые ботинки на деревянной подошве.

– Ух ты! – заорал Гошка. – Дай померить, а!

Гошка живо скинул резиновые сапоги, надел ботинки и так же зацокал по деревянному тротуару.

Стояла тёплая осень. Листья, как золотые огромные звезды, тихо осыпались на тротуар, ложились на дорогу на крыши. А в канавах их столько накопилось, что можно было, играя в партизан, зарыться с головой и незаметно поджидать противника. А можно было просто лечь на спину и смотреть в серо-голубое небо сквозь редкую сетку облетевших клёнов и тополей. Иногда проплывали в небе птицы, наверное, потянулись к теплу. Только как же они будут жить там, где сейчас война?

Низко-низко пролетал У-2. На его крыльях были нарисованы гордые красные буквы: СССР. Самолёт летел так низко, что виден

был лётчик в жёлтом кожаном шлеме и больших пилотских очках. И тогда ребята, забывая игры, подбрасывали вверх фуражки и пилотки, свистели и кричали:

Эроплан, эроплан,
Забери меня в карман...

Подпрыгивая, гнались Володька и Гошка за самолётом:

А в кармане пусто,
Выросла капуста! –

выкрикивали они весёлую белиберду. А сегодня, когда самолёт скрылся за заводскими крышами, за каланчой, за парком, они, запыхавшись, враз остановились, уставились на незнакомого человека. Человек этот нёс пустой зелёный солдатский вещмешок и лопату.

– Глядите, глядите, – затараторила подбежавшая Лелька, – картошку хочет найти.

И правда, человек положил в борозду вещмешок, снял ремень и принялся перекапывать газон возле дома, где жили ребята.

– Говорю вам, он картошку ищет! – опять защебетала Лелька, – только шиш найдёшь, Ярцевы, когда убирали, сами два раза перекапывали.

– Да молчи ты, – цыкнул на неё Гошка. А человек всё копал и копал. Шинель без ремня моталась на нём, как на палке. Впалые щеки были серыми от щетины. Он часто уставал, видно было, что правая рука у него болит. Он морщился от боли и снова давил сапогом на лопату. Иногда он наклонялся и выбирал из комьев несколько маленьких, чуть больше горошины, картофелин, бросал их в мешок.

– Голодный сильно, – проговорил Гошка, – откуда это он?

– С фронта, наверное, домой добирается, – сказал Володька.

– Дезертии-и-и-р, – шёпотом пропела Лелька.

– Сама ты дезертирка, не видишь – раненый, – оттолкнул её Гошка.

Человек повернул к ребятам усталое лицо, по-доброму улыбнулся и вытер пилоткой лоб.

– Ну что, пацаны, как житуха?

– Нештяк, дядя, – сказал Гошка, – нынче урожай картохи добрый был, жить можно. Вот Гитлера наши разобьют, тогда, мамка говорит, и хлеба прибавят. – А мы в школу скоро пойдём, – сказала Лелька. Военный прислонился к столбу и закурил самокрутку,

– Молодцы, ребята, так и думать надо. Добьём фашиста – заживём! А я вот подремонтировался в вашем городе в госпитале, теперь – на пару недель домой, а там снова на фронт, гнать гадов.

– Дядя, а у вас какое ранение, среднее или тяжелое? – спросил Володька.

Военный расстегнул верхние пуговицы гимнастёрки и отогнул ворот.

– Ух ты! – в голос сказали ребята, разглядывая бело-розовые шрамы на шее и ключице раненого... А Лелька даже отступила немного назад.

– Вот так, – снова улыбнулся он, – сами судите, тяжелое или среднее. Мне бы вот до Крутихи добраться, а там уж до дому пешком добегу... Был у меня сухой паёк на дорогу, – как бы извиняясь, добавил он, – да мы с одним майором на прощанье закусили. А ему будь здоров до Тюмени добираться. Дома его двое ребятешек ждут. Ну, я ему отдал остатки, думал, дня за два доеду на попутных, – не получилось, вот и приходится... Ничего, спички да махорка есть...

– Дяденька, давайте, мы дома попросим, принесём вам картошки, – сказал Володька.

– Отставить, – посерьёзnel военный, – добудем сами. Ну ладно, пацаны, идите играйте, а я вон на том участке ещё попробую.

– Чур, не я ляпа, – пискнула Лелька и бросилась наутек.

Володька с Гошкой погнались за ней, догнали, и, собравшись в тесный кружок, ребята о чём-то зашептались. Потом они живо разбежались по домам, а минут через пять незаметно, пригибаясь, перебежками и по-пластунски стали пробираться к куче ботвы возле угла квартала. Карманы их телогреек были оттопырены и неудобно били по ногам. Раненый тем временем копал газон за газоном. Быстро разрыв пальцами ямку в гряде, Гошка, Володька и Лель-

ка высыпали в неё розовые и жёлтые клубни и разровняли землю. Спрятавшись за огромной ботвяной горой, они стали ждать.

– Вдруг он устанет и не дойдёт до этого участка?

– Может, лучше подкрасться и в мешок ему сунуть?

– Надо было ещё соли завернуть в газету и зарыть вместе с картошкой, – предложила Лелька.

– Ну ты даёшь, он же сразу догадается, что это мы!

Человек тем временем уже переходил на участок, где ребята приготовили для него пищевой склад. Он закурил, устало затаился. Завязал мешок. И подпоясался ремнём.

И тут он заметил на грядке небольшой бугорок. Он ковырнул его сапогом, потом взял лопату, и... десятка полтора крепких, как поросята, картофелин вывалились с лопаты вместе с синеватым чернозёмом.

Солдат выпрямился, огляделся, хмыкнул, положил картошку в вещмешок и пошёл в сторону тракта. Он шагал и шагал. И вдруг резко оглянулся.

Володька и Гошка едва успели сдёрнуть с кучи Лельку.

Солдат ещё мгновение постоял и решительно пошёл к югу, в свою Крутиху.

В это время над головами ребят снова затарахтел красноезвездный двукрылый самолёт, это курсанты школы ВВС отрабатывали курс вождения.

– Ура! – Гошка подкинул вверх охапку листьев.

– Ура! – запищала Лелька и вскочила на кучу ботвы.

– Эроплан, эроплан, забери меня в карман, – затаил Володька, в такт пристукивая деревянными каблуками.

И ребята увидели, как лётчик, пролетая над их улицей, посмотрел вниз и помахал им рукой. Им казалось, что он увидел и услышал их. Может, это так и было. А может быть, лётчик вспомнил, как он сам недавно был пацаном и как ему радостно было выкрикивать и бежать за самолётом:

А в кармане пусто,
Выросла капуста!

Вот он и помахал рукой тем, кто его приветствовал с земли.

Конечное дело

ШУТКА

ёша, мне надо поработать, – сказал дед. – Пока займись чем-нибудь.

– Чем?

– Ну, порисуй.

– Я уже рисовал.

– Почитай.

– Что?

– Хотя бы «Приключения Карика и Вали». Замечательная книжка.

– Да ну! Буквы такие мелкие! У меня от них глаза устают.

– Тогда вот: «Доктор Айболит»! Очень интересно! И разбойники за этим доктором гнались, и пираты... И буквы огромные. Прочитай-ка хотя бы первую главу, всего-то две страницы.

– Четыре!

– Не умеешь считать: с картинками даже пять, а без картинок только две! Смотри, как интересно: «Жил был доктор. Он был добрый. И была у него злая сестра Варвара...». Иди, читай!

– Я здесь, у тебя, буду читать!

– Нет, Лёша, ты мне будешь мешать. Вот научишься читать не вслух, а про себя, тогда пожалуйста, сиди рядом и читай сколько хочешь. Всё, Лёша! – дед посмотрел на часы. – Сейчас пять часов, до шести вечера каждый занимается своим делом, а там и мама за тобой придёт.

Лёша нехотя отправился в другую комнату, уселся на диван, напротив часов, которые стояли на телевизоре, и раскрыл на коленях книгу.

А дед погрузился в свои дела, очень довольный тем, что удалось усадить парня за чтение.

...Было без двадцати шесть, когда Лёша тихонько постучался в дверь.

– Что, уже прочитал главу?

– Да!

– Вот молодец! Ну, посиди ещё немного в той комнате, я скоро закончу!

– Ладно.

Однако и пяти минут не прошло, как Лёша опять тихонько постучал.

– Чего тебе? – спросил дед.

– Хочу что-то сказать.

– Подожди!

Лёша притих – то ли вернулся на диван, то ли за дверью стоит. В шесть часов дед выключил компьютер и пошёл к внуку. Тот сидел на диване с книгой на коленях, раскрытой на второй главе.

– Уже здесь читаешь? – удивился и обрадовался дед.

Лёша захлопнул книгу.

– Ты кончил работать? – спросил он.

– Как договаривались, – сказал дед и напомнил: – Но ты что-то хотел мне сказать.

– Ага! – Глаза у внука плутовски заблестели. – Понимаешь, дедушка... Я тебя обманул. Я сказал, что прочитал первую главу...

– А это не так?

– Нет.

Дед раскрыл книгу.

– Покажи, сколько прочитал!

Лёша ткнул пальцем:

– Досюда.

Первые десять строк.

– Выходит, ты обманул меня? – дед укоризненно поглядел в смешливые глаза внука.

– Обманул!

– Да как ты мог? – возмутился дед. – Ведь прекрасно знаешь, что я больше всего на свете не люблю врунов.

Лёша хихикнул.

– И чему же ты радуешься? Мне, например, плакать хочется.

Лёша опять хихикнул. А дед всерьёз обеспокоился. До сих пор за внуком ничего подобного не наблюдалось, даже в мелочах он не врал ни деду, ни родителям. А тут на тебе! Да ещё со смешками. Тревожный симптом. Не иначе как в школе у одноклассников нахватался. Надо поговорить с Полиной Николаевной и принять меры. Какие именно – дед пока не знал.

– Значит, обманул? – трагическим тоном спросил он внука. Лёша передёрнул худенькими плечиками.

– Ну, немножко.

– Что значит немножко? – вспыхнул дед. – Сегодня немножко, завтра немножко, и это войдёт у тебя в привычку. И тогда никто тебе верить не будет. А знаешь, как это обидно, когда тебе не верят? Иной раз и правду скажешь, а тебе не поверят... Прекрати смеяться!..

Но Лёша уже не мог остановиться. Он прямо-таки заливался смехом.

– И всё-таки объясни мне: что значит – «немножко»? – очень сердито спросил дед.

– Это значит... – Лёша икнул. – Ну, что я... – он опять икнул. – ...Что я пошу... ик!.. тил!..

– Что!? Пошутил? – вскричал дед.

Лёша кивнул.

Дед не знал, что и подумать.

– Может, скажешь, в чём заключается твоя шутка? Ты прочитал первую главу или нет?

– Прочи... ик!.. тал, ко... ик!.. Конечно!..

– Всю?

Лёша кивнул:

– ...Ик!.. И вторую главу... Ик!.. Начал...

У деда немного отлегло от сердца. Он дал Лёше холодной воды, чтобы прошла икота, и сказал:

– Разве так шутят? Ведь ты же знаешь, что я больше всего на свете не люблю врунов!.. Лёша посмотрел на деда с явным сожалением:

– Дедушка, у тебя же совсем нет чувства юмора!

КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

– Чем порадуешь сегодня? – спросил дед, встретив внука возле школы после уроков. Лёша тяжело вздохнул.

– Только не математикой.

– Опять двойка?

Лёша что-то очень тихо ответил под шум проезжавшего мимо «Камаза». Дед не расслышал ни слова.

– Повтори, пожалуйста, – попросил он внука.

– Я не повторяю одно и то же по два раза, – отрезал тот и, помолчав, предложил: – Спроси лучше, что я получил за чтение.

– И спрашивать не буду, – сказал дед. – И так знаю: пятёрку. А по математике-то что?

Последовало долгое молчание.

– Сам увидишь, – наконец, еле слышно обронил внук.

И дома, раскрыв дневник, дед увидел её. Жирную, пунцовую от стыда двойку.

– Лёша, ведь задачка-то пустяковая! Ну-ка, садись и решай!

Лёша неторопливо достал из рюкзака учебник по математике, тетрадь, пенал. Так же неторопливо разложил всё это на столе. И засмотрелся в окно.

– С какого действия начнём? – спрашивает дед.

Лёша смотрит в окно, грызет карандаш и молчит, задумчиво сдвинув брови. Минуту думает, две...

– Ну, что примолк? – не выдерживает дед. – Какое действие само тут напрашивается?

Лёша молчит.

– Куда же ты смотришь? – сердится дед. – Смотри в условие задачи! Лёша смотрит пустыми глазами в условие задачи и продолжает хранить молчание.

И так всякий раз, когда они с дедом занимаются математикой. Так и в школе на уроках математики. Учительница Полина Николаевна только разводит руками.

Дед страдает. Он не знает, что делать. Он просто в растерянности. Если не подсказывать внуку ответы, то задачи так и останутся не решёнными.

Одна бабушка, как всегда, всё знает:

– Ну, нет у мальчика способностей к математике, что поделаешь!
Зато как хорошо читает! И в музыке успехи делает. Тебе этого мало?

– Задача-то для пятилетнего ребенка! – кричит в ответ дед.

Он убежден: дело не в способностях. Тут что-то другое. Почему-то Лёша с самого начала невзлюбил математику. «Терпеть её не могу!» – только и слышно от него.

Дед иной раз срывался и неопозволительно круто повышал на внука голос, отчего тот мгновенно замирал и смотрел на деда большими неподвижными глазами, выражавшими упрямство и удивление. Дед не выдерживал этого его взгляда и отводил глаза в сторону.

Но ведь когда-то и читать он «терпеть не мог». Ещё осенью дед с большим трудом усаживал его за книжку. А теперь Лёша сам просит: «Почитаем?». Читают по очереди: абзац дед, абзац – Лёша, и снова дед, и снова Лёша... Это дед придумал, и Лёше сразу понравилось такое чтение. Понравилось копировать деда, который читает всегда с выражением, «в лицах».

А как быть с математикой, дед долго ума не мог приложить. Но не даром в песенке поётся: «Кто ищет, тот всегда найдёт». В конце концов, деда осенило. И, как всегда, внезапно, в минуту отчаяния, когда Лёша в очередной раз надолго задумался над задачей.

– Лёша, – сказал дед. – Хватит думать. Лучше поиграем!

– Как? – оживился и мгновенно повеселел внук.

– В «быструю математику».

– Как это? – от оживлённой улыбки и следа не осталось.

– А так: прочитай-ка ещё раз условие задачи и скажи сразу, не думая, каким действием будешь её решать. Скажи первое, что придёт в голову. Неважно, если ошибёшься. Главное, чтоб быстро. Даю тебе три попытки. Каждый раз ты должен укладываться в двадцать секунд. . Я буду засекал время. Ну, начали?

Алёша прочитал условие задачи, и дед махнул рукой:

– Какое действие? Быстрее, не думай!

– Сложение!

– Нет! Вторая попытка, быстро!

– Вычитание!

– Правильно! Что из чего вычитаешь?

– Из восьми два!
– Правильно! И что мы узнаем?
– Сколько конфет осталось у Вани.
– Молодец! Уложился в восемнадцать секунд. Теперь садись и запиши решение в тетрадку.

– А потом ещё поиграем?

– Обязательно!

Следующую задачку Лёша решил за двадцать две секунды. С третьей задачей, которую учительница ещё не задавала на дом, и которую в классе тоже не решали, он справился за девятнадцать секунд. И захныкал, когда дед предложил заняться русским языком.

– Ещё хочу поиграть в быструю математику!

Но дед покачал головой:

– Хорошего понемножку.

– У... – внук сделал кислую рожицу. – Терпеть не могу русский!..

С тех пор решение задач стало для него одним из любимых занятий. Прошло немного времени, и он перерешал все задачи, какие только были в учебнике, так что теперь деду ежедневно самому приходилось составлять задачи. Это было совсем нетрудно. Но если бы только это.

Похоже, что дед затеял игру «в быструю математику» некоторым образом себе на голову. Теперь идут ли они по улице, заходят ли в магазин, ищет ли дед свои куда-то подевавшиеся очки, разогревает ли на газовой плите обед, всякий раз слышит командирский окрик:

– Быстрее!.. Быстрее!..

Даже свой любимый чай, за которым он до сих пор обычно благоденствовал после обеда, теперь ему приходится пить чуть ли не залпом.

– Нельзя ли побыстрее? – погоняет его внук.

И дед делает вид, что сердится.

«МЕРСЕДЕС»

Дед с внуком стоят у газетного киоска, где за стеклом на трёх полках выставлены игрушечные автомобильчики. «Машинки». Но пришли они сюда вовсе не за машинками. Деду нужно купить га-

зету и опустить в почтовый ящик письмо. Внука он взял с собой с условием, что тот ничего не будет клянчить:

– Никаких машинок!

И внук твёрдо пообещал, что не будет. Клянчить. Тем более, что мама строго-настрого запретила скандалить с дедом по этому поводу.

– Я только посмотрю, какие новые появились, – сказал Лёша. Дед не возражал:

– Конечно, посмотри.

И Лёша на этот раз не скандалил. Но как прилип к стеклу, за которым выставлены машинки, так уже минут двадцать не может отлипнуть.

– Да ведь у тебя этих машинок, поди, штук пятьдесят, не меньше, куда ещё! – говорит дед.

– Больше! – с серьёзным видом возражает Лёша. – Но ты ничего не понимаешь, дедушка! Посмотри на этот «мерседес»! У меня такого нет. И даже никогда не было.

– Лёша, пошли домой! – в который раз говорит ему дед. Но Лёша хоть бы бровью пошевелил. Не скандалит, ничего не просит, только не отходит от киоска. Просто стоит, смотрит на машинки и не может наглядеться.

– Ты мне что обещал? – сердито спрашивает дед.

– Я же не прошу, чтоб ты купил мне этот «мерседес», – резонно отвечает внук. – Я только сказал, что у меня такого «мерседеса» никогда в жизни не было.

– Ты сказал – я тебя выслушал. А теперь пошли домой. Но Лёша стоит – и ни с места. Как заворожённый смотрит на машинки. У деда иссякло терпение:

– Ну, я пошёл! А ты – как хочешь.

И дед в самом деле пошёл.

Оглянувшись через несколько шагов, увидел, что внук, наклонив голову, медленно переступает в его сторону. Пройдя ещё немного, дед снова оглянулся. Расстояние между ним и внуком не сократилось. Но и не увеличилось. А впереди – переход через дорогу.

Дед остановился. И внук остановился. Дед поманил его рукой, и внук медленно-медленно пошёл на сближение. Не подымая голо-

вы, позволил взять себя за руку, и они благополучно перешли через проезжую часть улицы на зеленый свет.

А как только перешли улицу, и газетный киоск пропал из виду, Лёша вскинул голову и посмотрел на деда пытливymi лучистыми глазами, словно разногласий между ними и в помине не было.

– Ты видел, какая машина проехала? – спросил он деда.

– Нет, не видел, – честно признался тот. – И какая же?

– «Пежо» с выбитой фарой!

– Наверное, с другой машиной столкнулась, – предположил дед.

– Ну, дедушка, ты уж совсем! Тогда бы вмятина была! А у неё только фара разбита.

– Может, из-под колеса встречной машины выскочил камешек и попал в фару? – высказал дед другое предположение.

Лёша подумал и согласился:

– Наверное, так и было. А вчера мы с папой видели, как новенькая «Нива» врезалась мордой в задний бампер «Хонды». Всю морду себе помяла. До самой высокой степени. Теперь машину в ремонт надо, морду выправлять.

– Лёша, что за выражения!

– Ну да, надо выправлять ей морду, потому что морда у неё ни на что не стала похожа. Ужасно жалко. Такая красивая была морда...

Перед их подъездом стояла синяя «девятка» Григория Тимофеевича, соседа со второго этажа. Григорий Тимофеевич деловито прохаживался вдоль машины с тряпкой в руке и протирал стекла. Дед перемолвился с ним о садово-огородных делах, в то время как Лёша обследовал передние фары «девятки».

И тут деду пришла в голову мысль:

– Григорий Тимофеич, а ничего, если Лёша пяток минут посидит за рулём вашей машины?

Сосед посмотрел на Лёшу и добродушно улыбнулся:

– Ну, пускай посидит.

Дед открыл переднюю дверцу, и Лёша не заставил себя ждать, уселся на водительское место и вцепился руками в руль. А дед стал ему показывать, где что:

– Это вот рукоятка переключения скоростей, это – ручной тормоз, а это...

– Знаю! – завопил внук и повёл пальцем по приборной доске: – Это – указатель масла, это – бензин, это – спидометр...

– Ого! – подивился Григорий Тимофеевич. – Ты наверное уже можешь и водить машину?

– Наверное, мог бы, – не очень уверенно ответил Лёша.

– Вот только «бы» мешает?

– Какое ещё бы? Скажете!..

– А что тогда?

– Ну... Разве не видите? – Лёша посмотрел на свои ноги и для большей убедительности поболтал ими в воздухе.

– Понятно! – догадался Григорий Тимофеевич. – Немножко не достают педалей, да?

– Вот именно! – и Лёша вдруг полез из машины.

– Насиделся? – спросил, посмеиваясь, Григорий Тимофеевич.

– Да, большое спасибо. Мы с дедушкой торопимся...

Когда поднимались по лестнице, дед спросил:

– Ты доволен?

Лёша пожал плечами:

– Не знаю...

– Что?! «Не знаю»?.. – удивился и даже немного расстроился дед. – Ведь это тебе не игрушечная машинка, ты настоящий руль крутил! Да я по твоим глазам вижу, что доволен!

– А ты, дедушка, надел бы очки. Тогда бы знал, что мне больше всего понравилось.

– Ну-ка, ну-ка, очень интересно!

Лёша тихо, со вздохом проговорил:

– «Мерседес», который я показывал тебе в киоске и которого у меня ещё не было...

САМА ВЫЛЕТЕЛА

Лёша учится в музыкальной школе. В первом классе. По специальности «фортепиано». У него абсолютный слух, и он любит музыку. Дед её тоже любит. Они часто её слушают вдвоём.

Начинали с Робертино Лоретти, когда Лёша ещё не выговаривал этого имени и называл Робертино просто мальчиком. По требо-

ванию внука дед ставил кассету с «мальчиком» раз по пять в день, а Лёша слушал и подпевал.

Однажды он сказал деду, что мог бы и не хуже «мальчика» спеть, если бы знал итальянский язык. Тогда дед на слух записал несколько строк неаполитанской песни «Санта Лючия», а Лёша добросовестно выучил непонятные слова и спел их перед микрофоном. Прослушав себя, скорчил рожицу:

– Это я, что ли? Фу-у!..

Теперь они с дедом больше слушают классику. У Моцарта Лёше больше всего нравится «Турецкий марш», а у Бетховена начало Пятой симфонии, где «судьба стучится в дверь». Обожает «Итальянскую песенку» Чайковского, которую двоюродная сестренка Настя недавно исполнила на скрипке в конкурсном концерте.

Дед живёт через два дома от внука и водит его в музыкальную школу. Но у деда нет инструмента, поэтому Лёша разыгрывает этюды и песенки на пианино под надзором строгой мамы, которая когда-то сама училась в той же музыкальной школе.

Минувшей осенью, на исходе второй четверти, преподавательница по фортепиано Инна Васильевна велела Лёше хорошенько разучить и подготовить к экзамену песенку «Казачок» и один из этюдов.

Лёша два вечера подряд вместе с мамой разучивал эти вещи и на следующем уроке проиграл их Инне Васильевне.

За этюд учительница похвалила его, а «Казачка» попросила сыграть со счётом. Лёша стал играть, но Инна Васильевна остановила его:

– Ещё раз сначала. И считай, пожалуйста, вслух!

Лёша опустил руки на клавиатуру, понурил голову и замер. Инна Васильевна подождала немного и, видя, что он не думает играть, спросила:

– Лёша, в чём дело?

Он поднял голову, посмотрел Инне Васильевне в глаза и сказал:

– Вы меня, конечно, извините, но это глупо – считать вслух...

Инна Васильевна на некоторое время потеряла дар речи. К счастью, прозвенел звонок с урока, и преподавательница ограничилась тем, что записала в дневник задание на дом: «Играть «Казачок» со счётом».

Вечером дома Лёша уселся за пианино и стал играть. А мама сидела на диване, вязала Лёше синий с красными кисточками шарфик и прислушивалась к игре. Послушала, послушала и вдруг спросила:

– Лёша, что такое? Мне кажется, ты просто балуешься!

– Она сама вылетела, – сказал Лёша.

– Кто вылетел?

– Птичка.

– Ну-ка, сейчас же прекрати! Играй, что тебе задали. И – со счётом.

– Если не возражаешь, я буду считать про себя, – сказал Лёша.

– Считай про себя, – разрешила мама, так как в дневнике ничего не было сказано, как считать – про себя или вслух. Таким образом, мама позаботилась о том, чтобы на следующем уроке по фортепиано Лёша не ударил лицом в грязь. По дороге в музыкальную школу он тихонько напевал: «Птичка под моим окошком Гнездышко для деток вьёт...» Дед поинтересовался, что такое он поет.

– Тебе нравится? – в свою очередь, спросил Лёша.

– Нравится, – ответил дед. – Славная песенка.

– И мне она нравится, – сказал Лёша. – Но Инне Васильевне почему-то больше нравится «Казачюк».

На уроке они с Инной Васильевной сперва основательно позанимались этюдом, и затем перешли к «Казачюку». И уже на третьем такте учительница остановила игру:

– Это что ещё такое?

Лёша опустил голову.

– Она сама вылетела... – еле слышно проговорил он.

– Лёша, будь посерьёзнее! – строго сказала Инна Васильевна.

– Играй с самого начала.

Лёша стал играть, и птичка опять вылетела. И опять Инна Васильевна остановила игру.

– Эта песенка про птичку тебе явно мешает, – сказала она и листом бумаги закрыла «Птичку», ноты которой в «Учебнике игры на фортепиано» были напечатаны рядом с нотами «Казачка». – Вот теперь играй!

Лёша опять стал играть «Казачка». Играл, играл и вдруг... Ну, конечно, из-под его пальцев выпорхнула мелодия песенки про птичку.

Но на этот раз Инна Васильевна не стала останавливать игру, а дослушала до конца. А уж тогда спросила:

- Тебе так нравится эта песенка?
- Да, – сказал Лёша. – Очень нравится.
- И ты хотел бы играть её на экзамене?
- Если не возражаете...

Инна Васильевна задумалась.

– Боюсь, не успеешь ты её хорошо подготовить, всё-таки экзамен...

– Да вы не переживайте! – успокоил её Лёша. – Я не боюсь, а вам-то чего бояться!..

На экзамене он сыграл на четвёрку.

– Немножко не дотянул до пятёрки? – улыбаясь, спросил дед, когда внук вышел из класса. – Ну, что ж, тоже неплохо. Тоже неплохо...

– Да ты не переживай! – сказал Лёша, когда они, держась за руки, вышли на улицу. – Это мне за этюд снизили оценку. А «Птичку» я классно сыграл. Даже Инне Васильевне понравилось.

ФАНТИК

Лёша с дедом, держась за руки, подходили к продуктовому магазину. Они шли по дорожке, протоптанной между стеной длинного панельного дома и откосом широкого заснеженного газона, уходившего вверх, к проезжей части улицы. На газоне вразброс стояли ели, берёзы и раскидистые кусты сирени.

– Дедушка, по-моему, уже весной пахнет, – сказал Лёша. – Ты чувствуешь?

Дед потянул носом воздух.

– Да нет, ещё далеко до весны, – возразил он. – Ещё только февраль начался. А весна в марте придёт, после февраля.

– И тогда трава опять будет зелёная? – спросил Лёша.

– Да, кое-где уже начнёт зеленеть, – уточнил дед.

А пока газон был укрыт толстым слоем снега, серого от дорожной копоты. Зелеными оставались только ели, а лиственные деревья и кусты стояли голые.

На сером снегу между деревьями, вдоль всего откоса валялись

пивные бутылки и банки, коробки из-под сока, пакеты из-под чипсов, конфетные фантики, пузырьки из-под настойки боярышника и ещё много чего. Чем ближе к магазину и находившейся сразу за ним аптеке, тем больше на газоне было мусора.

Дед разворчался:

– Что за люди: где едят, там и... гм... фантики бросают! Никакой культуры. Никакого уважения ни к себе, ни к другим. Не газон, а помойка. Что за люди!..

– Дедушка, а почему они всё тут бросают? – спросил Лёша.

– Потому что невоспитанные, – коротко ответил дед.

Вошли в магазин. Дед поставил Лёшу в очередь, а сам протиснулся к витрине с продуктами и развернул список, который составила бабушка перед тем, как отправиться на работу. Она работает бухгалтером, а дедушка сидит дома, занимается хозяйственными делами и внуком.

В магазине было всё, что бабушка велела купить. Но когда очередь стала подходить, и Лёша оказался вплотную прижатым к витрине с конфетами, дед получил дополнительный заказ ещё на леденцы в золочёной обёртке.

– Может, лучше «Белочку» возьмём? Или «Мишек»? – спросил он. Но Лёша сказал:

– Вопрос закрыт, – и забрал себе пакет с леденцами: – Я понесу, а то у тебя и так много всего. При выходе из магазина один леденец он вручил деду, другой взял себе.

Дед развернул леденец и сунул в рот. Идёт себе потихоньку, сосёт леденец. И вдруг слышит:

– Дедушка, вернись!

Оглянулся и увидел, что внук всё ещё стоит на площадке перед магазином.

– Ты чего там забыл? – крикнул ему дед и передвинул свой леденец за щеку, чтоб не мешал говорить.

– Вернись! – повторил внук повелительным тоном.

Перехватив тяжелую сумку с продуктами в другую руку и ворча под нос, дед двинулся обратно к магазину.

– Это не я забыл, – сказал Лёша. – Где твой фантик?

– Какой фантик?

– Конфетку сосёшь? А фантик где?

– Зачем он тебе? Лёша молча указал рукой на стоявшую у дверей магазина мусорную урну. Дед всё понял.

– Да понимаешь, я как-то... – смущённо пробормотал он. – А ты что, свой фантик в урну бросил?

– Естественно! Как воспитанный человек.

– Гм... Весьма похвально!..

– Кузьмич, с вами всё ясно! – заключил внук.

Деду оставалось лишь развести руками и пообещать, что больше такое с его стороны не повторится.

КОПЕЕЧНОЕ ДЕЛО

Наступил март, однако весной всё ещё не пахло. Стояла хмурая ненастная погода, когда в комнате даже среди дня, чтобы почитать газету, приходилось включать лампу. Да и на улице было не намного светлее, тяжелые снеговые тучи висели так низко, что едва не касались крыш своими серыми лохматыми животами.

Но сегодня утром небо окрасилось в розовый цвет, и к середине дня, когда дед отправился встречать внука из школы, оно уже вовсю голубело, и солнце светило ярко и тепло, совсем по-летнему.

«Благодать! – радовался дед. – Как хорошо, что сегодня в музыкальной школе нет уроков: сейчас пообедаем и – в парк...»

Однако у внука свои планы.

– Сегодня не пойдём гулять, – решительно заявил он, когда они с дедом выходили из школы.

– Это почему же? – огорчился дед. – Такая чудесная погода! Я считаю, что...

– Кузьмич, вопрос закрыт! Меня ждёт важное дело. Сказать, какое?

– Скажи!

– Только никому не выдавай моего секрета. Ладно? Ну, слушай: я надеюсь, что папа мне подарит ко дню рождения большой конструктор, и у меня появилась идея. Мне надо начертить схему автомобиля, который буду потом собирать из конструктора. Ты одобряешь?

– Разумеется! Но одно другому не меша... – дед не договорил, потому что запнулся об арматурный прут, торчавший на дорож-

ке при выходе со школьного двора, и чуть не растянулся поперёк тротуара. – Чёрт знает, что такое! – нагнувшись, он ухватился за стальной прут рукой и попытался его раскатать, чтобы затем вытащить, однако из этого ничего не вышло. Отогнуть прут, который был в палец толщиной, тоже не удалось. – Чёрт знает, что такое!.. Ну ладно, пошли!

Взявшись за руки, они двинулись по заснеженному тротуару в сторону дедова дома. Большой и маленький, первоклассник и пенсионер, очень похожие друг на друга лицом и фигурой. Оба кареглазые, только у внука глаза большие и яркие, а у деда, который ровно в десять раз старше, они уже потускнели и съёжились. У обоих под шапками кудрявые, густые и жесткие шевелюры, только у Лёши волосы блестящие русые, а у деда из-под шапки у висков торчат седые лохмы.

– А зачем его воткнули? – спросил Лёша.

– Что воткнули? – не понял дед.

– Да этот дурацкий прут. Я вчера тоже за него зацепился и чуть не упал. А ещё раньше Оля Мельникова из первого «а» упала и разбила коленку. И наша Полина Николаевна недавно тоже чуть не упала...

– Да каждый день, наверное, кто-нибудь тут спотыкается, но никому нет до этого дела, – сказал дед. – Некому убрать прут!

– Полина Николаевна сказала, что нет у нас мужчин.

– Вот именно, – согласился дед.

– А ты, дедушка, разве не мужчина?

– Что? Ну, положим, мужчина...

– Тогда уберу прут!

– Да как его сейчас вытащишь? Он, наверное, глубоко сидит в земле. А земля мёрзлая...

Лёша опечалился:

– Как жаль, что ты не можешь. А то большое дело бы сделал.

– Нет, Лёша, мне его не вытащить, – вздохнул дед. – Его ножовкой надо перепиливать.

– А если бы у тебя была ножовка, ты смог бы его перепилить?

– Так у меня нет ножовки.

Лёша возвысил голос:

– Я спрашиваю: а ты мог бы? Если бы у тебя была ножовка?

– Конечно. Тут дела-то на три копейки.

– Ха! Я тебе – хочешь? – дам три копейки!

Лёша выгреб из кармана куртки всё, что у него там было: две машинки, пластмассовую фигурку автогонщика и пятикопеечную монетку. Протянул монетку деду:

– Вот! Купи ножовку.

– Лё-ёша!.. – дед был в затруднении. – Я сказал, что тут дела на три копейки. А ножовка-то много дороже стоит.

– Сколько?

– Даже не знаю.

– Послушай, дедушка, у меня есть идея! Давай сходим в магазин и посмотрим, сколько она стоит!

– Договорились, – кивнул дед. – Как-нибудь сходим.

– Да не «как-нибудь», а сейчас!

Деду ужасно не хотелось тащиться в магазин.

Но Лёша сказал:

– Тогда ты мне не друг! – и ещё добавил: – Как всё-таки тяжело с тобой жить, дедушка!

И дед сдался.

Они пришли в магазин «Товары для дома» и увидели, что самая дешёвая ножовка по металлу стоит шестьдесят рублей.

– А у тебя сколько? – спросил Лёша.

– Те деньги, которые у меня есть, – сказал дед. – я отложил на подарок тебе ко дню рождения. Ну, пошли, наконец, домой! Что надо было посмотреть – посмотрели...

Лёша опустил голову и не двигался с места.

– Лёша, я же тебе русским языком сказал, что на ножовку у меня нет сейчас денег. Лёша поднял голову и укоризненно посмотрел на деда:

– Но у тебя есть шестьдесят рублей?

– На ножовку – нет. И, пожалуйста, не капризничай!

– Я не капризничаю! – Лёша ухватил деда за рукав. – Подожди!

– Ну, что ещё?

– Есть идея!

Дед тяжело вздохнул.

– Лёша, я устал от твоих идей! Пошли-ка домой, а по дороге поговорим.

– Нет!

Дед огляделся в надежде встретить чей-нибудь сочувственный взгляд, но никто не обращал на них внимания.

– Ну, говори скорей!

– К чёрту подарок! Давай купим ножовку!

Когда вышли из магазина – Лёша со школьным ранцем за спиной, дед с упакованной в серую обёрточную бумагу пилой под мышкой, – Лёша тяжело вздохнул и опустил голову.

– Что с тобой? – спросил дед. – Никак жалеешь, что отказался от подарка?

Лёша не ответил и ещё ниже опустил голову. Но через несколько шагов вскинул на деда живые глаза:

– И нисколько не жалею! Но ты больше не говори мне про подарок!

А прут они отпилили за какие-нибудь три минуты. Дед пилил, присев на корточки, а Лёша держал свободный конец прута, чтоб не вибрировал.

– Ну вот, – сказал дед. – Славно мы с тобой поработали, теперь пойдём гулять.

Но Лёша по-прежнему ни о какой прогулке слышать не хотел:

– Ты что, забыл? Я ведь ещё должен схему начертить!

В это время мимо проходили Лёшина одноклассница по музыкальной школе Карина и её бабушка. Лёша показал Карине отпиленный конец прута, который всё ещё держал в руке:

– А мы большое дело сделали!

Карина равнодушно посмотрела на ржавую железку.

– А мы с бабушкой в парк идём! – сообщила она. – Пошли с нами!

– О, пошли! – не раздумывая согласился Лёша и посмотрел на деда: – Ты потом поможешь мне начертить схему?

– Помогу, помогу! – поспешил согласиться дед.

ПЕРЕПОЛОХ

В школу по утрам Лёшу водит мама, а дед встречает его после уроков, кормит обедом и сопровождает на музыку. Обычно после музыкальной школы они какое-то время проводят в парке. Зимой Лёша катается на мини-лыжах, а весной и осенью они просто гуляют, разговаривая на разные темы. Или пускают кораблики в озерке. В шесть вечера возвращаются с работы родители, дед сдаёт им Лёшу с рук на руки и идёт домой заниматься своими серьёзными делами.

Таким образом, Лёша всегда под присмотром. Конечно, это не плохо. Но по этой причине у него нет среди сверстников друзей, ни среди одноклассников, ни во дворе дома. Понятно: если дед, следуя строжайшим наказам Лёшиной мамы и бабушки, не отпускает внука от себя ни на шаг. С одной стороны, дед не отпускает, а с другой – внук сам не отходит от деда ни на шаг. Потому что им никогда не бывает скучно вдвоём.

Когда дед, бывает, минут на десять припоздаёт за ним в школу, Лёша дожидается его в вестибюле возле раздевалки. Дед у Лёши – неработающий пенсионер, и можно подумать, что у него куча свободного времени. Но это не так. По утрам, когда Лёша на уроках, и вечерами, часто допоздна, дед занимается серьёзными делами. По крайней мере, так он сам считает. Поэтому бывает, что, увлекшись своими серьёзными делами, он теряет чувство времени. В общем-то ничего страшного, потому что Лёша всегда дожидается его в школьном вестибюле возле раздевалки.

Сегодня дед тоже опаздывал, да чуть ли не на четверть часа. Ну, и ничего, подождёт, успокаивал он себя по дороге, хотя понимал, что показывает внуку дурной пример расхлябанности.

Но уж никак не думал он, что, прибежав в школу, не найдёт там внука. А между тем, Лёши не было ни в вестибюле, ни в коридорах первого этажа. Младшие ученики уже разошлись по домам, старшие сидели в классах – шёл шестой урок, – и в школе было необычно тихо. На своём стуле возле канцелярии сидела вахтёрша Вера Ивановна. Она знала Лёшу. Но не помнила, чтобы сегодня он сидел возле раздевалки.

– Вы поглядите: висит его одежда, нет? – посоветовала она.

Дед заглянул в раздевалку и, к своему ужасу, не увидел на обычном месте Лёшиной курточки. Да тут ещё выяснилось, что сегодня у Лёши не было пятого урока. Значит, уже больше часа прошло... С ума сойти!

Может, Лёша решил не ждать деда, а самостоятельно пошёл домой? Дорогу и правила уличного движения он знает хорошо. Но тогда почему они не встретились? Нет, не мог он пойти домой: ведь у него нет ключей!

Дед обошёл школу со всех сторон, дед обошёл дворы прилегающих к школе жилых домов. Обследовал двор своего дома и двор дома Лёшиных родителей. Лёши нигде не было.

Дед лихорадочно соображал: может, сходить к газетным киоскам, где помимо газет и журналов продаются игрушечные автомобильчики, к которым Лёша равнодушен едва ли не с пелёнок. Круг поисков постепенно расширялся. Дед галопом пробежался по всем газетным киоскам, у которых когда-либо приходилось бывать вместе с Лёшей. Попутно заглянул и в магазины, где имелись отделы детских игрушек.

Он просто не знал, что можно ещё предпринять, где искать пропавшего без вести внука, и ещё раз сбегал в школу. Он страшно устал и весь покрылся испариной.

– Не было вашего Лёши! – сообщила школьная вахтёрша и сокрушённо покачала головой: – Ах ты, горе-то какое!

Ничего другого не оставалось, как идти домой и садиться за телефон. А пока он шёл домой – уже не бегом, а еле волоча ноги, – что только не приходило в голову.

Вариант номер один: Лёшу похитили злодеи. Они, конечно, требуют громадный выкуп, и если родители не смогут выплатить требуемую сумму, то... Дальше строить предположения по этому варианту было невыносимо.

Вариант номер два: уличные сорванцы заманили Лёшу в какой-нибудь подвал и там...

«Надо немедленно заявить в милицию», – подумал дед, входя в квартиру.

Не раздеваясь, прошёл в комнату и только протянул руку к телефону, как тут же отёрнул её, потому что телефон в этот момент пронзительно зазвонил.

Какое-то время он не решался брать трубку: Бог знает, кто там, на другом конце провода. Может, мерзавцы, которые похитили Лёшу, и сейчас они станут выставлять свои условия. А он совершенно не готов разговаривать с ними.

Или из больницы... Но тогда нельзя медлить!

А телефон звонил-надрывался.

Дед снова протянул дрожащую руку к трубке.

– Алло... – с трудом выдал он.

И тут... Как только у него не разорвалось сердце: он услышал родной Лёшкин голос!

– Дедушка, я говорю по сотовому телефону! – серьёзно, совсем по-взрослому сообщил внук, и у деда всё внутри напряглось и похолодело. В трубке слышался шум, похожий на тарахтенье двигателя.

«Вот оно!..» – с тоской подумал дед. Наверное, сидят в машине, сейчас трубку отберут... Так и есть: на том конце произошла заминка, после чего в трубке послышался женский голос:

– Не волнуйтесь, Лёша в порядке, мы подведём его к вашему дому!

– Но послушайте!..

Однако женщина не стала его слушать.

Он кинулся на кухню и стал смотреть в окно. Наконец, увидел подходившего к подъезду внука с рюкзачком за спиной и стоявшую поодаль молодую женщину с мальчиком приблизительно того же роста, что и Лёша. Вот Лёша обернулся, помахал рукой мальчику и что-то крикнул. Мальчик помахал ему в ответ и тоже что-то крикнул.

Дед выбежал на лестницу, встречать непутёвого внука.

– Ты где был? – сердито спросил он.

– У Саши, – последовал ответ. – Он теперь мой друг.

– Что за Саша? Твой одноклассник?

– Нет, он уже во втором. Саша пригласил меня к себе в гости.

Они вошли в квартиру. Не прерывая разговора, разделись и сели друг против друга: дед на стул, Лёша на диван.

– А Сашина мама разрешила ему пригласить тебя в гости?

– Её не было дома, она потом пришла.

– И что сказала, когда увидела тебя?

– Ну... Знает ли мама, что я у Саши...

– А ты что сказал?
– Что сказал, что сказал!.. Правду.
– А что Сашина мама?
– Она сразу стала звонить тебе. А тебя дома не было!
– Да ведь я всё это время, пока ты был у Саши, бегал сломя голову по всем дворам и улицам, разыскивая тебя!..
– И совсем не надо было бегать сломя голову. Тебе надо было сидеть дома.

– Тебе хорошо говорить! – продолжал сердиться дед. – Ну, и чем же вы занимались с Сашей? – спросил дед.

– Играли.
– Во что?
– Не «во что», а на чём!
– Ну, хорошо – на чём?
– Саша на скрипке, а я на пианино.
– Вот как! – снова произвольно вырвалось у деда. – Он тоже учится в музыкальной школе?

– Но не в этой, а в которой учится Настя.

– Вот как!

Настя, двоюродная Лёшина сестра, ходит в музыкальную школу при училище имени Чайковского и в прошлом году, будучи ещё первоклассницей, заняла первое место в районном конкурсе юных скрипачей. По словам её педагога, она родилась со скрипкой в руках.

– А ещё чем занимались? – продолжал допытываться дед.

– Читали.

– Саша тебе вслух, что ли, читал?

– Не-ет! Ты что! Мы по очереди. У него, знаешь, какая интересная книга! Про удивительных детей. Ты мне купишь такую?

– Хорошо, куплю. А сейчас поговорим вот о чём. Я ничего не имею против Саши, мальчик он, судя по всему, хороший, и я рад, что у тебя, наконец, появился друг. Но как ты мог пойти к нему в гости, не дождавшись меня и не спросив разрешения?

– Дедушка, хватит об этом! Вопрос закрыт.

– Что значит «хватит»? – снова вспыллил дед. – Что значит, «вопрос закрыт»? Я думаю, пока ещё рано его закрывать. Ты знаешь, как я переживал? У меня чуть сердце не разорвалось. С мамой ты

наверняка не поступил бы так. . Потому что за такие дела она уж всыпала бы тебе по первое число. А папа добавил бы. Ведь так?

– Наверное... – чуть слышно обронил Лёша

– А со мной почему так поступил?

– Дедушка, ты меня уже достал! – завопил внук. – Хватит!

– Нет, не хватит! – рявкнул дед. – Я хочу знать, почему ты со мной так поступил!

– Ну, потому что... – Лёша вдруг застеснялся и отвёл взгляд в сторону. – Сам знаешь...

– Нет, не знаю! И хочу услышать это от тебя!

Лёша опустил голову.

– Ну, потому что... Потому что ты добрый!

Дед чуть со стула не упал.

– Вот как! – только и мог он произнести.

РОТВЕЙЛЕР

Тёплый весенний вечер. Время близится к шести часам, но солнце ещё высоко. В небе ни облачка.

Лёша с дедом гуляют во дворе. Скоро должен подойти с работы папа и забрать Лёшу. Но папы всё ещё нет, и Лёша занят тем, что взбирается по лесенке на площадку металлической горки и затем сбегает по крутой наклонной плоскости вниз, на зеленеющую травку. И снова по лесенке вверх, и снова сбегает вниз.

Дед стоит в сторонке и поглядывает то на Лёшу, то на дорогу, на которой с минуты на минуту должен появиться папа. Но вместо папы по дороге проходят другие дяди. Некоторые издали кажутся деду похожими на папу, и тогда он спрашивает у Лёши:

– Глянь-ка: не папа там?

Лёша посмотрит на дорогу и только молча покрутит у виска пальцем.

Наискосок через двор, мимо катушки, протоптана тропинка, по которой ходят люди. А некоторые проводят по этой тропинке собак на прогулку в соседний парк. Потом возвращаются обратно.

Лёша собаками не интересуется. Он их попросту не замечает. У

него дома есть кот. Чёрный, как пантера. но поскольку он кот, а не кошка, то имя у него мужское – Пантер. Алёша любит с ним играть, поэтому часто ходит с царапинами на руках.

Но если Лёша не замечает собак, то собачки иногда обращают на него внимание. Подбегают, лизжут руки, крутятся в ногах. Иногда облаивают. Лёша позволяет им ласкаться и лизать руки, но сам ведёт себя с ними весьма сдержанно.

– Лёш, погляди, какой красавец! – кричит ему дед, показывая на дымчатого дога, царственно выступающего по тропинке в сопровождении своей разодетой по последней моде хозяйки. – Ну, взгляни, Лёша!

Лёша не поворачивает головы. Ему неохота смотреть на дымчатого дога. Это же не легковая машина. Он взбирается на горку, раскидывает руки и сбегает вниз. Затем снова взбирается...

А папы всё нет. Зато, откуда ни возьмись, на тропинку выбегает большой чёрный в рыжих подпалинах ротвейлер. Хищно рыская по сторонам тропинки, он мало-помалу приближается к металлической горке, на которой, как на капитанском мостике, стоит Лёша и на которую быстро взбирается ещё один, только что подошедший мальчик..

Лёша не смотрит на собаку. Зато дед не спускает с ротвейлера глаз.

– Лёша, стой, где стоишь! Ни в коем случае не сбегай вниз! – даёт он внуку установку и медленно, опасно косясь на страшную собаку, подходит ближе к горке.

Лёша смешливо поглядел на деда и сделал вид, будто хочет сбежать вниз.

– Ни в коем случае! – кричит-надрывается дед. – Стой на месте!

Ротвейлер уже совсем близко. Дед жмётся к горке. Он и сам бы рад взобраться на её площадку, но не хочет показаться смешным. И, к тому же, он знает, что если стоять совсем неподвижно, то даже самая злая собака тебя не тронет.

И вдруг...

– Лёша!!! Стой!!! – кричит дед. – Я кому...!!!

Но Лёша уже сорвался с места. Бежит вниз. И ротвейлер бежит. Наперерез Лёше. Дед тоже побежал, но ему уже не успеть. Хотя в эти минуты он уже не боится свирепой собаки, в эти минуты

он мог бы схватить её голыми руками, мог бы намертво сцепиться с нею, и будь что будет...

Лёша сбежал с горки и замер, как вкопанный. И смотрит на устремившегося к нему пса. А тот, другой мальчик стоит на площадке горки, как на капитанском мостике, с интересом наблюдает сверху за происходящим.

Каких-то двух шагов не добежал дед до внука – ротвейлер уже бросился на ребенка, уже закинул свои огромные лапы ему на плечи, разинул страшную красную пасть с огромными белыми клыками... Лёшка упал на траву, а ротвейлер навалился на него...

Подбежав, дед бросился на колени, просунул обе руки под собаку, ухватил Лёшкино тельце и потянул к себе изо всех сил, отталкивая ротвейлера плечом в сторону. А тот тянул Лёшку к себе, вцепившись клыками в ворот курточки.

– Пошёл!.. Пошёл!.. – иступленно орал на него дед, вырывая из зубов пса Лёшкину курточку, и ещё не веря тому, что Лёшка вроде бы цел и невредим.

– О Господи!.. О Господи! – простонал дед, поднимаясь с колен и лихорадочно прижимая к себе Лёшкино тельце, всё ещё не веря, что тот цел и невредим.

Сердце у деда стучало как молоток. С Лёшкой на руках он двинулся на деревянных ногах к дому.

Лёшка молчит, хлопает глазами и смотрит на проезжающий мимо дома «форд».

И вдруг встрепенулся, заулыбался: увидел отца.

Дед, захлебываясь от волнения словами, приглаживая растрепавшиеся кудряшки внука, стал рассказывать Дмитрию, что ему пришлось только что пережить, но не успел довести свой рассказ до середины, как вдруг откуда ни возьмись на них вихрем налетел тот самый ротвейлер, прыгнул на Лёшку и лизнул ему щеку.

– Да что же это такое! – всполошился дед, вызволяя внука из собачьих лап. – Где хозяин?

Но ротвейлер уже отскочил в сторону и побежал догонять своего хозяина, спина которого виднелась далеко впереди. В руке этот тип держал свёрнутый поводок.

– Мерзавец! Я в суд на него...

– Да ладно, – сказал Лёшин отец. – Ничего же не случилось.

– Ты что, Дима, Бог с тобой! ... Ты что говоришь такое? – возмутился дед. – Хорошо, что не случилось. А если бы?.. Зубищи-то видал, какие?..

– В самом деле, дедушка! – сказал Лёша, глядя на деда серьезными глазами. – Зачем бы он стал меня кусать, я же не двинулся!

– Сильно испугался? – озабоченно поинтересовался через минуту дед.

Лёша пожал плечами:

– Не знаю... – и уточнил: – Немножко.

КОНДА

От электрички до сада целый час надо топать пешком. Но Лёше это нравится. Ходить пешком.

Только в самый первый раз, ему тогда было три года, дед нёс его на плечах. А потом оказалось, что своими ногами куда интересней ходить. Когда ты на своих ногах, можно и камни бросать в речку, по берегу которой идёт дорога, и малиной с придорожных кустов полакомиться, и просто пробежаться, когда захочется.

Одно плохо на этой дороге: по ней не ездят легковые машины, только тракторы, да и то очень редко. То ли дело в городе, там столько машин – и на улицах, и во дворах домов. Самое любимое Лёшино занятие во время прогулок – угадывать марки и модели машин и выбирать из них ту, какую он хотел бы себе купить. Поэтому он всегда с большой неохотой уезжает из города.

Но всякий раз, оказавшись в саду, он моментально забывает про автомашины и прочую городскую технику. Просто потому, что на это не остаётся времени: у них с дедом работы в саду всегда неуворот – буквально вздохнуть некогда.

В этот раз до Лёшиных школьных каникул дед уже успел посеять морковку, петрушку, сельдерей и редиску. А теперь подошло время сажать горох и бобы, сеять репу, брюкву, свеклу и салат. Высаживать рассаду цветов, готовить участки под картофель, укрывать пленкой теплицы. И поливать грядки, когда нет дождя.

Дед ни минуты не сидит без дела, а Лёша всюду ходит за ним по пятам и в меру сил помогает.

Сегодня всю ночь шёл дождь, и только под утро небо очистилось от туч. Земля хорошо пропиталась влагой, и поливать грядки не было надобности.

– Давай-ка мы с тобой посеем репку! – предложил дед. Надо было вскопать грядку, но дед сказал:

– Погодим копать. Тут сплошной песок, надо принести торфа. Лёша знает, что торф – отличное удобрение, поэтому лишних вопросов задавать не стал.

Они с дедом взяли ведра – дед два больших, а Лёша два маленьких – и пошли по тропинке через заросший бурьяном и березняком пустырь, который когда-то был чьим-то садом, но хозяева бросили его и со временем он одичал.

Сразу за пустырём начинается травянистая низина. Когда-то здесь было торфяное болото, потом оно высохло, и сейчас садоводы добывают здесь торф. Они носят его ведрами и возят в тележках на свои участки и удобряют грядки.

В первую очередь дед наполнил Лёшины ведрышки. Лёша подхватил их и понёс через пустырь.

– Смотри внимательно под ноги! – предупредил его вдогонку дед.

Это чтобы случайно не наступил на змею. Змеи водятся как раз на таких вот заброшенных участках и иногда переползают через тропинку, по которой сейчас шёл Лёша.

На своём участке, правда, ни дед, ни бабушка, ни Лёша никогда их не видели, но соседи Белугины позапрошлой весной обнаружили под своей баней большую чёрную змею и позвали деда с Лёшей посмотреть на неё.

Подошёл кто-то из соседей и сказал, что змею надо немедленно убить. Но Белугины решительно запротестовали.

– Пускай живёт, – решили они. На другой день змея куда-то уползла, и больше её никто не видел. А вскоре после этого к самому деду Никите, когда он сидел под навесом и чистил картошку для супа, заползла под крыльцо дома другая змея, серая узорчатая гадюка, и он целый час караулил её с лопатой в руках. В конце концов, она выползла, и он убил её.

...Наполнив свои ведра торфом, дед поспешил следом за Лёшей, не спуская глаз с его малиновой бейсболки. Самого Лёши в бурьяне не было видно. Но вот и бейсболка пропала из вида, хотя по времени Лёша ещё не должен был миновать пустырь.

Дед чуть не бегом с тяжелыми ведрами припустил по тропинке. И вскоре увидел сперва бейсболку, а затем и спину внука.

Лёша неподвижно, слегка пригнувшись и опираясь руками о колени, стоял на тропинке и что-то внимательно разглядывал перед собой.

Услышав шаги деда, он быстро обернулся, приложил палец к губам и махнул деду рукой, чтоб подходил ближе.

«Наверное, гнездо с птенцами», подумал дед.

Осторожно опустив ведра на тропинку, он неслышными ныряющими шагами стал приближаться к внуку.

И содрогнулся, увидев в каких-нибудь пяти метрах впереди Лёши громадную антрацитно-чёрную змею. Она лежала, свернувшись кольцами, на сером гранитном валуне, выпиравшем из песчаной почвы возле самой тропинки.

Дед ухватил внука за руку и молча потянул назад, подальше от этой твари. Лёша отступил шага на два и высвободил руку.

– Это Конда, – шепнул он деду.

А у того по спине пробежали мурашки, когда он подумал, что тварь эта могла ведь лежать и в траве, и Лёша мог случайно наступить на неё...

– Пошли скорей, пока она тут, позовём деда Никиту! – и дед опять ухватил внука за руку. Лёша выдернул руку.

– Не надо звать деда Никиту!

– Да почему?

– Он убьёт её.

– Но ведь она может укусить кого-нибудь, а от змеиного яда люди умирают!

– Нет! – решительно потрянул головой Лёша. – Это Конда, она не укусит, если её не трогать. Представляешь: она меня узнала!

– Да с чего ты взял?

– Она со мной поздоровалась.

– Не говори глупостей! – рассердился дед.

– Смотри, смотри! Она и с тобой здороваётся!

И действительно, в этот момент змея приподняла свою маленькую головку и раза два качнула ею, глядя на деда блестящими глазами-бусинками.

– Глупости, – сказал дед и спросил: – Ты что, её уже видел раньше?

– Ну да! И ты тоже её видел. В прошлом году. Забыл? Под баней у Белугиных.

– Думаешь, это она?

– Конечно! Конда. Я сразу её узнал. И она нас узнала, а то почему бы она стала с нами здороваться.

– Почему ты зовёшь её Кондой?

– А почему ты меня Лёшей зовёшь?

– Так тебя мама с папой назвали.

– Ну, вот! А я Конду назвал Кондой, потому что... Ну, я так её назвал!.. Ой!... – вскрикнул он вдруг и дёрнулся вперёд.

Словно чёрная молния сверкнула в солнечных лучах. И это всё, что увидел дед.

– Ты спугнул её, – сказал он Лёше. – Больно громко заговорил. Лёша на это ничего не возразил.

– Как ты думаешь, она вернётся? – спросил он.

– Боюсь, что так, – ответил дед.

– Я думаю, что она обязательно вернётся, – сказал Лёша.

Назавтра день выдался такой же солнечный и тёплый. Дед с утра ушёл на воскресник, и до полудня вместе с другими садоводами чинил покосившийся от старости забор в дальнем углу садового кооператива. Лёшу туда бабушка не пустила, и он остался на своём участке.

Уходя «на забор», дед строго-настрого наказал внуку не ходить на пустырь.

Некоторое время Лёша с бабушкой пропалывали грядки со всходами морковки. Потом разожгли огонь в железной печурке, которая стояла на улице перед домом, и бабушка занялась приготовлением обеда. А Лёша помогал ей резать картошку и овощи.

Только вдруг бабушка хватилась внука, а его и след простыл.

– Лёша, ты где? – крикнула она.

Ни звука в ответ. Она ещё раз крикнула, громче:

– Лёша!

Тишина. Даже ветер не шелестел в берёзках, что росли перед крыльцом.

Тогда она догадалась пройти к пустырю – дед с Лёшей, конечно же, рассказали ей про Конду – и увидела внука на тропинке. Он шёл с пустыря ей навстречу. Весёлый, с горящими глазами. И прикладывал палец к губам.

Приблизившись, сообщил с заговорщицким видом, тихо, почти шёпотом:

– Конда вернулась! Пойди поздравься с ней!

– Ещё чего! – бабушка крепко ухватила его за руку и силой повела к дому, сердито выговаривая: – Тебе что было сказано? Чтоб никуда от меня не отходил! Ещё только раз ослушаешься – позову деда Никиту!..

Вернулся «с забора» дед, и Лёша первым делом сообщил ему, что Конда вернулась.

– Сходи поздравься с ней!

Дед поглядел на бабушку:

– Не хочешь полюбоваться на нашу красавицу?

– Садитесь-ка обедать, пока всё не остыло, вот чего я хочу! – сказала бабушка. – И вообще это не дело – змею к дому приваживать!

Но после обеда Лёше с дедушкой всё же удалось уговорить её взглянуть на Конду хоть одним глазком. Втроём они двинулись на пустырь – впереди Лёша с дедом, за ними на некотором расстоянии бабушка.

Подходили тихо, почти не дыша. Но Конда, видимо, услышала шаги, подняла голову и покачала ею, но опускать не спешила, продолжая смотреть на людей неподвижными глазками-буравчиками.

– Всё, пошли отсюда! – заторопился дед.

Потом бабушка сказала:

– Красивая, нет слов! Но всё-таки не дело это – держать змею возле дома. Как вы теперь будете ходить за торфом?

– Что-нибудь придумаем, – пообещал дед.

И придумал.

Вечером, когда Конда уползла, он выворотил ломом валун, который она облюбовала, и откатил подальше от тропинки.

Весь следующий день они с Лёшей готовили на солнечной стороне место для кабачков. Выкопали неглубокую траншею и засыпали торфом вперемешку с соломой, прошлогодними листьями, перегноем и дерновой землёй.

И всякий раз, неся через пустырь торф, дед и внук смотрели на валун, который хорошо был виден с тропинки, хотя и находился теперь от неё на почтительном расстоянии. Но так и не увидели на нём Конды.

А вся следующая неделя выдалась очень холодной. То и дело принимался моросить дождь вперемешку со снегом.

– В такую погоду змеи не выползают из нор, – сказал дед. И только когда снова установилась тёплая погода, и солнце прогрело землю, Конда опять приползла и улеглась на валуне.

Первым её увидал Лёша. Он прибежал в теплицу, где дед сажал огурцы, раздевшись до трусов, потому что в теплице было жарко, как в бане, – и закричал ликующим голосом:

– Дедушка, Конда! Она поздоровалась со мной!

– Ты что, небось подходил к ней?

– Ага!

– Близко?

Внук замялся.

– Ну, не очень... Ты тоже с ней поздоровайся потом. А то она обидится.

– Ладно, вот закончу тут. Только без меня больше не ходи на пустырь.

Лёша вздохнул.

– Ой, как тяжело с тобой, дедушка, жить!

– С тобой не легче, – ворчливо отозвался дед.

– А чем её можно кормить? Колбасой?

– Ничем! – сказал дед, смахнув с лица пот тыльной стороной ладони. – Она питается мышами. Когда проголодается – поймает. Так что не вздумай давать ей колбасу или что другое!

Вечером, когда Лёши не было поблизости, дед сказал бабушке:

– Непокойно у меня на душе!

– Думаешь, у меня спокойно? – сказала бабушка. – Надо что-то делать. Поговори с Никитой.

– Да уж я думал.. – кивнул дед. – Только вот что: надо бы увезти Лёшку дня на три в город.

Послезавтра как раз деду с бабушкой должны были принести на городскую квартиру пенсию. Кому-то надо было так и так ехать. Конечно, бабушке – у неё была доверенность на получение дедовой пенсии. А у Лёши из коренного зуба выпала пломба – надо было срочно к врачу, ставить новую.

Съездили они с бабушкой в город и через три дня благополучно вернулись в сад. Первым делом Лёша спросил у деда про Конду.

– Что-то не видал я её ни вчера, ни сегодня, – сказал дед.

– Можно, я схожу посмотрю?

– Ну сходи, посмотри, – разрешил дед.

Конды на камне не было, хотя погода все эти дни стояла тёплая, небо было безоблачным, и солнце всюю припекало.

Не появилась она ни завтра, ни послезавтра.

– Наверное, в лес уползла, подальше от людей, – сказал дед. – Ей ведь скоро деток выводить. Наверное, гнездо для них устраивает.

– А когда деток выведет, опять к нам вернётся?

– Там ведь уж осень наступит. С осени змеи на всю зиму, до весны, в спячку уходят.

– А весной вернётся?

– Кто её знает...

Дед старался не смотреть на внука, потому что знал, что Конда уже никогда не вернётся.

Впрочем, грустил Лёша недолго. Вскоре приехала его двоюродная сестра Настя со своей мамой. И к деду Никите приехали его внуки. А у деда Никиты на участке чего только нет: и «гигантские шаги», ходули, и качели, и стол для пинг-понга, и площадка для игры в бадминтон.

То-то стало весело.

КАЖДОМУ СВОЁ

К концу первого учебного года Лёша читал уже вполне прилично – целыми словами и, главное, с выражением, ну прямо как заправский артист.

«Удивительные дети» были первой книгой, которую Лёша прочитал от начала и до конца. Правда, ещё вслух.

А «Денискины рассказы» он читал уже «про себя», а дед в это время, устроившись в кресле возле окна, читал роман о жизни великого художника Рембрандта.

Так было, пока Лёша не окончил первый класс, а у деда не припела горячая пора на садовом участке. И они вместе стали ездить на электричке в сад. В это время к хозяину соседнего участка, деду Никите, тоже приехали внуки, и Лёша большую часть времени проводил в играх с ними, а в оставшееся время помогал своему деду обрабатывать землю, ухаживать за растениями и пилить дрова.

Наработавшись и управившись с кашей или жареной картошкой, напившись чаю, они устраивались на скамейке в тени под раскидистой сосной и читали, пока дед снова не брался за лопату или грабли, а Лёша убежал к ребятам на соседний участок.

И в электричке, пока ехали в сад или возвращались из сада в город, они тоже читали. В дорогу дед обычно брал с собой детективы. Но однажды по рассеянности не положил их в рюкзак, поэтому пришлось купить для себя на станции две книжонки в красочных обложках, одна называлась «Большое зло и мелкие пакости», другая, соответственно, – «Хроника гнусных времен».

И вот что дальше произошло. Устроившись в электричке, дед углубился в чтение, а Лёша стал смотреть в окно, доставать из рюкзака свою книгу он почему-то на этот раз не спешил.

Захваченный круто завёрнутым сюжетом, дед какое-то время не обращал на внука внимания. А тот, отлипнув от окна, забился в уголок и притих.

Проехали больше половины пути, когда дед, наконец, оторвался от «Хроники гнусных времён» и, взглянув на внука, увидел у него в руках «Большое зло и мелкие пакости».

– Лёша, возьми свою книгу, а эту положи туда, где взял! – велел ему дед. Молчок.

- Лёша, ты слышал?
- Не мешай, я читаю! – потрянул головой внук.
- Эту книжку тебе ещё рано читать.
- И совсем нет!

Дед решил пока отступить. А когда сошли с электрички и двинулись дальше пешком, спросил:

- Ты, Лёш, сколько страниц-то прочитал?
- Целых пять! – ответил внук.
- И что-нибудь понял?
- Практически всё.

– Н-ну, посмотрим... – дед остановился, достал из рюкзака книжку, пробежал глазами по первым страницам. – Расскажи мне, что же ты такого интересного вычитал?

Лёша подумал и неторопливо, с остановками перечислил что запомнилось:

– Там кого-то застрелили из пистолета... Тетю какую-то... А мальчик хотел её спасти, но не успел... Он на «хонде» примчался, но всё равно не успел... Только крикнул: «Мама!», и кто-то выстрелил...

– Молодец! – похвалил дед внука. – Кое-что ты понял. Но всё равно тебе ещё рано читать такие книги.

– Почему рано? Если мне интересно!..

– Видишь ли, эта книга о взрослых людях, дальше они будут много говорить о своих взрослых делах, в которых тебе пока ещё трудно разбираться. Ты ведь ещё мальчик, и тебе надо читать книги, которые пишутся специально для детей.

– Но мне совсем неинтересно читать про твоего Карика! – возопил Лёша. – Какая-то дурацкая сказка... Я, между прочим, уже вырос из сказок!

– Но до взрослых книг ещё не дорос, – сказал дед.

– Дорос! – упрямо мотнул головой Лёша.

– Ну, хорошо! – и дед, замедлив шаги, краем глаза поглядывая перед собой, на неровную дорогу, прочитал: – «...Невозможно было убрать руку, оторваться от горячей металлической твёрдости. Тогда не осталось бы ничего, что ещё сдерживало панику, скрученную в тугую и колкую спираль где-то ниже горла...». Ты что-нибудь понял?

Молчок.

– А знаешь, что такое паника?

– Нет, – честно признался Лёша.

– И, значит, не можешь себе представить, как она скручивается в спираль возле горла. А говоришь – интересно. Как может быть интересно то, чего ты не понимаешь?

– Может! – сказал Лёша.

Дед только руками развёл:

– Тогда, выходит, это я ничего не понимаю?

– Вот видишь! – радостно воскликнул Лёша. – Ты сам ничего не понимаешь!

За неделю, пока они находились в саду, он прочитал ещё около тридцати страниц «Большого зла и мелких пакостей» и продолжал утверждать, что всё это ему очень интересно. И что когда он дочитает эту книжку до конца, они с дедом поменяются, и он будет читать «Хронику гнусных времён», а дед – «Большое зло».

Всё это деду очень не нравилось, хотя, казалось бы, из-за чего уж так-то расстраиваться. Ну, захотелось мальчику почувствовать себя взрослым, и пускай себе! Это же игра, не более того. Дети сплошь и рядом играют во взрослых.

Всё так, думал дед, всё так. И сам он когда-то в эти игры играл. И курить пробовал, глядя, как старшие ребята курят. И десяти лет от роду прочитал толстенный роман «Петр Первый», весь, от начала и до конца. «Ну, так ведь «Петра Первого», а не бульварные книжки с матюгами или ещё с чем почище».

Дед не нашёл ничего лучшего, как спрятать от внука «Большое зло», когда тот убежал к ребятам на соседний участок. Сунул на самую верхнюю кухонную полку, за мешочки с бабушкиными лечебными травами.

А когда Лёша хватился книжки, пожал плечами:

– Куда-то, видать, завалилась. Ищи.

Лёша поискал-поискал и опять убежал к ребятам.

Вечером, когда дед, сидя под сосной, дочитывал «Хронику гнусных времён», Лёша неслышно подсел на скамейку. Увидав у него в руках книжку, дед удивлённо вскрикнул:

– Что, нашёл?!

Лёша скромно опустил глаза:

– Трудно, что ли? – потом вскинул на деда укоризненный взгляд: – А говорил, что больше всего на свете не любишь врунов.

Дед не стал выкручиваться, пришлось ему честно признаться, что он дурно поступил.

Но когда вернулись из сада домой, всё же предпринял ещё одну попытку переключить внимание внука на какую-нибудь более подходящую по возрасту и более полезную книгу.

– Мне кажется, что тебе уже пора приниматься за «Остров сокровищ», – сказал он. – Это про пиратов...

– У меня же фильм есть! – отмахнулся Лёша. – Я его сто раз смотрел.

Ну да, в родительском доме у Лёши куча всяких видеофильмов, вот беда...

– А «Маугли» есть?

– Конечно!

Дед порылся в своём книжном шкафу и извлек из него «Старика Хоттабыча».

– Вот! Начнёшь читать – не оторвёшься!

Лёша недоверчиво взглянул на смешного старичка с длинной седой бородой.

– А это про что?

– Про мальчика Вольку, который купался в речке и нашёл в песке запечатанную бутылку, а когда распечатал её, то из бутылки вместе с клубами чёрного дыма вылетел старичок, который оказался волшебником...

– А, это как в «Багдадском воре»! Только в фильме не старичок, а великан.

– Но Волька не какой-нибудь там багдадский вор, который жил тысячи лет назад, а обыкновенный школьник, такой же, как ты!.. – возразил дед.

– Всё равно это сказка! Не буду я читать сказки!

Дед продолжал рыться в шкафу, в котором каких только книг не было. Наконец, нашёл в глубине самой нижней полки сильно потрёпанную книгу, на голубом бумажном переплёте которой летел

самолёт, белый с красными крыльями. Но не успел ещё ничего сказать, как Лёша выхватил книгу у него из рук и стал рассматривать самолёт.

– А тут про что? – спросил он.

Дед объяснил: когда ему было, как сейчас Лёше, всего семь лет, и когда ещё не было реактивных самолётов, трое наших лучших лётчиков, Чкалов, Байдуков и Беляков, полетели на таком вот самолёте с пропеллерами в Америку через Северный полюс, на котором даже летом стоят трескучие морозы и где живут только белые медведи и моржи.

– Эту книгу мне подарила моя мама в день рождения, когда мне исполнилось восемь лет, – сказал дед.

– Я посмотрю картинки, только ты не мешай мне, – сказал Лёша и ушёл в другую комнату.

Прошло, наверное, около часа, когда дед оторвался от своего компьютера и, удивляясь царившей в квартире тишине, заглянул к внуку. Лёша сидел на диване, высоко вскинув колени, и читал.

– Не проголодался ещё? – спросил дед.

– Нет!

– Ну, может, яблоко съешь!

Лёша сердито отмахнулся:

– Не мешай! – но тут же похвастался: – Мне ещё только две страницы осталось прочитать!

Дед вернулся к себе и уселся за компьютер. Но долго не усидел, вскоре опять направился к внуку и они чуть не столкнулись в дверях.

– Дедушка, у них самолёт обледенел! – завопил Лёша. – Если бы они лед не смыли, то самолёт стал бы тяжелым и...

– И пришлось бы им сделать на Северном полюсе вынужденную посадку, – докончил дед.

– А их бы спасли?

– Конечно! Послали бы туда другой самолёт, и их вывезли бы домой.

– А пешком от Северного полюса долго идти?

– Ну, что ты! Пешком оттуда вообще не дойти. Там же сплош-

ные льды, а подо льдами – океан, который называется Северный ледовитый. А там, где кончается океан, начинается тундра...

– Что такое тундра?

Дед замешкался, прикидывая, как понятнее объяснить внуку, что такое тундра.

– Знаешь что? – сказал он. – Я мог бы прочитать тебе рассказ о том как один человек много дней пробирался через тундру, но тебе, наверное будет неинтересно, эта книга для взрослых, в ней совсем нет картинок...

– Покажи!

Дед достал из шкафа второй том сочинений Джека Лондона, раскрыл на нужной странице и вручил внуку. Тот посмотрел на переплёт, затем на название рассказа и протянул книгу назад деду:

– Читай!

– Только не вертеться, сидеть спокойно, – строго предупредил дед. – Будет скучно – скажешь, и я перестану читать.

Уселись рядышком на диване, и за всё время, пока дед читал этот довольно длинный рассказ, Лёша не шелохнулся. И только на последней странице, когда зазвонил дверной звонок, с досадой хлопнул себя по коленке:

– Чёрт меня побори!..

Это за ним пришла мама.

– Лёша, собирайся быстрее!

– Нам полстранички осталось, – сказал ей дед.

– Мне некогда, и я устала!

– Ну, тогда уж собирайся, а я за это время дочитаю, – сказал дед внуку.

И продолжал читать, а Лёша, слушая, стал собираться как в замедленном кино: минуту натягивал один носок, минуту – другой. минуты три потребовалось на то, чтобы надеть джинсы.

– Лёша, нельзя ли побыстрее!

Но дед уже дочитывал последние строчки.

На другой день они опять собрались ехать в сад. Встал вопрос о том, какие книги с собой взять.

– Ты свою «Хронику гнусных времён» прочитал? – спросил Лёша.

– Да, прочитал, – ответил дед.

– Тогда читай мою. «Большое зло и мелкие пакости».

– А тебе что возьмём?

Лёша достал с полки второй том сочинений Джека Лондона.

– Вот эту!

– М-м... – дед пробежал глазами по оглавлению и ничего подходящего в этом томе больше не нашёл. – Давай-ка посмотрим ещё другие тома.

– Я хочу этот! – заныл Лёша.

– Ну, хорошо, этот. Но всё-таки давай ещё что-нибудь посмотрим... Вот: «Белый клык»! Целая повесть. Про волка, который попал к людям и жил у них...

– Ладно, возьмём! – снизошёл внук.

И в электричке каждый читал свою книгу: Лёша – толстый том Джека Лондона, а дед – «Большое зло и мелкие пакости». И всю дорогу дед не мог избавиться от чувства неловкости, всё казалось, что другие пассажиры посматривают на него с насмешкой. И он держал свою книжонку так, чтобы со стороны не было видно названия.

Как Федюша стал портным

В это утро у Федюши перестало болеть горло и они с мамой пошли в садик. Там их встретила воспитательница Полина Ивановна и сказала: «А у нас карантин». И мама сразу так разволновалась! «Какой ужас! Какой ужас! Ну, что теперь делать?» – чуть не плакала она и торопилась так, что Федюша еле попевал за мамой.

– Заболели? – спрашивали маму знакомые.

– Наоборот! Только выздоровели, а в садике карантин. С кем я Федюшу оставлю?

– Карантин? – пугались знакомые. – Да, это беда!

«Что они все боятся какого-то Карантина?» – думал Федюша. И вдруг запел:

– А нам не страшен Карантин, Карантин, Карантин! Мама, вернёмся в садик! Я не боюсь этого Карантина-Карантинища!

– Глупый, – сказала мама.

И в это время они увидели Надю – она бежала в школу и, конечно, опять опаздывала: пальто её было нараспашку, и она на ходу ела бутерброд. Это значит – её опять подвёл будильник. В последнее время он без конца капризничает и безобразничает. Возьмёт и позвонит среди ночи. Надя вскакивает и, не открывая глаз, начинает делать зарядку. А когда откроет глаза, оказывается, ещё и не утро вовсе, а глубокая ночь.

– Ненормальный! – сердится Надя, и обидевшись на неё, будильник не звонит утром. Знает, что кроме него, Надю разбудить некому: её мама и папа то по очереди, то вместе часто уезжают в командировку. Федюша давно понял, что они, значит, какие-то командиры и едут в командировку командовать. Только почему-то они не носят шинелей и военных фуражек, всё время хочет спросить про это Надю и всегда забывает. А сейчас спрашивать нельзя:

Надя и так опаздывает. А у них в седьмом классе очень строгая воспитательница. Ирина Сергеевна. Надя – Федюшина соседка и лучший друг, и он поэтому всё про неё знает.

Федюша-то ни о чём Надю не спросил, а мама спросила:

– Надя, ты сегодня не задержишься в школе? Я Федюшу одного оставлю, в садике карантин. А ты возьми мой ключ и накорми его, пожалуйста.

– Хорошо, тётя Оля, – весело помахала Надя Федюше. – Ох, и попадёт мне опять!

– Ты не испугаешься, Федюша? – спрашивала мама, торопливо раздевая его.

– Кого? Карантина?

– Карантин остался в садике. А ты дома. Побудешь один? Ведь ты уже большой мальчик, скоро в старшую группу перейдёшь.

– Нет, не испугаюсь, ведь я уже большой, – сказал Федюша, а сам подумал: «А вдруг этот Карантинище и домой к нам зайвится?»

Оставшись один, Федюша подвинул к окну табуретку и стал смотреть на небо. Оно было серое, скучное, ни облаков на нём, ни самолётов, смотреть даже не на что. И он посмотрел вниз. И сразу повеселел, потому что у их дома прямо под окнами бегали друзья-собаки Мишка и Белка. Они были ничьи, эти собаки. И за это все ребята всех дворов их любили, кормили колбасой и конфетами. И поэтому собаки были весёлые. Но в морозы им было не до веселья. Свернувшись калачиками, эти умные ничьи собаки грелись на тёплых железных крышках, которыми закрываются такие круглые глубокие ямы в земле, люки называются.

– Надя, смотри, – сказал однажды Федюша. – Люди построили всем ничьим собакам печки!

«Печки построили, а дома нет. Интересно, построят люди когда-нибудь всем ничьим собакам дома?» – подумал Федюша, наблюдая, как Мишка с Белкой играют, барахтаются в снегу. «Счастливые собаки», – вздохнул он и опять посмотрел на небо. И вдруг на этом сером небе появилась голова на длинной шее. Голова посмотрела-посмотрела в разные стороны и уставилась прямо на Федюшу.

– А-а! – весело сообразил Федюша, – так это ты и есть Каран-

тин-Карантинище! Чудо-юдо одноглазое! Так это ты украл нашу кошку Дашу! Ну, погоди! – и он, чтобы не заплакать, храбро сжал кулачки. Уже, наверно, целый год прошёл с тех пор, как у них потерялась кошка Даша, а Федюша, вспоминая о ней, всегда плакал. А было так: они все трое поехали в гости, а кошку Дашу отдали на это время в хорошие руки. А когда они вернулись, то узнали, что кошка Даша пошла погулять, да так и не пришла. Искали её, искали, Федюша всё-таки не сдержался – поплакал немножко. А когда вновь посмотрел на небо, то увидел, что Карантин-то-Карантинище несёт в хоботе целую стенку с окошками. Стенка покачивалась в воздухе, пока он не поставил её на дом. Поставил, отдохнул и опять поднял такую же стенку с окошками.

– А-а! Работать тебя заставили! Вот и работай, Карантинище, а не пугай детей! – погрозил ему Федюша и подумал: «Чем бы и мне заняться? Чем-нибудь бы таким, чтобы мама обрадовалась...»

– Эврика! – вспомнил он любимое папино слово и подставил табуретку к шкафу. Красивая шёлковая ткань ласкала руки. Мама давно купила эту ткань, чтобы сшить себе платье, да ей всё некогда. «Вот я и сошью. И ничего в этом нет трудного...» Федюша видел, как девочки в садике шьют куклам платья. Он расстелил ткань на полу – получилась длинная красивая дорога, такая красивая, что Федюша снял тапочки и походил по ней. Потом свернул эту дорогу вдвое, потом вчетверо, потом достал из ящика большие ножницы и стал кроить, потом развернул – посмотреть, что вышло. Федюше понравилось! Вот это вырез для головы, вот эти дырки – для рук. Теперь вот здесь вот сшить, и вот здесь, и вот здесь...

Иголка больно кололась, выскальзывала из пальцев, но скоро он научился, папа часто говорит: если чему-нибудь хочешь научиться, обязательно получится!

Сначала Федюша сшил там, где у человека плечи, потом не подумал, заторопился и сшил там, где у человека руки. Он так смеялся, представив, как мама искала бы рукава. Посмотрел в окно: Карантин-то-Карантинище тоже работает без усталости! Подаёт и подаёт стенки с окошками на дом.

– Работай, работай, строитель! – сказал Федюша. – Ты строитель, я – портной! И он вновь взялся за иголку и запел:

Ты – строитель,
Я – портной.
Все работы хороши!

За этой работой и застала его Надя. Она стояла в дверях и круглыми глазами смотрела на дело Федюшиных рук.

– Надя! – обрадовался Федюша. – Раздевайся скорее, а то мне надо примерять!

Надя, придерживая ткань на плечах, чтобы она не соскользнула с неё на пол, поворачивалась перед Федюшей и тихонько смеялась.

– Красиво! – сказал он.

– Да, ничего, декольте называется.

– Декольте! Декольте! – понравилось Федюше новое слово. – И маме понравится, ведь правда же?

– Конечно, – почему-то вздохнула Надя. – Только знаешь что, Федюша, давай это декольте пока спрячем. У тети Оли сейчас много работы, она устала, а у человека от радости, как и от горя, сон пропадает. Давай уберём это платье подальше, до лучших времён...

– Хорошо, – огорчился Федюша.

И они пошли к Наде. А поздно вечером, уже спящего, папа перенёс Федюшу домой. Но Федюша проснулся и сказал:

– А Карантин-то-Карантинище дом сегодня строил, вот!

– А ты чем занимался? – засмеялся папа.

– Я? Я ничем, – вспомнил Федюша уговор с Надей и покраснел: неправду сказал. – Я, папа, я сегодня... я тебе расскажу... только давай спросим маму: у неё сон от радости не пропадает?

– О чём это вы шепчетесь, друзья? – подошла к ним мама. – Спать! Спать!

– А я тебе новое платье сшил! – объявил Федюша.

И у мамы действительно сон пропал от радости. Они с папой

так радовались, так смеялись, что даже кто-то из соседей постучал по батарее: мол, пора, люди добрые, спать. Но они всё равно не спали. Мама к новому платью, чтобы оно было ещё красивее и не падало с неё на пол, прикрепила блестящую брошь. А папа приклеил усы, которые он приклеивал, когда был Дедом Морозом. И они с мамой танцевали и напевали шёпотом. А Федюша смотрел на них и радовался: как хорошо, что он сшил маме новое платье! Он радовался до самого сна. А перед самым сном ему стало грустно. Это он вспомнил про Белку и Мишку. Он-то в тёплой постели спит, а они на холоде. Ведь даже ещё снег не растаял.

– Папа, – спросил Федюша шёпотом. – А люди построят всем ничьим собакам дома когда-нибудь? Но папа не отозвался. «Ладно, завтра спрошу», – подумал Федюша и тоже уснул.

А наутро, как только проснулся, он сразу вспомнил про свой вопрос. Мама и папа ещё спали. Федюша подошёл на цыпочках к их кровати и сказал папе в самое ухо:

– Папа, а люди построят когда-нибудь всем ничьим собакам дома?

– Что? Где собаки? – сел папа, протирал глаза.

– Собаки на улице, и им холодно.

– Ты не мог подождать со своим вопросом ещё хоть минут пять? – проснулась и мама и захныкала, как маленькая.

– Не мог, – сказал Федюша. – Ведь собакам холодно.

– Эврика! – вдруг воскликнул папа, гремя по полу гантелями. – В углу двора, за гаражом! Мы построим твоим ничьим собакам дом! Как только освобожусь.

Дядя Митя-Айболит

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В середине лета ветеринарный врач Дмитрий Сергеевич Донников переставлял в своём доме тяжелую и легкую мебель. Новая планировка вещей отнимала порядочно времени. Однако доктор не сердился. Мало того, ветеринар включил радио и во весь голос напевал весёлую русскую народную песню «Посею лебеду на берегу» – вместе с самодеятельным хором из города Туринска.

Накануне Дмитрий Сергеевич получил важную телеграмму. Брат сообщал, что высылает в гости своего сына – племянника дяди Мити – Сашу Донникова, и извинялся за внезапность. Доктору, правда, сначала пришлось помаяться с расшифровкой текста. Видимо, на телетайпном аппарате провалилась одна буква и не действовал механизм, разделяющий слова, Текст сильно смахивал на древнеславянское письмо. Ведь в то время люди писали без знаков препинания и разбивок предложений на слова.

Загадочный набор слов срочной телеграммы сообщал: «ДО-РОГОЙМОТЯТЧКЗАВТРАРЕЙСОМЩ001 ПРОЛЁТАЕТСЫН-ТЧКОЗВОНОЗПТЧТОНЕООЖОД АННОЗПТПОТОМОБЪЯС-НЮТЧКОБНОМАЮОЗОВ СЕХСОЛТЧКОВАН». Что всего-навсего предупреждаю о приезде племянника.

Закончив перетасовывать мебель, дядя Митя замолчал, хотя по радио хор ещё дружно пел, внимательно огляделся.

В большой и светлой комнате, которую доктор решил отдать Саше, находились старинный буфет с резными львами на дверцах, хмурый шкаф и железная кровать, заправленная армейским одеялом. Дядя Митя хотел, чтобы племянник почувствовал себя в настоящей деревне с её вековой обстановкой. Доктор набил матрац свежим душистым сеном, чтобы мальчику всегда казалось во сне, будто он плывет на возу под звездами.

Дядя Митя подумал ещё и прикрепил над кроватью морской барометр, который в городской жизни был вещь абсолютно бесполезной. Но в деревне без барометра жить трудно, потому что главное в сельской жизни – погода. И ритм работы в деревне – по погоде чаще всего, а не по расписанию.

Барометр показывал на «СУХО». От ожидания встречи с мальчиком, показаний прибора и от необыкновенной солнечности день казался ещё прекраснее.

Дом, где проживал ветеринарный доктор, поднимался на северном конце улицы, на возвышенности. Односельчане так и называли горушку – Докторская.

С горы хорошо и подробно было видно село – центральная усадьба колхоза. Хозяйство носило гордое название «Красноармеец». Организовали коммуно-товарищество много лет тому назад крестьяне, возвратившиеся с фронтов гражданской войны и пожелавшие сообща сеять хлеб и разводить добрый скот.

Со временем из маленького товарищества по обработке земли хозяйство превратилось в большой и богатый колхоз. Одних только коров на фермах стояло пять тысяч, выращивали здесь на конных дворах и породистых лошадей – орловских рысаков и русских тяжеловозов.

За здоровьем беспокойного тысячеголового стада следили ветеринарные врачи. Дядя Митя был у них главным.

Ещё только начиналось утро, а озабоченный доктор Донников уже успел побывать на скотных дворах и фермах. Всюду ему докладывали о том, что случилось или не случилось минувшей ночью со здоровьем животных.

Домой доктор заскочил ненадолго – позавтракать и поразмыслить, как с племянником жить будут.

Тем временем под окнами докторского дома шастала вечно голодная коза по кличке Клеопатра Вторая и объедала молодые побеги. Именно она с горы просматривала село бдительно и с пристрастием. Коза обожала порядок, любое нарушение его извещалось пожарным блеяньем. Следила она попутно и за тем, чтобы вдруг не объявился поблизости вечный её гонитель – прораб Честноганцев.

Строитель гонял животное, как сидорову козу. Клеопатра сильно обижалась на это. Ведь у неё был хозяин – старый и лукавый Хирон.

Честноганцев повсюду рассказывал о козе Клеопатре странные истории и домыслы. Например, что однажды весной, испытывая очередной приступ голода, коза сожрала, точно домашнюю лапшу, керамические водопроводные трубы, хотя деревенские жители считали, что всё это враки.

Трубы те долгое время покоились около правления колхоза без всякого движения. Загадочной ночью, когда они исчезли, Клеопатру заметил близ места преступления гражданин Честноганцев.

Прораб всенародно обвинил козу в съедении водопроводных труб. Заодно он намекнул селянам, что три больших листа кровельного железа, пропавшие такой же тёмной ночью год назад, – тоже на совести Клеопатры.

– Самая зловредная и ехидная особь – вот мой сказ! – утверждал прораб слушателям.

Честноганцев так сильно махал руками, что с него слетела соломенная шляпа. Её отнесло ветром к козе. Клеопатра немедленно принялась жевать головной убор.

– Стой, подлое жвачное! – бросился прораб к козе. Клеопатра кенгуриными прыжками унеслась к реке. Мужики, посмеиваясь, толковывали Честноганцеву, что за одну ночь даже более крупное и прожорливое животное не съест столько строительного материала. Прораб Честноганцев в доказательство совал мужикам под нос маленькие земляные орехи, просыпанные козой на протяжении чуть ли не километра.

– Глина, замешанная даже на пшеничной соломе, не очень козам по вкусу, – объяснял Честноганцеву дедушка Хирон, бывший глиняных дел мастер. – Разве что в охотку единожды в год допускают в рацион питания. Но лично я не видел.

– Африку же съели! – пугал доверчивых мужиков прораб, побывавший в турпоездке. – Подчистую подмели растительность и дерн на знойном севере – от Египта до Марокко. Да трубы для них – семечки! Земляки подробности про гибель африканской природы знали и примолкли. Но дед Хирон, бывший кавалерист, ехидно рубанул, что думал:

– Точно такие же трубы, гражданин Честноганцев, в теплице твоей прижились, а железо на гараже красуется. Ты бы стройматериалы постерёг, а то, не ровен час, тля их скушает!

Клеопатра очень любила бродить и пастись близ докторского особняка, хотя трава там росла нисколько не вкуснее, чем на лесных еланках-полянках. Объяснялось всё просто: паслась коза там потому, что по-своему – по-козьи – привязалась к ветеринарному врачу. Доктор, даже когда козье семейство сжевало все окрестные ягодники, всегда относился к животным дружелюбно и приветливо, угощал разными вкусными вещами. И ещё. Дядя Митя не однажды спасал Клеопатру и её козлят от разных напастей и бед. Например, когда прораб Честноганцев обнаружил пропажу кровельного железа, он бегал за козой с палкой по всей деревне. И у Клеопатры пропало молоко. Спас её козлят дядя Митя. Доктор ежедневно доставлял семейству тёплое парное молоко и поил малышей из бутылочки, на конец которой надевал обыкновенную резиновую соску.

В это лето подросшие и окрепшие козлята ходуном ходили по селу, резвились по косогорам и близлежащим колкам, а вечером бежали домой так, что пыль стояла коромыслом.

И был случай, когда козленка укусила гадюка. Неизвестно, как повернулось бы дело, не окажись рядом доброго ветеринара. Дядя Митя немедленно унёс малыша в колхозную амбулаторию. Там промыл и прижёг место укуса, ввёл сыворотку-противоядие. Козлёнок проблеять от страха не успел, – доктор отпустил его к маме Клеопатре.

Ветеринарный доктор Дмитрий Сергеевич Донников был человеком, чрезвычайно нужным для Клеопатры и её козлят, да и для всех остальных колхозных животных. Главное, он по-настоящему любил больших и маленьких своих пациентов.

В колхозе «Красноармеец» быки, коровы и лошади болели редко. Конечно, вовсе не потому, что были слеплены из особого вещества. Всё зависело от людей – от самоотверженности ветеринарных врачей и фельдшеров колхоза. Когда вдруг на фермах начиналась эпидемия гриппа – а животные тоже страдают от него, – дядя Митя и его помощники дневали и ночевали в амбулатории.

Но сначала надо познакомиться с поселком.

Село называется Кордон и примостилось на одном из отрогов древних Уральских гор – как раз между городами Соликамск и Верхний Тагил.

Старые и новые избы, бывшая каменная церковь на берегу пруда, силосные башни – всё пряталось от верховых резких ветров в глубокой ложбине, невесть откуда взявшейся на том гребне. Однако известно, что у каждого уральского хребта и кряжа столько неожиданных секретов, если порыться и снаружи горы, и в её недрах.

Старики поговаривают, что над здешними горами «заваривается» погода для всех соседних областей – зарождаются и иссякают ливневые и обложные дожди, зимами набирает силу крутая неумолимая метель, а ветер отправляется колесить по дорогам и бездорожью.

В ясный летний день высокое небо синее на тысячи километров. Зато именно над местным хребтом обязательно маячат два-три дежурных облака. Издали они похожи на белошёлковые парашюты, медленно плывущие в тишине и прохладе.

Погода, разумеется, интересовала всех граждан – особенно агрономов, строителей и стариков. Но самое удивительное заключалось вовсе не в погоде вокруг деревни.

Поражало людей другое.

Зимними и летними ночами над селом Кордон таинственным и непонятным образом менялись местами, а то и вовсе на время исчезали с неба звезды и даже целые созвездия. В безоблачные прозрачные ночи тёмный деревенский пруд отчётливо отражал странную путаницу на Северном звездном небе. Но так как астрономов-любителей в селе не было, то о новом явлении никто не знал, кроме местных жителей, – даже передача «Очевидное – невероятное».

В небе над всякой русской деревней – над её избами, амбарами, банями, магазинами и почтовыми отделениями – обычно всегда подомашнему располагается и висит какая-нибудь красивая оранжевая или голубая звезда или целое дружное созвездие. Устраивалось себе удобно и светило ночами.

Над деревней Кордон, куда постоянно приезжали из города художники, светила Гидра – легкомысленное и игривое созвездие. Она была настолько легкомысленной, что, играя и забывшись, од-

нажды опрокинула печную трубу на крыше избы. Изба принадлежала художнику Артёму Просекову.

Художник целыми днями бродил с этюдником по высоким овсяным полям, угольно-зеленым лесам, переходил болота и прозрачные кварцевые ручьи – выискивал красивые места и писал картины. К вечеру он возвращался и, поев и отдохнув, неспеша принимался достраивать свою мастерскую. Печки в том доме не было, однако художник решил восстановить свергнутую нечистой силой трубу, а иначе домик гляделся очень нежилым.

Мастер Просеков втащил по лесенке на крышу кирпичи и раствор, старинный кованый дымник-натрубие и принялся за дело.

Уже сильно стемнело, когда Просеков выложил первый ряд трубы. Но только он стал поднимать второй ряд, как почувствовал: кто-то пощекотал его сзади. Художник с детства страшно боялся щекотки. Он гневно обернулся и остолбенел – если, конечно, можно остолбенеть, сидя верхом на коньке двухскатной крыши.

В свете ярко-зеркальной луны Артём Просеков увидел лучистый, резвящийся от избытка веселья хвост Гидры – метлу из серебряных паутинок, от которых тянуло зимним холодком.

Художник попытался схватить серебристый хвост созвездия. Но Гидра оказалась проворнее. Мастер промахнулся и, потеряв равновесие, упал с крыши в заросли чертополоха и жгучей крапивы. Хорошо ещё, что Артём Просеков, не имея времени и средств, собрал обычную деревенскую баньку – по два шага в длину и ширину. Летом художник спасал в баньке голову, высунув наружу ноги в резиновых сапогах, – чтобы комары их не отъели. Зато осенними и зимними ночами Артём прятал в своём гнезде ноги, голову же, прикрыв толстой бородищей, выставлял наружу. Находчивость всегда выручала русского художника.

Пытаясь изловить хвост созвездия, Просеков падал с крыши ещё не раз. Никто бы и не узнал об этих ночных полётах, если бы их не увидел бездомный гончий пёс по кличке Милорд, с кроткими умными глазами.

Ещё совсем недавно у пса Милорда был хозяин. Это случилось в то время, когда многие люди, даже не любившие животных, покупали, продавали и перепродавали собак, выгуливали их в ущерб

семье и здоровью, гордились друг перед другом псовыми родословными. В генеалогическом списке Милорда чёрным по белому было написано, что он – потомок русской гончей. А русская гончая – одна из самых знаменитых пород подружейных собак – умело и легко находит по старым и свежим следам лису и зайца, волка и барсука, росомаху и кабана, имеет крепкие, проворные ноги, тонкий нюх и звонкий голос.

Прежний хозяин как будто любил Милорда. Он часто ласкал и купал его в ванной с ароматным французским шампунем, отчего шерсть у собаки становилась мягкой и шелковистой.

– Вязкий ты мой! – хвалил хозяин после удачной охоты и почёсывал Милорда за ушами. Так ведь было за что славить пса!

«Вязкий» на языке охотников означает настойчивость в преследовании дичи или зверя. Настойчивости Милорда завидовали все гончие.

– Паратный ты мой! – умилялся хозяин. Так оценивают охотники быстроту, с какой собака преследует зверя.

– Полазистый ты мой! – радовался счастливый хозяин.

Ну, а что такое полазить, особенно там, где нельзя, знает каждый мальчишка. Милорд ловко разыскивал зверя или птицу в цепких, непроходимых зарослях и чащобах.

Но настало время – и хозяин выгнал на улицу своего вязкого, паратного, полазистого друга. Милорд не то что постарел или нюх потерял. Вовсе нет. Хозяину просто приглянулся тогда пёс другой модной породы – красный ирландский сеттер, без устали круживший в травах. Он купил сеттера и стал большим любителем охоты на пернатую дичь.

А Милорда он посадил на списанный «газик» и отвез подальше от города. Это «подальше» как раз оказалось недалеко от деревни Кордон. Хозяин правильно решил, что породистого пса легко обнаружат в лесу и возьмут к себе деревенские охотники, которые любят всех собак одинаково и независимо от моды. Только по деревням можно увидеть такое множество довольных жизнью, но смешанных по породе и смешных по экстерьеру собак – дворняжек, полупуделей, водолазолаек, таксолаек и прочего народа.

Первую таежную ночь Милорд провёл под стволом большой

рухнувшей берёзы. От нечего делать гончак изучал звездную россыпь над головой, понимая, что в лесу дополнительное знание природы может здорово пригодиться, Чаще всего грустные глаза пса останавливались на созвездии Гончих Собак.

«В лесу так в лесу, – невесело размышлял пёс, успокаиваясь при виде родного созвездия. – Вон и на небе даже народ живёт, и ничего. В конце концов, бывший хозяин показал истинное своё лицо, характер и натуру. А ведь как долго притворялся отзывчивым и бескорыстным другом. Хорошо, что мы, наконец, распрощались. И как это я раньше не замечал его притворства и хитрости? Поначалу моему владельцу достаточно было за сезон добыть лишь одного зайца. А потом даже трёх русаков в сутки стало мало! Нет, хозяина с подобным аппетитом мне было бы не прокормить.. Из-за таких охотников, как бывший хозяин-друг, многих птиц, зверей и бабочек люди в конце концов взяли под защиту, запретили на них охоту и отлов да поимённо вписали в охранную Красную книгу...»

Так, серьёзно размышляя, Милорд бездомными ночами неторопливо кочевал в окрестностях Кордона. Навестить селение, однако, он не имел желания, потому что находился в большой обиде на человечество из-за одного человека.

И одичал бы гончак в большом лесу, но у него сильно, до глухого воя, разболелась лапа. А поранил пёс ногу, когда из последних сил мчался за «газиком», не веря ещё до конца, что хозяин бросил его насовсем.

Первое время спасало от невзгод то, что Милорд родился не только думающей собакой, но и восприимчивой к шутке и даже к иронии. Весёлый нрав пёс получил в наследство от родителя, а чувство иронии – от огромного количества невероятных охотничьих историй и баек, прослушанных в доме бывшего хозяина.

КАМЫШОВАЯ МУХА

Однажды утром, сильно прихрамывая на раненую лапу, Милорд всё же отправился в Кордон. Обходя дозором собачьи присутственные места, пёс очутился на горе около громоздкого, выкрашенного в синий цвет строения.

– Вот те на! – вдруг послышался насмешливый голое над его висячим ухом. – Лопни сто моих глаз, открытых наукой, если это не породистый гончий пёс со смешной фамилией Милордов!

Милорд гордо поднял морду и увидел лишь пустое высокое крыльцо. Ступеньки вели к обитой кожей двери. В центре двери белела табличка «ВЕТЕРИНАРНАЯ АМБУЛАТОРИЯ. ПРИЁМ ПОСТРАДАВШИХ И ВЫЗОВ ВРАЧА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ СУТОК».

Гончий пёс, недоумевая, ещё раз оглядел избу сверху донизу, обнюхал все углы и даже сунул морду под крыльцо. Не обнаружив хозяина насмешливого голоса, Милорд сильно озадачился.

– Чего тарацишься, пегий? – дружелюбно осведомился тот же невидимый голос.

Звук голоса напоминал нудный вой ветра в полоё камышовой дудке, но проскальзывали в нём и железные нотки.

– Может быть, дружище, ты и видишь меня одним из своих чудных глаз, – хмуро отозвался Милорд, – да вот я тебя обоими не разгляжу!

Гончаку очень не нравилось беседовать с духом или незримой тенью, но и тут он сохранял большую выдержку и такт, не срываясь на лай.

– Тогда познакомимся ближе – я не гордая! – предложил хозяин трубчатого голоса.

Не успел Милорд мигнуть – на кончик его холодного носа встала на стоянку – припарковалась – нудная особа с крыльями.

– Большая камышова муха! – непринуждённо представилась особа. – Можешь называть меня Фаиной, хотя по-настоящему я Фаина Рептильевна.

– Первый раз о такой слышу! – изумился гончак, разглядывая необыкновенную летающую особу. – А ведь всю энциклопедию Брема просмотрел внимательно.

– И не мог слышать, дружок, – наставительно сказала большая камышова муха. – Я родилась много позднее уважаемого профессора Брема. Вполне естественно, что моё появление на свет ещё не отмечено в учёных трудах и книгах. Однако я летаю, значит, существую.

«Обыкновенное комнатное назойливое насекомое, – думал Милорд, расхаживая по двору с мухой на носу. – Только, может быть,

несколько крупнее и нахальнее. Били, стало быть, её мало, наши комнатные мухи много пугливее».

– И, кроме всего прочего, я – волшебница! – вдруг открылась ни с того ни с сего Фаина Рептильевна, вроде пожаловалась. – Превращаю бесплатно один вид зверей и птиц в другой. Могу, к примеру, барсука превратить в ужа, гусеницу-многоножку – в дятла. Но только на час. А потом все опять становятся похожими на себя.

– Неинтересное занятие! – прямо высказался пёс. – На белом свете есть дела поинтереснее.

– Глупое домашнее животное! – обиделась камышовая муха. – А ещё жил в прихожей у культурного человека! Чудесами я занимаюсь в свободное от работы время. Но это тоже работа. Я наказываю тех, кто обижает слабых и маленьких. Правда, иногда перепадает ленивым и упрямым. А вот сотворить зло не могу, если бы даже и пожелала. Все мои достоинства начинаются с корня. И корень тот – «добро».

«Ну и ну! – подумал ошеломлённый гончак. – Какие такие качества живут в мушиной душе?»

– Добробрюзжащая, – продолжала камышовая муха. – Доброжелательная... Добросердечная... Добронравная...

– Сочувствую, уважаемая, – наконец опомнился пёс. – Однако я добрый час разговаривал с тобой на отвлечённые темы, а добром так и не выяснил, что ты делаешь.

Камышовая муха взлетела с собачьего носа и бешено закружилась в воздухе. Она вращала жесткими прозрачными крыльями быстрее, чем крутятся лопасти мощного вертолёта, и при этом пронзительно трубила и ликовала на всю окрестность.

– Я – санитар! – протрубила муха, насладившись полётом и произведённым, как она считала, впечатлением. – Я – лучший ветеринарный лекарь колхозного стада! Мы исцеляем колхозных и личных животных: лошадей, коров, гусей, коз, баранов, индюков и даже ослов. Мы лечим и ничейных породистых и обычных собак и кошек!

– Позвольте полюбопытствовать, кто это – «мы»? – смиренно поинтересовался гончий пёс, сильно озадаченный таким резким поворотом дела.

– Главный ветеринарный врач колхоза Дмитрий Сергеевич

Донников да я! – объявила изумлённому Милорду муха, пуще прежнего засуетилась в воздухе – живой пропеллер – и пропала с собачьих глаз.

Милорд похромал к калитке – надо было поискать на улице чего-нибудь съестного. Но в это время дверь ветеринарной амбулатории шумно распахнулась, и на выскобленном до белизны крыльце появился высокий человек с добрым лицом и живыми добрыми глазами. Пёс решил немного подождать во дворе.

Оценить доброту человека Милорд мог с первого взгляда, мог определить даже её степень и силу. Искусству понимать все оттенки доброты и недоброты гончак научился, ежедневно общаясь с бывшим хозяином, его семьёй и разным охотничьим людом. Добрый человек на крыльце ветеринарного пункта внушал Милорду доверие, а если ещё откровеннее – симпатию.

– Фаина! – негромко позвал человек в белом халате и в шапочке, всматриваясь в заросли репейника во дворе и в тучи мух над ними. – Лети сюда, голубушка, дело пришло важное!

– Слыхал, Милордов? – уколола пса с высоты камышовая муха. – Утро ещё только началось, а я уже – нарасхват. У доктора без меня ни одно доброе дело не начинается.

Фаина свечой взвилась к верхушкам тополей, облетела двор и опустилась на большой синий крест, нанесённый на белом, как снег, круге. Этот знак скорой ветеринарной помощи придавал серьёзность и солидность потёртой кожаной сумке доктора Донникова. Камышовая муха с первого дня службы в амбулатории превратила походную сумку ветеринара в место своей стоянки, а если точнее – висянки. Здесь Фаина выслушивала разные лекарские приказы, отсюда она уносилась по ветеринарной надобности в ближние и дальние концы хозяйства.

– Доброе утро, Дмитрий Сергеевич! – поздоровалась муха, пританцовывая на тонких ножках.

– Здравствуй, дорогая Фаина! – ответил Дмитрий Сергеевич, довольный свежим утром, исполнительной помощницей, а также порядком на животноводческих фермах. – Дело вот какое. В аптеке совсем не осталось сухого тысячелистника. А ведь сейчас самая

пора готовить телятам из лекарственных трав богатырские настои, кисели, желе да на зиму запasti их побольше. Травы в лесах нынче в рост человека вымахали, а лекарственные ещё выше.

– Сейчас же облечу луга и поляны! – пообещала, взволнованная поручением, камышовая муха. – Я знаю, где большие плантации тысячелистника, шалфея, девясила высокого, ромашки лекарственной, щавеля конского... Это мы мигом, только собраться и отправиться... Это мы умеючи...

– Фаина! – укоризненно напомнил доктор. – Поменьше слов. Короткий ответ – лучший ответ.

– Что делать, если я крайне доброболтливая? – слегка порозовела от смущения камышовая муха. Доброразговорчивая... Доброответная...

– Надо приготовить, Фая, ведро лекарственного киселя, – начал было говорить доктор, но его неожиданно перебил Милорд.

– И сварить бульон мясной... очень даже лекарственный, – вырвалось у пса откуда-то из глубины голодного тела. – Из лекарственных костей...

– Это чей такой красивый гончак? – только теперь дядя Митя заметил собаку, виновато опустившую голову, и легко сбежал по ступеням. – Заплутал, бедняга? Откуда ты взялся, такой породистый и поджарый?

Дмитрий Сергеевич погладил собаку и машинально, но внимательно, по профессиональной привычке ветеринарных врачей, осмотрел ей глаза, уши, пощупал нос.

– Так чей же ты, пёсик-твердоносик? – повторил ветеринарный доктор вопрос.

Не многие знают, что настоящие ветеринарные врачи быстро находят общий язык с животными. По крайней мере, эти доктора хорошо понимают, о чём думают дикие звери и птицы, домашний скот и в каком они настроении, Тут иной раз разговор вовсе не обязателен.

К некоторому нашему огорчению, звери и птицы тоже отлично разбираются в людях и живо отделяют злого от доброго. Они сворачивают с пути человека с ружьём и чуть ли не садятся на плечи безоружному.

Милорд – а это тотчас заметила камышовая муха – сразу разгадал в докторе Донникове не только хорошего специалиста, но и настоящего друга животных. Но он был псом скромным и не решался с ходу сблизиться с человеком, которому обитатели лесов, полей и колхозных ферм смело вверяют своё здоровье и жизнь.

– Больно об этом жужжать, но ведь иначе никто не расскажет! – камышовая муха пришла на помощь гончаку. – Этого гончего пса, которого зовут высокомерным иностранным именем Милорд, хозяин три дня тому назад бросил одного в лесу и кости одной не оставил.

– Ах, какой негодяй! – в сильном негодовании воскликнул доктор. – Значит, расспросы отставить! Отведи его, Фаинька, на кухню и досыта накорми. И если благородный Милорд не возражает, пусть остаётся у нас – покуда не надоест. А мне пора на службу.

– Накормлю, накормлю и обед вам сготовлю! – камышовая муха несколько не удивилась гостеприимству доктора. – Только хотела бы знать, извините за добролюбопытство, где вас искать в случае чего. Люди будут спрашивать.

– Сейчас отправлюсь на конный двор – жеребят поглядеть надо. Вот и лакомство захватил, – подробно объяснил доктор Донников. – А потом, Фая, побегу на аэродром. Сегодня прилетает племянник Саша. Надеюсь, что вы примете мальчика в свою серьёзную и дружную компанию.

– Значит, обед готовить на четверых? – по-хозяйски подсчитала Фаина Рептильевна.

– Лучше на пять персон, – попросил доктор. – Вдруг Ганя-чистильщица объявится.

– Конечно, дело не в птице, – сказала экономная муха. – Но только я знаю, что птица должна сама себя летом прокормить.

В нашу историю нечаянно вмешалась чёрная галка. Правда, она – птица эпизодическая. Но мы обязаны рассказать о её дружбе с колхозным ветеринаром.

ГАНЯ-ЧИСТИЛЬЩИЦА

Все звери и птицы в округе знали и любили ветеринарного доктора Донникова. Они передавали потомству живописные легенды о необыкновенной доброте и мастерстве ветеринара. Кое о чём сороки, подглядев за доктором, по тайге разнесли, кое-что от домашнего и колхозного скота было узнано. Во всяком случае, окрестная живность не только уважала колхозного ветеринара, но по-своему старалась отблагодарить его за чуткость и заботу.

Чувство благодарности – одно из самых древних и сильных чувств. Конечно, при том условии, что живые существа сознательно не истребляют его в себе и в детях. Но этого разумная природа пока не допускает.

Взять, к примеру, ещё не нашуевшую в газетах и в мультфильмах историю с чёрной галкой по кличке Ганя.

Однажды во дворе ветеринарной амбулатории разыгрался стремительный воздушный бой. Как и в любой драке, одна воюющая сторона была права, другая – нет. Но обе они в данной ситуации считали себя правыми...

Мирная галка, примостившись на ветке столетнего тополя, прикидывала, в какую сторону от гнезда полететь за зелеными гусеницами и жуками.

А много выше тополя парил под облаками в тёплом воздушном потоке канюк – добровольный охранник полей и лесов. Пернатый хищник высматривал себе на завтрак зазевавшуюся полевую мышь, суслика или другого грызуна общественного хлебного каравая.

Канюк прилетел издалека. Не отыскав жертвы на своей территории, он залетел в чужие владения и жалобно канючил. В природе многие земные и небесные хищники, впрочем, как и некоторые люди, наделены заманивающими голосами – слезными, жалобными, просящими.

В снежных горах Тянь-Шаня из зарослей сизой ежевики и невыносимо пахучей мяты порой раздаётся слабый голос телянка. Но не спешите на помощь. Так, по-телячьи, мычит и снежный барс-ирбис.

Клекот голодного орла напоминает деликатное покашливание пожилого человека. А неутомимый в поисках добычи канюк – он

же сарыч, – забравшись с утра пораньше под спасительные облака, влагой которых он промывает острые свои глаза, посылает к земле длинные крики – вечную жалобу на горькую судьбу.

И вдруг чужой канюк в маскировочном оперении десантника пал на добычливое крыло и сшибся с чёрной дворовой галкой. Полетели в стороны пух и перья, Хотя канюк был сильнее, близость родного гнезда и ненависть к разбойнику сарычу удесятирили силы галки.

В разгар драки канюк вдруг сложил крылья и тяжело рухнул вниз – будто за новой добычей. На самом деле ястреб спасался в дворовых травах от позора. Через несколько секунд он уже уходил к далекому лесам.

Чёрная галка пыталась взмыть к спасённому гнезду. Но вдруг тоже, трепеща всем телом и разбросав веером крыла, заскользила вниз и глухо ударилась о землю.

На птичье счастье, ветеринар дядя Митя оказался дома. Он сидел на сосновом пеньке близ гаража и отбивал литовку. Приближался сенокос – праздничная и нелегкая сельская работа. Дядя Митя в эту пору всегда помогал хозяйству косить травы. Он любил спелые душистые луга и заросшие крапивой и кипреем неудобницы, гудевшие от горячего сока. Травы на них, кажется, падают в изнеможении ещё до того, как острое жало косы их стебли заденет. А между прямых валков травы дружно суетится весело-озабоченное, с песнями и смехом, колхозное человечество.

Сказать по правде, доктор помогал запастись сено дедушке Хирону для Клеопатры и её отчаянных сынов. Кроме козы, старик держал ещё корову. Между делом дядя Митя успевал нарезать на зиму козьему семейству ещё и сотни три берёзовых веников. Доктор знал о великой силе веточного корма: зимой, получив на завтрак две пары берёзовых веников, корова и коза производили в себе очень ценное и вкусное витаминное молоко. Бывший печник Хирон в эту пору сильно крепчал здоровьем, потому как пил молоко в значительных количествах.

Дядя Митя видел воздушный бой, разгоревшийся над двором ветамбулатории. Он поспешил к упавшей галке. Наружный осмотр птицы не выявил никаких серьёзных повреждений. Не было и следов крови.

Дядя Митя сразу повеселел – будто был виноват в чём-то перед мирной птицей и теперь прощен.

Он поспешил с оглушённой галкой в гараж. Там у него стоял тяжелый мотоцикл «Урал». Доктор смахнул с деревянного верстака гайки, болты, кольца. Положив птицу на бок, он очистил клюв от земли, расправил ей крылья. Рядом с птицей доктор насыпал хлебных крошек, накрыл солёного сала и вяленого ерша.

Минут через пять чёрная галка шевельнулась, вскочила на ноги. Быстро повертев головой, она уставила на доктора блестящий бдительный глаз, встряхнулась и вдруг ворчливо заметила:

– Убирай – не убирай – никакого тебе порядка на рабочих местах! Привет мастерам машинного двора!

– Здравствуй, галка Ганя! – отвечал, не удивившись подозрительным птичьим выкрикам, дядя Митя. – Хорошо, что пришла в себя. Поклюй теперь маленько!

Доктор догадался, что в молодости чёрная галка обитала при ремонтной мастерской, наслушалась много слов, и её несколько не испугал вид гаражного беспорядка.

Дядя Митя принёс птице воды и ушёл на покос.

Вечером его ждал не совсем обычный, но приятный сюрприз.

Гараж-мастерская сияла образцовым, можно сказать, корабельным порядком и чистотой. Это Ганя, отдышавшись, убрала помещение. Все шайбочки, винты, гайки, старые резиновые шланги, штуцеры, спицы птица аккуратно снесла в один угол, и помещение стало таким опрятным, будто его вымыли.

Дядя Митя стоял и хлопал от изумления глазами. Разумеется, доктор слышал, что сороки, вороны и галки не совсем равнодушны к блестящим и загадочным вещам – обязательно утащат в гнездо для досмотра. Гнезда в гараже, конечно, не оказалось. Тогда галка определила всю ненужную оснастку и ненужные детали в одно место.

Аккуратная птица встретила ветеринара знакомыми бодрими призывами:

– Привет мастерам машинного двора! Ура! Ганя – молоток! Машина любит ласку – чистоту и смазку! Сэкономить ГСМ нам поможет ЭВМ! Не уверен – не обгоняй! Ура!

Доктор Донников, конечно, не отказался бы от такой помощи-

цы в гараже. Однако он отпустил птицу на волю, потому что считал себя не вправе эксплуатировать живое существо.

Но галка, благодарная человеку за спасение и участие, принялась теперь ежедневно заботиться о порядке на ветеринарном дворе. Каждое утро участок вокруг дома был так чист, будто его всю ночь скреб и отшаркивал взвод дворников. Завидя доктора, чёрная галка кричала ему с тополя: «Убирай – не убирай – никакого тебе порядка! Привет мастерам машинного двора! На первый-второй рассчитайсь! Ура!

– Спасибо за службу! – отвечал на то дядя Митя и всегда угощал птицу чем-нибудь вкусным.

– Вот, Фая, учись, – говорил, вздыхая, доктор своей помощнице. – Такая же чистота и порядок должны быть у нас в комнатах. Многие болезни животных, птиц, а также человеческие недуги можно победить самым простым лекарством – образцовой чистотой. Главное снадобье любого ветеринарного врача – чистый воздух, чистая вода и яркое солнце. Чаше надо проветриваться, Фая!

НАЧКОН ЖУКОВ ПРОСИТ СОВЕТА

Доктор Донников шёл по дороге к ферме. Прыгая через лужи и канавы, он осторожно придерживал руками тяжелую сумку. В ней лежала масса интересных и нужных вещей, пригодных на все случаи ветеринарной жизни. Тут был безыгольный шприц-пистолет, хранились разнообразные скальпели и пинцеты, зажимы, резиновые жгуты, ножи для зачистки копытного рога, банки со всевозможными мазями, растворами и порошками, флаконы со сладкими и кислыми витаминными настойками.

Дядя Митя давно уже не пользовался обычным шприцем при работе с животными. Конечно, укол для быка, у которого толстая кожа, не то, что для человека. И всё же безыгольный пистолет делал своё дело много быстрее и безболезненно. Некоторые животные вообще ничего не ощущали при операции.

Безыгольный пистолет дядя Митя получил в Москве на ВДНХ страны за отличную работу в колхозе. Инструмент этот – давняя мечта колхозных ветеринарных врачей. Он почти ничем не отлича-

ется по внешнему виду от настоящего пистолета, покрытого никелем, с мощным стволом и насечкой на рукояти. Но вместо патрона с пороховым зарядом ветеринарное оружие заряжают капсулой с лекарством или витаминным раствором. Человек нажимает спусковое устройство – выстрел. Струя из капсулы, с огромной скоростью вылетая из ствола, пронизывает кожу любой толщины, даже такую, как у слона, бегемота или носорога.

Правда, на конной ферме нынче не требовалось ни пистолета, ни лекарства. Доктор спешил к жеребяткам. Они родились весной и вскоре же сильно заболели. Доктор ухаживал за ними: вышаивал им молоко, грел большими лампами, готовил витаминный корм. Теперь, как он знал по опыту, самое тяжелое осталось позади.

А началось-то с пустяка вроде – замаялись жеребята болями в животе. Но это вовсе не безобидная болезнь. Чаще всего и телята, и жеребята, и поросята страдают от болезней живота. У дяди Мити на этот случай есть в запасе верное народное средство. Средство это – разнообразные настои лекарственных, или, как говорят в народе, целебных трав. Доктор самолично готовил такой настой для жеребят, сам поил их, добавляя в молоко матери. У тех животных, кому давали напиток из трав, боли проходили дня за три.

Для выздоравливающих, но ещё слабых жеребят доктор прихватил бутылку «живой воды». Наверное, это была та самая живая вода, о которой упоминается в старых русских сказках. Несколько глотков «живой воды» – и возвращаются к больным силы, бодрость и здоровье, и кажется, что солнце начинает светить много ярче и теплей.

Доктор шагал и, время от времени поглядывая на небо, чему-то усмехался. Это было тем более удивительно, что серьёзному, занятому человеку просто некогда бывает глядеть в пустое небо. Да и что такого особого можно увидеть днём? Но, верно, колхозный лекарь и исцелитель дядя Митя видел то, чего не замечали обычные люди.

Дмитрий Сергеевич Донников действительно думал о том, что происходит сейчас там, за тысячи и тысячи километров, в молчаливом непроницаемом космосе. Думал о предстоящей встрече во дворе ветеринарной амбулатории нынешней или завтрашней ночью. И то, о чём он замечтался, было ни на что не похоже, не встречалось ещё в обычной жизни. Интересно, что же или кто навещал вете-

ринарного доктора глубокими, сонными ночами? Привидение или инопланетяне?

Начкон Жуков поджидал дядю Митю у ворот конной фермы. Главный специалист по выращиванию, разведению и обучению лошадей – от крестьянской работы до бегов на отечественных и западных ипподромах – в обычной жизни именовался начконом – начальником конной части. В этом названии слышались отзвуки прошлых времён, когда конница решала всё и на поле боя, и в мирной жизни, пусть в мирной жизни она и называлась просто – тягловая сила. Тогда начкон был значительной фигурой на конных заводах и фермах страны.

– Ну, как там малыши? – ещё издали поинтересовался дядя Митя, потому что ему было всегда приятно поговорить с начконом о лошадях.

Начкон Жуков, загнав на время улыбку под пушистые, с сильной проседью усы, отвечал вежливым густым басом:

– Заботами вашими, Дмитрий Сергеевич, – прекрасно. Да вы сами посмотрите. Жеребятки – огонь и молния! Сейчас резвятся в леваде, вихреногие, застоялись в болезни-то!

Дядя Митя с начконом прошли в конюшню. По обеим сторонам прохода тянулись денники, а в простенках висели тяжелые кожаные уздечки, недоуздки, вожжи, потники и седла.

Денник – это дощатая или кирпичная комната для лошади, с крепким деревянным полом, с кормовым стойлом и поилкой. Кони обычно живут в денниках зимами. Летом конский косяк перегоняют на дальние пастбища, а в конюшне остаются рабочие лошади, малыши да рысаки, которых наездники готовят к спортивным состязаниям. На кормовых столах желтели горки овса и краснела крупная морковь. Конюхи разносили охапки душистого сена. Но носить было не трудно, потому что в конюшне сейчас стояло всего два десятка лошадей. Остальные кони гуляли на вольных выпасах далеко от Кордона.

Поговаривали, что иногда ночами в конюшне слышалось многоголосое мелодичное ржание стоящих взаперти коней. Оно прони-

кало сквозь дверные и оконные щели и заполняло окрестности. И в ответ несло ржание с дальних травяных холмов: вольные кони успокаивали товарищей, и в гривах их сверкали под мягким сиянием луны капли росы, на копытах плавилась от бешеного дробного бега жёлтая глина.

Дядя Митя и начкон скоро очутились у левады – большого ровного луга, ограждённого берёзовыми жердями.

Два жеребенка, завидя знакомых людей, тотчас заскакали по большому кругу левады. Порой они тормозили на полном ходу, кидались вбок и назад и смешно трясли головами с нежной гривой. Но в них всё яснее видели специалисты будущих рысаков.

– Радуются, малые, как вас заметили, – пояснил, отмахиваясь от слепней, начкон.

– Давно жеребята на прогулке? – спросил доктор, любуясь молодыми рысаками.

– Да с утра самого, – ответил пышноусый начкон Жуков. – Сводил их, как приказали, уже и в «солнечную баню». До чего полюбились лошадам эти самые бани – ну, век не додумался бы!

«Бани» – это выкрашенные чёрной краской бочки с водой, поднятые высоко вверх. Чёрный цвет быстро вбирает солнечные лучи, и резервуары с водой постепенно нагреваются. В жаркую погоду коней обливают тёплой водой. Такой душ, массирующий кожу, укрепляет здоровье и нервы лошадей. Кони – животные нервные, чуткие. Работать с ними могут только сильные и ласковые люди, притом гораздые на выдумку.

Начкон Жуков приблизился к ограде и, смешно надувая толстые щеки, засвистел. Таким тихим сигналом наездники обычно подманивают к себе лошадь,

– Те-ткле, те-ткле, – и дядя Митя подзывал жеребят каким-то птичьим заговором. – Не бойтесь, серенькие, подходите. Имеется для вас сладкое на десерт!

Правда, серенькие и не думали пугаться. Им, видно, надоело бегать по кругу, и они внезапно очутились перед людьми. В зеркальных чёрных глазах маленьких лошадок чётко и выпукло от-

разились крошечные фигуры людей, крошечные конюшни и постройки, крошечный лес на горизонте с крошечными круглыми облаками над ним.

– Вот, получите, братья-кролики! – доктор Донников вынул из необъятной своей сумки заветную бутылку, свинтил с неё пробку и налил золотисто-коричневую жидкость в широкое ведёрко, которое предусмотрительно подставил начкон товарищ Жуков.

Долго уговаривать жеребят выпить волшебного снадобья не пришлось. Их мягкие губы распробовали содержимое, и малыши по очереди с огромным наслаждением вмиг высосали эту настойку – только свист стоял. Когда кони пьют воду, слышится резкий струящийся звук.

– Мои бы внуки так лекарства хлестали с присвистом! – пожелал начкон Жуков, в профиль, кстати сказать, очень похожий на легендарного маршала Будённого. – Научи, Дмитрий Сергеевич, старика, как это делается.

– Тут, товарищ Жуков Василий Макарович, никакого такого особого секрета нет, – отказался от личной славы ветеринарный доктор. – Не пугай ребятшек слишком часто лекарствами – вот и всё волшебство. Сам, поди, снадобья нынешние не пользуешь, только древние, что бабки твои готовили. И вообще, самое полезное лекарство – воздух, солнце, и вода, и солдатская еда!

Жеребята, покончив с настойкой, просили ещё, чмокая губами. Но дядя Митя предупредил животных сразу:

– Хорошего, ребятки, помаленьку! Ну, теперь бегайте и скачите!

– Через несколько денёчков жеребят можно в косяк отогнать, – залюбовался легким широким бегом начкон Жуков, с толстыми усами и серыми, в масть рысаков, добрыми глазами. Недобрым людям не просто работать и ладить с лошадьми. И трусливым тоже. Не выдержат они чистоты и благородства, исходящих от коней. Начкон товарищ Жуков, верно, не задумывался над тем, добрый он или не очень. Он всегда желал быть просто человеком и всю жизнь старался честно работать. – Вот какой случай был на моей памяти, – вспоминал Василий Макарович, когда возвращались с фермы.

– Числился на ферме конюхом один человек. Фамилия у него, кажись, была Пуприков – не лошадиная фамилия. Как напьётся этот самый хитрован Пуприков, так лошадей поколачивает, конечно, незаметно от людей. Трезвый зайвится на конюшню – только ругается грубыми словами, как нынешний некультурный футбольный болельщик. Значит, забрел этот человек к чистокровному жеребцу Кивачу и стал подобным манером над животным изгаляться.

Кивач, не будь ослом, ухватил конюха за воротник куртки, выскочил из конюшни с добычей и прижал башкой к стене. Мужик, глядим, захрипел – горло ему передавило. С трудом, доложу, его оторвали от коня и, можно сказать, спасли ему скверную его жизнь.

– Лошадь за себя постоит, товарищ Жуков Василий Макарович! – задумчиво отвечал ветеринарный доктор. – А многим людям ещё не хватает отцовской выдержки и материнской любви при общении с ними, хотя в стране ведётся большая разъяснительная кампания по этому поводу.

– Тебе, брат, больше всех уважения-то в колхозе! – с пониманием уточнил начкон Жуков. – Как здоровые животные либо птицы – мы их обряжаем, водимся. Ну, а худо стало и болезнь одолевает – быстрее их к тебе, ветеринару. И что любопытно: очень доверяют тебе лошадки, и я бы сказал, что любят.

СЕАНС ЛЕЧЕНИЯ

– Дорогой Милорд! – протрубила, влетев в дом, гостеприимная камышовая муха. – Входи, как в собственную конуру, располагайся без смущения. Ты в жилище друзей.

– Лапы у меня грязные, – замылся пёс у порога. – На коврах могут следы остаться.

– Высохнут следы, – успокоила муха. – А потом, у дяди Мити ковров сроду не водилось.

Милорд долго и тщательно очищал лапы о жесткий коврик на крыльце и только после этого осторожно вошёл в помещение ветеринарной амбулатории.

Колхозная ветамбулатория состояла из четырёх комнат. В них располагались тёмные старинные шкафы со стеклянными полка-

ми. На полках длинными рядами были выставлены загадочные склянки, хитроумной формы баночки, змеевидные трубки, ланцеты, пинцеты и множество других серебристых инструментов, которые применяются при лечении животных. Всё это местный доктор Айболит – дядя Митя – хранил за закрытыми дверцами. Однако больше всего в шкафах, отметил Милорд, хранилось коробок и пакетов с волшебными и обычными мазями, исцеляющими от многих ран и болезней, с разноцветными порошками, пахучими настойками.

Камышовая муха покрутилась на кухне, напевая под острый нос любимую песню про Муху-цокотуху, потом крикнула:

– Милордик! Суточные щи будешь?

– Не отказался бы, – признался гончак. – Я, Фаина, со вчерашней недели голодный!

– Вот и прибегай через сутки! – пошутила муха.

– На тебя, Фая, грех обижаться, – сдержал гнев гончак. – Это у тебя головокружение от успеха. Бывает, что это проходит, но у иных тянется всю жизнь.

– Ой, какие мы обидчивые! – протянула камышовая муха, однако ей стало стыдно за глупую и бестактную шутку. – Это у меня автоматически выскочило. Я ведь люблю шутки и розыгрыши. Я ведь остроумная особа. Я ведь...

– Здесь кто-то мясные щи обещал, – перебил её пёс. – С того времени как раз сутки проскочили.

– Кушай, Милорд, поживее, – пригласила Фаина, наливая похлебку с мозговой костью в тарелку. – Ты не откажешься сбегать со мной в лес? Предстоит работа по поиску трав.

Милорд с удовольствием похлебал варева, попросил добавки и в два силовых приёма размолот сахарную кость.

– Молодец, Милорд, сразу видно хорошего работника! – похвалила летающая кухарка.

– А как ты догадалась об этом? – потушился польщённый словами хозяйки гончак.

– Кто за столом силен, тот в лесу и в поле сдюжит! – подсказала муха. – Так дядя Митя говорит.

– И слова умные, и щи добрые! – поблагодарил гончий пёс.

– Таких вкусных щей, признаться, я у прежнего хозяина не

едал. Там всё больше сервелат и другие твёрдые колбасы давали. Я их, по правде сказать, не любил, а отказаться не смел.

– Ну-с, за дело! – сказала камышовая муха. – Но прежде ты должен обнюхать и осмотреть лекарственные травы, которые нужны ветеринарному доктору.

Она торжественно повела Милорда в особую кладовую с большой дубовой дверью. В полутёмном помещении стоял сильный аромат хорошо просушенного сена.

С крючьев и гвоздей, вбитых в стены, свисали длинные жгуты и пучки трав, кореньев, гроздья цветов и соцветий.

– Полагаю, что ты, как животное, немного разбираешься в нашей флоре и фауне, в живой природе то есть, – скучно начала лекцию камышовая муха. – Бывал в лесу на экскурсиях?

– На каких ещё экскурсиях? – завопил гончак. – Я в лесу вырос! Всё избегал вдоль и поперёк!

– Хорошо! – терпеливо прогудела камышовая муха. – Но ты знаешь, что почти все травы – лекарственные? К примеру, крапива. Она ведь растёт не только для того, чтобы ожечь кого-нибудь или засорять деревенские и городские сады и огороды.

– Про крапиву не нуди, Фая! – взмолился пегий пёс. – Я её столько выкушал! Если подсчитать – так целое поле, честное пёсье слово!

– В каком виде? – муха так и скакала вокруг, так и завьюживала.

– В разнообразном, – отчитался Милорд. – В сыром, толчёном и варёном. Прокрученную через мясорубку вместе с мясом...

– Отсохни правое крыло, тебе ещё не всё известно про удивительные свойства этого растения! – уверяла камышовая наставница и сверлила собаку каждым из ста глаз.

– Всего никто не знает! – красиво защитился гончак. – Ну, чего я не слышал о крапиве?

Милордова голова шла кругом от возбуждающих крепких травяных запахов. Гончаку казалось, что они с собеседницей стали заговариваться.

А камышовая Фаина, шустро бегая по сухим стеблям, говорила и говорила что-то аптечное.

– Ты бы, Фая, не частила! – помотал ушастой головой пёс. – Не успеваю слова переваривать. И откуда ты про всякие там витамины и целебные свойства нахваталась? От дяди Мити?

– Люблю послушать, но особенно – поговорить, – с наслаждением призналась камышовая муха. – Я очень эрудированная муха. Я ведь могу на равных общаться даже с умным человеком.

– А что такое «эрудированный» – смысленный, что ли? – застеснялся своего невежества Милорд.

– Даже не верится, что ты жил у культурного хозяина, – с превеличенной досадой укорила муха. – Эрудированный – значит знающий всё на свете!

– Завидую, – уныло протянул Милорд и уныло развесил уши чуть ли не до пола. – Везде-то ты летала, всё-то ты видела своими ста глазами. Мой хозяин со мной говорил только об охоте и учил брать добычу, а сам, скажу по секрету, не читал ничего, кроме кулинарной газеты.

– О бывшем хозяине – больше ни полслова, – остановила гончего пса Фаина. – Ты служил ему лишь орудием наживы.

– Мне сразу показалось, что дядя Митя совсем другой человек, – вздохнул Милорд. – Он не оставит собаку в лесу. Тапочки домашние, верно, сам себе принесёт и за обыкновенной палкой не заставит десятки раз в час бросаться в ледяную воду.

– Разумеется, не заставит и всё по дому сам делает! – согласилась довольная муха. – Дядя Митя мне книжки с картинками вслух читает и про целебные растения подробно рассказывает. Однажды мы даже в город ездили – в зоопарк. Директор зоопарка попросил дядю Митю слону помочь – у того железка в хоботе застряла. И дядя Митя вытаскивал гвоздь, а я летала рядом, готовая в любую секунду броситься на помощь доктору – слон-то был в ярости от боли...

Вдруг камышовая муха запнулась на полуслове и заботливо спросила:

– А что это у тебя с лапой? Почему хромаешь?

– Пустяки, – не сознался, мотая головой, Милорд. – Это барсук хватанул, когда я его в лесной норе застал и хотел проветрить на улице.

– Для кого, может, и пустяки, – профессионально засуетилась камышовая муха, – а для меня – занятие. Лапу твою сейчас мигом излечим... Это мы умеючи... Это мы в два неболевых приёма... Не зря ведь в ветеринарных кругах меня называют добронавязывающей мухой!

Обхватив шестью ножками кряжистую бутылку с латинской этикеткой, муха, выпучив сто глаз от натуги, налила в фарфоровую чашу жидкость и скомандовала:

– Немедленно опускай лапу в этот раствор – боль как рукой снимет!

– Не болит у меня ничего! – пёс сильно сомневался в том, что муха поможет избавиться от страданий.

– Не упрямясь, пегий! Клади лапу в чашку! Для профилактики заражения! – кричала, испытывая врачевательный азарт, камышовая исцелительница. – Живее, больной!

Милорд невольно подчинился и с отвращением опустил лапу в едкую жидкость.

СЕЛЬСКИЙ ПРИВЕТ ПЛЕМЯННИКУ

Всё, что ни делал в своей долгой жизни Саша Донников, происходило в первый раз.

В прошлом году он впервые пошёл в первый класс. Нынешней весной впервые закончил его. Осенью должен был в первый раз пойти во второй класс. И так далее.

Нынешним летом он самостоятельно склеил бумажного змея и запустил его под самые облака. Тогда же впервые сильно огорчился – змеёныш сорвался с привязи и увистал за горизонт, махнув, правда, на прощанье хвостом.

Летом он впервые отправился с отцом на рыбалку, ел уху, приготовленную на костре с дымком.

Первый раз он сунул любознательный восьмилетний палец в непонятный серый кокон – он напоминал миниатюрный снаряд – под крышей сарая в коллективном саду, и его впервые в жизни ужалила оса. Палец сам раздулся до размеров кокона и болел так, будто его пронзила насквозь ужасная стрела.

Но Саша Донников рос смышленным мальчишкой и не расстраивался всерьёз, если на пути познания мира возникало препятствие. Ну, например, такое, как большое ужаливание хитрого насекомого.

Мальчик догадывался, что познание мира и природы проходит не только через радость и наслаждение.

В общем, Саша слыл человеком неплохим. Только родители знали, что был он непробуждённым.

Непробуждённым к окружающему живому миру.

Городские голуби и вороны не могли дать ему ясного представления о красоте высокого и низкого птичьего полёта. Они только подпрыгивали и изредка перелетали за угощением.

Толстые и ленивые собаки всех пород, которых водили по аллеям и тротуарам хмурые настороженные женщины, могли догнать разве что черепаху. Жирная собачья рысь даже отдалённо не напоминала стремительный псовый гонный бег по опушкам леса, мёрзлomu кочковатому лугу, пушистому, ослепительно голубому снегу.

Родители серьёзно беспокоились за Сашу. Вот почему решено было отправить мальчика в деревню, к дяде Мите, потому что доктор мог развеять эту непробуждённость и холодность к природе, к животным – ко всему прекрасному, без любви к которому человек глух и нем.

Так получилось – и дядю Митю Саша должен был увидеть первый раз в жизни.

Родители собрали Саше чемодан с одеждой и обувью. Они дали телеграмму в Кордон. Потом посадили Сашу в самолёт, поцеловав на прощанье сто пятьдесят три раза.

Самолёт назывался АН-2. Впереди у него ввинчивался в синеву неба пропеллер, смешивая воздух для праздничных радуг. В кабине сидели два совсем молодых пилота, держась за один рычаг. Только левый лётчик делал это правой рукой, а правый лётчик – левой.

В гудящем тесном салоне лежали в углу бумажные почтовые мешки и пачки свежих газет. На железных скамейках, пристегнувшись широкими брезентовыми ремнями, примостились человек двенадцать. И все они глядели вниз, на покинутую планету.

Саша тоже стал глядеть вниз. С высоты в несколько сот метров отчётливо различалась чёрно-зеленая тайга, белые пятна озёр, болотные провалы. Так одинаково промелькнули все триста километров.

Потом самолёт пошёл на снижение и посадку. И, проткнув клювом кудрявое облако, приземлился на сельском аэродроме – ровном заброшенном выгоне.

Саша сошёл на землю по железной стремянке после всех пассажиров. В толпе встречающих он тотчас заметил дядю Митю. Доктор очень походил на брата. А может быть, наоборот. Дядя Митя стоял с большой сумкой на боку, в резиновых сапогах и махал рукой.

Около него пристроилась крупная спортивная коза со скрученной в сердцах бородой и тоже внимательно прощупывала глазами пассажиров, точно таможенник на посту.

Неизвестно, о чём она думала или гадала, но ей, видимо, понравилась сказочная картина выхода людей из брюха горячего зелёного шмеля, выпавшего из облаков. Она бы ещё больше обрадовалась, выскочи из человечков такие же винтовые горячие шмели. И так далее. Так восторженно глядит ребёнок на появление из просторной яркой матрешки других, таких же нарядных и блестящих, но уменьшающихся в росте.

– Здравствуй, Саша! Привет, племянник! – кричал дядя Митя – папин брат.

Потом доктор Донников без промедления и раскачки подхватил мальчика на руки и поднёс к небесам. Потом опустил на землю, хотя, признаться, Саше хотелось ещё пару раз взлететь повыше на сильных руках дяди.

Стоявшая рядом коза приветственно блеяла, внося лепту в общий хор. Неожиданно для пассажиров она просунула свою бородастую голову между ног мальчика и тоже попыталась в диком восторге подбросить его, видимо, под самые облака.

Саша потерял равновесие. Уронив дорожный чемоданчик, он рухнул на крутую спину козы. Довольное животное резво поскакало в родную деревню – мимо остолбеневших пассажиров, мимо изумлённого начальника аэропорта в синей форменной фуражке.

За козой с невольным седоком мчался дядя Митя, придерживая локтем большую сумку с синим крестом на белом фоне и размахивая Сашиним чемоданчиком:

– Прыгай, Саша! – кричал он, вытягивая шею. – Не истязай козу! Слезай, кому говорю!

– Эй, на такси, попутчика не прихватите? – кричали озорные и шустрые на язык деревенские мальчишки. Мальчишки шли с рыбалки с полными куканами рыбы.

– Немедленно прыгай! – приказал дядя Митя, почти настигнув оторопевшего от гонки Сашу.

Но тут прыткая коза развернулась к берёзовой рожице. Саша приземлился на дорогу. Когда он поднялся, одежда, волосы и лицо его были белыми от пыли, точно обсыпанные мукой.

– Ну как, не ушибся? – дядя Митя осмотрел ошарашенного племянника, стяхивая с одежды седой налёт.

– Освежился! – Саша был под впечатлением безумной, невероятной скачки на мелкожующем рогатом. – Я, дядя, не знал до сих пор, что козы – такие сильные и умные, а главное, заботливые животные.

– Сколько живу, а подобного не наблюдал! – дядя Митя огляделся по сторонам, точно ожидая подтверждения своим словам от земляков и пассажиров АН-2 рейса Щ-001. – Вот тебе и деревенское крещение, парень!

И тут все стали смеяться и вспоминать разные забавные истории. Коза, выставив из кустов лукавую узкую морду, бляяла на всю округу.

Так, почти фантастическим образом, городской житель второклассник Саша Донников въехал в село с пограничным названием Кордон. А к деревенским потешным историям прибавилась ещё одна.

Лишь недоверчивый к слухам маленький печник дед Хирон, уже много лет болтавшийся без дела, то есть без приглашения сложить в доме печь либо плиту, по причине всеобщей газификации, мрачно покачал головой и объявил:

– Не к добру это, земляки! Не к добру! Видать, завтра град сыпанёт и огурцы с сельдереем начисто побьёт!

– Ты, дедушко, загодя не бойсь, – укоротили старика умные земляки. – Об эту пору града вовек не бывало! Огурцы же твои растут под стеклом в теплице.

– Помяните мои слова! – упрямылся дед. – Возьмите, к примеру, год минувший. Коза моя, Клеопатра, пожарника из инспекции с крыльца сбоднула – и что? На другой день силосная башня рухнула. В одночасье обвалилась.

– Так то, дедушко Хирон, строители виноваты! – закричали деревенские люди, защищая истину. – Об том лучше прораба Честноганцева попытать – он начальствовал при сооружении колхозной силосной башни.

– А по мне – так знак был свыше! – заплетал чертовщину бывший печник, а ныне пенсионер районного значения.

Саша ещё не знал, что лошадям, так же как и людям, необходим лечащий врач. Вроде участкового врача в городском районе. Незнание происходило, конечно, от того, что коней и других животных городской мальчик видел только в кино да в зоопарке. Лошади в кинофильмах смотрелись резвыми, упитанными и жизнерадостными. И все лошади очень быстро бегали, потому что всадники на них или кого-то догоняли, или от кого-то убегали. Во всех кинофильмах про гражданскую войну кони несли отважных всадников, как правило, под сплошным пулемётным огнём, всадники врубались в цепи врагов и побеждали их. Мальчики и девочки, сидя в кинозалах, страшно переживали за наших кавалеристов. Но в боях убивали и ранили не только людей, но и коней. Бойцов отправляли в госпитали. А раненых и искалеченных лошадей лечили ветеринарные врачи. Дядя Митя, когда был маленьким, тоже часто смотрел кинофильмы, где лошади вскидывались на бегу и падали вместе со всадниками под пулями и снарядами. И ему одинаково жалко было всех. Обычно то, что случалось дальше с лошадьёю, не показывали, может быть, потому, что считали: маленькому зрителю будет неинтересно и скучно. А маленький Митя страдал в просмотрном зале. Всякий раз, когда мальчик видел рухнувшую на скаку лошадь, он сжимал кулаки и давал слово стать доктором животных.

Он хотел лечить всех раненых и покалеченных коней на свете, всех собак и кошек, всех голубей, черепах и осьминогов. Ребята во дворе называли его «доктором Айболитиком», но когда что-то случалось с их любимыми голубями, собаками или кроликами, показывали их Мите. Уже тогда он много знал о жизни, поведении и болезнях животных и птиц, а лучшими взрослыми друзьями его были ветеринары из лечебницы, что размещалась в конце улицы. У них он пропадал всё свободное время.

Мальчик Митя был не только впечатлительным. Он всегда добивался того, чего хотел, упрямо шёл к цели.

После школы он поступил в институт, где учили будущих ветеринарных врачей. А после его окончания, без всякого сожаления о городских удобствах и суете, поехал в село. Молодой доктор Айболит – теперь уже без всяких кавычек доктор – поселился в Кордоне.

В колхозе «Красноармеец» дядя Митя проработал лет пятнадцать – честно служил своей детской мечте. За этот долгий срок он вылечил десять тысяч коней, коров и бычков и принял на белый свет сотни новорождённых.

А однажды дядя Митя помог раненому браконьером лосенку. Тот, обессиленный и измученный погоней, случайно забежал на ферму колхоза – у людей же и просил помощи. И не ошибся: выходил его доктор и отпустил в тайгу.

Обо всех этих интересных вещах и делах Саша узнал от дяди Мити. Они сидели за обеденным столом, ели сизые ягоды голубики, запивая их топлёными золотистыми сливками.

Дядя Митя был точной копией брата. Такие же сильные руки, крепкий подбородок и вечно смеющиеся глаза, такой же высокий: шагая по квартире, он уклонялся от люстры, точно боксёр на ринге от встречного удара. Но в отличие от Сашиного отца, дядя Митя был много спокойнее. Удивительными были и его мягкие движения, неотпугивающие, точно приученные к работе с осторожными животными.

Саша поначалу слушал внимательно, как и подобает воспитанному мальчику. Но разве усидишь на месте и сосредоточишься на беседе, когда хочется на улицу, где было мало машин и не было светофоров, ярких рекламных вывесок и плакатов.

За окнами докторского дома разворачивалась сказочная картина.

Недалеко от палисадника высилась средневековая деревянная крепость, сложенная из могучих стволов кедра, с узкими окнами-бойницами – точная копия сторожевых острогов земли Сибирской. Казалось, что только стемнеет во дворе, как в бойницах задвигаются воины и послышится острый звон металла о металл.

Но дядя Митя объяснил, что это вовсе не крепость, а бывшая мельница. И сейчас там хранят овес и семена трав.

За мельницей, вплотную присоседившись к лесу, белели свежей известкой низкие корпуса ферм с шиферными крышами. Около ферм в огороженных левадах бегали воронье, серые, игреневые, каурые, чалые, соловые жеребята. Одни из них блестели, как чёрные угольные шары, другие были оранжевыми – под цвет костюмов космонавтов.

За фермами поднимался густо-зеленый лес с земляничными полянами, пахучими барсучьими норами, потаёнными грибными просеками, шумными сорочьими гнездами и сыпучими каменными тропами ночной росамахи. Правда, Саша ещё не знал об этом.

– Завтра, Сашок, останешься дома один, – вдруг сказал дядя Митя. – Не совсем, правда, один – будут у тебя друзья-животные. У меня утром на ферме много работы.

– Завтра, по-моему, выходной, – уточнил Саша. – Можно поспать побольше. Или в лес меня сводить – я в тайге не бывал.

– В деревне приходится работать и в выходные, и в праздники. Так, как в городах на заводах с непрерывным производством, – объяснил доктор. – Ты ведь и в воскресенье пьёшь молоко, ешь булку с маслом? Коровы дают молоко каждый день, и каждый день дояркам приходится их доить, кормить, ветеринарам – следить за здоровьем, осматривать их.

– И болеют коровы часто? – заинтересовался Саша.

– В том-то всё и дело, – отвечал дядя Митя, закончив завтрак и разворачивая газету «Большая ветеринарная вестница», – что стадо колхоза здоровое и крепкое.

– Тогда мне вовсе непонятно: зачем вставать с солнцем и идти

на ферму, если нечего делать? – пристал к доктору Саша, который привык к городскому укладу жизни, где всё или почти всё было понятно, объяснимо и разумно устроено.

– Затем, парень, чтобы успеть: доктор должен быть на ферме раньше болезни, – объяснил дядя Митя и добавил: – Наша первая обязанность, помимо лечения, конечно, наблюдать, как животное ходит, как ест, какое у него настроение. Короче говоря, – профилактика!

– Про... чего? – мальчик споткнулся на незнакомом слове.

– Предупреждение болезни, – дядя Митя отложил газету, решив поговорить с мальчиком как со взрослым.

– Дошло! – воскликнул понятливый мальчик. – Доктор даёт коровам и лошадям витамины и лекарства разные. А узнать о болезни легко. Мы ведь тоже мало едим, хмурые и вялые, когда болеем. И собаки становятся такими, когда болеют, я замечал.

– Ну вот видишь, как просто, – сказал дядя Митя. – Только мне не нравится, что очень скоро всё уловил.

– Почему? – обиделся Саша. – Мама говорит, что я схватываю всё на лету.

– Кажется мне, что ты частенько прихварываешь, племянник, если запросто толкуешь о лекарствах и витаминах. Ну, ничего. На свежем воздухе и парном молоке ты станешь крепким, как колосок.

– А заниматься чем придётся? – спросил Саша на всякий случай, потому что вовсе не собирался что-нибудь делать, а имел желание всё это жаркое кордонное лето отдыхать и блаженствовать без надзора и приказаний старших.

– Осваивай пока местность и пространство вокруг дома, – туманно пообещал дядя Митя, вновь принимаясь за чтение. И в этой неопределённости мальчику послышались отзвуки загадочного дела.

Сашка Донников вообще обожал всякие загадки природы и технические головоломки. Тем более, что они заполняли мир мальчика так густо и основательно, как головастики заселяют каждый метр доброго стоячего пруда. Однако отыскивать загадки способен лишь тот человек, который с детства умеет присматриваться к миру и к природе.

ВРЕД САМОЛЕЧЕНИЯ

В тот самый миг, когда Саше почудилось в словах доктора обещание скорого приключения, в соседней комнате раздался страшный грохот и визг. Большая камышовая муха, не посоветовавшись с дядей Митей, плеснула в чашу скипидар вместо зеленки. А скипидар – это такая, если бы знали, едкая и жгучая жидкость. Несколько лишних капель – и можно взвиться от боли до самого потолка, а может, и ещё выше с широко раскрытыми на мир глазами. В амбулатории потолок был. Поэтому Милорд метался по комнатам, как угорелый, отчаянно выл, сокрушая на дороге домашнюю и ветеринарную утварь.

– Сколько-раз-предупреждать-Фаина-Рептильевна-чтобы-вы-не-брали-лекарства-без-разрешения-не-лечи-ли-никого-без-моего-совета! – размеренно говорил дядя Митя слегка пристыжённой и испуганной лаем и стонами собаки камышовой мухе. – Мы-лечим-живые-существа! Нельзя-работать-на-ощупь-кустар-но-точно неграмотная-знахарка!

– Хотела, как лучше! – заартачилась вдруг Фаина. – На ошибках учатся! Кто не ошибается, тот ничего не делает!

– Пока-у-тебя-нет-специального-образования-и-опыта-ты-обязана-делать-только-так-как-велит-врач! – прервал помощницу доктор Донников, успокаивая и поглаживая Милорда, который сразу затих в руках волшебника.

– Больше никогда-никогда не буду! – пропищала камышовая муха. – Игрун, дядя Митя, попугал!

– Кто сразу повинился, того и простить лучше сразу, – улыбнулся доктор. – Теперь покажи Милорду бочку с дождевой водой во дворе. Пусть хорошенько прополочет лапу. Потом я окажу первую неотложную помощь на ваших глазах.

– Я бы сказала, вторую помощь, – пыталась пошутить камышовая муха, но доктор сразу стал серьёзным и так взглянул на неё, что Фая пулей вылетела из дома.

– Какой прекрасный разведчик лекарственных и целебных трав наша Фаина, – словно бы ничего сверхъестественного не произошло, сказал дядя Митя. – Но иногда ведёт себя несерьёзно. За ней глаз да глаз нужен.

В продолжение всего разговора Саша, растворив рот, ошеломлённо глядел то на доктора, то на возмущённо жужжавшую муху.

Кто из школьных друзей и дворовых приятелей поверил бы, что он вот так запросто, почти по-семейному, видел говорящую на чистом русском языке муху, да ещё камышовую! Да притом эта самая муха лезла не в своё дело! Ну кто поверил бы?!

Пока мальчик сильно и молча удивлялся, приплелся, оставляя мокрые следы, Милорд. Правда, выглядел он повеселевшим.

Дядя Митя достал из шкафа баночку с мазью и пакет стерильно чистого бинта.

– Не сможешь, Сашок? – спросил он. – Разверни конец бинта.

Доктор взял большую лапу собаки, внимательно осмотрел. Потом наполнил маленькую ложечку густой мазью из той банки, приложил на больное место, стёртое до крови, и накрыл всё это марлевым тампоном.

– Теперь наложи на рану конец бинта, прижми покрепче и обматывай, – подсказывал доктор мальчику, гордому, конечно, от оказанного ему доверия. – Не спеши... Главное в нашем деле – аккуратность и выдержка.

– А больно Милорду не будет? – опасливо заметил Саша.

– Я скажу сам, когда будет невоготу! – невозмутимо вмешался в человеческий разговор пегий гончак, дружелюбно глядя на Сашу. – Наворачивай, мальчик, повязку, как старшие советуют!

У Саши чуть бинт не выпал из вздрогнувших рук. Да и как тут было оставаться спокойным? Сначала доброгудящая муха жужжала всякую чепуху. А теперь ещё и собака заговорила!

Чудеса, однако, только начинались. Всё потому, что у нас на Урале нет деревни, даже самой неказистой и маленькой, в которой бы не случилось за столетие пары-другой вселенских чудес или, на худой конец, происшествий.

Пока же Саша Донников в комнате ветеринарной амбулатории безо всякого потустороннего вмешательства и волшебства первый раз в жизни оказал первую ветеринарную помощь собаке. И это было так приятно – лечить животное! Никогда раньше Саша не испытывал подобного чувства.

По совету доктора мальчик разрезал конец бинта вдоль и завязал полоски на узелок, чтобы повязка крепче сидела на месте. В общем, делал он то, что должен уметь каждый большой и маленький гражданин – оказать помощь пострадавшему.

– Ну, а теперь, я думаю, Милорду не помешает немного снотворного, – кончив операцию, сказал дядя Митя. – Начнёт носиться на радостях – повязку собьёт. Фаинька, где у нас пакет номер 8-АО? Достань таблетку, пожалуйста!

Камышовая муха шустро сгоняла на тайную полку одного из шкафов. Достав таблетку, она растёрла её шестью ножками, насыпала в мензурку с совершенно чистой водой.

Милорд в один приём вылакал раствор и тут же захрапел на полосатом тюфячке.

Первой деревенской ночью в доме дяди Мити Саше снились странные сны и картинки. То появился большой дружный хор камышовых мух, то встревал Милорд, со всех ног убегающий от кролика. Уже под самое утро прибыла спортивная коза Клеопатра. Вместо рогов на голове у неё торчало рулевое колесо от «МАЗа», а на потных боках были выстрижены чёрно-белые таксомоторные шашечки.

Но даже сквозь здоровый сон слышалось, как вставал и выходил, чуть скрипнув дверью, дядя Митя. Во дворе кто-то шаркался в сорок тысяч ног и скулил часто и нездешне. Звук был такой, будто по кромке осенних речных берегов раскалывался на мелкие хрустальные осколки сентябрьский ледок.

Хорошо, когда хорошо

РАССКАЗЫ ПРО ГОШКУ, КОТОРЫЙ МЕЧТАЕТ СТАТЬ СОЛДАТОМ

ВОТ УЖЕ И ПРИЕХАЛ

Вечером приехал, весело протарабанил кулачком по двери. До звонка ещё достать не может, не дорос в свои неполные пять лет. Вот и протарабанил:

- Открывайте скорее, ведь уже я стучусь!
- А ты кто? – открывая двери, спросил дедушка.
- Гошка я, твой внук. Ты не узнаёшь меня что ли?
- То-то вижу, что со звездой на шапке-ушанке.
- Потому что военная.

И правда, самая по-настоящему военная, – всплеснула руками бабушка, которая выглянула из кухни, вытирая о передник мокрые руки.

– Как у самого взавправдашнего солдата. Но где же твой командир?

– А я с мамой приехал, которая вот она. А папа остался офицерство своё исполнять на дальнем севере.

– Проспал на поезд? – нарочито сокрушается бабушка. – Солнышко его не разбудило?

– Какое на севере зимой солнышко? – снисходительно улыбнулся Гошка. – На севере зимой солнышка не бывает. И не проспал он совсем, потому что меня и маму тоже на поезд провожал.

– И ты смог папу, всамделишного офицера, где-нибудь так и оставить?

- Смог. Он ведь не маленький, скоро сам приедет.
- Правда-правда?
- А те, у которых звезда военная на шапке, никогда не обма-

нывает, – стал горячо убеждать бабушку внук, снимая мохнатые варежки.

– Потому что?

– Да, потому что.

Тогда давай пальтишко, и пойдём пирожки мои пробовать, – снова сказала бабушка.

– Это и не пальтишко совсем, – даже чуть не обиделся новопривыкший внук. – Это моя шинель.

– А ты уже и солдат? – вот и дедушка начинает спрашивать, снимая с него шапку-ушанку со звездой.

– Не дорос ещё до шинели-то, – останавливает поток красноречия сына мама. Она уже сняла с себя шубку и пуховый платок, и теперь начинает помогать Гошке справиться с валенками.

– Ну, пусть будет как будто, – смиряется неохотно Гошка, пряча от всех намернувшиеся совсем непрошено на глаза слезинки. – Всё равно стану скоро гвардейским солдатом.

– Чего бы и нет? – смотрит с укоризной на маму бабушка. – Очень даже станешь.

– Потому что я так хочу, – сказал Гошка, направляясь на кухню, откуда так сильно пахнет чем-то вкусно бабушкой постряпанным.

ВСЁ РАВНО РАНЬШЕ ВСЕХ

Рассвет ещё только-только начинает пробиваться из-за высоких крыш, а Гошка уже на ногах. Просто так, не от какого-то дела. Проснулся и всё тут. Может быть, солнышка сам добудиться захотел. Или на севере своём далёком и без него в привычку входить стало. Совсем как у папы, или даже у его главного командира майора Серёжкина, – в одном доме жил с тётей Томой и Иринкой, которая ему дочка.

Первым делом к маме зашлёпал по запаласенному полу босыми ногами.

– Мам, а мам!

– Ну, чего тебе? – откликается всё равно через какое-то время.

– Я уже проснулся.

– А что теперь мне делать? Спал бы да спал ещё в такую рань.

И правда, на улице ещё совсем темно. Только кое-где в домах огни зажигаются, высвечивая на белом снегу светлые пятнышки.

– Мама!

Нет, проснуться никак не может. Но всё равно, наконец, открывает глаза. А Гошкин уже и след простыл.

– Дед, а дед!

Тоже спит, не поднимется. Словно ему и делать нечего. А вот и радио уже:

– Пип-пип-пип... Московское время четыре часа.

– Деда!

– Не приставал бы в такую рань, – отвечает, не открывая глаза.

«Теперь уже всё равно проснулся, – подумал Гошка. – Теперь уже обратно никак не заснёт».

– Бабушка, – трогает её осторожно за руку, чтобы не заругалась.

– Слышу, мой хороший. Что приключилось?

– Ты уже проснулась?

– Сама бы никак, это ты меня своей заботой проснул, – говорит, осторожно опуская ноги на пол. – А и где же ты?

А Гошки и нет уже. Он опять завернулся в одеяло, и сладко посапывает носом в своей кровати. Вот какой, – покой найти не умеет, когда в проснутом одиночестве вдруг да оказывается.

ЕСЛИ НАЗВАЛСЯ ДРУГОМ

На улицу Гошку сегодня не отпустили. Не потому, что там холодно, совсем нет. Просто его собственная температура по градуснику оказалась выше, чем этого мама хотела.

– Как бы не заболел, – забеспокоилась бабушка.

– Простудился в дороге, может быть?

– Не знаю, что и сказать.

– Таблетку придётся выпить, – это уже мама Гошке с требовательностью в голосе высказала.

– Если она горькая, тогда лучше не надо.

– Зачем таблетки? – заступилась за внука бабушка. – У меня где-то малина сушёная была. Вся температуру, как рукой снимет. Вот возьму и заварю в чайнике.

– Как рукой? – переспросил Гошка и чуть не засмеялся. У него в горле действительно почему-то болело. И он смеяться не стал.

А потом Гошку оставили одного в комнате. Под одеяло не уложили, только одели тепло. Жарко началось под шерстяным свитером. Пришлось подняться на стул и открыть форточку. Сразу стали снежинки прилетать. Но Гошка этому даже обрадовался. И ещё обрадовался, когда на подоконник с другой стороны прилетел взъерошенный воробей. Стукнул клювиком в стекло:

– Тебя как зовут? – спросил как будто, трепыхнув крылышками.

– Гошкой, – сказал Гошка, ничуть не удивившись разговорчивости воробья. – А тебя?

– А меня Федей. Ты здесь живёшь? – снова прочирикал по воробьиному.

– Здесь и живу.

– С дедушкой?

– И с бабушкой тоже, которая мамина мама.

– Давай дружить?

– Давай. А как это?

– А это так, что ты меня будешь всякими зёрнышками угощать. И хлебными крошками тоже.

– Это я тебя, а ты что можешь для меня делать?

– А я с тобой разговаривать буду, когда каждый раз прилечу...

Так обрёл Гошка нового друга. И совсем ничего, что у него в тот раз болело горло по случаю простывания, когда ехал к бабушке с дедушкой в гости с севера.

Подружился Гошка с воробьём. Добрый он. Не сердится даже, когда не находит зёрнышек на подоконнике с другой стороны.

– Чив, – говорит. – Я ведь тоже понимать умею. Где ты можешь набраться столько. Или даже хлебных крошек, если не хозяин в доме.

– Почему не хозяин? – принимается возражать Гошка. Но Федя снисходительно поблёскивает глазами:

– Ты гость, – чирикает. – Ты всего только гость, потому что сегодня здесь, а завтра, может быть, обратно на своём, куда не долететь, севере.

– И совсем даже нет.

– Уе-едешь, – ничуть не сомневается воробей. – Он уже почти опытный, знать понимает, что к чему. Так и сказал:

– Я уже стреляный, меня на мякине не проведёшь.

– Кем стреляный?

– Мальчишкой из чужого двора. Не знаю, как его зовут, но всё равно. Видите ли, ищет приключений.

– И нашёл?

– Очень даже просто, стекло камнем разбил на втором этаже.

– Потому что так и метил?

– В меня метил, – обиженно нахохлился Федя. – Чуть прямо-таки не попал.

– Вот и ладно, что не попал, – заметил Гошка. – А то бы нехорошо было.

– Нехорошо, – согласился стреляный воробей. Но ему не захотелось об этом разговоры разговаривать. – А ты белых медведей видел?

– Видел, – соврал нехотя, потому что если только по телевизору.

– Они на самом деле белые-пребелые?

– Какими же им ещё быть? – чуть не обиделся за них Гошка. – Потому что они так непременно и называются, если хочешь знать.

– Хочу, – тотчас отозвался Федя. – Я тоже их видел. В нашем городском зоопарке. Но там они какие-то не такие. Не совсем белые почему-то.

«Ну, это кому как», – хотел сказать, но только подумал нехотя Гошка. Улетел куда-то Федя, а без него какой может быть разговор?

– Как тебе здесь болеется? – спросила бабушка, заходя в комнату, где его оставила в свитере по случаю неожиданно-негаданной простуды.

– Так вот и болеется, – вздохнул Гошка. А что ещё ему остается делать?

На другой день, как только Гошка проснулся, на подоконник с другой стороны прилетел воробей Федя. По-свойски стукнул клювиком в стекло:

– Какой же ты мне друг, если зёрнышек даже никаких не припас? – раскричался сразу, начиная укорять.

А чего выговаривать, утро только-только начало рассветом обозначиваться. Если хорошо подумать, то и Гошке ничего не стоит взять горсть зёрнышек и мешочка, что в буфете у бабушки сохраняется. Или гречки даже, воробей Федя её тоже, может быть, уважает в смысле пропитания.

Побежал, побежал на кухню. И чуть на бабушку не набежал, торопился сильно.

– Ты куда это резво так направился?

– На кухню, – чуть не споткнулся на бегу Гошка.

– Раньше меня никак не можно, – сказала наставительно. – Ты уж, Игорёшенька, следом за мной.

Это Гошку она Игорёшкой назвала. Потому что без никакой разницы, если хорошо подумать. Даже при его таком дошкольном возрасте.

– А зачем крупа-то тебе, – спохватилась, когда увидела в горсти у внука рис. Просыпался он даже из-за неплотно зажатых пальцев.

– Воробушке Феде, – застыдился Гошка. – Он меня с раннего утра на другой стороне подоконника дожидается.

– Наш пострел везде поспел, – почему-то засмеялась бабушка.

– И тебе уже успел в друзья набиться!

– Успел, – растерялся Гошка. Ему было непонятно, как это бабушка про всё узнала. А она, не сглаживая весёлых морщинок на лице:

– Он и дедушке нашему друг, и девчонке Зинке с балкона рядом, и даже коту Степану Мурмурычу, у которого из чашки вчера украл хлебную краюшку, молочком приправленную.

– Да ну-у! – не поверил Гошка.

– Вот тебе и... С котом долго чик-чирикал, дружбу завести надумавши. А как кот отвернулся – и нет краюшки. Теперь Степан Мурмурыч в ссоре с Фёдором, так и знай.

– А я?

– Дружи, как же! Хоть и озорник он, воробей этакий, которого Федей зовут, а всё птица. Не со зла умом своим воробьиным пользуется.

– Так как же? – разжал пальцы Гошка, просыпая зёрнышки на пол.

– Угощай, чего уж. Иначе никак нельзя, потому что назвался другом.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

– Чем жив? – на дворе повстречав, поинтересовался у Гошки воробей Федя.

– Гулять вот вышел.

– Я не про то, – занервничал, трепыхнув нетерпеливо крылышками, пернатый Гошкин друг.

– Про что же?

Гошка посмотрел, все ли пуговицы застёгнуты на его мохнатом пальтишке. На валеночки посмотрел, которые совсем недавно ходили по снегу далёкого севера. На новые варежки, – их бабушка связала сама и сегодня подарила внуку. Они такие пушистые и ласковые, как будто всё ещё сохраняют бабушкину доброту.

– Про что же? – повторил снова, и выжидательно посмотрел на Федю.

– Про зёрнышки, – начиная сердиться, напомнил Гошке воробей. Как будто это было намного важнее новых бабушкиных варежек.

– А мне они и не нужны совсем даже, – зачирикал, словно угадал в Гошкином молчании его вот такое недоумение. – Когда очень холодно бывает, забираюсь на чердак дома, где тепло и уютно.

– Так бы сразу и сказал, – не собираясь ссориться по пустякам, сказал Гошка. Он собрал в кармане подсолнечные семечки, что остались после вчерашнего покупания в магазине под названием «Природа», и отдал Феде. Жалко, что ли, если он друг!

Поклевал воробей семечки, подобрел. Веселее запрыгал по расчищенной от снега дорожке.

– Ты куда же собрался, спросил уже без интереса.

– На метро кататься. С дедушкой.

– Хорошее дело, – одобрил Федя. Хотя никакого удовольствия

в этом не испытывал. Не доводилось ему ещё бывать в подземном царстве-государстве. Но слышал много о нём от воробья-соседа по имени Стёпка. Он даже в лапах кота побывал, а не то, что в каком-то метро.

– Даже в самые морозные морозы там тепло, – хвастался как-то. – Жаль только, что ни червячка, ни мух в нём видеть не видывал. Да и хлебных крошек ни у кого из людей не допросишься, потому что все куда-то спешат безостановочно.

А Федя там не был, – зачем врать? Тем более, Гошке, который друг. Но как не прихвастнуть, – от этого никаких сил нет удержаться стреляному городскому воробью:

– Там никогда ночи не бывает.

– Как у нас на севере летом? – сразу же обрадовался Гошка.

– Как на севере, – нерешительно согласился Федя. Откуда ему было знать, как там? Но всё равно.

– И огни горят красиво очень даже.

– Как северное сияние! – снова торжествуя подхватил Гошка, и этим совсем сбил с толка пернатого хвастунишку. Не мог он знаниями обладать, которые касаются северного сияния. Но всё равно хотелось ещё прихвастнуть. Мол, всё про всё в этом большом городе знает. Но не стал, забоявшись, что и на этот раз Гошка может удивить невероятным чем-нибудь или необыкновенным. Да и дедушка вышел из подъезда, взял внука за руку и повёл к станции метро. Она была не очень далеко от его дома на улицах города, который Екатеринбург.

С АВТОМАТОМ НА РЕМНЕ

Не скрывая любопытства, шёл Гошка по улице. Ему нравится смотреть на высокие дома, каких в его гарнизонном посёлке не было. И когда людей встречается много, ему тоже очень нравится. И что окна широко распахнутыми стёклами глядят, отражая проходящие мимо автобусы, трамваи и троллейбусы.

– Метро? – переспрашивает дедушку. – Как же, знаю, катался уже. В Петербурге катался и в Москве, но тоже интересно было.

– А лестница-чудесница?

– Эге, – хмыкнул Гошка. Ему не хотелось разговаривать, когда вокруг есть на что посмотреть. И на витрины магазинов разных, где выставлены не только колбасы или какие-нибудь красивые люстры со светильниками, но и мотоциклы даже.

– Я тоже хочу.

– Велосипед?

– И велосипед, ясное дело.

– Давай лучше подождём до первых листочков на деревьях.

– Давай, – согласился со вздохом Гошка. Он и сам понимал, что много по снегу на велосипеде не накатаешься, даже на двухколёсном.

– Может быть, игрушку какую хочешь?

– Саблю, или автомат даже.

– Воевать что ли собрался?

– Не-ет, – растерялся даже Гошка. – Но как же быть солдату без автомата?

– А ты солдат?

– Скоро буду. Завтра, может быть.

– Ну что ж, – согласился почему-то без охоты дедушка. – Автомат так автомат.

– С батарейками? – восторженно выдохнул Гошка.

– Пусть будет, как хочешь.

Дальше по городу Гошка шёл совсем по-солдатски. Потому что за спиной у него на ремне висел автомат. Очень похожий на настоящий. У него в стволе зажигается красная лампочка, когда если на курок нажать. Настолько похожий, что контролёр в метро даже пускать не хотела.

– С оружием не пускаем, – говорит.

– А это просто автомат, – забеспокоился Гошка. – Это не всамделишное оружие.

– Тем более.

– Пришлось доказывать, что стреляет этот почти настоящий автомат понарошку. Но дома сразу занялся своим вооружением. При полной серьёзности занялся. Снял с плеча и на стол положил, – ви-

дел, как солдаты в казарме ухаживают за своим автоматом. Чистят его, смазывают, если в разобранном виде. А потом кладут на место и берегут дальше, соблюдая уставный порядок.

Вот и решил Гошка после обеда заняться этим солдатским полезным делом.

– А спать? – забеспокоилась мама.

В детском садике прежде всего после обеда детей в постельки укладывали. Вот и приходилось спать, или даже притвариваться с зажмуренными глазами, чтобы Мария Сергеевна не заругалась. Но потом всё равно засыпал всякий раз, сам того не замечая.

– Я же не в садике, – начал было захныкивать Гошка.

– Если не хочешь расти, можешь не спать. – Это бабушка сказала, переглянувшись с мамой. – Оставайся маленьким, тогда уж ни о каких солдатах помышления не имей.

С глубоким сожалением посмотрел Гошка на свой новый автомат, который стреляет красным огоньком в стволе. И стал неохотно снимать с себя вельветовую курточку.

ПОТОМУ ЧТО ИНТЕРЕСНО

К игрушкам Гошка относится по-разному. Одни, наигравшись, укладывает обратно в коробочку, если были куплены в ней. Другие подолгу не выпускает из рук, а когда они наскучивали, брался за молоток и отвёртку.

– Зачем ты это сделал? – спрашивает и на этот раз бабушка, взгляд которой падает на недавно купленную заводную машинку.

– Интересно было посмотреть.

– Посмотрел?

– Посмотрел, – говорит внук с явным удовлетворением, ссылая детальки в коробочку из-под монпансье, таких маленьких конфеток, леденцы которые.

– Больше не интересно? – не унимается бабушка. – Наигрался, значит?

– А что же теперь? – поднимает на неё глаза Гошка. – Какая сейчас с ней игра, если без колёс?

– И зачем тогда разбирал?

– Интересно было посмотреть, что у неё там внутри, потому что жужжит, если завести вот этим ключиком, – поясняет без сожаления в плутоватых глазах.

– Другой не будет.

– Никогда-никогда? – вскидывает недоверчиво левую бровь, как это делает мама, если бывает чем-то очень удивлена. Или не очень даже, но всё равно.

Бабушка огорчённо вздыхает и отходит от внука, явно недовольная его поведением. Хотя действительно чего уж теперь.

Дедушка по-своему проявляет озабоченность. Как же? – бережливость Гошкина в полном отсутствии, не жалеет затраченных на дорогую игрушку средств.

– Почему так? – спрашивает, берёт в руки ставшие бесполезными детальки.

– Машинка моя? – интересуется у него Гошка, глядя снизу вверх.

– Твоя.

– Мне бабушка её подарила?

– Подарила.

– Навсегда?

– Так и есть.

– Значит, могу с ней играть, как хочу, – коротко подытожил переговоры с дедом. – Вот я и поиграл.

– Ему нужен конструктор, – вступает в разговор мама. – Пусть тогда сам строит и сам ломает, если ему так нравится.

– Предлагала, когда в магазине были, – снова вздыхает бабушка. – Ему, видите ли, заводная машинка понравилась.

А Гошка сидит за своим столом, не слушая, о чём говорят взрослые. Заглядывает внутрь недавно купленного дедушкой автомата. Что у него там есть?

ЕЩЁ БЫ ХОТЕНЬЕ

Читать Гошка умеет. Не очень хорошо, конечно, только если по слогам. Всё равно получалось неплохо. Ещё в северном детском садике научили. Не то, что другие ребята, которые в садик не ходили,

они даже буквы не знают. А Гошке ничего не стоит прямо сейчас книжку раскрыть, только читать нет охоты, как ни упрощай.

– Не хочу, – говорит.

– А мне узнать интересно, – начинает его уговаривать дед. – Хотя бы про что рассказ в твоей книжке с красивыми картинками.

– Всё равно, – сам не зная, почему упрямится Гошка. И на глаза ему наворачиваются крупные слёзы, которые ещё немного и потекут по щекам.

Дед не стал сердиться, но расстроился очень даже.

– Как же, мечтаешь стать, может быть, даже сержантом, если учиться хотенья нет?

Молчит в ответ внук, носом упрямо сопит. Но книгу взять в руки не проявляет никакого желания.

– Я почему-то думаю, что ты, Гошка, никаким солдатом не можешь стать, – продолжает огорчаться дед.

– Всё равно читать не хочу.

– Ну и не хоти. Что я могу поделывать, если такая нехорошая история приключается с моим внуком?

Ничего не сказал на это маленький упрямец. Убежал в другую комнату и двери за собой закрыл. Чтобы там поиграть сначала с мячиком, а потом пощёлкать пистолетиком, у которого пистоны давно закончились.

Наигравшись, заглянул в дедову комнату, в которой читал он про что-то в газете.

– Дед, а дедушка!

– Чего тебе?

– Давай в шашки поиграем, хочется мне почему-то.

– А мне нисколько не хочется.

– Как это? – удивился дедушкин внук. В шашки поиграть никогда он прежде не отказывался.

– Ну, тогда загадывай мне загадки, – оправившись после такого непонятого отказывания, попросил, тронув деда за рукав.

– Тоже не хочу.

– Почему? – насупилась Гошка, чувствуя, что начинает обижаться.

– Потому что.

И правда, лоб наморщил от обиды, поковырял пальцем в носу. Он себе представить не может, чем ещё можно заняться. Надеялся на дедушку, который, как прежде бывало, усмехнётся по-доброму, посадит внука на колени и что-нибудь интересное придумает. Ведь ему уже много лет, про всякие игры знает.

– Тогда давай в какую-нибудь игру играть, – предложил Гошка, проявляя инициативу. И потянулся к настольному хоккею.

– Нет, с теми, кто учиться не хочет, никаких дел иметь не стану. Потому что нехорошо это, когда книжку с такими интересными картинками другом назвать не хочешь.

Гошка помолчал. Совсем немного, чтобы только подумать, опять же наморщив лоб. А потом без каких-нибудь других слов книжку в руки взял и по слогам прочитал заголовок на обложке с картинками. Там незнакомые ребята на лавочке сидят и о чём-то, может быть, разговаривают.

«После зимы будет лето», – прочитал, запинаясь. И вопросительно посмотрел на деда.

ОЧЕНЬ ПРОСТО НЕ ПОВЕЗЛО

Хорошо, когда всё хорошо. И погода что надо, и конфетка с красной обёрткой в кармане есть. Бабушка дала её Гошке, чтобы подсластить прогулку по двору. А там совсем недавно снег шёл, всё покрыто им – белым и пушистым. И ни одной ещё колеи не проложено машинами, которые сюда иногда заезжают во всегда открытые ворота.

В кармане конфетке тепло. Её то и дело трогает Гошка, предвкушая шоколадную сладость на губах. Но нет, сегодня он с неё красивую обёртку снимать не станет. Возьмёт и подарит кому-нибудь – Марине или Танечке. Или даже Серёжке, хотя он часто дразнится ни с чего и не всегда жалуется детворе своей добротой. Часто ссорится даже, если что не по нраву придётся.

– Трудный мальчик, – как-то сказала о нём дворнику бабушка. Но Гошка всё равно слышал.

– Мама его допоздна на работе бывает, – согласно кивнул головой дядя Троша, словно его оправдывая. – А папа работает ар-

тистом какого-то народного театра. Он поэтому часто на гастролях бывает в каких-нибудь других городах.

– И всё равно, почему бы не подарить конфетку непосредственно Серёжке? – размышляет вслух Гошка. – Добро всегда добром возвращается.

Это ещё папа говорил, только теперь уже вряд ли вспомнить кому. Потому что почти три недели прошло, как проводил сына и маму из своего гарнизонного посёлка в тогда ещё мало знакомый город, где бабушка и дедушка уже почти до самой старости живут.

Проехала какая-то легковая машина. Остановилась перед воротами, словно раздумывая, стоит ли заезжать. Нет, так и не заехала. Только вышел из неё, хлопнув дверцей, сосед Кузьма Трофимович. Он живёт на четвёртом этаже, в той же квартире, что и собака с заросшими шерстью глазами по кличке болонка. Или по какой-нибудь другой, но опять же бабушка говорила, а она всё знает.

Хорошо, когда есть конфетка в кармане. Не снимая варежку, Гошка потрогал её хрусткую обёртку, но вынимать из кармана не стал. Потому что всё равно кого-нибудь из ребят встретит и первому же её подарит. Чтобы не думали, что он жадный или ещё какой-нибудь.

Гулял по тропинке, её сам проложил вдоль дома. Хотя и узенькая ещё, но своя. Это уже потом дядя Троша с лопатой или даже с метлой выйдет. А сейчас Гошка себя по праву первопроходцем назвать может. Как Мичурин, может быть, или не знает кто, потому что в школу ещё не ходит.

Жаль, что никто из ребят из подъездов не выявляется. Почему-то знать не знают про конфетку в Гошкином кармане. Может быть, постучать в какую-нибудь дверь своего или другого подъезда? «Нет, не стоит, – подумал, продолжая терпеливо ходить по своей тропинке. – Тогда будет не так интересно, как задумано».

И всё равно ему было очень жалко, что никто так и не узнает о его желаниях, связанных с добротой и хорошими намерениями, с которыми вышел сегодня на заснеженный двор. Потому что конфета и правда очень вкусной оказалась, с орешками какими-то в шоколадной помадке.

В КАКУЮ СТОРОНУ

Длинная-длинная, широкая-широкая улица видна из окна дома, в котором вот уже долго живёт Гошка. Живёт и удивляется, потому что каждый день есть чему удивляться. Трамваям, например, или автобусам, они то и дело проезжают туда и обратно, расписанные разными красками. Большими и маленькими буквами, а иногда и картинками разными – автомобилями, телевизорами и бананами нарисованными рассказывают про магазины. Их и на этой улице много, может быть, только Гошка пока ещё не про всё знает.

– Реклама эта с ума может свести, – сокрушается иногда бабушка. – Сходить, посмотреть хочется, а что как полезную вещь для дома купить доведётся.

– Экскурсию, что ли, провести, – смеётся дед. Ему почти всегда бывает некогда по магазинам ходить, а Гошке хоть бы что, интересно даже.

– Не выдумывай! – бабушка не сердится, да и зачем сердиться, если вот уже и опятьстряпню какую-то затевает. Может быть, пирожки с капустой. Или с грибами, их она засушенными в магазине купила недавно под вывеской «Природа» над входом. Смешно даже, какая там может быть природа. Одни только прилавки. Покупателей тоже много, среди них даже дети есть за ручку с мамами или с бабушками.

На этот раз Гошка вышел погулять с определённым намерением. Очень хотелось посмотреть, что есть на этой улице, какие магазины или аптеки. Может быть, фабрики и заводы тоже?

Вышел за ворота, много прохожих увидел. Одни просто так со школьными ранцами куда-то идут, а некоторые другие даже спешат.

– Тебя как зовут? – спросил у встречной девочки. Хотелось не одному, а с кем-нибудь, пусть даже с незнакомой пока девочкой начать путешествие по этой улице. Почти совсем загадочной уже за тем перекрестком.

– А я с тобой пока незнакомая, – сказала с недоверием, а ведь ничего обидного ей не говорил. Оказывается, никакой попутчик ей не нужен, потому что за молоком с бидоном в магазин пошла.

– Скажите, как пройти? – обратился с вопросом к пожилому дяденьке. Он хоть и без бороды, но всё равно в какой-то шляпе и с портфелем, перетянутым ремешком. Это чтобы случайно ничего из него не выпало.

– Куда тебе? – остановился вежливо.

– Куда-нибудь.

– Маму, что ли, потерял?

– Да нет, мама дома.

– А где твой дом?

– Гошка показал рукой на знакомые окна, за которыми бабушка и дедушка всё время живут, а мама что-нибудь делает.

– Ну, молодец, – почему-то обрадовался даже пожилой дяденька с портфелем. – Так держать! – И ушёл, чтобы даже не оглянуться. Торопится очень или ещё почему-нибудь.

Посмотрел Гошка по сторонам. Но ни к кому приставать не захотелось. Заблудиться ли при таком обилии машин и людей, если всё прямо и прямо, а потом обратно? Конечно, стоит ли спрашивать дорогу у людей, если всё прямо и прямо, а потом обратно? Конечно, нет! – решил мужественно. И всё равно задумался в неопределённости: в какую сторону идти. Если налево, то, конечно, многое увидит. Магазин, в котором игрушки продают или мебель разной конструкции, киоски со сливочным мороженым, апельсинами и шоколадными батончиками. Но как быть с «направо»? – там тоже ведь много интересного. Сквер со снежными фигурами или спортивный магазин с велосипедами и моторными лодками. А дальше, если до самого вечера – чудеса да и только с ярко горящими световыми рекламными. Их далеко видно даже из окон дедушкиного этажа, который чуть ниже крыши.

– Ты как здесь оказался? – это бабушка спросила, остановившись вдруг перед Гошкой. Она в булочную вышла, чтобы купить баночку кофе или пачку индийского чая, если со слоником на упаковке неместного производства.

– Мне посмотреть интересно.

– Ну, посмотри, пока хожу, – согласилась, ничуть не рассердившись, что за ворота вышел. – Потому что растёшь, тебе много знать надо.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ СДЕЛАТЬ

– А что? – спрашивает каждый раз Гошка, сделав что-то не так.

– Но ведь это нехорошо, – сокрушается бабушка. – Надо, прежде чем что-то сделать, хорошенько подумать.

– Не подумал.

– Больше так не будешь?

– Не буду.

Но потом снова, забывшись, делает что-то не так. Вот и сегодня расковырял дверь в комнату гвоздиком. Так, что на неё даже смотреть не хочется.

– Тебе это надо было?

– Нет.

– Так зачем же?

– Не знаю. Просто так.

– Просто так ничего не бывает, – огорчается на этот раз и дед. – Двери стали некрасивыми, их надо ремонтировать.

– Надо, – соглашается Гошка. И направляется без напоминания в угол. Потому что виноват. Но через некоторое время:

– Дед, а дед!

– С виноватыми не разговариваю.

– Я уже надумал.

– Что?

– Больше так не буду.

– А как будешь?

– Никак. Можно мне выйти из угла?

– Ты хорошо подумал?

– Хорошо.

– Тогда можешь выйти.

И действительно, двери больше не ковыряет. Некоторое время тихо занимается игрушками. Чтобы снова не заругались. Не нравится ему такое занятие, но всё равно.

А бабушка:

– Ты опять пластилин разбросал?

– Разбросал, – вынужден согласиться Гошка.

– Зачем?

– Я не нарочно, я играл.

– А кто убирать будет? – сердится бабушка. – Вот я наступила и понесла по всем комнатам.

– Плохо это, – соглашается Гошка.

– Почему же раньше об этом не подумал?

– Не знаю, – говорит, озабоченно разглядывая картинки в журнале, только что взятом у мамы со стола.

– Ну и что же будем делать?

– Я больше так не буду. Я ведь уж понял, что пластилин разбрасывать нельзя.

– Хорошо, что понял, – не унимается бабушка. – А кто его в коробочку собирать станет?

– Я маму попрошу, мне сейчас некогда.

– Мама, что ли, им играла? – снова проявляет заботу бабушка.
– Почему она за тобой убирать должна?

– Потому что я у неё один сын.

– Какой сын?

– Непослушный, – нехотя соглашается Гошка. – Вы меня только не наказывайте в угле, – нет, в углу. Я уже надумал, что так больше не буду.

Без желания начал собирать разбросанные по полу кусочки пластилина. Складывает в коробочку.

Но всё равно наказания избежать не смог. Такой уж день у Гошки оказался неудачным. Потому что прежде чем сделать, опять не подумал. Открыл крышку маминого фотоаппарата и стал громко размышлять вслух:

– Оказывается, здесь ничего нет.

На плёнке, то есть, которая сразу засветилась, как сказала бабушка. Вся как есть белая и без никакого изображения, на которые Гошка так хотел посмотреть. Прежде видел заснятую и проявленную, на которой был и он с папой, и бабушка с дедушкой, и мама с собакой Рольфом, она немецкая овчарка. И даже улицу своего гарнизонного посёлка видел, откуда приехал на этот раз с мамой в гости.

– Что же ты наделал? – очень даже рассердилась мама, расстроенная шалостями сына.

- Я больше так не буду.
- Это уж точно. Если ещё хорошенько подумаешь в углу, никогда так делать не будешь.
- Тогда я пошёл, – виновато вздыхает Гошка, буквально через несколько минут чтобы:
- Я уже надумал.
- Что?
- Не буду больше трогать мамин фотоаппарат без спроса.
- А ещё что?
- А ещё прежде думать стану, – опять виновато, почти шёпотом говорит Гошка из своего заточения. Уже выйти готовый на волю после сурового наказания. До следующего раза.

ПОД КОЗЫРЁК

Гошка всё равно хочет быть солдатом. Он вам уже об этом говорил? Конечно, дело решённое. Солдатом или даже маршалом Жуковым. Который памятником сидит на скачущем коне.

Каждый раз, проходя мимо памятника, начинает чеканить шаг и прикладывать ладошку к виску, по-военному приветствуя легендарного военачальника.

– Он герой? – спрашивает каждый раз у деда, с которым любит бывать здесь. Чтобы ещё раз повстречаться с маршалом Жуковым, сидящим с оголённой саблей на командирском коне.

– Как же! – самый геройский герой.

– Почему самый? – поворачивает голову к деду. Ожидает ответ, хотя хорошо его знает. Потому что просто нравится слышать об этом ещё и ещё раз.

– Потому что у него много геройских орденов на груди.

Гошка задумывается, невольно снова переходит на строевой шаг. Всё равно памятник уже близко. А вот и он.

– Дед, а дед!

– Чего тебе?

– А маршал Жуков отсюда не ускачет?

– Куда же, если памятник? – вопросом на вопрос отвечает дедушка. – Навечно здесь поставлен.

- А конь-то уже и копыта поднял.
- Что с того?
- С того ничего, – соглашается Гошка. Но всё равно ему, может быть, хочется, чтобы конь помчался, искры высекая из-под копыт. Чтобы опять расправиться со всеми вражескими фашистами.
- Да нет, с места не стронется.
- Правду говоришь, что маршал Жуков здесь будет сидеть на коне долго-долго?
- Всегда будет сидеть, – ничуть не сомневаясь, подтверждает дед. С уважительностью утверждает, хотя на войне ему воевать не доводилось. Потому что, когда гремели бои, он был совсем маленьким. Как Гошка почти, который всякий раз, проезжая на трамвае мимо окружного штаба Центрального военного округа, с нетерпеливым интересом заглядывает в окно:
- Маршал Жуков никуда не ускакал?
- Никуда, – улыбается по-доброму дедушка. И все, кто сидят рядом с ним в трамвайном вагоне, тоже улыбаются.

У МЕНЯ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН

Что-что, а поговорить Гошка любит. Всё равно с кем. Всё равно о чём. Тем более, если на него обратят внимание, скажут ему или в его адрес какие-нибудь слова.

- А вас как зовут? – спрашивает. – А меня Игорем. У вас есть сынок?
- Есть, но он уже большой, в школе учится.
- Мою сестрёнку Дашей зовут.
- Она старше или младше тебя?
- Да она ещё маленькая, но у меня сегодня животик болел, не знаю почему.
- Надо, чтобы тебя тётя-врач посмотрела.
- Мой папа военный, а маму зовут мамой Таней.
- Хорошо...
- А у вашего сынка есть какое-нибудь оружие? Пистолет или автомат какой-нибудь, который стрелять может?
- Нет, он уже с пистолетиками не играет.

– А мне дедушка скоро саблю сделает.

– Хорошее дело...

К двери на звонок старается добежать первым. Как это ему удаётся – трудно сказать, но всё равно:

– Вам кого?

– Позови кого-нибудь из старших.

– Бабушка ушла в магазин за хлебом и за колбасой. Может быть, даже за сосисками. Или за консервой, которая рыбная. Потому что скоро обед. А вас как зовут?

В свои неполные пять лет Гошка считает себя уже вполне взрослым. Поэтому с уверенностью знающего себе цену человека поднимает телефонную трубку на звонок:

– Здравствуйте, вам кого?

– Маму...

– А мамы нет, она работает на работе.

– А папа?

– Папы тоже нет. Он уехал в казарму служить, потому что командир. У него есть оружие и автомат. Танк тоже есть, он на нём ездит офицерство исполнять.

– Ты дома один?

– Нет, но бабушка болеет, к телефону подойти не может. Если температура высокая и голова тоже болит. Или даже грипп. Скоро я позову врача приехать на скорой помощи, он градусник поставит.

– Тогда я позвоню в другой раз...

– Дедушка дома, но он мне краски не даёт, чтобы войну нарисовать. Но мы всё равно победим.

– Я вас слушаю, – берёт у Гошки трубку дедушка, которому начинает не нравиться болтовня внука. Да и кому может понравиться, если какому-то незнакомому человеку рассказывает о семейных проблемах?

– Вы объявление в газету давали? – спрашивает незнакомый женский голос.

Нет, никакого объявления дедушка в газету не давал. Это он точно знает. Так и сказал человеку на другом конце провода, хорошо из-за Гошкиной болтовни осведомлённому о жизненных ситуациях в

его семье. И о внуке, конечно, который что-нибудь знает и хочет об этом от всей души наговориться. Хоть с кем, хоть о чём, – а как же!

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ

– Как жив? – стукнул клювиком в стекло примороженного окна знакомый воробей Федя, когда Гошка проснулся и скинул с себя одеяло. Но ответа не дождался, потому что или Гошка его не услышал, или ему ещё всё равно спать хотелось. Но утро уже наступило, поэтому надо подниматься. Да и бабушка на кухне гремит крышками, пахнет чем-то вкусным.

А настроение плохое, потому что сон во сне увидел. Папу в парадной форме, но не в танке ехал, а на коне скакал, как маршал Жуков. Гошку не заметил даже, только на воробья Федю посмотрел. Трепеща крыльшками, тот сидел на папиной руке. Как сокол, которого охотники возят на лошадях, – по телевизору показывали.

– Ты что такой? – спросила бабушка, увидев своего заспанного внука расстроенным.

– Какой?

– На себя не похожий.

– Как это? – невесело усмехнулся Гошка, но на всякий случай подошёл к зеркалу. Чтобы узнать, правильно ли сказала бабушка.

Нет, на себя Гошка похож. Только лохматый очень, он сегодня ещё ни разу не причёсывался. И сонливость с лица ещё никуда не пропала, надо сначала умыть лицо. И глаза, чтобы добром засветились. Так бабушка всегда говорит, когда к умывальнику Гошку отправляет.

– Ожили чтобы, – говорит. – А то вроде бы есть, а вроде бы глаз и нет. А как это? – разъяснениями заниматься не стала.

– Одевайся скорее, – говорит, чтобы позавтракать вместе с дедом.

– А я и не хочу совсем! – заупрямился Гошка.

– Заставлять не стану, только тогда с бабушкой не пойдёшь.

– Куда? – встрепенулся Гошка. Совсем забыл, что его сегодня хотели сводить в зоосад.

– На белого медведя посмотреть.

– Который совсем и не белый? – спросил Гошка, вспомнив о рассказах воробья Феди.

– Какой уж есть, – это дедушка отозвался, который был готов исполнить своё вчерашнее обещание по поводу занимательного погляденья.

– А там обезьянки есть?

– Надо полагать.

– А олени?

– Как же без них? – подхватила бабушка, раскладывая тарелки по столу. И ложки. И стаканы, которые в подстаканниках для чая. Или ещё Гошка не знает, для чего в этот раз. Для компота, может быть. Или для киселя.

Пойду на белого медведя посмотреть, – сказал Гошка воробью Феде, когда насыпал на подоконник крошек со стола.

– Чего-чего?

– На белого мед-ве-дя, – повторил Гошка, удивляясь такой непонятливости своего пернатого друга.

– Что ли его никогда не видел?

– Видеть-то видел, дедушке хочу показать.

– Тогда понятно, – чирикнул воробей. Но так неуверенно чирикнул, что можно было засомневаться, так ли это на самом деле.

– Ну и на обезьянок взглянуть хочется.

– И на павлина? – Федя даже присел, надеясь услышать какой-нибудь положительный ответ. Потому что и он бы не прочь посмотреть на птицу, о которой с таким восторгом чирикал когда-то воробей Стёпка с соседнего двора. А ему ещё не доводилось видаться с павлином, хотя в зоопарке однажды и побывал.

– И на павлина, – согласился Гошка. Но уверенности в его голосе не было. Потому что дедушка ничего про павлина не говорил. А вдруг, да и нет его совсем в этом зоопарке. Но всё равно...

– Тогда я за вами полечу, – заторопился воробей Федя. – Я тоже хочу... на белого медведя посмотреть.

Хитрит, конечно. Не медведь ему нужен, а на диковинную птицу взглянуть надумал, если такой случай вдруг представился. Зачем ему белый медведь? Да и видел он этого медведя. Правда, в тот раз он не очень белым был почему-то. Непонятно даже, хотя то и дело в водоём залезал. Вода в нём летом тёплая, может быть.

– А на войне медведи бывают? – между тем обратился Петька к дедушке, закрывая форточку.

– Откуда им там быть?

– И всё же? – не унимается, засовывая в пальтишкин карман пистолет. Он пистонами стреляет, но их на этот раз не было, все истреляны накануне. Тогда Гошка чужого кота гонял по лестничной площадке, только он почему-то совсем не забоялся.

На улице не очень холодно. Гошка почти не замёрз. Он шёл, и всё время поглядывал на воробья Федю, который перелетал, следуя за ним, с ветки на ветку.

– А на войне зима тоже бывает? – держась за руку деда, обратился к нему Гошка.

– Как не бывать?

– Не бывать? – удивился даже, словно засомневался в справедливости дедушкиных слов.

– Война не глядит на времена года, когда начинает стрелять из танков и пушек, – начал разъяснять дед.

– И там всё-всё военное?

– Где?

– Да на войне?

– Ну, не знаю...

– А я знаю, – расхрабрился Гошка. – Там и дома военные, и улицы военные, и деревья.

– И собака, которая вон через дорогу перебегает?

– И собака!

– И тополь? – засмеялся дедушка. Негромко, но всё равно засмеялся.

– И тополь.

– И мороженое?

– И мороженое, – не унимается Гошка. – Трамвайные билеты – и те военные.

– А я? – чирикнул с дерева над головой воробей Федя. Ему тоже почему-то захотелось стать военным воробьём.

– И ты, – сразу же не стал возражать Гошка, потому что эта игра ему стала нравиться.

– Ну, кого увидели? – встречая у порога, поинтересовалась у внука бабушка. Весь в снегу был, потому что на улице идёт снег такой белый и такой пушистый, что даже и у дедушки на шапке его много. Только воробей Федя как был серый, так серым и остался. Он всё время крылышками махал, вот снежинки на нём и не удержались.

– Военного медведя видели.

– Почему военного? – даже почему-то немного испугалась бабушка.

– Потому что там и волк, и олень тоже военные.

– С пулемётами что ли?

– Не-ет, – запнулся вдруг на полуслове Гошка. – Только всё равно там все военные. Даже тётенька, которая при входе билеты проверяет.

– Ну, тогда ладно, – начала успокаиваться бабушка. – Тогда иди мой военные руки военным мылом и садись за военный стол есть военные щи военной ложкой.

– Я сейчас, – по-военному обрадовался Гошка. И, посмотрев в окно, где уже сидел на подоконнике воробей Федя, пообещал ему:

– Подожди немного, не улетай в военное небо, я сейчас тебе насыплю на подоконник с другой стороны военных крошек.

Ничего не сказал воробей. Может быть, не услышал Гошку за двойным стеклом рамы. Но улетать не стал. Он верил, что друг не оставит его без крошек на обед. Пусть даже военных, если на то пошло. Тем более, что на улице зима, а сегодня ещё и со снегом.

ЧТОБЫ ЗНАТЬ

– Раз, два, три, четыре, семь, – считает Гошка ступеньки в подъезде, поднимаясь на третий этаж.

– Пять, шесть, – поправляет дедушка.

– Пять, шесть, семь, – не возражает Гошка, отступая назад на несколько ступенек, чтобы не было ошибок в счёте.

– Верно, теперь семь.

– Восемь, девять, одиннадцать...

Считать хорошо. Кому может не понравиться называть цифры,

переступая со ступеньки на ступеньку? Лестница светлая и широкая. Перила не слишком высокие, за них Гошка придерживается, совсем как взрослый.

– Чив, – сказал ему воробей Федя, который сидел, нахохлившись, на другой стороне подоконника. Это уже когда Гошка снял в прихожей своё пальтишко и вошёл в комнату.

– Как жив?

– Чего и тебе желаю, – не задержался с ответом Гошка. – А я уже и считать умею.

– Зачем, зачем это нужно?

И правда, воробьям счёт ни к чему. Для зёрнышек, что ли? Их клюй себе на здоровье, сколько есть – и всё тут.

– Как же можно будущему солдату без счёта? – в свою очередь искренне удивился Гошка. – без счёта никак нельзя, потому что если вдруг да в бой идти.

– Ну и чик?

– А то...

Что именно – Гошка не знал. Потому что увидел на столе мамой оставленную бумагу и карандаши. Из них некоторые даже цветные, потому что грифельки у них разноцветные.

– Чив?

– Вот буква А, – начал объяснять воробью Феде, показывая свои познания в алфавите.

– Чив, – повторил воробей, не без любопытства заглядывая в окно.

– Вот буква З, – продолжает Гошка, взяв другой карандаш из разноцветной коробки.

– Чив? – полюбопытствовал Федя.

– Вот буква Б, – уже третьим карандашом, на этот раз зелёным, написал старательно. Можно сказать, получается красиво. Почти как на книжке с яркой обложкой, откуда срисовывает эти буквы. Их Гошка уже знает, – прежде чем написать слово, прочитал почти без запинки:

– Аз-бу-ка.

А воробей букв не знает. Потому что никто его этому не учил.

Да и зачем знать буквы воробью, который и карандаша-то в лапах никогда не держал? Но всё равно:

– Чирик! – сказал Федя. Как будто ему понравилось, что маленький друг так много знает. Даже алфавит, потому что собирается стать солдатом. А какой может быть солдат без знания букв?

– Вот и всё, – сказал, наконец, Гошка, написав всё слово разноцветными карандашами. Получилось так красиво, что захотелось показать своё умение бабушке или даже дедушке. Может быть, и воробью Феде, только он всё равно в грамоте ничего не смыслит. Как и в военном деле, если сказать по правде.

Но всё равно он друг, поэтому Гошка на этот раз тоже не забудет насыпать ему зёрнышек. Или даже крошек. На другую сторону подоконника, где воробей всё ещё сидит и не собирается улетать. Потому, может быть, что знает: если Гошка назвался его другом, то ему всё равно, грамотный Федя или совсем даже неграмотный. И если даже солдатом быть не собирается.

– Только всё равно жалко, – вздохнул Гошка. И направился с написанными на бумажке буквами в другую комнату к бабушке. Чтобы через какое-то время вернуться обратно, но уже с обещанными зёрнышками для пернатого Феде.

Юрий БРИЛЬ

Бедная Люда

РАССКАЗ В ПИСЬМАХ

Здравствуй, мой сынок Сашенька!

Недели нет, как ты в санатории, а я уж соскучилась по тебе. С тобой весело, с моим колокольчиком, а без тебя грустно. Затеяла было ремонт, да раздумала – руки ни к чему не лежат. Половая эмаль, которую принёс дядя Володя, так и стоит под кроватью. Ну и пусть стоит – она есть не просит. Может, она и не пригодится. В жилуправлении говорят, наш дом вскорости будут сносить. Это хорошо, пусть сносят. Тогда нам дадут благоустроенную с ванной и туалетом двухкомнатную секцию.

Сашенька, сынок, ты напиши, не обижает ли тебя кто? Чем кормят? Выпускают ли гулять? Кушай больше, не стесняйся просить добавку. От таблеток не отказывайся. Они хоть и неприятны на вкус, зато полезны для здоровья.

Твоя мама

Здравствуй, мамочка!

Нас кормят хорошо, четыре раза, и разрешают просить добавку. Но кашу я не люблю, я люблю картошечку в мундире, как варишь ты, и селедочку иваси посолиться. Альбинушка говорит, ешь, а то не поправишься. И я ем, хоть и не хочется. Альбинушка выводила нас гулять и ещё обещала, когда погода наладится. Мы гуляем после сна, а утром нам некогда. Утром у нас процедуры. Альбинушка и врач Нина Сергеевна меня хвалят за то, что я смелый, не боюсь процедур. Альбинушка у нас добрая, не наказывает, если не провинимся. Она улыбается и говорит, славные вы мои кукушата. В санатории, конечно, хорошо, только бывают тараканы. Особенно,

когда темно. Как выключат свет, они ползут, и бывает, что в кровать. Поэтому мы стараемся свет не выключать.

Твой сынок Саша

Здравствуй, мой сынок Сашенька!

Вот и хорошо, что тебе нравится. Когда я была девочкой, меня тоже отдавали в санаторий, и мне нравилось. А тараканов ты не бойся, это мирные насекомые. От них никакого вреда. Всё, что тебе дают, съедай, особенно таблетки. Тогда ты быстро поправишься, и я за тобой приеду. А пока, чтобы не скучно было, заведи себе дружка. С ним играй в тихие игры.

Твоя мама

Здравствуй, мамочка!

Я завёл себе дужка, как ты говорила. Его зовут Петя. У Пети есть гонка. Мы катали гонку в коридоре. Ох, и весело было! Мы катали, а тараканы улепетывали в разные стороны. А после сока приехала Петина мама и забрала Петю. Сначала Петю не отдавали, и Петина мама плакала и ругалась с Альбинушкой и врачами. Потом отдали, и они ушли. Мы все плакали и просились домой.

Утром Альбинушка подошла ко мне и сказала, вот что, кукушоночек, примерь-ка брючки. Эти брючки Петя оставил, а тебе, наверно, будут в самый раз. Брючки хорошие, с начёсом. Так сказала и дала брючки. И брючки мне как раз подошли. Жаль, что Петя не оставил гонку. Гонка быстрая, с номером пять. Ты сходи, мамочка, в магазин – может, выбросят гонки. Купи одну с номером пять. А если гонок не будет, тогда модельку, как у Саши Попова. У нас в игровой комнате много игрушек. Есть кукла Марина, хорошая, только головка помятая и ножка отпадает. Есть грузовик и ракета из железной проволоки. Но я играю своими индейцами, которых мне подарил высокий дядя, дядя Толя, кажется. Книжек в игровой комнате не держат. Детям давать книжки нельзя. Они рвут их.

Твой сынок, Саша

Дорогой сыночек Сашенька!

Я рада за тебя, сыночек, и за твою воспитательницу Альбину

Михайловну. Я всегда говорю, главное в человеке – добрость. Если в человеке есть добрость, то он человек. Если нет – я извиняюсь. Я вот тоже познакомилась с хорошим человеком.

Утром у меня болела голова, поэтому я пошла немного прогуляться, подышать свежим воздухом. В кармане мелочь. Ну, бубличек, ну стакан газированной воды «Саяны». Тут за стоечкой я и познакомилась с дядей Борей. Дядя Боря хороший, потому что в нём есть добрость. Он меня очень жалеет, гладит по голове и говорит, бедная, бедная Люда.

Твоя мама

Здравствуй, моя мамочка!

Сегодня была хорошая погода, и мы гуляли на участке. Кто играл, а кто бегал. Но я не играл и не бегал. Я стоял себе у дерева. И вдруг я увидел гриб. Никто не увидел, а я увидел. Трава – тьма зеленая. А в ней огонёчек – это гриб. Он прижался к корню дерева и прикрылся жёлтым листком, но я всё равно увидел. Я увидел и как закричу, гриб! Гриб! Прибежали дети, смотрят. А гриб настоящий, живой. Я потрогал его пальцем и понюхал. Он пахнул, наверно, каким-нибудь маслом. Но тут прибежал Сережка, всех растолкал

– топ ногой. Никакого гриба не стало. Только мокрое место. А ведь был гриб и очень красивый. И ведь его можно было пожарить или засолить. Все ушли, а я остался плакать. Альбинушка подошла ко мне, достала из маленькой, как у дамы, сумочки платок и вытерла мне слезы. И также мне сказала, что завтра, если будет хорошая погода, мы пойдём в лес за воротами. Там очень много грибов, – и все съедобные.

Твой сынок Саша

Здравствуй, мамочка!

Я спросил у Альбинушки про твоё письмо, а она только помотала головой и сказала, славный мой кукушонок. Она ласковая и всегда так говорит. Потом начала ругаться на тебя и на всех мам. Тогда я сказал, неправда, – моя мама хорошая. Она разрешает держать в доме животных.

Твой сынок Саша.

Здравствуй, мой сыночек Сашенька!

Закружилась твоя мамка совсем. Прямо не знаю, за что схватиться. Думала, может, ремонт. Но дядя Боря говорит, дурочка, зачем тебе это надо? Дом-то всё равно сломают. Дядя Боря, конечно, прав. Скорей бы сломали. Вот сломают – и мы переедем в новую благоустроенную секцию и будем жить, как все люди. Когда чисто и о дровах не заботаешься, тогда и жить хочется по-хорошему. Сообщаю тебе, что половую краску эмаль мы продали и пошли в магазин купить тебе сапожки на меху. Но сапожек на меху почему-то не оказалось, и мы купили белые гольфики. Гольфики, я тебе скажу, замечательные, и как раз твой размер. Как поеду, так и привезу. Будешь одет не хуже, чем другие мальчики.

Скорей, сыночек, выздоравливай. Кушай всё, не оставляй в тарелке и таблетками не брезгуй. Дядя Боря спрашивал про тебя и говорил, что очень любит детей. А я всегда говорила, главное в человеке – доброта. Он жалеет меня, гладит по голове и говорит, бедная, бедная Люда.

Твоя мама

Здравствуй, мамочка!

Ты пиши письма, не ленись. И старайся, а то почерк непонятный. И ко мне приезжай. Ко многим детям приезжают родители. К моему другу Данилке каждое воскресенье.

А к Филиппу ещё чаще. Приезжай не потому, что гофлики. Одни белые гофлики у меня есть в ячейке. Ты покупала. Можно отдать другому мальчику, у кого нет. У нас есть школа, и я буду ходить во второй класс. Альбинушка сказала, что нужно форму. У меня форма хорошая, только брючки стали короткие. Вот бы их удлинить.

Есть мне, мамочка, не хочется, но я, конечно ем. Галина Петровна сказала, кто будет плохо есть и морщиться от таблеток, того отправят в отсадник. Один раз на прогулке мы подходили к отсаднику. Вокруг него высокий забор, но мы смотрели в щели. У дома мы увидели большую железную трубу. Из неё шёл чёрный дым. Дима сказал, тут живут Яга с Кашеем. А труба от печки. В той печке они хотели жарить Жихарку. Дети смеялись над Димой. Ведь Бабы Яги и тем более Кашея, нет на самом деле. Они бывают в сказ-

ках и в тайге. Ещё мы видели лошадь. Она ела кашу из мусорного бака. Вся морда была у неё испачкана кашей. Потом из дома вышел дядька и стал ругаться на лошадь, как дядя Володя. Он ударил лошадь кулаком в лоб. Лошадь мотнула головой и попятилась. Тогда он хлестнул её кнутом и уехал. Альбинушка сказала, что дом этот – отсадник, и что там тоже больные дети. Но они лежат в кроватках и никогда не гуляют. И в школе не учатся.

Твой сынок Саша

Здравствуй, мой сыночек, моя кровиночка!

До чего же глупая у тебя мамка! Уж сколько раз её обманывали, а она всё такая же доверчивая. Вот и дядя Боря тоже. Притворился добреньким, бедная, говорил, бедная, а сам такое вытворил, что сказать язык не поворачивается. Вот хожу и лицо прикрываю, стыдно людям показаться. И что же они, мужики проклятые, так любят распускать руки! Любка, соседка наша, говорит, сама виноватая – не привечай. Правильно, это мне урок. Теперь я поняла, что один ты у меня и никого больше нам с тобой не надо. Вот выздоровеешь, и мы переедем в новую квартиру, я устроюсь на работу, купим тебе отдельную кроватку и столик, чтобы ты мог заниматься своими делишками и учить уроки. В общем, будем жить, как все люди.

Слушайся, сынок, Альбину Михайловну. Она у вас самостоятельная женщина.

Твоя мама

Здравствуй, мама!

Ты не думай и не переживай. Мужики такие. Бывает, что они распускают руки. Например, у меня есть друг Данилка. Он большой и всегда за меня заступается. Мы с ним играем в моих индейцев, которые мне подарил высокий дядя, дядя Толя, кажется. Больше я ни с кем в индейцев не играю. Индейцы у меня под подушкой. Галина Петровна говорит, всё личное надо держать в ячейке. Но в ячейке скрадут. Особенно, если индейцы. Мой друг Данилка весёлый. Но Альбинушка говорит, у него бывают срывы. Когда я передевал трусики, Данилка вытолкал меня в коридор голенького. Мне было стыдно перед девочками, и я плакал. А потом мы начали драться.

И вся палата дралась. Пришла Галина Петровна и всех наказала, как обычно. Она поставила нас у стенки с вытянутыми руками, и мы должны были так стоять, пока не кончится серия. Но когда мы стояли, я нечаянно уснул. Затошнило, и пол на меня как прыгнет! Меня будили ваткой под нос и делали укол. Врач Нина Сергеевна сильно ругала за меня Галину Петровну.

После отбоя мы легли в свои постельки, но я долго не спал, а всё думал о драках. Я думал, люди дерутся потому, что кто-то у кого-то что-то взял и не отдал или подшутил над кем-то. А может быть, человек защищает своего друга или товарища. Я думал, надо сказать другому, что нельзя так поступать. А если он не прекратит так делать, например, драться или обзывать, то ему тоже надо сделать что-то неприятное или плохое. Я думал, драки бывают нужны. Вдруг наступит война или на тебя кто-нибудь нападёт. Дерутся не только люди, звери тоже. Может быть, и насекомые тоже дерутся. Мои друзья, бывает, дерутся, тем более я. Разные бывают случаи и причины. Лучше не драться и не задираться первым, а только сдать сдачи. Но Галина Петровна не разрешает сдавать сдачи. Она говорит, неважно, кто первый, а кто последний, важно, что оба участвовали в драке.

А когда я уснул, мне приснилась Баба Яга. Страшная, страшнее Галины Петровны.

Твой сынок Саша

Здравствуй, сыночек!

Ты у меня совсем взрослый. Такой рассудительный, выучишься – и все дороги для тебя откроются. А мамка у тебя непутевая, не стоит тебя. Но ты не думай, я устраюсь на работу – и тебе не придётся за меня краснеть. Устраюсь, может быть, кочегаром. Работа посменная, но мне не привыкать. А другу своему Данилке скажи, чтоб не смел обижать, а то, скажи, мамка придет и всыплет тебе по первое число. Или пожалуйся Альбине Михайловне. Она справедливая, заступится за тебя.

Твоя мама

Здравствуй, мамочка!

Ты Данилку не ругай. Он хороший, хоть у него и бывают срывы. Вчера мальчик Филипп сильно скучал по маме и плакал. Он всегда скучает и всегда плачет. И всегда под одеялом, чтобы мы не слышали. Данилка сел к нему на кровать и сделал ему на ладошке сороку-ворону. Мальчик Филипп сразу зарадовался и перестал плакать. Он даже немного посмеялся. Конечно, у Данилки потом опять был срыв. Мы играли с ним в моих индейцев, и он попросил одного индейца насовсем. Того, который с луком и стрелой. Я не дал. Тогда он схватил этого индейца и оторвал у него лук вместе с рукой. Что делать, прямо не знаю.

Перед сном приходила Альбинушка. Хорошо, когда она приходит. Она причёсывает меня своим гребешком и говорит, славный мой кукушонок. Альбинушка очень ласковая, она читает нам сказки. Один раз она читала сказку про Златовласку. Эта сказка мне очень понравилась. Когда она не приходит, дети сами рассказывают сказки. И часто очень страшные. А Филипп рассказывает весёлые.

Твой сынок

Здравствуй, мама!

Вчера перед сном Филипп рассказал сказку «Как мышонок попал в больницу и его друзья».

Жили-были мышонок и его друзья: два мышонка, один крот и три ёжика. Наступил день рождения у крота, а после него мышонок попал в больницу. На этот раз он заболел бедромышоночным анастомосом. К нему в больницу приходили друзья, и так мчался день за днём. И вот его выписали. Он очень обрадовался, что опять дома. Пойду-ка я погуляю, подумал мышонок. В тот день была хорошая погода. Он позвал друзей на улицу, и они все вместе играли в прятки и в ляпки. А что, если сделать модель?! – предложил один из ёжиков. Можно, сказали все. Давайте, сделаем самолёт, сказал мышонок. Нет, лучше велосипед, сказали ёжики. Они нашли колесо, согнули из палки руль, сделали из другой палки раму – и получили велосипед. И они поехали кататься на солнечную поляну. Приехали, видят – там стоит теремок. Кто в тереме живёт? – спросили они. Никто не откликается. И вот стали они в этом тереме жить и

добра наживать. Они занимались спортом и росли здоровыми ребятами. И в санаторий никогда не попадали.

Твой сынок Саша

Здравствуй, мамочка!

Скоро мне в школу, но ты мне новую форму не покупай. Она денег стоит. Удлини только брючки. Они короткие, потому что я расту. И пальтишко мне не обязательно. У нас подвальные переходы. По этим переходам можно попасть в любое здание. Наверно, можно ещё куда-нибудь попасть. Например, в отсадник. В переходах тепло и горят яркие лампы. Когда идёшь, по потолку ползут горячие трубы. Я видел, одна шипела и выпускала пар. Ночью, наверно, там страшно. Но ночью мы спим в кроватках и нам снятся весёлые сны.

Мама, мне опять снилась Баба Яга. Она посадила меня на лопату и хотела сунуть в печь. Я расставил ноги, как учил Жихарка, и проснулся. Почему, мамочка, она мне снится?

Твой сынок Саша

Здравствуй, сыночек!

Перед сном ты старайся думать о чём-нибудь хорошем – тогда и сны будут сниться хорошие. А я бы, сыночек, легла и никогда не просыпалась.

Твоя мама

Здравствуй, мамочка!

Я стараюсь думать о чём-нибудь хорошем. О тебе, например. О том, как мы с тобой гуляли вечером до гастронома или до стекляшки. Стояли там и дышали воздухом. И потом топили печку и варили картошечку в мундире. Мамочка, забери меня отсюда, мы снова будем вместе дышать.

Твой сынок Саша

Здравствуй, сыночек!

Что-то мне тоже нездоровится. Все вокруг говорят, лечись, Люда. Анищенко, сосед наш, тоже советует. Кто не хочет, говорит, того в принудительном порядке. А я думаю, отстаньте все от меня.

Такая я вам всем нужная. Плохо, что наш дом стоит на видном месте. Каждый норовит в окно стукнуть, а я никому не могу отказать. Права Любка, слишком я добрая. Но ничего, сыночек, в нашей стране у каждого есть перспективы. Мы, например, можем с тобой уехать на Север. Дядя Петя говорит, приезжайте, места всем хватит. Стране очень нужна нефть. А кто-то же должен её добывать. На Севере очень много оленей. Накатаемся до упаду. Выздоровливай быстрее.

Твоя мама

Здравствуй, мамочка!

У нас есть девочка в десятой палате – настоящая Златовласка. У неё золотистые волосы и красные бантики. Бантики маленькие, но зато очень яркие. Я смотрел на неё, но подходить стеснялся. Зато сегодня мы с ней играли в игровой комнате. Мы были папой и мамой, а кукла Марина – нашей дочкой. У неё была мягкая головка и эксудативный плеврит. Но мы её всё равно не бросали. Мы её воспитывали по очереди и ласкали. Мы играли, играли, а потом меня затошнило, и я упал. Девочка Златовласка думала, что я притворяюсь. Она закричала: «Эй, ты пьянь беспросветная! всю жизнь мне отравил! Обещал примерное поведение, детей воспитывать, а сам в пьянку ударился!» Вот так она кричала, думая, что я притворяюсь. Кричала и била кулаками по спине. А потом увидела, что я не притворяюсь, и подумала, что я умер. И она закричала, не притворяясь. Все сбежались. Сбежалась тоже Нина Сергеевна, наша врачиха. И когда я уснул, меня будили ваткой под нос и ставили укол.

А потом была инвентаризация. Меня водили по кабинетам. Делали всякие процедуры. Брали из вены кровь, просвечивали, и я всё терпел. Когда мы спустились вниз, у подвального перехода, где сушилка, мы увидели девочку Златовласку и её маму. Они сидели на ступеньках, мама расчёсывала ей гребешком волосы и любовалась каждым волоском. Глаза у девочки Златовласки были закрыты. Ей, наверно, было очень приятно, что мама её расчёсывает. Мы остановились, и Нина Сергеевна тоже полюбовалась Девочкиными волосами. Она сказала, жаль обрезать такие красивые волосы.

Надо расчесать их, как следует, и помазать мазью. Приезжай ко мне, мамочка. А если не сможешь, напиши письмо.

Твой сынок Саша

Здравствуй, мамочка!

Вчера после ужина я видел девочку Златовласку снова. Она была в платочке и ни с кем не играла. Я подошёл к ней и сказал, давай с тобой играть, как вчера. Но она сказала, зачем ты вчера притворился умером и меня напугал? Не буду с тобой играть. Уходи. И я ушёл.

А потом дети сказали, что ты ко мне приехала и ждёшь у ворот. Я знал, что ты не приехала и не ждёшь у ворот, но всё равно побегал. Было холодно, и был дождь, а я бежал. Я прибежал и стоял, и никого не было. Я стоял, пока не стемнело. А когда стемнело, я пошёл в палату. Меня увидела Галина Петровна и наказала, как обычно, на одну серию. Потому что я убежал без спроса и в сандаликах. Я стоял наказанный, а дети смеялись, иди, иди, приехала.

Твой сынок Саша

Здравствуй, мамочка!

Всё пропало, мамочка! Что делать, не знаю. Пропали все мои индейцы. Даже безрукий и тот пропал. Наверно, их скрал Данилка. Дети видели их у него. Но теперь Данилки нет. Данилка уехал, его забрали. Как мне теперь без индейцев? Мальчик Филипп дал мне своего ковбойца. На, говорит, моего последнего ковбойца, только не плачь. Но как мне не плакать, вед ковбоек всё-таки не индеец, тем более один и тем более очень старый. Шея перегнутая, шляпа с головой держится на одной ниточке. Мама, попроси длинного дядю, дядю Толю, кажется, чтобы он купил мне новых индейцев.

Твой сынок Саша

Здравствуй, моя мамочка!

Сегодня Нина Сергеевна и Галина Петровна водили меня к профессору Силантьеву. У профессора Силантьева очень холодные руки. Он трогал меня своими руками, и у меня выступала гусиная кожа. И он говорил, что же ты приятель, а? Как будто я провинился. Но я ни

в чём не провинился. Я не баловался и таблетки ел, и микстуру пил, хоть она и горькая. Потом профессор Силантьев и все врачи ругали тебя и всех мам за то, что они рожают детей. Я сказал, неправда, моя мама хорошая. Она повезет меня на Север, а там очень много оленей. И мы будем кататься до упаду. Профессор Силантьев ещё сказал, что меня переводят в другое здание и в другую палату.

Перед сном приходила Альбинушка. Она сидела у меня на кровати, ласкала меня и говорила приятные слова. Но всё-таки она ушла. Я долго не спал, а когда уснул, пришла Баба Яга и сказала, сейчас я тебя съем, кукушонок.

Мама, скорее заведи меня отсюда.

Твой сынок Саша

Здравствуй, мой сыночек!

Сердце моё просто кровью обливается от жалости. Да ведь каменное сердце надо иметь, чтобы не заплакать. Сломали Любкин дом. Любка переехала в хорошую благоустроенную секцию на Вторчермете. Хорошая у нас власть, даже слишком хорошая, что вот таким, как Любка, даёт квартиры. Любка уехала, а Вася остался. Забыла! Но как можно было забыть Васю?! Увидела его – сердце так и зашлось. Сидит на бревне и мяучит. Я взяла его на руки, прижала к себе, он, дурачок, вцепился в меня когтищами, дрожит. Глаза шальные. Я ему говорю, не бойся, Вася, я тебя не брошу – я не Любка. Я тебе рыбки куплю. У меня есть деньги, ты не думай. Ты ведь любишь рыбку? Любишь, я тебя спрашиваю? Молчит, хитрюга и улыбается. Так вот, сыночек, слушайся Алевтину...или как её? Ну, в общем, ты знаешь. Она женщина самостоятельная, плохому не научит.

Твоя мама

Мама, мамочка! Меня переводят в отсадник!

Сейчас за мной придёт Галина Петровна. Я не хочу, мама. Это несправедливо. Я хорошо себя вёл. Я таблетки ел и микстуру. Я даже за Данилку, когда он морщился. Почему Данилка домой, а я в отсадник? Сейчас придёт Галина Петровна. Сейчас. Она идёт. Я не хочу, ма...

Террорист

Гранату они стали делать сразу после рыбалки...

То есть, если бы рыбалка приключилась, то и гранаты бы не было. Но славная затея провалилась, едва по лесной вертлявой дороге они вышли к озеру.

– Вижу! – возликовал внук Юрка. – Воду вижу! Настоящую!

Он даже запрыгал на месте – всё равно как воробей-желторотик, ещё не понимающий, насколько полёт удобнее прыжков. Дед Степан тоже различил серебристый проблеск меж сосен, но кроме воды дед рассмотрел и другое: дорогу, по которой в последний раз он хаживал лет семь-восемь назад, перегораживал полосатый, похожий на жезл гаишника, шлагбаум. Вправо и влево от него в заросли разбежался сетчатый забор, а на столбике глянцево красовалась табличка с текстом – мелконьким и оттого пугающе непонятным.

– Зачем это, дед? – четырёхлетний Юрка с уважением огладил полосатую преграду ладонью. – Крепкая палченция! Для чего она, деда?

– Наверное, чтобы на машинах не ездили. Природа всё-таки.

– И забор для того же?

– Ага... – показывая пример, дед Степан закричал, пролезая под шлагбаумом. Внук легко проскользнул следом, но уже в следующую секунду их остановил сердитый оклик:

– Куда-а?! Ну-ка, застыли оба!

Дед с внуком замерли. Только сейчас они разглядели упрятанный в кустах ребристый зеленый контейнер. Из этого самого контейнера, словно барбоска из конуры, неожиданно и выбрался здоровенный детина в пятнистом камуфляже.

– Разбежались, умники! – охранник неспешно и вперевалку двигался к ним.

– Да мы ж это... На рыбалку! – изумился дед. Голос его, однако, предательски дрогнул, и оттого дед занервничал ещё больше: – Всегда же здесь рыбачили. Сколько себя помню...

– Всё, отрыбачили, халявщики... – детина приблизился вплотную, снулыми глазенками скользнул по нахохленной фигурке парнишки. Юрик ещё больше поджался. Рыжая щетина охранника делала его похожим на пирата из кинофильма, а отрешённый взгляд запросто мог напугать мальчонку и постарше. Поэтому Юрка стоял неподвижно, почти не дыша, и удочку держал прямо перед собой – точно ружьё.

– Так ведь мы без костров, тихонечко. Только на бережку. – Попытался объяснить дед Степан.

– На бережку да Дунюшку... – детина в камуфляже гулко раскашлялся, дохнув чем-то прогорклым, противно знакомым, заставив Юрку поморщиться.

– Мы же просто посидеть, на озеро посмотреть...

Детина, казалось, не услышал деда. Сплюнув далеко в сторону вязкой слюной, он нудновато на одной ноте протянул:

– Короче, так: озеро уже пару лет в частном владении. Рыбферма у нас, чего неясного?

– Так ведь раньше ловили!

– А теперь запрещено. Сказано же: озеро в частном владении. И все, стало быть, прилегающие берега.

– Как в частном? – изумление деда было таково, что даже испуг прошёл. – Озеро – оно же это... Общее. Это же как воздух!

– Ты ваньку-то не валяй. Частная территория, значит, частная. А вы нарушили. Стало быть, протокол и штраф.

– Да какой штраф! Какая такая частная! – заволновался дед Степан. – Это же Щучье озеро, полгорода сюда бегало. И я пацаном плавал.

– Значит, отплавался, жук-плавунец. – Голос у охранника звучал всё так же скучно. Казалось, детина ещё толком не проснулся.

– Вот, значит, как! Выходит, уже озера выучились воровать! –

дед ощутил закипающую обиду. – Отъели, понимаешь, хари... Ни горяшка не знали, ни войн с голодухой, а туда же... Хапальщики...

Не произнося ни звука, детина сильными пальцами взял деда за сухонькое плечо, без усилия развернул. Он словно рассматривал деда со всех сторон – как пойманную муху.

– Ты чего? – дед Степан попробовал освободиться, но не сумел.

– Чего хватаешь-то?

– Ничего, – всё с той же равнодушной ленцой охранник отвесил старику мощного пендала. Если бы не шлагбаум, старик наверняка бы растянулся на дороге.

– Короче, так, шустрые. Чтобы больше я вас здесь не видел, уяснили? И ты, мальй, вали. Оглох, что ли?

Вновь пригнувшись под полосатым брусом, оба торопливо выбрались вон. Словно поклонились напоследок баю и хозяину... Дед чувствовал, как гудит согнутая спина, как стремительно разгораются лоб и щеки. Сердце скачками металось из левой грудины в правую, обморочно ухало глубоко вниз.

– А бить-то за что! – оказавшись по ту сторону шлагбаума, он стропиво развернулся. – Прав таких не имеешь!

– Это разве – бить? Так – вздрючка для памятивости. – Охранник криво улыбнулся, и эта его улыбка окончательно взбесила деда.

– Ничего! Не долго тебя лыбиться-то! – он тряхнул удочками. – Ох, недолго! Вспомянешь нас ещё. И сковорода тебе будет, и прочие радости! Заречёшься тогда улыбаться!

Нужные слова не шли на ум, в волнении дед никак не мог изобрести оскорбления повесомее.

– Стоит – улыба-ается! – деда словно заклинило. – Точно очастливил... Пакостит людям, а ещё улыбается...

Кадык на его тощей шее сновал вверх-вниз, точно кабинка лилипутского лифта. Почему-то именно этот мечущийся кадык более всего перепугал Юрика. Лифты – они ведь даже в большом человеческом мире застревают и падают, а дед старенький, и волноваться ему вредно. То есть, всем стареньким лучше не волноваться, – это Юрка ещё из рекламы узнал. И в газетах так вроде бы писали...

– Не надо, деда! – отчаянно прокричал он. – Пошли домой!

– Я вам устрою ещё... – не успокаивался Степан, и стянутые резинкой бамбуковые части удилица в его руке угрожающе позвякивали.

– Ты достал, стариканч... – охранник шагнул в их сторону, и Юрка буксиром потянул дедушку за руку. – Пошли, деда... Пошли отсюда скорей.

– погоди, Юрок...

– Не надо мне никакого озера! И рыбы их дурацкой... Пошли, деда!

Он так крепко потянул, что дед Степан подчинился. А может, и сдался. Отволновался за минувшую минуту. Сердце уже не барабанило с болезненным пристуком – утомилось. И всё равно что-то недоброе продолжало с ним твориться, дед это чувствовал. Словно окутывало исхудавшего молотобойца новыми и новыми цепями, прятало в бронированный кокон. И больно было, и тошно. Но ругать-ся он перестал. Покачиваясь, побрел, ведомый заботливым внуком.

Пока возвращались, говорил в основном Юрка:

– Ты же видел, какой он здоровый! И рыжий, небритый – на фашиста похож.

– Рыжий – стало быть, фашист?

– Так в кино же показывали! Я сто раз видел, правда-правда! А у этого ещё пистолет сбоку. Вот тут. – Юрка похлопал себя по ребрам.

– Пистолет?

– Ага, в кобуре такой. Коричневой...

– Я не заметил.

– А я заметил! Настоящий... А ещё не один он там был. Охранник этот. С одним мы бы справились. Только там друзья его прятались. Я голоса слышал, – Юрик страшно выпучил глаза. – Человек шесть или семь.

– Шутишь?

– Да нет же! Человек семь было – целая куча! А у нас и оружия нет. Я ведь хотел взять саблю, а ты сказал: не надо.

– Саблей – да ещё детской – таких не возьмёшь.

– А чем возьмёшь?

– Не знаю... Гранатой, к примеру. Противотанковой... – дед Степан покосился на подпрыгивающего рядом внука. – Сам-то сильно напугался?

– Ага. То есть сначала да, а потом не очень.

Дед понимал, что нужно размораживать настывший в груди ком, но отчего-то не получалось. Хорошо, что Юрик пережил случившееся, как приключение. Хотя хорошо ли? Тоже ведь задачка безответная. Разве что лет через десять будет ясно. Когда уж самого деда не станет.

– Получается, они всё озеро захватили?

– Получается, так.

– Дед! А в милицию мы пойдём? Озеро ведь не их, оно – общее. Ты сам говорил!

– Тут, паря, ходи, не ходи... – дед Степан ухватил Юрку за руку, прыснул к обочине. Мимо на скорости промчалась кавалькада ино-марок. Чернёное серебро, горделивые зверьки на капотах, презрительное шуршание шин. От поднятой пыли Юрка громко чихнул.

– Что делают, а! – дед кашляя, отряхнул себя и Юрку. – Сбить же могли. Очень даже запросто. Вон как летели.

– Это потому что светофора нет, правда, деда?

– Правда, – силло отозвался дед и отвернулся. У него вдруг защипало глаза, и стало безумно жалко внука. За собственное унижение, за добрую попытку наказать и найти всему логичное объяснение. Мальш ещё не подозревал, что наказание с логикой частенько живут порознь. Да и самому Юрке жить придётся в новом закоростевшем мире – с чужими лесами-озёрами, с зыдымлённым и освинцованным воздухом, с мутагенными продуктами и грошовыми пенсиями.

А ведь как они готовились к рыбалке, сколько всего обсудили! Ещё накануне накопили в палисаднике червей, весь день провозились с лесками и удочками. Дед Степан учил внука привязывать крючки, регулировать грузила, поплавки. Рассказал о повадках рыб, о том, кто и как клюет. А теперь, не сделав ни единого заброса, даже не ополоснув лиц водой, они возвращались обратно.

Уже на выходе из леса, отошли в сторону от дороги, и дед решительно вытряхнул в траву банку с червями.

– Правильно! – одобрил внук. – Пусть хоть они живут. А то мог бы и тот толстяк отобрать. Он бы их утопил, правда, деда? Дед Степан молча погладил Юрку по голове.

– А гранату? Гранату мы когда будем делать?

Пожевав губами, дед тряхнул головой.

– Да прямо сегодня и начнём.

Дед Степан Юрке нравился. То есть он и родителей любил, но с дедом всё было как-то проще. Во-первых, у родителей любимым словечком было слово: «некогда», а во-вторых, о чём их не спроси, всё они объясняли либо туманно-недоступно, либо вовсе ускользали от ответа, выбрасывая дымовую завесу. Вроде того, что «подрастёшь, сам всё узнаешь», или: «пока тебе рано, в своё время поймёшь». Это «своё время» Юрка даже успел тихонько возненавидеть. То есть, какое же оно своё, если нужно ждать и расти? И зачем подрастать, если знать хочется уже сейчас? Вот дед Степан это отлично понимал. И потому никогда не прятался за непонятными словечками – отвечал вполне доходчиво, даже когда Юрка спрашивал о самом необычном. То есть тут даже наблюдалась занятная закономерность: чем необычнее задавались вопросы, тем проще выходили ответы. К примеру:

– А бутылки, которые на земле валяются, – их можно бить? Они же ничьи.

– Конечно, можно. – Отвечал дед. – Только зачем? Сам же потом шлёпнешься и порежешься об осколки.

– Дед, а почему люди зверей в клетках держат?

– Потому что мы опасные. Нельзя зверяткам меж нас гулять. Либо подстрелим, либо машиной задавим.

– А чем ночь хуже дня?

– Тем, что чернее, и тревожнее.

– А чем лучше?

– Да снами, конечно. И тем, что короче.

– А правда, что обезьяна произошла от человека?
– И обезьяна, и кенгуру, и некоторые другие люди.
– А солнце на землю может упасть?
– Да проще пареной репы. Особенно если кто похулиганит с рогаткой. Или мяч футбольный не в то место залепит...

Так примерно они и разговаривали. О жизни, о смерти, о происхождении видов. Всё решалось сразу и на месте – без рассусоливания и долгих ящиков. Вот и гранату взялись делать тотчас по возвращении.

Конечно, граната – не рогатка, вещь посложнее, однако и не компьютер с телевизором.

Сначала скрутили банковской резинкой с десятков разноцветных карандашей, для надежности укрепили пластилином. В набалдашник встроили пару угловатых булжников, крепко замотали чулком. В щели и неровности насовали обломков от старой расчёски. «Это целлулоид, – пояснил дед. – Полыхает, что твой напалм». Замазывали и укрепляли всё тем же пластилином. По краям красиво навтыкали спичек.

– Видал? С такой штуkenцией никуда не страшно пойти. – Дед тряхнул гранатой. – Так что никого не бойся, Юрок. Никого и ничего. А будешь бояться, мужиком не вырастешь.

– А мальчиком просто – вырасти нельзя?

– Эх, милоч... Мальчиком уже не получится. Они ведь все в детстве остаются. А во взрослую жизнь пускают только мужчин.

– По росту?

– По паспорту.

– Плохо, – огорчился Юрка.

– Плохо, конечно, а что делать? Для того и скатали гранату.

– А как она работает?

– Граната-то? – дед Степан потёр лоб. – Да так и работает: размахиваешься, кидаешь, – она падает, шоркает спичками по земле и возгорается.

– Сама? – ахнул Юрик.

– Конечно, сама. Автоматика же... Сперва чулок вспыхивает, потом пластилин с целлулоидом, и добегает, значит, вся эта кару-

сель до стержней карандашных. Слыхал про графитовые бомбы? Вот и у нас стержни из графита. Ахнет так, что мало не покажется.

– Здорово! – восторгался Юрка.

– Ещё бы не здорово. – Дед грустно вздохнул. – А пока пойдёшь – спрячь под койку. Может, завтра ещё что-нибудь прикрутим...

Вечером дед Степан отправился в ближайший гастроном. То есть, и названия такого уже не было, но многие продолжали по привычке именовать нынешний супермаркет гастрономом. И он называл. Какой, к лешему, супермаркет! И площади те же, и даже часть прилавков сохранилась. Да и какая разница, где покупает человек пиво с вином? Главное – почему покупает? А этот вопрос не изменился ни на йоту. Люди-то пили по-прежнему, и новый экономический строй трезвенников порождал ничуть не больше.

В общем, прижало – вот и решил выпить. Потому что сильнее обычного заныло сердце, и улыбаться чего-то устал. То есть, внучок вроде ни о чём не вспоминал и не спрашивал, но сам-то Степан всё помнил. До мелочей. Хотя именно эти пакостные мелочи и стоило забыть. Потому что ныло от них в груди, и заноза лепилась к занозе, вырастая в недобрый муравейник. От таких вот заноз и скрючивает стариков прежде времени – носы, спины, глаза – всё в землю заворачивает – вниз, значит. Молодость-то – вся насквозь курноса, и глаза, и руки, и прочие органы – всё вверх да в высоту, как ракетные установки, а у стариков иной глазомер. И плуг с сохой здесь совершенно ни при чём. То есть, уже и забыли, что такое – пахать да сеять. Обида людей сгибает. Тяжелая неподъёмная обида. И тут уже надо либо по-девичьи прочно забывать, либо вздымать ношу над собой да в волны её куда подале – как какой-нибудь Стенька...

С купленным пивом дед зашёл под навес к столикам. Угадал пару знакомых стариков, к ним и подсел. Те тоже прихлебывали пиво, привычно ворчали о вечном:

– Хотел давеча окрошку сделать, кваса нет, – забыли поставить. Ну, взял в магазине, а он сладкий! Главное – написано: «Окрошечный», а сладкий! Спрашивается, на кой сахар туда валят, точно в ликёр какой?

– Сейчас всё кругом сладкое – печенье, хлеб. Это они жизнь нам подслащивают. – Соседушка едко хихикнул.

– Хорошенькое дело! А если у меня диабет? Это что же, я за продукты без сахара ещё приплачивать должен?

– А как ты думал! И приплотишь, куда денешься.

– Сейчас вон и лекарства сладкими делают. – Придвинулся ближе дед Степан. – Сиропы там разные, таблеточки. А мой Юрчик их, к примеру, не пьёт. Не любит он сладкое, а других лекарств уже и нет.

– Во-во, даже дети кривятся, а нас вовсе в расчёт не берут.

Главное – редьки нигде не найдёшь! Для кваса-то. Не сезон, так и нет нигде.

– Раньше-то всегда была. Либо в овощном, либо на рынке.

– Ага, сейчас и рынки повывели, – центры торговые кругом – как грибы поганки...

– Точно! Только найди-ка там редьку. Я вон простую картошку брал. Пакетик красивый такой... А домой принёс – половина гнилья.

– Да уж...

– Или вот внучка народилась – горластая, спасу нет. Живём-то в одной клетушке, – значит, терпи. А кровати нормальной тоже не могли найти. То есть, хватает, конечно, всяких, но дорогущие, и главное – не покачаешь. Я своим толковал, не надо, мол, этих наворотов! Сделайте нормальную люльку. Всей работы на полчаса – зато качнул пару раз – и успокоишь. Нет, говорят, люлька – несовременно. Кроватьку им подавай. Итальянскую. Живем, значит, в хрущобе маломестной, а кровати у нас итальянские!

– И что?

– Ничего, мучаемся теперь. С итальянской-то. Орет каждый день, – живот там пучит или ещё что. На руках приходится укачивать.

– То-то ты гулять стал чаще! Сбегаешь, дезертир?

– И ты бы сбегал. Потерпи-ка такой плач. Жалко ведь.

– Да уж, кровати они навывдумывали...

Степан с отвращением глотал теплое пиво, и время от времени косился на сидящих по соседству девчонок. Те тоже цедили пиво и громко смеялись новостям на экранчиках сотовых. Говорить не говорили, а вот хохотали звонко. Морщась, дед Степан и сам не по-

нимал – то ли злится, то ли не совсем. Пупы у девок были, конечно, задорные, но очень уж открытые. Прямо напоказ. И смех этот лошадиный. Но ведь радуются. И невдомек им, что жизнь только хуже становится. То есть, для них она и не хуже, поскольку сравнивать не с чем. Как бы с нуля живут – вот и кажется, что здорово. Это лет через шестьдесят, когда растолстеют да сгорбятся, перестанут гоготать. Поймут, что смех и грех всегда где-то рядышком, а пока голопупые да весёлые...

Дед Степан подумал, что немного завидует пигалицам. Несмотря на всё своё раздражение. Наверно, и пусть резвятся, пока в силах. Может, так тому и положено быть? Чтобы каждый раз с белого листа и веселиться напропалую? Зачем наперёд-то знать, что дегтя больше, чем меда? Тогда и мир давно бы свихнулся...

– ...Больницы – они, конечно, и в прежнее время были дрянные, – продолжал брюзжать сосед, – но ведь взял талончик и стой. А теперь сперва запишись, потом талон на компьютере отбей, да ещё три очереди займи.

– Почему три-то?

– Одна по времени, другая без талончиков, третья – за деньги.

– А-а...

– Чего «а»-то? Все же с норовом, – не уступают. И ссорятся...

Давеча двое подрались.

– Прямо в больнице?

– Но... Главное: обоим за семьдесят – красные, как лососи какие, а туда же – кулачонками машут. Думал, там их кондратий и хватит.

– Не хватил?

– Да нет, бабки разняли. Такой хороводище развели!

– А сами врачи что?

– Что врачи? Им так интереснее, наверное. Каждый день как на фронте.

– Но! И деньги живее несут.

– Я одного видел – на танке приехал...

– Чего?

– Ну, на джипе... Гробина такой чёрный. Вот, значит, приехал

и сразу без очереди к терапевту. На него шикнули, так он матом всех – спокойно так, без злобы – и к врачу.

– Взорвать бы такого! Вместе с машиной.

– Взорвём, – неожиданно для себя пообещал Степан. – У меня и граната припасена...

На него поглядели странно, даже примолкли на минуту. Можно было и пошутить вдогон, смягчить сказанное, а он не стал.

– Мда... Кое-кого и впрямь не мешало бы... – мутно протянул ближайший старик.

– Так ведь лучше не станет...

Поговорили ещё. О хворях, о ценах на лекарства, о том, какие из них злее, какие – хлипче. Потом дружно ругнули скупщиков металлолома. Накануне в газете прописали про малыша, что шёл по улице и провалился в колодец. Люк, значит, кто-то стянул, а внизу варево, чистый кипяток, – так и сгинул малютка.

– И кто законы такие придумал, чтобы люки в лом сдавать?

– Понятно, кто. – Рассказчик кивнул на потолок. – Им по тротуарам не ходить, и детки, небось, все за границами...

«Взрывать, – мысленно вынес приговор дед Степан, – к чертям собачьим!» И тут же вспомнил, что ещё совсем недавно подобные посиделки вызывали у него ухмылку. Он и впрямь считал себя прогрессивным дедом – очень уж хорошо помнил, как хаяли молодёжь в его юные годы. Смех было слушать! Так и просилось на язык язвительное – про песочек с маразмом. Но вот кукукнули годы, и тоже превратился в старого мухомора. И вроде понимал: самое последнее дело – бурчать да ворчать, но такое уж времечко народилось – заскорузлое да сердитое, – поневоле вспоминалась радуга прошлого. На курорты ведь ездили! За пять лет запросто мог скопить на билет к любому морю – хоть Балтийскому, хоть даже Аральскому с Японским! А теперь и Аральского, по слухам, не стало. Высохло с горя. Всё равно как лужа какая. Да и Каспий с Чёрным вроде как за рубеж отъехали – в компании с Балтикой. И если озёр нет, если кругом животастая охрана, то выход один – купаться и загорать на Северном Ледовитом. Закаляться и подстилать вместо полотенца шубы. Тьфу ты, прости Господи!..

Вечер сгустился внезапно. Наверное, в соответствии с настроением. Выйдя на улицу, дед ругнулся, и небо ответно рявкнуло. Прыснув из-за туч, молния по-кошачьи царапнула землю. И ещё раз, и ещё. Дождя всё не было, а гром продолжал рокотать. Словно некто сердитый ломал и ломал о колено чёрный небесный эбонит. А может, всё это сверкало и потрескивало у него в голове. Негоже после семидесяти столько пить...

То есть, если посчитать нормальными мерками, не так уж и много Степан выпил, но ум всё-таки повело. Сказывалась непривычка. И вроде до дому было рукой подать, а всё одно забрел не туда. Давно известно: торная дорога не для выпивох. Этот народец сплошь и рядом выгребает на тропки горные, рискованные да вертлявые. Вот и его занесло куда-то. Только и запомнил, что сверкающее стекло да бесконечные прилавки. И жуткая пестрота от бисера, кнопочек и пряжек. Тут же лоснились меха, шпалерами тянулись куртки, рубахи и прочая телесная маскировка. Наверное, это был торговый центр, и дед Степан, конечно, не удержался, затеял с продавцами спор. Начал наскокивать всё с теми же бородатыми вопросами:

– Одеколону нет? А почему? – он тряс головой и тыкал пальцем.
– Раньше был, теперь нету. А лосьон? Тоже пропал?

– Дедуль, успокойтесь. У нас специальное распоряжение. Смена ассортимента.

– Чего смена?

– Ассортимента. Слышали такое слово?

– Ну...

– Вот. Очень уж часто употребляет ваш брат одеколон не по назначению.

– А если кто по назначению? Тем как быть?

– Для них есть тоники...

Дед Степан требовал тоники и смотрел на цену. Меньше сотни пузырьки не попадались, и очередной заговор трещал по швам, рассыпался на глазах. Отечественные лосьоны уничтожали, чтобы на рынок выпорхнул западная дорогостоящая отрава.

– Вот, значит, что удумали! Злыдни подковерные! Менаджоперы хреновы!

– Проспись, дед! Охрану позовём.
– Знаю... Позвали уже одного. На озеро...
– Какое озеро, дед?
– То самое... – дед Степан лез в карман, как бы вспоминая, куда засунул нужное. – Ничего. Зайду домой и вернусь. Только штучку одну прихвачу.
– Какую штучку?
– А гранату. Слышали, небось про Ф-1? Лимоночка расейская! С тех самых времён и осталась. На всех хватит. Ещё и с прихлопом!
– Да ты спятил, дед!
– А там и посмотрим, кто спятил, а кто нет. Ничего... И на ваши «Шаттль» найдётся парочка «Буранов»...

Его задержали на выходе. Крепкие ребята в униформе торгового центра. Они же и передали старика с рук на руки подъехавшему наряду патрульно-постовой службы.

– Бузил, что ли?
– Да чёрт бы с этим... Гранатой угрожал. Вроде как дома припрятал. Обещал вернуться и взорвать тут всё.
– Вот придурок. Может, врал?
– Кто его знает. Взрывают же. То тут, то там.
– Ладно, проверим...

Препроводив незадачливого террориста в желтобокий «Луноход», милиция двинула напрямик к нему домой. Дед и адреса не стал скрывать, перестал бояться. Усевшись на холодную, обитую жестью скамейку, продолжал духариться, кричал расположившемуся напротив круглолицему милиционеру с чёрным АКСУ:

– Кому прислуживаете-то? Мы ж про вас фильмы смотрим, душой бодем, а вы вона как. Будто нормальных преступников нету.
– Дурила! Лучше скажи, где граната? – круглолицый смотрел строго, но без брезгливости. – Грозил, говорят?
– Это вы что-то попутали. – Дед нервно хохотнул. – У меня дома ничего, кроме пушки армейской, и нетути. Да ещё парочки «ППШ». Вы с такими, небось, и не бегали, не стреляли.

– Зачем нам ПППШ, у нас другое. – Круглолицый огладил ладонью свой коротенький автоматик.

– А зря. Пукалки знатные были. Не хуже ваших «Калашей».

– Вот и поглядим на твои пукалки...

Домчались быстро. Перед тем, как вывести из машины, на деда Степана нацепили новенькие сияющие наручники. И впрямь браслеты. Степан тут же взметнул их над головой. Точно позировал неведомым фотоаппаратам.

– Уже и народа своего боитесь!

– На всякий случай, герой. Мало ли что у тебя там на хазе...

«На хазе» появление скованного дедули вызвало настоящий переполох. Внук Юрка всё порывался ухватить деда за руку, но круглолицый милиционер стоял на страже, близко не подпускал. Родители же – Юркин папа с мамой Валентиной – попеременно то охали, то возмущались.

– Да вы с ума сошли! Какой терроризм! Он мухи средю не обидит.

– А с ПППШ кто бегал?

– Так это давно. В армии ещё, наверное.

– Воевал, что ли?

– Да нет, он ведь моложе... – Юркин папа смутился, словно его уличили в самозванстве родителя. – При чём тут война? Тех, кто воевал, всего-то горстка осталась.

– Ха! Они и тех вязать готовы! – воинственно встрял в разговор дед. – Куда там! Народная же – милиция-то. Только и могут, что стариков с детьми по лесам гонять.

– Каким лесам-то, ты чего, бать? – Юркин папа растерялся.

– Да тем самым, что общими когда-то были.

– Не понимаю... Ерунду какую-то несёт.

– Конечно, ерунду, – поддакнула Валентина. – С пьяных же глаз.

– Может, и с пьяных, да только не ерунду! – прозорливо улыбнулся сержант. – Гранатой-то кто угрожал? Он! И на полном серьёзе. Вернусь, мол, и всё разнесу к такой-то матери. Продавцы и заявление готовы подмахнуть.

– Да какое заявление! Ясно же, человек выпил! – горячились Юркин папа. – А пьяный и не такое сболтнёт.

– Не все пьяные гранатами угрожают. – Сержант погрозил пальцем. – Так что если у вас, в самом деле, припрятана взрывчатка...

– Да вы что! Какая взрывчатка? – отец в смятении оглянулся на семью. – Юрик, что вы там учудили?!

Должно быть, на лице сына что-то отразилось. Ну, не умел Юрик врать да притворяться. То есть, умел, но плохо получалось.

Во всяком случае, отец заметил. И тотчас взял железными пальцами за плечо.

– Юра!

– Чего?

– Смотри мне в глаза. Действительно, что-то нашли с дедом?

– И вовсе даже не нашли! – пискнул мальчик.

– Говори мне правду!

– Я и говорю!

– Тогда в чём дело?

– Ну, гранату сделали. Из спичек. – Лицо у Юрички пылало. – Но ведь не нашли же...

– Уже теплее, – хохотнул сержант. – Показывай, где она у вас?

– Деда! – Юрик умоляюще взглянул на дедушку. Становиться предателем не хотелось.

– Неси, неси, пусть позабавятся. – Дед Степан, очень похожий в эту минуту на пойманного фашистами партизана, дерзко усмехнулся.

Однако настоящее веселье началось, когда вдвоём с сержантом Юрик принёс в гостиную гранату.

– Что это? – отец растерянно заморгал.

– Она самая. – Дед Степан победно взирал на присутствующих. – Термоядерная, с начинкой! Специально для буржуев придуманная.

– Из пластилина, что ли? – сержант недоуменно крутил в руках самоделку. – Тряпки какие-то... Носки, что ли?

– Там ещё карандаши. – Обидчиво сказал Юрик. – Чтобы как в графитовых бомбах. И спички.

– Мда... Серьёзная вещь. – Милиционеры переглянулись. – Особенно если с размаху да по макушке.

– Или по витрине.

– Кого наказать-то хотел, дед?

– Да всех разом! Казнокрадов и душепродавцев.

– Чего?

– Того! Родину ведь продаёте. За грошики! Реки-озёра – они ж всю жизнь народу принадлежали. Мало вам нефти с газом? Золотишка мало? Ещё и воду решили к рукам прибрать!

– Какую воду? О чём ты, дед?

– Ишь, глазки-то строит невинные! Будто не знает... Ничего! Времечко на исходе, дождётесь вскорости. Народ – он ведь до поры до времени смирный. Хоть и с печки, а всё видит. И как недра воруете, и как заводики к рукам прибираете. Рейдеры хреновы! – лицо деда непривычно сияло, даже осанка как-то изменилась. Домашние смотрели на него во все глаза.

– Ничо-о... Дозреем однажды, всё вам припомнится. Ни в какие Европы сбежать не успеете! – у дед с губ слетала слюна.

– Что делать-то с ним? – круглолицый взглянул на коллегу в сержантских погонах. – Может, в вытрезвитель подбросить? Чтоб охолонулся? Или к нам на ночку?

– Эй, ребят, погодите. – Отец потянул сержанта за рукав. – Давайте договоримся, что ли.

– Ага, как с гаишниками! – хмыкнул дед Степан. – Те давно уж со всеми склеились.

– Борзеешь, дед! – круглолицый милиционер качнул головой.

– Не твои бы годы...

– А что тебе мои годы! – взорвался Степан. – Ты и без того мне тычешь, как мальцу. И по сусалам легко бы врезал. Вижу ведь, кулачки чешутся. Жалеешь, небось, что свидетелей полон дом.

– Папа, зачем вы так?

– В самом деле, батя, что ты как с цепи-то?.. А вы не слушайте его... Ну, выпил лишнего, – так завтра же и стыдно станет... Подождите! Куда вы?

Но сержант уже тянул деда за собой. Решение он, видимо, принял.

– Пойдите! – отец Юрика шагнул следом.

– Всё! – отрезал на ходу милиционер. Обернувшись, коротко пояснил: – Пока к себе отвезём. Оформлять не будем. А завтра заберёте своего террориста.

– Да вы что? Какой террорист? Просто с катушек человек съехал.

– Вот и вправим на своё законное место. Покукует ночку у нас, глядишь, остепенится.

– Может, всё-таки договоримся?

– Договорились уже. Хватит...

В «обезьяннике» дед Степан не спал. Какой там сон! И тесно, и грязно. Кроме того, без конца охала и постанывала парочка малолетних наркоманов. Мальцов откровенно ломало, и окружающих они в упор не видели. А ещё источал ароматы укутанный в луковичные лохмотья бомж, и молодой упившийся урка пытался время от времени криком вызвать дежурного, которому обещал всё вырвать, отгрызть и отрезать. В редких паузах урка «строил» сокамерников, нудновато учил уму-разуму. Обезьянник при этом он презрительно именовал кичманом, без конца демонстрировал татуировки и шрамы на теле, с гордостью поминал тюремные «кандеи» и правильные зоны, где мазу держат правильные пацаны...

– Спрячь буркалы, сохатый! Выцарапаю. – Он растопыривал пятерню перед лицом деда и выражением глаз сразу становился похожим на того охранника у озера. – Запомни, я тут реальный лорд. Всех оказачу! И вы мне не хевра, чтобы торбу портить...

Дед глотал слюну и опускал взор. К такому обороту он был не готов.

Да и не походила ночь в отделении на нормальную ночь. И свет горел, и машины постоянно приезжали-уезжали, что-то докладывал и выспрашивал по телефону дежурный. А вскоре к ним посадили ещё одного гостя – вконец перепуганного человечка, близоруко щурящегося, с оцарапанным лицом и несвязной речью. Моментально углядев в нём подходящую жертву, неумный блатарь начал показывать на человечке зоновские приёмы, поочерёдно хлопая то по

ушам, то особым хватом пережимая горло, отчего несчастный закатывал глаза и надсадно хрипел. Тогда-то Степан и не выдержал. Словно что-то сломалось в нём. Дед и сам себе поразиться не успел. А проще говоря – психанул. Бросившись на мучителя, повалил на пол и начал топтать. Ноги-то они всегда сильнее рук. А главное – сработал порыв, здоровый урка оказался не таким уж здоровым. Хотя, может, не знавший зоновских приёмов, дед попал раз-другой куда следует. Рухнувшего и басом верещащего урку он продолжал месить чем ни попадя. И сам вроде получал, но боли уже не чувствовал. Драку остановил помощник дежурного – тот самый круглолицый милиционер.

– Совсем сдурел? – схватив в охапку, он выволок дед из обезьянника, ногой захлопнул дверь. К прутьям тотчас приклеилась разбитая в кровь физиономия урки. На деда обрушился поток из угроз.

– Всё, гнида! Последние часы живёшь! На куски порву, по земле распластаю...

– Уймись, урод! – милиционер шарахнул по прутьям дубинкой, видно, попал по пальцам. Зашипев от боли, крикун на время притих. Деду же вернули личные вещи, вывели на щербатое крылечко.

– Всё, террорист хренов, вали. От греха подальше. Сам видишь, какая публика тут кукует. – Круглолицый милиционер устало сплюнул. – Ты вон одной ночи не выдержал, а мы годами терпим. Ещё нас же везде и поливают, с дерьмом смешивают.

Дед Степан стоял, чуть покачиваясь. В голове царил обморочная пустота.

– Ну? Чего встал-то? Иди отсыпайся. – Милиционер легонько подтолкнул старика в спину. – И не шали больше. К другим попадёшь, хуже будет. Чикаться не станут.

Дед Степан сухо сглотнул. Хотел ответить, но горло пересохло, да и слов не было. Ныли кулаки, болело всё тело.

– Домой-то дойдёшь? Тут вроде близко.

Он кивнул.

– Тогда счастливо! И никаких больше гранат, слышишь? Сейчас власти на террор круто дышат. Последнего здоровья лишат под горячую руку.

Дед снова кивнул, шатко двинулся по улице...

План созрел по дороге. Как-то само сложилось в голове, выстроилось нехитрой мозаикой. Да и что другое могло родиться после минувших дурных суток?

Умудрившись никого не разбудить, он проник в квартиру. На цыпочках, точно вор, пробрался на кухню, глотнул напоследок водички из чайника. Стало чуть легче. И сразу вспомнилось, что верёвка лежит где-то здесь же на полке. Значит, и шариться среди ночи не понадобится. Можно, конечно, и по венам ножичком, только ведь загадит всё. Валентине потом мыть-убирать. Зачем? С верёвкой, конечно, не слишком красиво, зато чисто.

Пальцы путались, найденная верёвка никак не желала скручиваться в аккуратную петлю. Жизнь и здесь артачилась, строптиво перечила деду. И маячила перед глазами чья-то харя – не то недавнего урки, не то охранника с озера. Горький стыд вновь накрыл волной. Степан даже губу прикусил. Стоило коптить небо семь десятков лет, чтобы с тобой, как со шпаной подзаборной обращались? И ладно бы только на озере, – кругом ведь так. И очереди эти большие, и монетизация, и давки бесконечные в пенсионных фондах, в СОБЕСах... Не-ет, трястись и цепляться за такую грошовую жизнь было просто смешно. Дураков нет, хватит!

Он уже управился с узлами, когда на кухню заглянул внучок Юрка – худенький, в трусиках и маечке, в пупырьё от ночного холода.

– Дедушка, ты что здесь делаешь?

Юрка, кажется, и забыл, что деда забирали в милицию. Или не сообразил спросонья. Стоял в своей сбившейся маечке и хлопал глазенками.

– А ты чего здесь! – дед Степан испуганно спрятал верёвку под стол. – Ты это... Чего не спишь-то?

– Страшно. Там шорохи, тени какие-то. Я проснулся, а тебя нет.

– Так вот он я.

– У тебя рубаха порвана... – заметил Юрка и без перехода добавил: – А ещё я на горшок хочу.

– К мамке чего не пошёл?

– Я толкал, она не встаёт.

Это верно, Валентина спала крепко.

– Деда, я лучше с тобой. И сказку потом, ладно?

– Ну так... – не вынимая рук из под стола, Степан неловко смял верёвку в ком, так комом и забросил на антресоли.

– Чего это? – вяло поинтересовался внук.

– Да так... – он повёл внука в туалет. Ноги шаркали по половикам, в груди что-то плавилось и бурлило. Впереди шагал человечек – два шажка на один его старческий, доверчиво сопровождаемый, согласный с дедом на всё – и на горшок, и на ночную историю. Да и кто ещё защитит от теней да ночных шорохов?

Глядя на семяющего внука, дед Степан растёр ноющую грудину. Там, под ребрами, беззвучно рушились, шипели и оттаивали ледяные глыбы. Океан тепла омывал их справа и слева, неукротимо плавил. И снова обретался смысл, появлялось то, ради чего стоило тратить себя. Как спички и мыло, как древнее, стираемое в искры кресало.

Зайдя в туалет, Юрка обернулся.

– Ты чего такой, деда?

– Какой?

– Ну... Дрожишь весь.

Он посмотрел на свои руки. В самом деле, пальцы заметно подрагивали.

– Ерунда, Юрок. Форточка открытая, вот и подмёрз чуток.

– Ты больше не уедёшь?

– Да нет, куда я от тебя уеду.

– Это хорошо... Ты рядом постой.

– Конечно, постою, – дед знал, что Юрик боится темноты. Поэтому и в туалет без взрослых не ходит.

– Ничего, Юрок, всё переможется. Не на таких напали.

– Напали?

– Напали, Юрок. Давно уже на нас на всех... – дед Степан подумал, что говорит не о том. Нельзя с внуком о таких вещах.

– Я в том смысле, Юрок, что нас ведь двое, верно?

– Двое, – согласился внук.

– А двое – это уже сила. Значит, справимся с любой бедой.

– Ну да, – согласился Юрка и уселся на горшок. – А ещё я расту каждый день. Мама сегодня к стенке меня ставила.

– К стенке?

– Ага, сто три сантиметра намерила.

– Сто три?! – притворно ахнул дед. – Да ты шутишь!

– Не-е, правда! А ты, дед, сколько?

– Я... Тоже, наверное, сколько-то есть. Сто шестьдесят или семьдесят. Я уж не помню.

– Но вместе это же много?

– Вместе – это ого-го сколько! Вместе мы – выше любого взрослого будем.

– И сильнее?

– И сильнее, и умнее! – дед улыбнулся. – Так что жить будем, Юрка! Жить и чай гонять!

– А верёвка у тебя зачем была?

Всё-таки заметил, оголец! Зоркий, однако, народец!

– Так это... Для кораблей.

– Как это?

Присев на корточки, дед Степан обнял внука. Какое-то время застыл прижимаясь колючим лицом к нежной щеке Юрика.

– Ты про корабли хотел, – напомнил терпеливо внук.

– Вот я и говорю: для кораблей верёвка. Чтобы швартоваться...

И что-то он начал привычно бурчать и рассказывать. Про стапели и причалы, про снасти и клюзы, про боцманов, камбузы и прочий пеструще-необъятный мир, который только на кораблях с самолётами и можно окольцевать.

Внук слушал, привычно пощипывал кожу на лице Степана. Он это сызмальства любил. Потому что в соответствии с историями деда преображалось и лицо рассказчика. То становился горбатым нос, как у какого-нибудь греческого пирата, то глаза растягивались китайскими щелочками, то морщилося, как у жухлого Кощея. А ещё тот же нос можно было приплюснуть – совсем по-африкански или по-злодейски свернуть набок. Получше любого пластилина! А ведь оставались ещё уши, брови, волосы – всё мягкое, услужливое и податливое.

Дед Степан продолжал тихонько бурчать и рассказывать. Историй в нём скопилось даже не вагон с тележкой, – много больше. О заброшенной на антресоли верёвке он больше не вспоминал...

Чёрная церковь

ИЗ ЦИКЛА «МАЛЕНЬКИЙ СЫЩИК»

Папа Вовы Петушкова с некоторых пор стал мечтать о домашнем компьютере. И время от времени начинал копить на него. Увы, при его скромных заработках накопить не получалось. И всё же компьютер в доме однажды появился. При том – бесплатно. И какой – дорогушая, новейшая модель!

Вова возвращался из школы в сложных чувствах: сразу наброситься дома на Пелагию или потерпеть? Недочитанная с вечера книга Акунина «Пелагия и белый бульдог» просто-таки звала схватить её и читать дальше, терзаясь в догадках, кто и зачем убил редких породистых собак. Но мама сначала заставит сделать домашние задания. Она как раз в это время приходит в свой обеденный перерыв – работает рядом. Сказать, что ничего не задано? Не поверит...

Он уже поднялся на крыльцо, как громко хлопнула дверь соседнего подъезда и оттуда вышел Андрей Степанович Чувилин, участковый. Вид у него был озабоченный и сумрачный. Участковый посмотрел вдаль – туда, где за крышами соседнего квартала высилась тёмная бетонная башня элеватора. Вздохнул и направился к Вовиному подъезду.

– Здрасьте, Андрей Степаныч. Вы к нам?

– Здравствуй, Петушков. К вам... Они вошли вместе.

– Ограбление в доме? – с загоревшейся надеждой спросил Вова.
– Опроc жильцов? Андрей Степаныч молча поднялся на первую площадку и последовательно оглядел четыре двери.

– Бабка Евгения... Маргарита... Эти, молодожены. И тут – Квартальновы, прописаны четверо, проживают трое... Посторонние в подъезде живут?

– Да нет вроде.

– Ну-ка, давай, переберём все квартиры.

– Минутку, – вспомнил Вова. – Римма Иннокентьевна уехала к сестре в Крым, квартиру сдала. Кому – ещё не видел.

– Шестьдесят вторая? Посмотрим...

Они поднялись на четвёртый этаж.

– Отойди, – приказал Андрей Степаныч, откинул полу кителя и достал из кобуры пистолет.

Вот те на! Никогда Вова не видел, чтобы участковый доставал оружие.

– Отойди, я сказал. На лестницу! – Он передёрнул затвор и позвонил. Прошло несколько томительных секунд.

– Кто? – раздался из-за двери глухой мужской голос.

– Участковый Чувилин. Извините, поступил сигнал: хозяйка в отъезде, в квартире проживают посторонние лица.

Прошло с полминуты. Мужчина, видимо, рассматривал участкового в глазок. Дверь открылась. Молодой мужчина в мятом «адидасовском» костюме. Правая рука перед грудью. Сжимает гантель. Он посмотрел на пистолет, который Андрей Степаныч держал стволом вниз. Но не совсем вниз.

– Может, вы и не участковый. Впервые вас вижу. Документы есть?

– Глядите. – Свободной рукой Чувилин достал и протянул корочки. Мужчина нестеснительно развернул их и внимательно изучил.

– Про неприкосновенность жилища слышали?

– Слышал, – пробурчал Чувилин. – Как же. Демократия. Права человека.

– Ладно, заходите. Квартиру мне сдала Римма Иннокентьевна. Есть договор. Через минуту Андрей Степаныч вышел. У Вовы, понятное дело,

Пелагия вылетела из головы, и он пошёл вслед за участковым. Во дворе тот присел на скамейку и закурил.

– Бандитов ищем? Наркоторговцев? – деловито поинтересовался Вова, этим «ищем» обозначая, что присоединился к поиску. Чувилин махнул рукой: мол, не спрашивай. И без тебя тошно.

– Ну, Андрей Степаныч... Дядя Андрей... Я ж вам уже помогал!

Участковый задавил окурок о подмётку сапога, поглядел, куда бросить, со вздохом сунул в карман.

– Ты в церкви бывал?

– Был один раз. Просто так. Зашли с ребятами поглазеть. Народищу там было!

– Да, теперь мода на это дело. Наркоманы, и те в крестиках. Курашов, с соседнего участка, женился недавно – в церкви венчались. Вообще-то красиво. Скажи, а ты церковь от других строений можешь отличить?

– Запросто. Церковь – высокая. Кверху или узкая башня, или купол. И на самом верху обязательно крест. А что?

– А... – снова безнадежно махнул рукой участковый. – Ты, конечно, пацан сообразительный. Но тут и взрослые голову сломали. Так что – не твоего ума дело.

– А вдруг?! – выпалил Вова и хвастливо добавил. – Вспомните похищение в библиотеке. Если б я не догадался кроссворд посмотреть...

Участковый запалил новую сигарету.

– Ладно, слушай.

Вова наострил уши и уставился на Андрея Степаныча, разгоняя вонючий дым.

– Ребенка ищем. У крутого бизнесмена выкрали сынка. Шесть лет мальчонке. Звонят папаше, требуют громадный выкуп, сто тысяч долларов. Пугают, конечно: свяжешься с милицией – пришлём от сыночка уши. Но крутой не испугался. В свою очередь пообещал двадцать тысяч долларов премии, кто сына вызволит. И ещё, он верующий, что ли. Сказал, если найдут, год будет свечки ставить во здравие нашедших. Кроме того, сообщил информацию: звонок от сына. Да только эта информация... Курам на смех.

Участковый затыкнулся с такой силой, что Вова услышал, как в его сигарете трещит, сгорая, табак.

– Ну, дядя Андрей, дальше!

– Хотя, мальчонка – молодец. Редкое самообладание в таком возрасте. Крутой в папу. Представляешь – ухитрился позвонить Видать, кто его охранял, на минутку вышел из комнаты – не подумал,

что такой клоп осмелится и сообразит по телефону звякнуть... В общем, звонок – отец хватает трубку и слышит: «Папа! Меня украли! Куда увезли, не знаю. Я в какой-то квартире. Дяденька вышел. Что мне делать?» Отец: «Быстро скажи, что водишь в окне». «Окно занавешено. Только щелочка». – «Глянь в щелку!» Пауза. Мальчонка говорит: «Внизу крыша, зеленая, а за ней – чёрная церковь...» И – прервалось. Видимо, охранник вернулся. То ли мальчонка сам положил трубку, то ли бандюга её отобрал. Вот такая информация.

– Чёрная церковь, – задумался Вова. – Не видал, чтоб их в чёрное красили. Мрачно бы получилось.

– В том-то и дело. Навели справки в епархии – нету такой. Вознесенская – голубая, Великомучеников – жёлтая, Казачья, только восстанавливают, ещё не штукатурили, красный кирпич. На Ивановском кладбище – ярко-синяя, на – Северном – деревянная, золотистая вся. В общем, чёрной нет и быть не может.

– Но он же видел?

– Ребёнок. Шесть лет. Увидал какую-то высотку, башню. А на крыше антенна с перекрестьем. Теперь таких зданий с антеннами полным-полно.

– Высотки тоже чёрными не бывают.

– Ну, тёмно-серые, как элеватор – сплошь и рядом. В общем, спустили по городу приказ: поискать похожие места. А у нас, видишь – верхушка элеватора торчит, над ней, не знаю уж, какого назначения, крестовина. Похоже?

– Похоже.

– А вот и зеленая крыша – техникум напротив твоего дома. Так что вполне возможно, здесь мальчонку и держат. Но обошёл весь дом – без толку.

– Из соседнего тоже видно.

– Туда и пойду. Восемь подъездов. Дела... – Участковый поднялся.

– Дядя Андрей. А во сколько мальчик звонил?

– Вчера вечером. Какая разница?

– Может, он сегодня ещё позвонил? Что-нибудь ещё сумел сказать?

– Меня бы оповестили.

Дома Вову ждала записка от мамы: на перерыв не придёт, что и как согреть на обед. Можно схватить Пелагию. Но об этом не могло быть и речи. Маленький сыщик начал действовать. Он взял с полки книжного стеллажа, где у папы стояла справочная литература, книжку-раскладку – карту города. Расстелил её на столе. Вытащил из холодильника сковороду, уцепил вилкой холодную котлету и углубился в карту.

Церквей оказалось девять. Пять – в центре, все недалеко одна от другой. Три – на кладбищах. Одна – в пригородном поселке Бархотка. Кладбищенские, судя по их изображению на плане, размещались глубоко в середине обширных территорий. Никаких крыш, ни зеленых, ни серо-буро-малиновых рядом быть не могло. Центр можно обойти и пешком. На Бархотку ногами идти – до вечера. Вова открыл ящичек в тумбе, где хранились домашние деньги на текущие расходы. Правило было железное: без разрешения ни копейки не брать. Объясни, зачем – получишь. Вова взял десять рублей. Оторвал полоску поля от старой газеты, написал: «Взял 10 руб. На поездки по городу. Сверхсрочное дело!» Записку положил на видное место.

Автобус тащился до Бархотки почти ровный час. Церковь оказалась тут же, возле конечной остановки. Небольшая, с покосившимся крестом. Стены штукатурены, розовато-грязноватого оттенка. Поселок состоял из множества одноэтажных домиков и бараков. Крашенных в зелёное железных крыш было немало. Но видеть их внизу было просто неоткуда. Вова дождался очередного автобуса и вернулся в центр.

Вознесенская стояла на горе. Недавно отреставрированная, празднично голубая, золочёные кресты ярко пылали на солнце, которое начинало клониться к западу. С одной её стороны шумел под ветром сад с высокими старыми тополями, с другой высились корпуса сельхозинститута, с третьей – расстился широкий простор до городского пруда, здесь уступами шли скверы, зданий не было вообще. Да были бы – из них мальчик никак не смог бы увидеть то, что увидел. Вова обошёл церковь. С четвёртой стороны гора, на которой стоял храм, круто обрывалась. Городской квартал у подножия

выставлял напоказ свои крыши. Сколько Петушков ни смотрел, зелёной среди них не было.

Казачья церковь располагалась диковинным образом. Когда её поставили много лет назад, ещё в царской России, место, наверное, было подходящим. Но после того как её закрыли и превратили в склад, рядом построили павильоны городского зоопарка, стена в стену с церковным двориком. И между прочим, ближайший к дворику павильон имел крышу, крашенную в ядовито-зеленый цвет. Вова представил, что мальчика держат в одной из клеток зоопарка, а в соседних разгуливают тигры или львы. Или прыгают обезьяны...

Он снова тщательно обследовал всю местность, на которой мальчик, оставившись в щелку занавешенного окна, мог бы увидеть то, что увидел. Нет, не получалось.

Добравшись до церкви Великомучеников (называлась она как-то длиннее, но коротко её называли так), он вдруг почувствовал азарт и возбуждение. Хотя ещё и не нашёл то, что искал. Так, наверное, охотник в лесу чувствует, что дичь где-то рядом. Он углубился в квартал нужной ему стороны. Прошёл дворами пятиэтажек – точно таких, как его дом. Крыши на них наверняка такие же – покрытые не железом, а толем. Вышел на оживлённую улицу, по которой мчались машины и ползли троллейбусы. На противоположной стороне тянулся дом старой постройки, трёхэтажный, кирпичный. С вывеской какого-то треста у парадного входа. С зелёной крышей. А сразу за ним торчали две девятиэтажки – из тех, что сотнями стоят по всему городу.

Вова обернулся. Церкви отсюда, с тротуара, видно не было. Но из девятиэтажек, начиная с этажа так шестого – непременно.

Он почувствовал, что, во-первых, устал бродить, а во-вторых, ему хочется как можно быстрее найти Андрея Степаньча. Но заставил себя сходить ещё к двум церквям.

Чувиллина он нашёл в его комнатке, расположенной на первом этаже двенадцатиэтажки. Андрей Степаньч смолит очередную сигарету и писал отчёт о проделанной и не принёсшей никакого результата работе.

– Дядя Андрей, я нашёл! – выпалил с порога Вова. – Дайте листок бумаги! Ну, дайте, дайте, я сейчас объясню!

– Что нашёл? Чего объяснишь?

Вова нарисовал кружок с крестиком – церковь. Улицу – две линии. Прямоугольник – дом с зелёной крышей. И два квадратика – девятиэтажки. Обозначил стороны света.

– Вот, слушайте...

Чувилин выслушал. Помолчал.

– Как бы нас с твоей фантазией не послали подальше... Рискнём! Он набрал номер:

– Участковый Чувилин. Майора Шаврова, пожалуйста... Товарищ майор? Чувилин. По операции «Ребёнок». Тут у меня есть добровольный помощник, сообразительный малый. Конечно, может, всё это ерунда, но... Разрешите доложить версию?

– Что сказал майор? – нетерпеливо спросил Вова, едва участковый положил трубку.

– Сказал: «Что-то в этом есть. Пожалуй, проверим». – И Чувилин впервые за день улыбнулся.

– Что ещё за сверхсрочное дело? – этим маминым вопросом Вова был встречен уже в прихожей.

– Секрет, – потушился Вова. – Потерпите до завтра. Завтра, честное слово, скажу. Допрос продолжил папа:

– А всё же? Конечно, десять рублей – небольшие деньги. Но ведь у нас уговор: всегда объясняешь, зачем. И между прочим, ты знаешь: я коплю на компьютер.

– Господи, какой ещё компьютер! – развела руками мама. – Принесли квитанцию. Квартира стала дороже ещё на сто сорок рублей...

– Папа! Мама! До завтра!

В девять вечера семья по заведённому порядку переключила телевизор на местные вести. Предвыборные скандалы, авария на теплотрассе, премьера спектакля в театре драмы...

– А теперь новости о борьбе с криминалом. Успешно завершилась операция по спасению ребенка, похищенного бандитами. Как удалось выяснить сотрудникам срочно созданной опергруппы, ребенка держали в самом центре города, в жилом доме неподалеку от церкви Великомучеников...

Возникли кадры: мощный парень в камуфляже и маске вла-

мывает железную дверь... В прихожую, спинами к камере, вбегают ещё несколько «камуфляжей». Камера мечется по квартире... Лежащие на полу двое в наручниках. Выводят малыша в джинсовом костюмчике...

– Ур-ра!!! – заорал Вова и запрыгал по комнате, отчего в серванте тревожно зазвякала посуда. – Вот! Вот мой секрет, господа хорошие! Вот ваши десять рублей! Это я его нашёл!

Родители переглянулись.

– Мания величия, – сказал папа.

– Надо смерить температуру, – сказала мама. В это время раздался телефонный звонок. Папа взял трубку. Выслушал. Лицо у него вытянулось.

– Это тебя. Участковый. Что ты натворил?

– Натворил то, что надо, – горделиво отвечивал Вова. – Да, Андрей Степаныч... Ух, ты... Конечно, приду. В пять часов? Хорошо, не опоздаю.

– Ну, рассказывай, – приказал папа. – Что натворил и куда вызывают.

– К самому майору Шаврову! А натворил вот что... Выслушав Вову, папа сказал:

– Ну и ну. И ведь не в первый раз. Определённо у нас растёт новый Шерлок Холмс. А мама сказала:

– Вовка, я тобой горжусь! Как приятно быть матерью такого сообразительного мальчика. И в кого только ты у нас такой умный?

– Она иронически посмотрела на папу.

– Конечно, не в меня, – поторопился ответить отец.

На следующий день в пять часов пополудни Вова стоял в кабинете майора Шаврова. На него, кроме самого майора, с нескрываемым интересом посматривали ещё несколько мужчин.

– Вот, товарищи офицеры, тот самый мальчик. Считаю, преподаю нам урок нестандартного мышления. Расскажи нам, Вова, ещё раз, как ты догадался.

– Ну... Когда Андрей Степаныч... Это наш участковый... Рассказывал мне про чёрную церковь, мы сидели в нашем дворе. Он показал на элеватор с антенной на крыше и сказал, что, может,

мальчик принял за церковь какое-нибудь такое же здание А солнце было за элеватором, било в глаза. И элеватор был, как вырезанный из бумаги. Чёткий. И совершенно чёрный. И я подумал: а, может, мальчик не ошибся. Тем более, отец – верующий. И уже брал сына в церковь. И значит, мальчик, хоть и маленький, помнил, как выглядит церковь. Но солнце было прямо за ней. И она казалась чёрным силуэтом. А звонил он вечером, когда солнце на западе. Значит, дом, где его держат, располагается к востоку от какой-то церкви. А между ними должен быть дом с зелёной крышей. Я и стал искать место, где всё это совпадает. Вот...

– Так-то, братцы, – насмешливо произнёс майор. – Яйца курицу учат! А теперь, Владимир Петушков, слушай внимательно. За активную помощь в поимке похитителей ребенка управление по борьбе с организованной преступностью награждает тебя вот этими часами!

Но ещё больший сюрприз ждал дома. Папа и мама беседовали с толстеньким лысоватым мужчиной. Посередине комнаты стояла большущая картонная коробка. Мужчина сиял, а у родителей был растерянный вид.

– Вот ты какой, – сказал мужчина. – Я думал – постарше. Благодарен тебе, сам понимаешь, как. – Он крепко обнял Вову. От него пахло одеколоном и чем-то ещё нежно-сладковатым. Наверное, дорогим вином.

– Вова, это Григорий Матвеевич, отец того мальчика. А это, – папа показал на коробку, – это тебе. Прямо не знаю, Григорий Матвеевич, всё же очень уж дорогой подарок...

– Да о чём речь! Ведь Вова спас моего сына!

– А что это? – вдруг заробев, спросил Вова.

– Представь, это компьютер последней модели. Ну, поблагодари и ты.

– Спасибо! – выдохнул Вова. – Вот это да! – Не удержался и добавил. – Папина мечта! Он уже и копать начал.

– Надеюсь, ты мне позволишь им иногда пользоваться? – кратко спросил папа.

– Конечно, позволю, – великодушно согласился Вова. – Будем осваивать вместе!

Сведения об авторах

Блинов Владимир Александрович. Родился в 1938 году в городе Свердловске. Автор 10 книг прозы и поэзии. Лауреат премии им. Татищева и де Генина, премии им. В. Чивилихина. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

Бриль Юрий Григорьевич. Родился в 1947 году в городе Магнитогорске Челябинской области. Автор 7 книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Буйносова Нина Ивановна. Родилась в 1945 году в деревне Брод Каменского района Свердловской области. Автор 3 книг стихов и прозы. Лауреат премии имени П.П. Бажова. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Живёт в городе Каменске-Уральском Свердловской области.

Бунтов Евгений Владимирович. Родился в 1966 году в поселке Шаля Свердловской области. Автор нескольких книг стихов. Участник войны в Афганистане. Кавалер ордена Красной Звезды. Лауреат песенных конкурсов и литературной премии «Урал промышленный, Урал полярный». Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

Долинго Борис Анатольевич. Родился в 1958 году в городе Свердловске. Член Союза писателей России. Автор многих книг фантастики и прозы для детей и юношества. Координатор премии «Аэлита». Живёт в Екатеринбурге.

Дробиз Герман Федорович. Родился в 1938 году в городе Свердловске. Автор около 20 сборников стихов и прозы. Лауреат премии «Золотой теленок», Золотой Остап», губернатора Свердловской области и других литературных премий. Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Другаль Сергей Александрович. Родился в 1927 году в ауле Джамбайты Казахской ССР. Автор 3 книг прозы. Доктор технических наук, член Академии транспорта России. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Лауреат премии «Аэлита». Член Союза российских писателей. Проживал в Екатеринбурге. Умер в 2011 году.

Кердан Александр Борисович. Родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Сопредседатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала, автор 37 книг стихов и прозы, лауреат многих литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

Кудрявцева Вера Матвеевна. Родилась в 1936 году в Кемеровской области. Автор нескольких книг стихов, прозы и киносценариев. Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

Лаврова Светлана Аркадьевна. Родилась в 1964 году в городе Свердловске. Автор более 50 книг детской прозы. Лауреат Национальной детской литературной премии «Заветная мечта», нескольких других премий. Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Левин Юрий Абрамович. Родился в 1917 году в Белоруссии. Активный участник Великой Отечественной войны. На фронте с 1941 года. Дошел до Берлина. Награжден тремя орденами Великой Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. Автор более двадцати книг документальной прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.И. Кузнецова, губернатора Свердловской области. Член Союза российских писателей. Проживал в Екатеринбурге. Умер в 2008 году.

Мауров Александр Николаевич. Родился в 1926 году в городе Муроме Владимирской области. Активный участник Великой Отечественной войны. На фронте с октября 1943 года. Дошел до Берлина, воевал с японцами на Курилах. Награжден орденами Славы 3-й степе-

ни и Великой Отечественной войны 2-й степени, многими медалями. Член Союза писателей СССР с 1961 года. Автор 6 книг стихов и прозы, выпедших в России и на Украине. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Последние годы жил в городе Верхняя Пышма Свердловской области. Умер в 2005 году.

Никонов Николай Григорьевич. Родился в 1930 году в городе Свердловске. Автор более 50 книг прозы, один из ведущих прозаиков России. Награжден орденом Дружбы Народов. Лауреат премии губернатора Свердловской области, премии Свердловского обкома комсомола, журналов «Наш современник», «Урал». Член Союза писателей СССР с 1956 года. Проживал в Екатеринбурге. Умер в 2002 году.

Новиков Анатолий Иванович. Родился в 1943 году в городе Норильске. Автор более 10 книг прозы. Лауреат премии губернатора Свердловской области, премии имени В.Н. Татищева и Г.В. де Генина, еженедельника «Литературная Россия». Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

Папченко Александр Иванович. Родился в 1960 году в городе Ямполь Украины. Автор 4 книг прозы и сценариев для мультфильмов. Лауреат премии Владислава Крапивина, Международного литературного конкурса «Перекресток-2009». Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Разливинский Яков Васильевич. Родился в 1962 году в Алтайском крае. Автор 13 книг прозы. Член Союза российских писателей. Живёт в городе Нижнем Тагиле Свердловской области.

Титов Арсен Борисович. Родился в 1948 году в Бирском районе Башкирской АССР. Сопредседатель Союза российских писателей. Автор 13 книг прозы. Дважды лауреат премии губернатора Свердловской области, лауреат Всероссийских премий им. Д.Н. Мамина-Сибиряка и Генералиссимуса А.В. Суворова. Председатель Екатеринбургского отделения СРП. Живёт в Екатеринбурге.

Турунтаев Владимир Федорович. Родился в 1930 году в городе Томске. Автор более 20 книг художественной и документальной прозы. Дипломант Всесоюзного конкурса 1987 и Всероссийского конкурса 1996 годов на лучшее произведение о работниках МВД, лауреат журнала «Урал». Член Союза писателей СССР с 1977 года. Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Утков Юрий Афанасьевич. Родился в 1938 году в городе Лысьва Пермской области. Автор более 20 книг стихов и многих песен для детей в соавторстве с уральскими композиторами. Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Шангина Лана Владимировна. Родилась в 1969 году в городе Реж Свердловской области. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза российских писателей. Живёт в г. Реж Свердловской области.

Щупов Андрей Олегович. Родился в 1964 году в городе Свердловске. Автор нескольких книг, вышедших в Москве и на Урале. Член Союза российских писателей. Лауреат Международной премии Владислава Крапивина, Национальной детской премии «Заветная мечта». Живёт в Екатеринбурге.

Чуманов Александр Николаевич. Родился в 1950 году в Тюменской области. Автор 7 книг прозы и стихов. Лауреат премии имени П.П. Бажова, журналов «Урал» и «Уральский следопыт». Член Союза писателей СССР с 1988 года. Проживал в г. Арамили Свердловской области. Умер в 2008 году.

Чумичёв Левиан Иванович. Родился в Свердловской области в 1931 году. Последние годы жил в п. Таватуй. Автор нескольких киносценариев, книги прозы, вышедшей в серии «Библиотека прозы Каменного пояса». Умер в 1994 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ДРУГАЛЬ	
У каждого дерева своя птица	5
Нимфа и лейтенант	17
Александр ПАПЧЕНКО	
Вся правда о зайцах	24
Юрий ЛЕВИН	
Степан и Власта	42
Александр КЕРДАН	
Мальчик – золотые ножки	49
Про грибы	55
Борис ДОЛИНГО	
Хранитель Земли	57
Яков РАЗЛИВИНСКИЙ	
Дом для человечков	73
Неправильный Коська	75
Нина БУЙНОСОВА	
Сказки-побаски бабушки Марии	78
Евгений БУНТОВ	
Степная легенда	84
Лана ШАНГИНА	
Девочка-мышонок	87

Сказка о Мальчишке, Божьей Коровке и Сказочной Стране	88
Александр ЧУМАНОВ Серая птичка с красным пятнышком во лбу	90
Светлана ЛАВРОВА Год обезьяны	101
Арсен ТИТОВ Сказка о маленькой Курше	126
Николай НИКОНОВ Про курочку-тетёрку и жёлтых тетеревят	130
Александр МАУРОВ Наш класс	133
Бритоголовый поп	135
Левиан ЧУМИЧЁВ Когда хотелось есть	138
Владимир БЛИНОВ Улица родная	186
Владимир ТУРУНТАЕВ Копеечное дело	190
Вера КУДРЯВЦЕВА Как Федюша стал портным	228
Анатолий НОВИКОВ Дядя Митя-Айболит	233

Юрий УТКОВ Хорошо, когда хорошо	269
Юрий БРИЛЬ Бедная Люда	296
Андрей ЩУПОВ Террорист	307
Герман ДРОБИЗ Чёрная церковь	328
Сведения об авторах	337

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сказки, повести, рассказы

Составление: Кердан А.Б., Титов А.Б.
Верстка и дизайн – Шангина С.В.
Корректор Кердяшова А.А.
Знак серии – Титов А.Б.

При оформлении тома использованы работы учащихся
художественных школ Свердловской области.

ООО «Издательство «АсПУр»
620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
Тел.: (343) 371-12-06
E-mail: aspurizdat@mail.ru
ЛР № 369 от 15.12.2008 г.

Подписано в печать 10.08.2011. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура «Century Schoolbook».
Печать офсетная. Бумага ВХИ-80.
Тираж 1000 экз. Заказ № 5349.

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22

Петрова Анастасия, 13 лет
«Выпускной»
г. Асбест, ДХШ

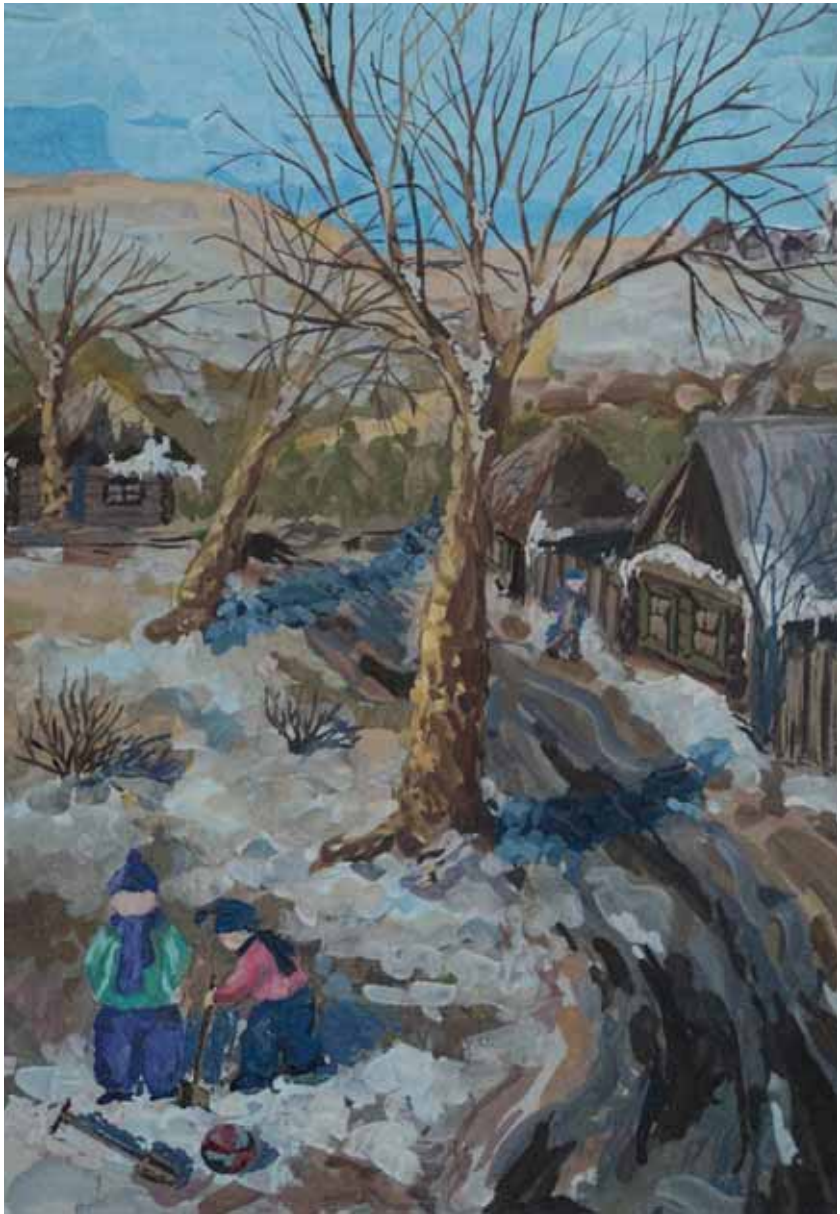
Закажурникова Елизавета, 9 лет
«Уральская расписная изба» (фрагмент)
г. Алапаевск, ДШИ им. П.И. Чайковского

Солодушкина Татьяна, 15 лет
«На рыбалке»
г. Заречный, ДХШ

Закандыкина Екатерина, 11 лет
«Осень»
г. Невьянск, ДХШ

Мартынова Мария, 13 лет

«Потеплело»

г. Алапаевск, ДШИ им. П.И. Чайковского

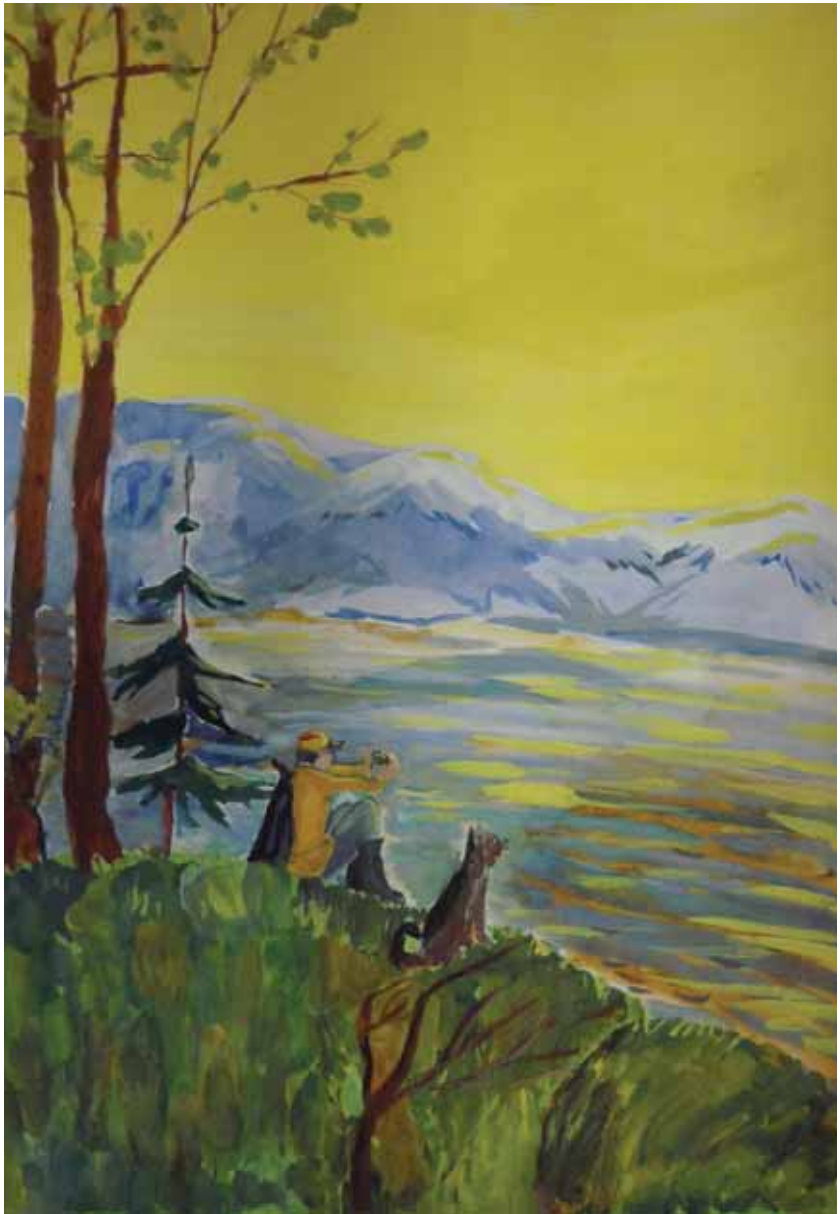
Ряпосова Анастасия, 9 лет
«Уральская весна»
п. Верхняя Синячиха, ДШИ

Шатерникова Кристина, 16 лет
«Тишина» (фрагмент)
г. Новоуральск, ДХШ

Батина Евгения, 14 лет
Соловей (фрагмент)
г. Ирбит, ДХШ

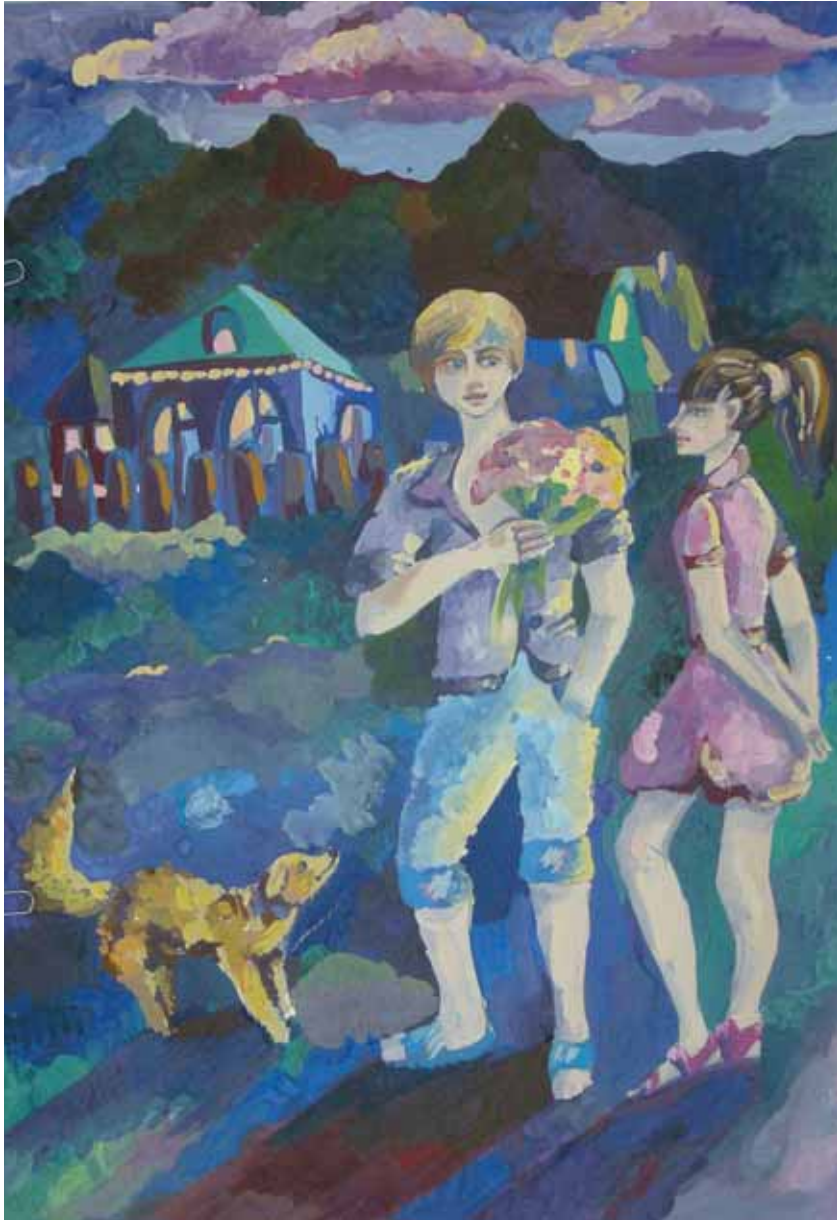
Исайкин Егор, 9 лет
«Фотограф»
г. Заречный, ДХШ

Спиринцова Екатерина, 12 лет
«1 сентября» (фрагмент)
г. Асбест, ДХШ

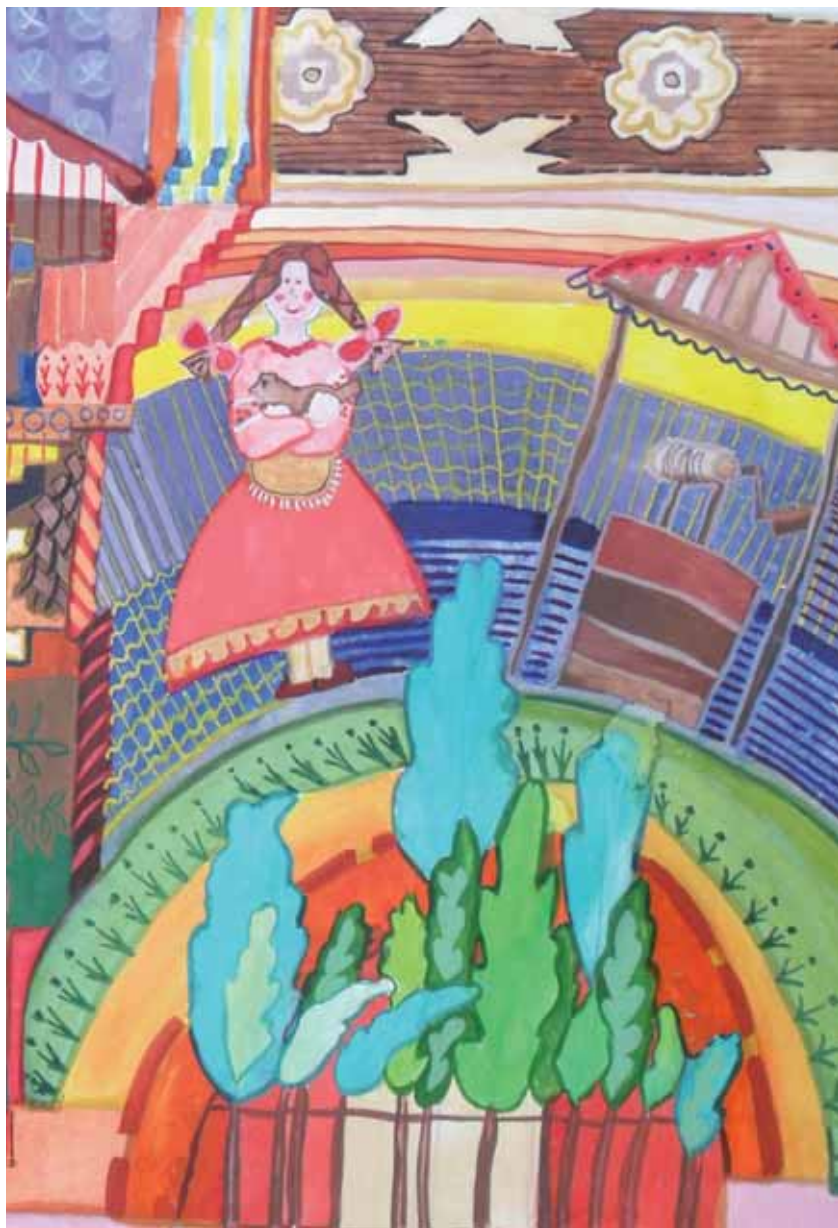
Токарева Наталья, 14 лет
«Весна пришла»
г. Полевской, ДХШ

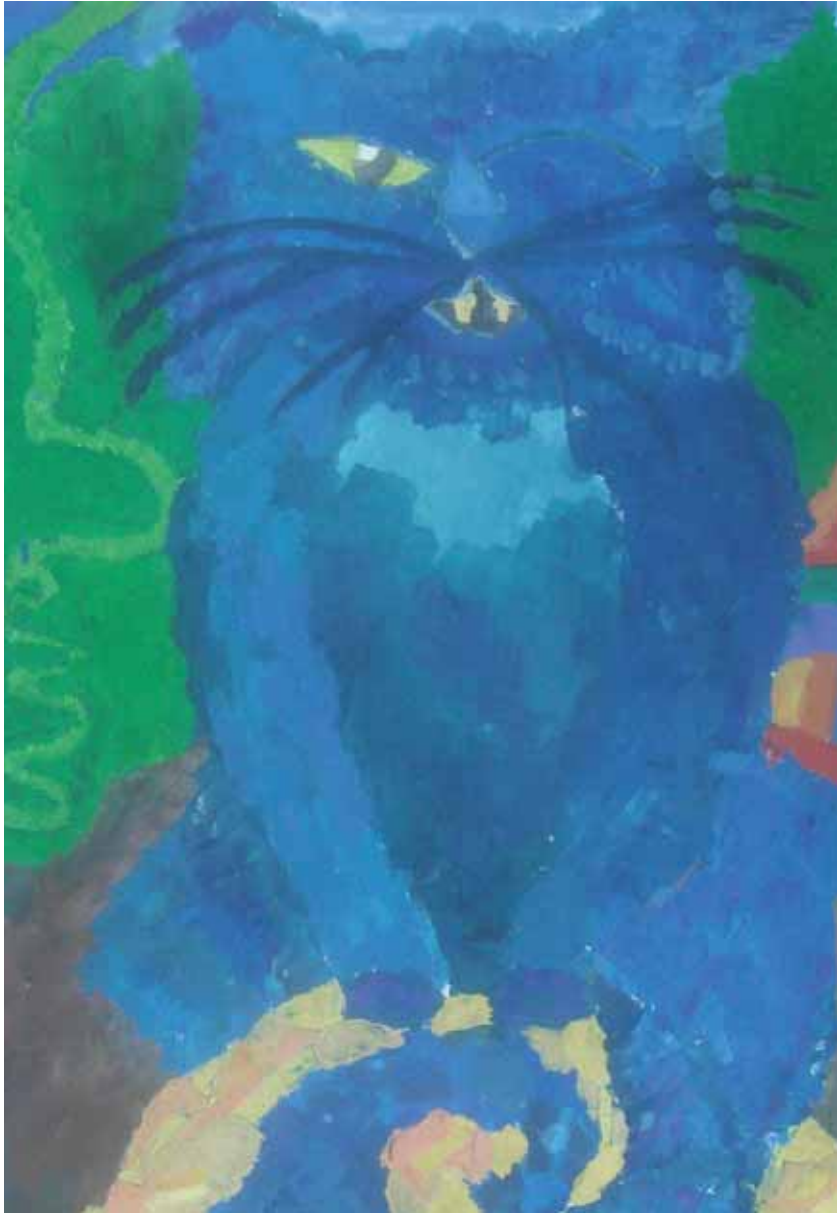
Ральникова Ольга, 14 лет
г. Лесной, ДШИ

Середкин Михаил, 9 лет
«Вечерний лес»
п. Верхняя Синячиха, ДШИ

Шестакова Елена, 12 лет
«У колодца» (фрагмент)
п. Верхняя Синячиха, ДШИ

Проскурнина Татьяна, 12 лет
«Синий кот»
г. Кушва, ДШИ №1

Мужикова Василина, 13 лет
«Русский лубок» (фрагмент)
г. Кушва, ДШИ №1

